

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

ТОМ 6 • №1 • 2020 ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРСОНАЛИИ

*Виктор Павлович Малков (1931–2019)
Памяти выдающегося отечественного ученого*

Якушин В. А. Виктор Павлович Малков – учитель и наставник	7
Тасаков С. В. Виктор Павлович Малков – ученый, педагог и человек	10
Кленова Т. В., Семенова Д. М. Общественная опасность множественности преступлений	15
Благов Е. В. О множественности преступлений в связи с концепцией профессора В. П. Малкова	21
Лобанова Л. В., Малимонова М. А., Рожнов А. П. Некоторые замечания относительно классификации форм множественности преступлений	29
Михайлов В. И. Учение В. П. Малкова о множественности преступлений и проблемы уголовной ответственности за деятельность в составе организованного преступного формирования	34
Иногамова-Хегай Л. В. Множественность и конкуренция норм о посягательствах против физической свободы лица	42
Безверхов А. Г., Иванова О. М. О разграничении единичного преступления и множественности преступлений при квалификации хищений	47
Нуркаева Т. Н. Проблемы освобождения от наказания в связи с иной тяжелой болезнью	54
Иванцова Н. В. Медицинское преступление и медицинская ошибка: проблемы разграничения	61
Юдин А. В., Норвартиян Ю. С. Принудительное лечение лиц, страдающих социально значимыми заболеваниями: опыт комплексного правового регулирования	68

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Адоевская О. А. Ресоциализационная подготовка осужденных к освобождению от отбывания наказания	77
---	----

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Рудич В. В. Меры пресечения от прокурора к судебному контролю: что дальше?	83
---	----

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Сквозников А. Н. О свободе воли и способности к вменению в российской юридической науке в XIX – начале XX веков	87
Спирин М. Ю. Понятие и истоки коррупции как социального делинквентного явления	93

ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Хачатуров Р. Л. Следствие по делу адмирала А. В. Колчака	98
---	----

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Бригос Х. П. Г. Особенности новой Конституции Кубы 2019 года и концепция социалистического правового государства	107
Колосова Н. М. Современная модель института Президента Российской Федерации: преемственность и развитие	116

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Михайлова И. А. Право на достойное существование в системе субъективных прав российских граждан	123
Тужилова-Орданская Е. М., Федуллина Е. В. Несправедливые договорные условия в гражданском праве России и зарубежных стран	130
Зайцев В. В. Основные направления совершенствования законодательства о залоге	136
Дерюгина С. Р. Правовые особенности деликтных обязательств, возникающих при причинении вреда источником повышенной опасности	145

ПРАВООЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Лобачев Д. А. Прокурорский надзор за исполнением законов при приватизации земельных участков сельскохозяйственного использования	152
---	-----

Трибуна молодого ученого

Абелян А. П. Аренда части земельного участка с целью использования иных природных объектов	159
Трофимов А. А. Правовое регулирование бюджетов по операциям с государственным капиталом в Китае	168
Силантьев Р. В. Губное самоуправление в системе мер антикоррупционной политики Московского государства	173
Кремнев Р. Н. К вопросу об истории становления правового контроля МВД России	179

<i>Требования к оформлению статей</i>	186
---------------------------------------	-----

CONTENTS

PERSONALIA

Viktor Pavlovich Malkov (1931–2019)
In memory of an outstanding domestic scientist

Yakushin V. A. Viktor Pavlovich Malkov – teacher and tutor	7
Tasakov S. V. Viktor Pavlovich Malkov is a scientist, educator and person	10
Klenova T. V., Semenova D. M. Social danger of multiple offences	15
Blagov E. V. On the multiplicity of crimes in connection with the concept of professor V. P. Malkov	21
Lobanova L. V., Malimonova M. A., Rozhnov A. P. Some notes regarding the classification of forms of multiplicity of crimes	29
Mikhailov V. I. V. P. Malkov’s teaching on the multiplicity of crimes and problems of criminal responsibility for activities within an organized criminal group	34
Inogamova-Hegai L. V. Multiplicity and the competition of norms on crimes against physical freedom of person	42
Bezverkhov A. G., Ivanova O. M. On the delimitation of a single crime and the multiplicity of crimes in the qualification of theft	47
Nurkaeva T. N. Problems of exemption from punishment in connection with another serious illness	54
Ivantsova N. V. Medical crime and medical error: problems of differentiation	61
Yudin A. V., Norvartyan Yu. S. Involuntary treatment of persons suffering from socially significant diseases: complex research of legal regulation	68

CRIMINAL EXECUTIVE LAW

Adoevskaya O. A. Resocialization preparation of convicts to exemption from serving punishment	77
--	----

CRIMINAL PROCESS

Rudich V. V. Preventive measures from the prosecutor to judicial control: what’s next?	83
---	----

THEORY OF LAW AND STATE

Skvoznikov A. N. About freedom of will and ability for imputance in Russian legal science of the XIX – beginning of the XX centuries	87
Spirin M. Yu. Concept and origins of corruption as a social delinquent phenomenon	93

HISTORY OF LAW AND STATE

Khachaturov R. L. Investigation with regard to case of admiral A.V. Kolchak	98
--	----

CONSTITUTIONAL LAW

Brigos J. P. G. Features of the new Constitution of Cuba in 2019 and the concept of a socialist state based on the rule of law	107
Kolossova N. M. Modern institute model of the President of the Russian Federation: continuity and development	116

CIVIL LAW

Mikhaylova I. A. Right to a dignified existence in the system of subjective rights of Russian citizens	123
Tuzhilova-Ordanskaya E. M., Fedulina E. V. Unfair contract terms in the civil law of Russia and foreign countries	130
Zaitsev V. V. Main areas of improvement legislation concerning pledges	136
Deryugina S. R. Legal features of the tort obligations arising at causing of harm by the source of the increased danger	145

ADVOCACY AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Lobachev D. A. Prosecutorial supervision over the implementation of laws during privatization of land for agricultural use	152
---	-----

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Abelyan A. P. Lease of the land plot part for the purpose of using other natural objects	159
Trofimov A. A. Legal regulation of the budgets for state capital operations in China	168
Silantyev R. V. Regional self-government in the system of measures of anti-corruption policy of the Moscow state	173
Kremnev R. N. On the issue of the history of forming legal control of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation	179

<i>Requirements to the design of articles</i>	186
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ PERSONALIA

Виктор Павлович Малков / Viktor Pavlovich Malkov (1931–2019)

*Памяти выдающегося отечественного ученого /
In memory of an outstanding domestic scientist*

УДК 343.241

Редакционная статья / Editorial article

В. А. Якушин

Волжский университет имени Татищева (институт), г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: info@vuit.ru

ВИКТОР ПАВЛОВИЧ МАЛКОВ – УЧИТЕЛЬ И НАСТАВНИК

Аннотация: Статья посвящена учителю и наставнику Виктору Павловичу Малкову. В ней подчеркивается, что В. П. Малков внес большой вклад в науку уголовного права СССР, а потом и России. Особая заслуга Виктора Павловича Малкова в том, что именно он в своей докторской диссертации и последующих работах раскрыл не только само понятие «множественность преступлений», но и убедительно доказал, в каких формах и подвидах этих форм она представлена в социально-правовой действительности. В статье отмечается, что В. П. Малков солидный ученый, хороший организатор, примерный учитель и наставник.

Ключевые слова: Виктор Павлович Малков, научный деятель, воспитатель, наставник, множественность преступлений, формы множественности преступлений, взаимосвязь различных форм множественности преступлений.

Цитирование. Якушин В. А. Виктор Павлович Малков – учитель и наставник // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 7–9.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. A. Yakushin

Volzhsky University after V.N. Tatischev, Togliatti, Russian Federation
E-mail: info@vuit.ru

VIKTOR PAVLOVICH MALKOV – TEACHER AND MENTOR

Abstract: The article is devoted to the teacher and mentor Viktor Pavlovich Malkov. It emphasizes that V. P. Malkov made a great contribution to the science of criminal law in the USSR, and later in Russia. A special merit of Viktor Pavlovich Malkov is that it was he who in his doctoral thesis and subsequent works revealed not only the concept of «multiple crimes», but also convincingly proved in what forms and subspecies of these forms it is represented in social and legal reality. The article notes that V. P. Malkov is a solid scientist, a good organizer, an exemplary teacher and mentor.

Key words: Viktor Pavlovich Malkov, scientist, educator, mentor, multiple crimes, forms of multiplicity of crimes, relationship of different forms of multiplicity of crimes.

Citation. Yakushin V. A. *Viktor Pavlovich Malkov – uchitel' i nastavnik* [Viktor Pavlovich Malkov – teacher and mentor]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 7–9. [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Владимир Андреевич Якушин** – доктор юридических наук, профессор, ректор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Волжский университет имени В.Н.Татищева (институт), 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Ленинградская, 16.

Тема докторской диссертации: «Проблемы субъективного вменения в уголовном праве». Автор 142 научных работ, в том числе монографий: «Правовые аспекты субъективного вменения» (1997), «Пределы субъективного вменения в уголовном праве» (1997), «Субъективное вменение и его значение в уголовном праве» (1998), «Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия» (2018).

Область научных интересов: субъективная сторона состава преступления; проблемы уголовной ответственности и наказания.

© **Vladimir A. Yakushin** – Doctor of Law, professor, rector, head of the Department of Criminal Law and Process, Volzhsky University after V. N. Tatischev, 16, Leningradskaya Street, Togliatti, 445020, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Problems of subjective imputation in criminal law». Author of 142 scientific works, including monographs: «Legal aspects of subjective imputation» (1997), «Limits of subjective imputation in criminal law» (1997), «Subjective imputation and its meaning in criminal law» (1998), «Punishment and other measures of criminal influence» (2018).

Research interests: subjective side of the crime; problems of criminal responsibility and punishment.

*Моему учителю и наставнику
профессору Виктору Павловичу Малкову
посвящается*

Отслужив в Приморском крае, я в декабре 1971 года приехал в Казань. В Казани устроился на работу в АТП № 3 автоэлектриком и упорно стал готовиться к поступлению на юридический факультет Казанского государственного университета. Работал и сдавал вступительные экзамены.

Конкурс был 15 человек на одно место. Но в рамках этого конкурса было несколько конкурсов: а) для лиц, только что окончивших школу; б) для лиц, которые направлялись на обучение из правоохранительных органов; в) для лиц с рабочим стажем и отслуживших в армии. И окончившие рабфак Казанского государственного университета поступали вне конкурса. У меня был конкурс рабочего и армейца.

Прошел по конкурсу. В это время деканом юридического факультета был Виктор Павлович Малков. У него было заведено, что с каждым прошедшим по конкурсу перед зачислением в студенты он вместе со своими заместителями проводил собеседование. Я зашел, представился, ответил на заданные вопросы. Отпустили, сказав, что зачислят на юридический факультет. Так произошло мое первое знакомство с В. П. Малковым.

Наступило 1 сентября 1972 года. И уже студентом юрфака я пришел в университет. Состоялось организационное собрание первого курса дневного отделения. Набор был 100 человек, которых распределили на 4 группы. Нас ознакомили с правилами внутреннего распорядка, представили преподавателям, которые у нас будут вести занятия, назвали курирующую наш курс кафедру. В конце встречи со студентами В. П. Малков перечислил четыре фамилии, в том числе и мою. Пригласил в деканат. В деканате нам объявили, что мы назначаемся старостами групп. Честно скажу, большой радости не почувствовал, даже пытался как-то отговориться. И вот на этой моей встрече с В. П. Малковым мне было сказано примерно следующее: «Слушай, Володя, в каждой из 4 групп есть представители от разных видов конкурсантов – школьники, рабочие и отслужившие в армии, из целевого набора, а также рабфаковцы, и нужно сделать так, чтобы это был единый, дружный коллектив. А ты служил в армии, работал на производстве, даже был старшиной роты, и тебе под силу будет эту задачу сплочения группы решить. Более того, ты становишься старостой первой группы на этом курсе». После таких слов, да еще самого декана факультета, что делать молодому человеку, остается сказать только «да». Так я стал старостой 821 группы Казанского государственного университета.

Цифра «8» означала принадлежность к факультету университета, то есть если биофак числился в вузе под номером 1, физфак под номером 6, то юрфак – под номером 8. Двойка показывала год поступления – 1972 – второй год в соответствующем десятилетии, а единица – что это первая группа этого года набора.

Мне вручили журнал со списком группы, где я должен был отмечать посещаемость занятий студентами группы. По итогам недельных занятий каждый понедельник нас собирали на старостаты. На них старосты отчитывались, в силу каких причин про-

пустил занятия тот или иной студент или почему он пришел на занятия неподготовленным? Старостаты проводил и В. П. Малков, и его заместители. Так до самого выпуска я регулярно встречался с нашим В. П. Малковым.

Меня всегда поражала высочайшая работоспособность Виктора Павловича. Организация не только учебного процесса на факультете, но и ежемесячных заседаний Ученого совета факультета, ежеквартального философского семинара преподавателей, работа с партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями, содействие студенческому досугу и спорту. И это только факультетский уровень, а ведь ему, как декану, приходилось постоянно держать руку на пульсе по всем этим направлениям и в общеуниверситетском масштабе.

Мне с Виктором Павловичем, деканом юридического факультета, повезло работать не только в качестве старосты группы, но и по комсомольской, а потом и преподавательской линии. На третьем курсе меня избирают членом комитета ВЛКСМ Казанского государственного университета, а на четвертом – секретарем комитета комсомола по идеологии. В 1977 году я окончил университет, а в октябре 1978-го – полностью ушел на кафедру уголовного права и криминологии. Именно в этот период я особенно многому научился у Виктора Павловича – отношению к порученному делу, людям и науке.

Будучи перегруженным административно-управленческой работой, Виктор Павлович много времени и сил уделял не только организации науки на факультете, в рамках которой при нем работало три специализированных совета по защите кандидатских и докторских диссертаций, но и сам вел большую научно-исследовательскую работу, писал докторскую диссертацию об институте множественности преступлений.

Следует отметить, что с множественностью преступлений следственно-судебная практика очень часто имела дело, но каких-либо основательных, фундаментальных работ по данной проблематике в науке уголовного права страны не было. После принятия УК РСФСР 1960 года особенно остро встал вопрос о необходимости исследований института множественности, поскольку в Особенной части УК 1960 года широко были представлены такие понятия, как «совокупность», «неоднократность», «систематичность», «рецидив», «повторность» преступлений, «совершение преступных деяний в виде промысла». В то же время раскрытия этимологического и правового смысла этих понятий в Общей части УК не было.

В шестидесятых годах прошлого века были лишь отдельные статьи, посвященные множественности преступлений и формам ее проявления. Учеными выделялись различные формы множественности. Например, А. М. Яковлев предлагал три такие формы – неоднократность, рецидив и совокупность, а вот В. Н. Кудрявцев к ним добавлял еще и повторность. Были и иные точки зрения относительно числа и форм множественности преступлений. Единого же понимания множественности преступления и форм ее проявления в науке уголовного права не было. Это, несомненно, отрицательно сказывалось и на следственно-судебной практике. Кто как хотел,

тот так и трактовал эти понятия, которыми оперировал законодатель в Особенной части УК РСФСР.

Вот в таких условиях за фундаментальную разработку института множественности преступлений и взялся Виктор Павлович Малков. Следует отметить, что выполнение докторской диссертации по данной проблематике требует от исследователя не только анализа отечественной и зарубежной литературы, глубокого анализа и осмысления методических, философских основ изучаемой проблемы, но и внесения совершенно новых предложений в само понимание исследуемого явления, его содержания и форм проявления.

Уже первая монография Виктора Павловича «Повторность преступлений» произвела колоссальное впечатление на ученых-криминалистов. Еще бы! Впервые на всю страну было заявлено, что ни рецидив, ни неоднократность, ни систематичность, ни промысел не являются формами множественности, что все они, да и не только они, охватываются понятием «повторность преступлений». Но каждому из подвидов повторности преступлений присущи дополнительные признаки к факту повторения, что и позволяет давать им свои названия – «неоднократность», «систематичность», «промысел» и т. д.

Вторая солиднейшая и на сегодняшний день монография Виктора Павловича была посвящена совокупности преступлений. Она так и называлась «Совокупность преступлений». До этой работы в науке уголовного права считалось, что совокупность преступлений – это самостоятельная форма множественности, состоящая из двух ее видов – реальной и идеальной совокупности. И здесь Виктор Павлович вновь взбудоражил ученых в области уголовного права. Он утверждал, что такая форма множественности преступлений, как совокупность преступлений, есть, но двух ее подвидов нет. Реальная совокупность не является видом совокупности преступлений – это самостоятельный вид повторности преступлений. По УК РСФСР 1960 года – это совершение одним и тем же лицом двух и более разнородных преступлений, ни за одно из которых это лицо не привлекалось к уголовной ответственности. С позиции Виктора Павловича, это не что иное, как вид повторения преступлений с присущими ему дополнительными признаками.

В результате при защите докторской диссертации Виктор Павлович обосновал, что и фактически, и юридически существуют две формы множественности – повторность и идеальная совокупность. При этом он доказал, что между формами множественности и их подвидами нет «китайской стены». В реалии они могут перекликаться друг с другом. Так, например, в рамках рецидива может иметь место реальная или идеальная совокупность, а в рамках реальной совокупности – рецидив и т. д. Потом были и другие монографии, написанные им одним и в соавторстве, посвященные множественности преступлений.

Хотел бы подчеркнуть, что Виктор Павлович был достаточно крупным ученым и по уголовному процессу. Дело в том, что после защиты докторской диссертации получилось так, что он был вынужден возглавить кафедру уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Казанского государственного

университета. Если мне не изменяет память, он ее возглавлял в течение 5–6 лет. Именно по этой кафедре он получил звание профессора.

В 1982 году, после отъезда по семейным обстоятельствам Б.С. Волкова в г. Москву, Виктор Павлович становится заведующим кафедрой уголовного права и криминологии, на которой работал и я. И в этот период совместной с ним работы пришлось узнать еще одно замечательное качество Виктора Павловича – это удивительно уважительное отношение к коллегам и желание оказать им всяческую поддержку. Это свое качество он нес всю свою жизнь. Именно поэтому у него было и есть много друзей и учеников. Вместе с тем это был справедливо требовательный, принципиальный и честный учитель и наставник.

Виктор Павлович не только сам активно занимался научными исследованиями, но и активно помогал другим. Достаточно сказать, что под его началом защищено 74 кандидатские и 11 докторских диссертаций по уголовному праву и уголовному процессу. Это способен сделать только человек, которого можно назвать научной глыбой.

Никогда не забуду его наставления нам, молодым преподавателям. Он говорил: никогда не теряйте свои честь и достоинство, не проявляйте хамства и грубости по отношению к людям, не допускайте унижения своих студентов. И еще любил подчеркивать: юрист – профессия социально-политическая, бывают разные ситуации. Порой приходится и выпить рюмочку-другую, но при этом всегда нужно помнить – когда, где, с кем и сколько.

Высокий научный профессионализм, исключительные человеческие качества открывали сердца работающим с ним людей. К нему всегда прислушались, советы его и пожелания были востребованы, так как помогали людям решать те или иные проблемы. При этом он не терпел диктата, и особенно в науке. В силу этого своего качества он нормально воспринимал и позицию своих оппонентов независимо от ученого ранга и научного возраста. Хорошо помню одну нашу дискуссию по поводу все тех же форм множественности. В одной из своих работ Виктор Павлович высказал идею, что, видимо, одной из форм множественности нужно считать совокупность приговоров. Кстати, несколько в иной форме эту идею разделяют и другие ученые, даже отражают ее в диссертациях.

Не являясь крупным специалистом в вопросах множественности преступлений, я все же усомнился в правильности такого подхода о выделении этой формы множественности преступлений. Я сказал Виктору Павловичу, что множественность с различными формами ее проявления – это институт, который привязан к преступлению, а точнее, к преступлению на момент их совершения. Совокупность же приговоров лежит, во-первых, в другой временной плоскости, а во-вторых, этот институт связан не с преступлениями, а с наказанием.

Может быть, на его месте человек такой научной величины начал бы как-то возражать или вообще сказал бы: учи материальную часть. А он, знаете, что сказал? Значит, надо еще думать. Вот в этом весь МАЛКОВ ВИКТОР ПАВЛОВИЧ!

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-10-14
УДК 343.241

Дата: поступления статьи / Submitted: 11.12.2019
после рецензирования / Revised: 22.01.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

С. В. Тасаков

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация
E-mail: tasakov@mail.ru

ВИКТОР ПАВЛОВИЧ МАЛКОВ – УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ И ЧЕЛОВЕК

Аннотация: Статья посвящена памяти известного ученого, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Виктора Павловича Малкова. Более 50 лет он отдал научно-педагогической деятельности, читал лекции, писал многочисленные научные статьи, монографии, учебные пособия, учебники, посвященные актуальным проблемам множественности преступлений, вопросам назначения наказаний, повышению качества и эффективности судебных решений, дифференциации уголовной ответственности за отдельные преступления, развитию юридического образования и др. Помимо проблем уголовного права Виктор Павлович с удовольствием занимался уголовным процессом, не ограничиваясь узкими проблемами. Он был не просто теоретиком права, но прекрасно видел перспективы развития общества и отечественного законодательства. Многие его идеи и предложения в той или иной форме воплотились в положениях соответствующих нормативных актов, вошли в правоприменительную практику. В. П. Малков был и ученым, и учителем. Внес огромный вклад в развитие науки уголовного права и передал свой драгоценный опыт своим ученикам – подготовил 74 кандидата наук и 11 докторов наук.

Ключевые слова: множественность преступлений, нравственность, уголовное право, преступление, личность, наказание, право.

Цитирование. Тасаков С. В. Виктор Павлович Малков – ученый, педагог и человек // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 10–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-10-14>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

S. V. Tasakov

Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation
E-mail: tasakov@mail.ru

VIKTOR PAVLOVICH MALKOV IS A SCIENTIST, EDUCATOR AND PERSON

Abstract: This article is dedicated to the memory of the famous scientist, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation Viktor Pavlovich Malkov. More than 50 years he gave scientific and pedagogical activities, gave lectures, wrote numerous scientific articles, monographs, study guides, textbooks on topical issues of the multiplicity of crimes, issues of sentencing, improving the quality and effectiveness of judicial decisions, differentiating criminal liability for certain crimes, developing legal education and etc. In addition to the problems of criminal law, Viktor Pavlovich was pleased to engage in criminal proceedings, not limited to narrow problems. V. P. Malkov was not just a theorist, he perfectly saw the prospects for the development of society and domestic legislation. Many of his ideas and suggestions in one form or another were embodied in the provisions of the relevant regulatory acts and entered into law enforcement practice. He was not only a scientist, but also a teacher, not only made a huge contribution to the development of the science of criminal law, but he also passed on his precious experience to his students – he prepared 74 candidates of sciences and 11 doctors of sciences.

Key words: plurality, morality, criminal law, crime, personality, punishment, law.

Citation. Tasakov S. V. *Viktor Pavlovich Malkov – uchenyi, pedagog i chelovek* [Viktor Pavlovich Malkov is a scientist, educator and person]. *Iuridicheski vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 10–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-10-14> [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Сергей Владимирович Тасаков** – доктор юридических наук, доцент, проректор по общим вопросам, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 15.

Тема докторской диссертации: «Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов». Автор и соавтор 148 научных работ, в том числе научных статей: «Принудительные работы в системе наказаний уголовного законодательства Российской Федерации и проблемы их правоприменения»; «Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану семьи»; «Принудительные работы как альтернатива лишению свободы в уголовном законодательстве Российской Федерации»; «Нравственные основы некоторых обстоятельств, смягчающих наказание по уголовному законодательству России».

Область научных интересов: нравственные основы уголовно-правовых норм преступлений против личности.

© **Sergey V. Tasakov** – Doctor of Law, associate professor, vice-rector for general affairs, head of the Department of Criminal and Legal Disciplines, I. N. Ulyanov Chuvash State University, 15, Moscow Avenue, Cheboksary, 428015, Chuvash Republic, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Moral foundations of criminal law norms aimed at protecting the individual, his rights, freedoms and legitimate interests». Author of 148 scientific works, research articles: «Forced labor in the system of punishments of criminal legislation of the Russian Federation and problems of their enforcement»; «Moral foundations of criminal law norms aimed at protecting the family»; «Forced labor as an alternative to imprisonment in the criminal legislation of the Russian Federation»; «Moral grounds for certain circumstances that mitigate punishment under Russian criminal law».

Research interests: moral foundations of criminal law norms of crimes against the person.

25 июня 2019 года от нас ушел прекрасный ученый и Человек с большой буквы – Виктор Павлович Малков, который навсегда оставил след в юридической науке и жизни многих людей. По его учебникам учатся студенты юридических факультетов российских вузов.

Чем он нам запомнился? Прежде всего своей порядочностью, честностью, неподкупностью и принципиальностью. Он обладал высокой организованностью, четкостью и дисциплиной. С ним было одновременно и тяжело, и легко. Но для своих учеников и коллег он всегда был непререкаемым авторитетом в силу высокого профессионализма и прекрасных личностных качеств. Виктор Павлович был простым в общении, доброжелательным, эрудированным, обладавшим чувством юмора человеком. Меня всегда поражала его огромная работоспособность. Написание учебников, монографий, статей, чтение лекций, подготовка кандидатов и докторов наук, участие в работе диссертационных советов, что всегда было связано с разъездами по стране, – и все это Виктор Павлович Малков.

Говоря о нем, как об ученом, многие юристы сразу вспоминают его как специалиста по проблемам множественности преступлений. Именно в трудах В. П. Малкова множественность преступлений оформилась как самостоятельный институт уголовного права. В 1975 году в диссертационном совете юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова он защитил докторскую диссертацию на тему «Множественность преступлений по советскому уголовному праву» [1].

Впоследствии В. П. Малков продолжил исследование данной проблемы, выпустив несколько монографий. И сегодня, несмотря на прошедшие годы, его работы, посвященные данной проблеме, в уголовно-правовой литературе остаются наиболее значимыми, что позволяет считать его основоположником разработки теории множественности преступлений в науке уголовного права. Представленное им понимание множественности преступлений было воспринято судебной-следственной практикой и получило отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР.

В. П. Малков справедливо отмечал, что отсутствие законодательного определения уголовно-правовой категории «множественность преступлений» приводит к неоднозначной трактовке этого понятия в доктрине уголовного права, хотя это определение дается в уголовных кодексах ряда зарубежных стран [2, с. 180]. При этом с наиболее жесткой критикой законодателя он выступил, когда, несмотря на правовую позицию Конституционного Суда РФ и положения Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ, из Общей части Уголовного кодекса РФ была исключена категория «неоднократность преступлений». Это законодательное решение повлекло за собой новые противоречия в уголовном законодательстве и трудности в

правоприменительной деятельности.

Сфера научных интересов В. П. Малкова широка. Помимо проблем повторности преступлений он много внимания уделял вопросам назначения наказаний, повышения качества и эффективности судебных решений, дифференциации уголовной ответственности за отдельные преступления, развития юридического образования и др. Одновременно Виктор Павлович с удовольствием занимался уголовным процессом, не ограничиваясь узкими проблемами. Вспомним хотя бы одну из его первых научных публикаций «Некоторые вопросы повышения качества и эффективности частных определений судов» [3, с. 139–158].

Исследуя институты уголовного права и уголовного процесса, обращаясь к иным отраслям права, он руководствовался принципом справедливости и создавал предпосылки для повышения профессионального правосознания. Применительно к наказанию В. П. Малков писал, что его справедливость достигается при строгом соблюдении судом общих начал назначения наказаний и с учетом правосознания [4, с. 10].

В начале 90-х годов XX века, когда в Татарстане развернулась борьба за суверенитет, ряд представителей судебной власти стали выносить приговоры и решения от имени Республики Татарстан, а не от имени Российской Федерации. Против такого положения вещей с острой критикой выступил В. П. Малков. Говоря о судебной власти, он придерживался той позиции, согласно которой приговоры судами должны выноситься и провозглашаться от имени народа. Он подчеркивал, что чрезвычайно важно в интересах недопущения случаев ущемления права граждан, осужденных в Республике, отказаться от практики вынесения приговоров по уголовным делам и решений по гражданским делам от имени Республики Татарстан [5, с. 76–86]. И он был прав: единая судебная система в Российской Федерации была сохранена.

Еще одной из новелл парада суверенитетов в Татарстане стало обоснование некоторыми судьями правомочности Верховного Суда Республики Татарстан выносить не обжалуемые и не опротестовываемые в кассационном порядке решения и приговоры. Аргумент – Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права.

Данная позиция также была подвергнута критике со стороны В. П. Малкова, который выступил с соответствующей статьей в газете «Известия Татарстана», где не только обосновал свою научную позицию соответствующими положениями Конституции РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ и Гражданско-процессуального кодекса РФ, но и подчеркнул, что необжалуемое и непересматриваемое правосудие – атрибут суда Средневековья, а также судопроизводства государств тоталитарных режимов [6].

Следует отметить, что он прекрасно видел перспективы развития общества и отечественного законодательства. Многие его идеи и предложения

в той или иной форме воплотились в положениях соответствующих нормативных актов, вошли в правоприменительную практику.

В один из своих последних приездов в г. Чебоксары на Всероссийскую научно-практическую конференцию в 2015 году он выступил с докладом «О так называемых собирательных видах наказаний в российском и зарубежном уголовном законодательстве» [7, с. 156–166], где убедительно назвал основания для сомнений по поводу использования собирательных видов наказаний в российском уголовном праве. По его мнению, наличие собирательных видов наказаний в УК РФ порождает проблемные вопросы в регистрационно-учетной работе соответствующих государственных органов, а также сложности при статистическом наблюдении тенденций в судебно-следственной практике.

В. П. Малков был и большим ученым, и Учителем с большой буквы. Он не только внес огромный вклад в развитие науки уголовного права, но и передал свой драгоценный опыт своим ученикам, дал им путевку в мир науки. Он воспитал 74 кандидата наук и 11 докторов наук. Не каждый большой ученый может похвастаться такой «армией» своих учеников. Были у него соискатели и из других стран – Афганистана, Вьетнама, Польши.

Характерно, что В. П. Малков никогда не жалел на учеников своего личного времени. И нередко бывало так, что к нему на консультацию приезжали в один и тот же день несколько учеников, и каждому он уделял необходимое время. Во многом успех его учеников – это и его успех. Он всегда гордился своими учениками и особо радовался, когда кто-то из его учеников достигал определенных высот в жизни, оставаясь порядочным человеком.

Мне же В. П. Малков особенно запомнился поиском нравственных начал и справедливости в уголовном праве. В этом он проявлялся как человек, который всегда боролся за справедливость. Именно Виктор Павлович предложил мне поработать над вопросами нравственности в уголовном праве. Результатом нашей работы стала защищенная мною в 2010 году докторская диссертация на тему «Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов» [8].

В дискуссиях о нравственности тех или иных норм уголовного права я открыл для себя нового В. П. Малкова, который поражал меня своими энциклопедическими знаниями в вопросах не только уголовного права, но и развития теорий нравственности. В одной из таких полемики и родилось одно из положений на защиту, которое, на наш взгляд, было наиболее убедительным: «Распространенное в наши дни утверждение “разрешено все, что не запрещено законом” следует сопроводить оговоркой “и не противоречит общественной нравственности”, иначе эта формула не содействует формированию нравственного поведения людей».

Большой ревизии при написании диссертации

были подвергнуты все статьи Особенной части УК РФ, связанные с посягательством на личность, но особое внимание В. П. Малков уделял посягательствам на социальные права человека со стороны работодателей. Поэтому в диссертации было обосновано предложение о введении уголовной ответственности за незаконное увольнение работника по личным мотивам, совершенное руководителем организации, а равно работодателем – физическим лицом. Он всегда старался быть на стороне наиболее незащищенной части населения.

Я благодарен В. П. Малкову не только потому, что он содействовал защите кандидатской, а впоследствии и докторской диссертации, но и потому что он помог мне состояться как человеку.

Никогда не забуду первую встречу с В. П. Малковым. Конечно, мы, студенты юридического факультета Казанского университета, слышали об известном ученом и гордились, что он преподает в нашем университете, но когда впервые увидели его на лекции по уголовному праву в 1991 году, были просто покорены его выправкой, интеллигентностью и умением подавать учебный материал. Тогда я еще не знал, какую огромную роль в моей судьбе сыграет этот человек.

В 1994 году И. А. Тарханов, тогда декан юридического факультета, рекомендовал меня В. П. Малкову для написания диссертации. Я тогда уже работал следователем в органах прокуратуры Чувашской Республики, и неудивительно, что мы решили писать диссертацию, связанную с исследованием убийств при смягчающих обстоятельствах. С этого момента у меня началась совершенно новая жизнь. В. П. Малков просто влюбил меня в уголовное право.

Конечно, первоначально было тяжело, потому что я просто не умел писать научным языком, и именно он помог мне набраться этого опыта. Впоследствии, когда я после защиты диссертации перешел на преподавательскую работу, он научил меня читать лекции, правда, шутливо отметив, что как бы я ни старался, хорошо читать лекции я смогу не ранее чем через 3 года.

Защитив кандидатскую диссертацию, я не планировал начинать работу над докторской, считая, что вряд ли справлюсь с этой задачей, но Виктор Павлович считал по-другому, убедив меня, что это тяжелая, но очень интересная работа. За это я ему безмерно благодарен. Он действительно педагог и учитель от Бога.

Наши отношения не прервались, когда была защищена докторская диссертация, мы часто встречались и созванивались по различным вопросам, и не только научным. Его жизненный совет был всегда важен для меня на протяжении всех 25 лет нашего общения. Именно он помог мне организовать первую Всероссийскую научно-практическую конференцию в Чебоксарах, которая стала впоследствии ежегодной международной, и сам вплоть до болезни принимал в ней активное непосредственное участие. Я всегда горжусь тем, что моим учителем был В. П. Малков, и сегодня равняюсь на него как на

большого профессионала и порядочного человека.

В. П. Малкова знают не только правоведа, ведь благодаря ему был отменен запрет на предельный возраст в 65 лет при замещении должности заведующего кафедрой в государственных и муниципальных высших учебных заведениях.

Он пошел на непопулярный тогда и смелый шаг, обратившись в Конституционный Суд РФ. С присущей ему убедительностью он выстроил свои доводы о нарушении своих конституционных прав и свобод.

Постановлением от 27 декабря 1999 г. № 19-П Конституционный Суд РФ признал положения пункта 3 статьи 20 Федерального закона от 22 августа 1996 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», предусматривающие возрастные ограничения для лиц, замещающих должности заведующих кафедрами в государственных и муниципальных высших учебных заведениях, не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 37 (часть 1).

Характерно, что после выигранного судебного процесса и восстановления на работе В. П. Малков не вернулся в родной и горячо любимый Казанский государственный университет, а продолжил свою трудовую деятельность в других вузах. И это тоже характеризует его как принципиально и волевого человека.

Убежден, что большинство ученых, столкнувшись с такой ситуацией, не стали бы бороться и отстаивать свои права, но не В. П. Малков. Именно данное решение Конституционного Суда РФ, инициированное им, позволило сохранить лучшие научные школы, за что ему благодарны многие ученые и в настоящее время.

Виктор Павлович был последовательным борцом за справедливость в науке. Помню, как он возмущался откровенной некомпетентностью отдельных чиновников ВАКа, моральным обликом некоторых ученых, не стеснявшихся работать над заказными диссертациями. По его мнению, от такой практики страдало не только конкретное образовательное учреждение, а дискредитировалась система образования в целом. Он предложил Пленуму Верховного Суда РФ дать соответствующие разъяснения по поводу правовой оценки написания контрольных, курсовых работ (проектов), выпускных квалификационных (дипломных) работ и диссертаций по заказу как незаконной предпринимательской деятельности [9, с. 41–43].

Виктор Павлович не боялся выступать по существующим проблемам на самых различных заседаниях, чем снискал уважение многих коллег. Свое мнение он пытался донести до всех здравомыслящих коллег, в т. ч. и до своих учеников. После одной из таких эмоциональных бесед мною было принято решение написать об этом статью в журнал «Российская юстиция», что и было сделано. В своей публикации я отметил, что такого рода деятельность (написание для студентов контрольных, курсовых и выпускных квалификационных

работ, подготовка на заказ кандидатских и докторских диссертаций) подрывает нравственные основы высшего и послевузовского образования, снижает интеллектуальный и культурный уровень населения, нарушает принципы государственной политики в области образования. Кроме того, получение соответствующей лицензии на такую деятельность невозможно, а осуществление этой деятельности без регистрации незаконно и безнравственно [10, с. 48–50].

В. П. Малков всегда занимал принципиальную позицию, отстаивал ее как в научной, так и в общественной деятельности.

Долгое время В. П. Малков являлся членом комиссии по помилованию и всегда высказывал свое мнение по важным вопросам. В частности, он полагал, что отсутствие федерального законодательства о порядке осуществления помилования осужденных не позволяет более дифференцированно подходить к осужденным, которые вновь совершают преступления после освобождения от отбывания наказания по помилованию.

Несмотря на свою значимость среди коллег-правоведов, он оставался чрезвычайно скромным человеком как в общении, так и в быту. Лишь после 15 лет общения с ним я случайно узнал, что ранее он был неплохим спортсменом и даже одним из лучших лыжников-гонщиков в Татарстане. Видимо, поэтому он очень любил спортсменов и всегда их поддерживал. Зная, что я занимаюсь спортом (лыжными гонками и бегом), он уважительно относился к моему хобби, но, когда я переключился на длительные забеги (полумарафоны и марафоны), пожурил меня, сказав, чтобы я поберег себя. В этом он проявлялся как человек, переживающий за других, при этом не жалеющий себя. Сам он, кстати, любил здоровый образ жизни и даже в 80 лет старался регулярно ходить в бассейн и лично садился за руль своего автомобиля, чем сильно удивлял многих, и меня в том числе.

В последние годы научный мир потерял много прекрасных ученых советской эпохи, которые в силу возраста и болезней покинули нас. Они создали фундаментальные научные направления, сформировали научные школы, являлись примером для нас. В их числе и Виктор Павлович Малков – известный ученый, прекрасный учитель и высоконравственный человек. Он навсегда останется в наших сердцах.

Библиографический список

1. Малков В. П. Множественность преступлений по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1974.
2. Малков В. П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4 (8). С. 172–178. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11660359>.
3. Малков В. П. Некоторые вопросы повышения качества и эффективности частных определений судов //

Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 139–158.

4. Малков В. П. Применение общих начал назначения наказания // Советская юстиция. 1986. № 14. С. 10.

5. Малков В. П. Судебная власть: от имени кого ей вершить правосудие // Категориальный аппарат уголовного права и процесса. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1993. С. 76–86.

6. Малков В. П. Не обжалуемое правосудие – неконституционно! // Известия Татарстана. 1993. 6 июля.

7. Малков В. П. О так называемых собирательных видах наказаний в российском и зарубежном уголовном законодательстве // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 17 апреля 2015 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. С. 156–166. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24149701>.

8. Тасаков С. В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/nravstvennye-osnovy-ugolovno-pravovyh-norm-napravlennyh-na-okhranu-lichnosti-ee.html>.

9. Малков В. П. Незаконное предпринимательство в сфере высшего и послевузовского профессионального образования // Законность. 2006. № 1. С. 41–43. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/689>.

10. Тасаков С. В. Формы незаконного предпринимательства в сфере высшего и послевузовского профессионального образования // Российская юстиция. 2007. № 7. С. 48–50. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9556523>.

References

1. Malkov V. P. *Mnozhestvennost' prestuplenii po sovetskomu ugolovnomu pravu: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Multiplicity of crimes under Soviet criminal law: author's abstract of Doctoral of Law thesis]. Kazan, 1974 [in Russian].

2. Malkov V. P. *Institut mnozhestvennosti prestuplenii v doktrine i ugolovnom zakonodatel'stve Rossii* [Institute of crime multiplicity in the doctrine and the Russian criminal law]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual Problems of Economics and Law], 2008, no. 4 (8), pp. 172–178. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11660359> [in Russian].

3. Malkov V. P. *Nekotorye voprosy povysheniya kachestva i effektivnosti chastnykh opredelenii sudov* [Some issues of improving the quality and effectiveness of private

court decisions]. In: *Voprosy effektivnosti sovetskogo ugolovnogogo protsesssa* [Issues of effectiveness of the Soviet criminal process]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1976, pp. 139–158 [in Russian].

4. Malkov V. P. *Primenenie obshchikh nachal naznacheniya nakazaniya* [Application of the general principles of sentencing]. *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet Justice], 1986, no. 14, p. 10 [in Russian].

5. Malkov V. P. *Sudebnaya vlast': ot imeni kogo ei vershit' pravosudie* [Judicial branch: on behalf of whom it is to administer justice]. In: *Kategorial'nyi apparat ugolovnogogo prava i protsesssa* [Categorical apparatus of criminal law and process]. Yaroslavl: Izd-vo YarGU, 1993, pp. 76–86 [in Russian].

6. Malkov V. P. *Ne obzhaluемое pravosudie – nekonstitutsionno!* [Unapproved justice is unconstitutional!]. *Izvestiya Tatarstana* [Tatarstan News], 1993, July 6 [in Russian].

7. *O tak nazyvaemykh sobiratel'nykh vidakh nakazanii v rossiiskom i zarubezhnom ugolovnom zakonodatel'stve* [On the so-called collective forms of punishment Russian and foreign criminal law]. In: *Ugolovno-pravovaya preventsiya v sfere oborota narkoticheskikh sredstv ili psikhotropnykh veshchestv, alkohol'noi i spirtosoderzhashchei produktsii (regional'nyi aspekt): sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 17 aprelya 2015 g.)* [Criminal legal prevention in the sphere of trafficking of narcotic drugs or psychotropic substances, alcohol and alcohol-containing products (regional aspect): collection of materials of the all-Russian research and practical conference (Cheboksary, April 17, 2015)]. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta, 2015, pp. 156–166. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24149701> [in Russian].

8. Tasakov S. V. *Nravstvennye osnovy ugolovno-pravovykh norm, napravlennykh na okhranu lichnosti, ee prav, svobod i zakonnykh interesov: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Moral foundations of criminal law standards aimed at protecting the individual, his rights, freedoms and legitimate interests: author's abstract of Doctoral of Law thesis]. Ekaterinburg, 2010. Available at: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/nravstvennye-osnovy-ugolovno-pravovyh-norm-napravlennyh-na-okhranu-lichnosti-ee.html> [in Russian].

9. Malkov V. P. *Nezakonnoe predprinimatel'stvo v sfere vysshego i poslevuzovskogo professional'nogo obrazovaniya* [Illegal entrepreneurship in the field of higher and postgraduate professional education]. *Zakonnost'*, 2006, no. 1, pp. 41–43. Available at: <https://www.lawmix.ru/comm/689> [in Russian].

10. Tasakov S. V. *Formy nezakonnogo predprinimatel'stva v sfere vysshego i poslevuzovskogo professional'nogo obrazovaniya* [Forms of the illegal entrepreneurship within the under- and postgraduate education]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 2007, no. 7, pp. 48–50. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9556523> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-15-20
УДК 343.238

Дата поступления статьи / Submitted: 22.12.2019
после рецензирования / Revised: 15.01.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

Т. В. Кленова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: klenova_tatiana@mail.ru

Д. М. Семенова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: 5500diana@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: Статья посвящена сущностной характеристике множественности преступлений – ее общественной опасности. Такое понимание сущности множественности преступлений базируется на учении В. П. Малкова о множественности преступлений, его концептуальных идеях о взаимосвязи преступлений, образующих множественность преступлений, а также о связи множественности преступлений и свойств личности виновного. В статье рассматриваются вопросы соотношения понятий множественности преступлений в уголовно-правовом и криминологическом аспектах и делаются выводы о принижении свойства общественной опасности множественности преступлений в условиях ситуационной уголовной политики, а также об ориентированности современной российской уголовной политики в основном на новую задачу унификации уголовной ответственности лиц, впервые и повторно совершивших преступление, а не на традиционную задачу дифференциации уголовной ответственности с учетом форм и видов множественности преступлений. Делается вывод о необходимости законодательного учета повышенной общественной опасности ряда форм и видов множественности преступлений и личности виновного и дифференцированного подхода к случайным и профессиональным преступникам.

Ключевые слова: уголовная политика, множественность преступлений, совокупность приговоров, общественная опасность преступления, общественная опасность множественности преступлений, опасность личности виновного.

Цитирование. Кленова Т. В., Семенова Д. М. Общественная опасность множественности преступлений // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 15–20. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-15-20>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

T. V. Klenova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: klenova_tatiana@mail.ru

D. M. Semenova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: 5500diana@mail.ru

SOCIAL DANGER OF MULTIPLE OFFENSES

Abstract: The article is dedicated to the substantive complaint of multiple offenses– its social danger. Such understanding of the essence of multiple offenses is based on the teachings of V. P. Malkov about the multiple offenses, his conceptual ideas on the existence of the relationship between crimes forming the multiplicity of crimes, and about multiple offenses and personality traits of the guilty person. The article deals with the relationship of the concepts of multiple crimes in the criminal law and criminological aspects and concludes that the social danger of multiple crimes is reduced in the context of situational criminal policy, and that modern Russian criminal policy is mainly aimed at the unification of criminal responsibility of first offenders and reoffenders, rather than the traditional task of differentiation of criminal responsibility, in the light of the forms and types of multiple crimes. It is concluded about the need for legislative accounting of increased social danger of diverse forms and types of multiple offenses and personalities of the guilty persons and differentiated approach to casual and professional criminals.

Key words: criminal policy, multiple crimes, cumulative sentences, social danger of crime, social danger of multiple offenses, danger of the guilty person.

Citation. Klenova T. V., Semenova D. M. *Obshchestvennaya opasnost' mnozhestvennosti prestupleniy* [Social danger of multiple offences]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 15–20. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-15-20> [in Russian].

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© Татьяна Владимировна Кленова – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© Tatiana V. Klenova – Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Тема докторской диссертации: «Основы теории кодификации уголовно-правовых норм». Автор и соавтор 176 научных работ, в том числе монографии «Основы теории кодификации уголовно-правовых норм» (2001). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» (научно-практический) (2019), «Актуальные проблемы уголовного права. Часть общая» (2019), «Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных» (2019).

Область научных интересов: кодификация уголовно-правовых норм, квалификация преступлений.

© **Диана Михайловна Семенова** – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации «Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений». Автор 15 научных работ.

Область научных интересов: множественность преступлений, дифференциация уголовной ответственности, уголовная политика.

Для современной российской уголовной политики характерна подмена целей. Вместо защиты прав и свобод человека и гражданина и существенных интересов общества и государства уголовная политика сориентирована на цель существенного уменьшения числа людей, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях. При этом не ставится задача учитывать фактическое состояние преступности, даже по показателям форм и видов множественности преступлений. В русле такой уголовной политики вопросы изменения уголовного законодательства стали основными, а законодательный институт множественности преступлений изменяется с тенденцией убывания.

Круг форм и видов множественности преступлений сужается, зато растет количество отрицательных признаков в законодательных определениях совокупности преступлений и рецидива преступлений и увеличивается дистанция между уголовно-правовым понятием множественности преступлений и криминологическим пониманием рецидивной преступности. Связь преступлений и свойств личности виновного, повторно совершающего преступления, отходит на второй план. Таким образом, доминирующим в уголовной политике стало понимание множественности преступлений формально-юридически и без криминологического обоснования. Как следствие, нормы и предписания Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации не обеспечивают реализации принципа справедливости уголовной ответственности в случаях множественности преступлений. Они не отражают реального различия общественной опасности множественности преступлений разных форм и видов и не сориентированы на учет типовых изменений личности виновного, т. е. не выполняют надлежащим образом дифференцирующую и охранительную функции.

Официальная статистика подтверждает распространительность рецидивной преступности. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2017 г. всего были осуждены 697497 человек, из которых 231754 имели

Subject of Doctoral thesis: «Fundamentals of the theory of codification of criminal law». Author of more than 176 scientific works, including textbooks and monographs: «Fundamentals of the theory of codification of criminal law» (2001). A number of scientific papers written in collaboration: «Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation» (scientific and practical) (2019), «Actual problems of criminal law. General Part» (2019), «Resocialization and real inclusion of convicts in civil society» (2019).

Research interests: codification of criminal law, qualification of crimes.

© **Diana M. Semenova** – senior lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Basis and limits of differentiation of criminal responsibility in the conditions of multiple crimes». Author of 15 scientific papers.

Research scientific interests: multiple offenses, differentiation of criminal responsibility, criminal policy.

неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления (33,2 %). Соответственно, наблюдался прирост удельного веса преступлений лиц, ранее совершивших преступления, в 1,3 % по сравнению с 2016 г., когда было 741329 осужденных, из них 228778 имели неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления (30,9 %). А в 2018 г. были осуждены 658291 человек, при этом 239339 осужденных имели неснятую или непогашенную судимости (35 %), что свидетельствует о приросте удельного веса преступлений лиц, ранее совершивших преступления, уже в 1,8 % по сравнению с 2017 г. [1, с. 3].

Негативная динамика доли лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу, подтверждается длительное время. Так, в 2003 г. были осуждены 773920 человек, из них 190163 (25 %) имели неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления; в 2004 г. из 793918 осужденных – 205457 человек (26 %); в 2005 г. из 878893 осужденных – 244890 человек (28 %); в 2006 г. из 909920 осужденных – 257310 человек (28 %); в 2007 г. из 916566 осужденных – 255953 человека (28 %); в 2008 г. из 925166 осужденных – 260711 человек (28 %); в 2009 г. из 892360 осужденных – 270898 человек (30 %); в 2010 г. из 845 071 осужденных – 267594 человека (32 %); в 2011 г. из 782274 осужденных – 258301 человек (33 %);

в 2012 г. из 739278 осужденных – 254279 человек (34 %); в 2013 г. из 735340 осужденных – 250245 человек (34 %); в 2014 г. из 719305 осужденных – 241765 человек (34 %); в 2015 г. из 733607 осужденных – 239794 человека (32 %) [1, с. 3–4].

Таким образом, доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, неуклонно растет и с 2003 г. по настоящее время представлена в диапазоне 25–35 %.

По данным МВД РФ, число выявленных лиц, совершивших преступления, при этом ранее судимых за преступления, выше, чем определяет по

критерию рецидива Верховный Суд РФ: 40,7 % в 2011 г., 46,7 % в 2012 г., 49,6 % в 2013 г., 53,7 % в 2014 г., 55,1 % в 2015 г., 54 % в 2016 г., 56 % в 2017 г. и 58,3 % в 2018 г.

По экспертным оценкам, официальная статистика не дает полной информации о повторных преступлениях, их совершается гораздо больше – 70–90 % [2, с. 32].

Негативная динамика количественных и качественных показателей множественности преступлений означает, что криминальные структуры общества (и государства) являются прочными, способны к воспроизводству. Это и «школа преступности», и «альтернативный рынок труда». То и другое препятствует нормальному развитию общества и государства и обесценивает правосознание.

Убеждены, что множественность преступлений – это отрицательное социальное явление, а не продукт законотворчества. Такой концептуальный подход означает, что множественность преступлений обладает свойством общественной опасности; это модулирующая общественная опасность; уголовная ответственность подлежит дифференциации с учетом существенного изменения общественной опасности форм и видов множественности [3, с. 393–406].

Сущность множественности преступлений проявляется в ее высокой общественной опасности, что в равной степени подтверждается объединением нескольких преступлений, совершенных одним лицом, в относительно целое образование и изменением личности виновного: зарождением и повышением его готовности к совершению новых преступлений. Повышение общественной опасности множественности преступлений, по сравнению с единичным преступлением, характерно для большинства форм и видов множественности преступлений [4, с. 9, 11].

Общественным ожиданиям о справедливом суде не соответствует практика смещения особых мер реагирования в сторону случайных преступников. Также для гражданского общества важно, чтобы государство не относилось к опасным профессиональным преступникам как к лицам, впервые или случайно совершившим преступления. Наиболее опасные формы и виды множественности преступлений (например, совокупность приговоров за тождественные преступления, специальный рецидив) должны исключать вывод о случайном совершении преступлений.

Такое понимание множественности преступлений базируется на учении В. П. Малкова о множественности преступлений, его концептуальных идеях о наличии взаимосвязи преступлений, образующих множественность преступлений, а также о связи множественности преступлений и свойств личности виновного. В. П. Малков обосновывал необходимость повышения уголовной ответственности виновных за различные виды множественности преступлений, а личные свойства субъекта, совершившего преступления повторно и многократно, в том числе при наличии непогашенной и

неснятой судимости, предлагал учитывать с возможным выходом за пределы санкции, как это повсеместно установлено в современном уголовном законодательстве зарубежных стран. В. П. Малков неоднократно заявлял, что смягчение уголовно-правовой репрессии в отношении повторности и рецидива преступлений противоречит охранительной функции уголовного права и очевидно отвечает интересам криминального сообщества. Неудивительно, что В. П. Малков резко критически оценил Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, в соответствии с которым неоднократность преступлений утратила самостоятельное значение для дифференциации уголовной ответственности, а также была исключена дифференциация наказания с учетом опасности рецидива и установлены общие пределы наказания при любом виде рецидива. В. П. Малков писал: «Состоявшееся реформирование положений УК РФ о видах множественности преступлений в условиях складывающейся в стране криминогенной обстановки, исключение из отдельных составов неоднократности и судимости в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков нельзя признать теоретически и криминологически обоснованными и своевременными. (...) При решении вопроса об исключении из УК РФ неоднократности и судимости нельзя было принимать во внимание соображения представителей Министерства юстиции и Федеральной службы исполнения наказаний относительно необходимости сокращения объема применения наказания в виде лишения свободы и числа осужденных к этому наказанию в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» [5, с. 45, 49].

К сожалению, в последние десятилетия возросла популярность концепции: «преступления и преступники порождаются законом», и многие признали архаичной теорию общественной опасности преступления. Как следствие, единственным основанием разграничения преступного и не преступного поведения, а также единичного преступления и множественности преступлений определили состав преступления.

Нам же представляется, что общественная опасность – истинное свойство преступления, которое невосприимчиво к условиям ситуационной уголовной политики и понижения профессионального сознания [6, с. 136–144]. Фундаментальность категории общественной опасности для целей разграничения преступного и не преступного поведения и дифференциации уголовной ответственности объясняется прежде всего ее связью с определением объекта посягательства. Соответственно, общественная опасность преступления обычно сопоставляется с вредоносностью акта поведения человека для охраняемых уголовным законом социальных ценностей. Для оценки общественной опасности преступления значимы и другие ее качественные показатели, например: общественно опасные последствия, форма вины, количество потерпевших, продолжительность выполнения деяния, его способ [6, с. 140–141].

Учение об общественной опасности преступлений давно сформировалось и позволяет научно обосновать и дифференцировать уголовную ответственность с учетом не только многочисленных характеристик выполненных преступных актов, но и типовой характеристики личности виновного. Этот вывод актуален и для единичного преступления, и для множественности преступлений.

Еще Н. С. Таганцев писал, что «при повторении мы не судим и не наказываем за прошлое деяние, за которое преступник уже расплатился с обществом, а мы берем в расчет только те видоизменения, которые это прошлое внесло в новое преступное деяние. Мы принимаем во внимание, что прежняя судимость изменяет даже объективное значение деяния, изменяет размер вреда, страха, опасения, внушаемого преступным деянием. Еще более оснований для изменения ответственности усмотрим мы в субъективном элементе: степень закоренелости, привычка к преступлению, определяющая преступную волю и придающая ей особенно опасный характер, являются, несомненно, обстоятельствами, относящимися к вновь совершенному деянию. Если мы ввиду повторения не имеем надлежащего основания присоединять к наказанию, назначенному за новое деяние, прежнее, уже отбытое виновным, как это допускало, например, Баварское уложение 1813 г., то мы, однако, имеем полное основание для изменения не только меры, но и рода наказания, назначаемого законом за вновь учиненное деяние» [7, с. 309].

Н. Д. Дурманов также отстаивал положение, что общественная опасность – признак проступка, опасность которого следует рассматривать в единстве с опасностью лица [8, с. 23].

По мнению Б. Т. Разгильдиева, «общественная опасность деяния вытекает из его вредоносности материальному порядку. (...) общественная опасность деяния в качестве своей органической части включает в себя и опасность личности. Она становится опасной в силу совершенного преступления. И эта опасность выражается тем, что лицо, нарушив уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления, то есть совершив преступление, причинив, таким образом, вред порядку, тем самым получает искомый результат. В силу чего готов (социально, нравственно, психологически) к совершению других преступлений. (...) Чем значительнее общественная опасность совершенного преступления, тем выше готовность лица к учинению нового, не менее опасного преступления» [9, с. 215–216].

Широко известен вывод В. П. Малкова, что объективной характеристикой общественной опасности является причинение конкретного вреда объекту, регламентированному конкретным составом преступления, а субъективной характеристикой общественной опасности – степень готовности лица, совершившего преступление, пойти на новое преступление [10, с. 21].

Известны и другие подходы к пониманию сущности общественной опасности. Так, многие опре-

деляют общественную опасность как материальный признак (внутреннее свойство) преступного деяния, раскрывающий его социальную сущность, при этом трактуют его вне зависимости от качеств личности [11, с. 274]. Еще один подход – в рамках оценочной концепции, когда общественная опасность понимается как результат оценочной деятельности государства и общества. Последняя позиция означает, что общественная опасность подчинена признаку противоправности: если деяние запрещено, значит, оно общественно опасно [12, с. 5–17].

Представляется, общественная опасность – основополагающий, материальный признак преступления (множественности преступлений), который не зависит от того, подвергалась ли опасность чьей-либо оценке. Преступления не порождаются законом, и деяния общественно опасны не в связи с соответствующей оценкой в законодательстве или в акте правоприменения, а поскольку они причиняют вред или создают угрозу причинения вреда общественным отношениям, а также потому, что преступление имеет характер прецедента для повторения [1, с. 117]. Вместе с тем общественная опасность преступления (множественности преступлений) непосредственно связана с оценкой личности виновного. Это основная уголовно-правовая характеристика личности виновного.

Постулат о неразрывной связи преступного деяния и личности преступника предполагает следующий вывод: лицо, совершившее общественно опасное деяние, само по себе тоже является общественно опасным. Это суждение особенно подтверждается примером совокупности приговоров за тождественные преступления, когда происходит кумуляция их общественной опасности и личность преступника характеризуется повышенной общественной опасностью.

Для оценки общественной опасности множественности преступлений важно учитывать, кроме общественной опасности каждого преступления, характер множественности совершенных преступлений (их тождественность, однородность и разнородность), наличие судимости лица, категории и количество совершенных преступлений, а также их временной период. По аналогии с опасным и особо опасным рецидивом следует определять опасную и особо опасную совокупность преступлений. Если установлена вина лица в совокупности большого числа преступлений либо совокупности преступлений тяжких и особо тяжких, а также когда у каждого следующего преступления, образующего совокупность преступлений, повышается категория тяжести, это можно трактовать как проявление растущей опасности виновного.

Между несколькими преступлениями, совершенными без существенного разрыва во времени, обычно существует связь, соответственно, они могут формироваться в преступную деятельность, при этом общественная опасность такого лица представляется более высокой, чем лица, совершившего преступление впервые. Повышенная

общественная опасность лица отражается на субъективной стороне новых преступлений. Признак вины – осознание общественной опасности деяния – полнее раскрывается при повторении умышленных преступных деяний [1, с. 128].

Преступная связь при совершении нескольких преступлений, но при большом разрыве времени между преступными деяниями может быть разорвана, однако не во всех случаях, это зависит от особенностей субъективной стороны. Например, лицо повторно, спустя продолжительное время, может реализовать чувство мести.

Чем опаснее форма и вид множественности преступлений, тем опаснее личность преступника. Напомним, что понятие общественной опасности личности используется научными исследователями и практическими работниками, даже когда они не признают кумулятивного эффекта определенных форм и видов множественности преступлений. Так, Б. В. Волженкин писал: «После совершения преступления, как правило, существует реальная возможность совершения этим же лицом нового преступления, в чем и заключается общественная опасность преступника». И еще: «Особенно показательными в отношении стойкости антисоциальных, преступных мотивов являются повторное совершение преступления индивидом и рецидив (прежде всего, совершение однородного преступления по тем же мотивам и специальный рецидив), промежуток времени и характер принимавшихся к данному лицу мер в период между первым и вторым преступлением» [13, с. 23, 26]. В УК РФ этот термин использован в ст. 80¹ УК РФ, в которой предусматривается освобождение судом от наказания лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо перестало быть общественно опасным.

Поясним, что не придерживаемся теории опасного состояния, считаем идеи, мысли, желания, связи человека недостаточными для его привлечения к уголовной ответственности. У человека, не совершившего преступления, нет общественной опасности в уголовно-правовом смысле.

Как уже отмечалось, совершенные преступления – это основная уголовно-правовая характеристика личности виновного. Вместе с тем в целях учета общественной опасности виновного, совершившего множественность преступлений, следует определить не только обстоятельства, непосредственно относящиеся к актам преступного поведения, но и иные характеристики: устойчивость антисоциальной ориентации лица, причины и условия повторения преступлений. Важное значение для адекватной оценки социальной опасности лица имеет установление того, осуждалось ли лицо ранее.

То, что проблема дифференциации ответственности с учетом судимостей лица является социально значимой, подтверждается распространенностью многократного рецидива преступлений.

Об этом свидетельствуют результаты опроса с использованием целевой выборки 375 осужден-

ных и граждан, отбывших наказание и освобожденных от него, этот опрос осуществлен кафедрой уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени С. П. Королева в рамках социального образовательного проекта, поддержанного Фондом президентских грантов по итогам первого конкурса грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2017 г. Были выделены две группы респондентов: лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него (наказание, связанное и не связанное с лишением свободы), и лица, лишенные свободы (соответственно 100 и 275 человек). Опрос показал, что среди респондентов первой группы имеют одну судимость 38,8 %, две и три судимости – 26,2 % и 35 % соответственно. Во второй группе опрошенных доминируют респонденты с тремя и более судимостями (59 %), две судимости имеют 35,7 %, в то время как одну судимость – лишь 5,3 % ответивших. Расспрашивались респонденты о судимостях без учета их погашения и снятия. Этот социологический замер показал, что современная практика наказания не дифференцирована с учетом многократности рецидива, притом что доля осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, имеющих три и более судимости, достигла 59 % и они не отделены от других осужденных. И среди лиц, отбывших наказание и освобожденных от него, к которым были отнесены в том числе условно осужденные, в настоящее время подавляющее большинство составляют лица с многократным рецидивом [14, с. 184–185].

Проведенное исследование позволяет говорить о несовершенстве современной российской уголовной политики, которая в основном направлена на унификацию уголовной ответственности лиц, впервые и повторно совершивших преступление, а не на традиционную задачу дифференциации уголовной ответственности с учетом форм и видов множественности преступлений. Унификация ответственности вступает в противоречие с целью противодействия рецидивной (повторной) преступности. Поскольку в основе оценки общественной опасности личности лежит либо совершенное единичное преступление, либо множественность преступлений, соответственно, различной является и степень опасности личности, различными должны быть и меры реагирования на преступное поведение. Неадекватная оценка социальной опасности множественности преступлений способствует тому, что значительное число лиц, совершивших несколько преступлений, в том числе ранее осужденных лиц, освобождаются от уголовной ответственности либо несут наказание такое же, как и лица, впервые совершившие преступление.

Библиографический список

1. Семенова Д. М. Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019. 260 с.

2. Есаков Г. А., Долотов Р. О., Филагова М. А., Редчиц М. А., Цай К. А. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). Москва: Центр стратегических разработок, 2017.

3. Кленова Т. В. Повторность и рецидив преступлений: природа, общественная опасность и возможности социально-правового реагирования // Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных: монография / под ред. Т. В. Кленовой. Москва: Юрлитинформ, 2019. С. 393–406.

4. Семенова Д. М. Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019. URL: https://ssau.ru/files/resources/dis_protection/avtoref_semenova.pdf.

5. Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань: Изд-во «Таймат» ИЭУП, 2006. 140 с. URL: <https://b-ok2.org/book/3002562/72fba>.

6. Кленова Т. В. Общественная опасность – истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 136–144. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18912667>.

7. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 2. Москва: Наука, 1994. 393 с.

8. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. 315 с. URL: <https://b-ok2.org/book/3218015/a66d6c>.

9. Разгильдиев Б. Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 214–224.

10. Малков В. П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. 307 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3187586/210d89>.

11. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. Москва: Волтерс Клувер, 2007. 736 с.

12. Пудовочкин Ю. Е. Проблемы политического в преступлении и преступного в политике (методологические размышления) // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 5–17. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18912652>.

13. Волженкин Б. В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии, 1963–2007 гг. Санкт-Петербург: Изд-во Юридический центр Пресс, 2008. URL: <https://mybook.ru/author/boris-volzhenkin/izbrannye-trudy-1/read>.

14. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных: монография / под ред. Т. В. Кленовой. Москва: Юрлитинформ, 2019. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36725933>.

References

1. Semenova D. M. *Osnovanie i predely differentsiatsii ugolovnoi otvetstvennosti v usloviyakh mnozhestvennosti prestuplenii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Basis and limits of differentiation of criminal liability in a multiplicity of crimes: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Samara, 2019, 260 p. [in Russian].

2. Esakov G. A., Dolotov R. O., Filatova M. A., Redchits M. A., Tsai K. A. *Ugolovnaya politika: dorozhnaya karta (2017–2025 gg.)* [Criminal policy: road map (2017–2025)]. Moscow: Tsentri strategicheskikh razrabotok, 2017 [in Russian].

3. Klenova T. V. *Povtornost' i retsidiv prestuplenii: priroda, obshchestvennaya opasnost' i vozmozhnosti sotsial'no-pravovogo reagirovaniya* [Repetition of crimes: nature, social danger and possibilities of social and legal response]. In: *Resotsializatsiya i real'noe vklyuchenie v grazhdanskoe obshchestvo osuzhdennykh: monografiya. Pod red. T. V. Klenovoi* [Resocialization and real inclusion in civil society of convicted persons. T.V. Klenova (Ed.)]. Moscow: Yurlitinform, 2019, pp. 393–406. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36725933> [in Russian].

4. Semenova D. M. *Osnovanie i predely differentsiatsii ugolovnoi otvetstvennosti v usloviyakh mnozhestvennosti prestuplenii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Basis and limits of differentiation of criminal liability in conditions of a multiplicity of crimes: Author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Samara, 2019. Available at: https://ssau.ru/files/resources/dis_protection/avtoref_semenova.pdf [in Russian].

5. Malkov V. P. *Mnozhestvennost' prestuplenii: sushchnost', vidy, pravovoe znachenie* [Multiplicity of crimes: essence, types, legal significance]. Kazan: Izd-vo «Taglimat» IEUP, 2006, 140 p. Available at: <https://b-ok2.org/book/3002562/72fba> [in Russian].

6. Klenova T. V. *Obshchestvennaya opasnost' – istinnoe svoystvo prestupleniya* [Public Danger – The Inherent Property of a Crime]. *Biblioteka kriminalista*, 2013, no. 2 (7), pp. 136–144. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18912667> [in Russian].

7. Tagantsev N. S. *Russkoe ugovnoe pravo. Lektzii. Chast' obshchaya: v 2 t. T. 2* [Russian criminal law. Lectures. General part: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Nauka, 1994, 393 p. [in Russian].

8. Durmanov N. D. *Ponyatie prestupleniya* [Concept of crime]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948, 315 p. Available at: <https://b-ok2.org/book/3218015/a66d6c> [in Russian].

9. Razgildiev B. T. *Obshchestvennaya opasnost' prestuplenii i inykh pravonarushenii* [Public danger of crimes and other offenses]. *Biblioteka kriminalista*, 2013, no. 2, pp. 214–224 [in Russian].

10. Malkov V. P. *Sovokupnost' prestuplenii (voprosy kvalifikatsii i naznacheniya nakazaniya)* [Set of crimes (qualification and sentencing issues)]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1974, 307 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3187586/210d89> [in Russian].

11. Naumov A. V. *Rossiiskoe ugovnoe pravo. Kurs lektzii: v 3 t. T. 1. Obshchaya chast'* [Russian criminal law. Course of lectures: in 3 vols. Vol. 1. General part]. Moscow: Volters Kluver, 2007, 736 p. [in Russian].

12. Pudovochkin Yu. E. *Problemy politicheskogo v prestuplenii i prestupnogo v politike (metodologicheskie razmyshleniya)* [Issues of Politics in Crime and of Criminal in Politics (A Methodological Reflection)]. *Biblioteka kriminalista*, 2013, no. 2, pp. 5–17. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18912652> [in Russian].

13. Volzhenkin B. V. *Izbrannye trudy po ugovnomu pravu i kriminologii, 1963–2007 gg.* [Selected works on criminal law and criminology, 1963–2007]. Saint Petersburg: Izd-vo Yuridicheskii tsentr Press, 2008. Available at: <https://mybook.ru/author/boris-volzhenkin/izbrannye-trudy-1/read> [in Russian].

14. *Resotsializatsiya i real'noe vklyuchenie v grazhdanskoe obshchestvo osuzhdennykh: monografiya. Pod red. T. V. Klenovoi* [Resocialization and the real inclusion of convicts in civil society: monograph. T.V. Klenova (Ed.)]. Moscow: Yurlitinform, 2019. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36725933> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-21-28

УДК 343.231

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 07.12.2019

после рецензирования / Revised: 14.01.2020

принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Е. В. Благов

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: blagov@yuniyar.ac.ru

О МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СВЯЗИ С КОНЦЕПЦИЕЙ ПРОФЕССОРА В. П. МАЛКОВА

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы о понятии и видах множественности преступлений в связи с концепцией В. П. Малкова, анализируются признаки понятия множественности преступлений, сформулированного ученым. Делается вывод, что выделение многих из них спорно. Не вызывает сомнений лишь признак «несколько преступлений». Обсуждаются виды множественности преступлений, выделенные В. П. Малковым, и заключается, что сформированная им система видов множественности преступлений в рамках действующего уголовного законодательства, с одной стороны, избыточна, с другой стороны, неполна. Исследуется также возможность (невозможность) использования категории «множественность преступлений» в современном уголовном законодательстве и делается вывод, что с учетом значения в русском языке и понимания для целей уголовно-правового регулирования это понятие не имеет права на отражение в уголовном законодательстве. Автор статьи заключает, что спорность ряда решений профессора В. П. Малкова не означает его неправоты, а предполагает дальнейшее осмысление категории множественности преступлений.

Ключевые слова: преступление, множественность преступлений, понятие множественности преступлений, виды множественности преступлений, единичное преступление, составное единичное преступление, несколько преступлений.

Цитирование. Благов Е. В. О множественности преступлений в связи с концепцией профессора В. П. Малкова // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-21-28>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

E. V. Blagov

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: blagov@yuniyar.ac.ru

ON THE MULTIPLE CRIMES IN CONNECTION WITH THE CONCEPT OF PROFESSOR V. P. MALKOV

Abstract: The main points of the concept of professor V. P. Malkov about the multiple crimes: the concept and types are analyzed. The author also considers the legality of the use of the category «multiple crimes» in modern criminal legislation. The author analyzes the features of the concept of multiple crimes formulated by the author. It is concluded that the allocation of many of them is controversial. There is no doubt only a sign of «multiple crimes». The types of multiple crimes identified by the scientist are analyzed. It is concluded that this system of types of multiple crimes within the framework of the current criminal legislation, on the one hand, is excessive, on the other hand, is not complete. The term «multiple crimes» is analyzed. It is concluded that within the framework of taking into account its meaning in the Russian language and criminal law regulation of what is included in it, it does not have the right to be reflected in criminal legislation. It is pointed out that the disputability of a number of decisions by professor V.P. Malkov does not mean that he is wrong. It means only the need for further understanding of the category of multiple crimes.

Key words: crime, multiple crimes, notion of multiple crimes, types of multiple crimes, single crime, single composite crime, number of offences.

Citation. Blagov E.V. *O mnozhestvennosti prestuplenii v svyazi s kontseptsiei professora V. P. Malkova* [On the multiple crimes in connection with the concept of professor V. P. Malkov]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-21-28> [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Евгений Владимирович Благов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

Тема докторской диссертации: «Теория применения уголовного права». Автор более 300 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «Применение уголовного права (теория и практика)» (2004), «Освобождение от уголовной ответственности (размышления о проблемах и их преодолении)» (2018).

Область научных интересов: общая теория уголовного права.

© Evgenii Vladimirovich Blagov – Doctor of Law, professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Theory of application of criminal law». Author of more than 300 scientific works, including textbooks and monographs: «Application of criminal law (theory and practice)» (2004), «Release from criminal responsibility thinking about problems and overcoming them» (2018).

Research interests: general theory of criminal law.

Amicus Plato, sed magis arnica Veritas.

В. П. Малков¹ о множественности преступлений как таковой и ее видах написал немало. Это, пожалуй, было его любимое детище. С автором можно соглашаться или не соглашаться, но нельзя не признать его серьезный вклад в теорию уголовного права о множественности преступлений. При этом он адекватно относился к критике его концепции и даже совершенствовал ее вследствие дискуссий.

В последней работе о множественности преступлений ученый ее определил как «такие влекущие предусмотренные законом уголовно-правовые, уголовно-процессуальные либо общеправовые последствия случаи, когда одно и то же лицо последовательно до осуждения либо одним действием (бездействием) совершает два либо более преступных деяния, подпадающих под признаки различных либо одного и того же состава преступления, либо оно совершает новое(ые) преступление(я) после осуждения или освобождения от уголовной ответственности или наказания за предыдущее преступление при условии, когда по двум из них в соответствии с законом не погашены (не аннулированы) уголовно-правовые последствия, а также отсутствуют процессуальные препятствия к возбуждению уголовного преследования» [1, с. 25] (близкое определение было сформулировано и ранее. В нем только вместо общеправовых последствий названы уголовно-исполнительные [2, с. 457]). Пространная характеристика, но ее квинтэссенцией является неоспоримое суждение о том, что множественность преступлений – это два или более (несколько) преступных деяний. Без остальных же признаков, кажется, вполне можно обойтись.

Два признака, заложенные в определение множественности преступлений, отличаются лишь тем, что один из них позитивный, а другой – негативный. Однако характеризуют они, хотя и с разных сторон, одно и то же. Речь идет о таких признаках, как «влекущие предусмотренные законом уголовно-правовые, уголовно-процессуальные либо общеправовые последствия» и «когда по двум из них (имеются в виду преступления. – Е. Б.) в соответствии с законом не погашены (не аннулированы) уголовно-правовые последствия, а также отсутствуют процессуальные препятствия к возбуждению уголовного преследования». Понятно, что в принципе в дефиниции множественности преступлений достаточно одного из приведенных признаков, но если бы в них действительно была надобность.

В уголовно-правовом понятии излишне указание на неуголовно-правовые последствия. Они не могут отменять или изменять действие уголовного закона и должны быть лишь следствием уголовно-правовых последствий. Правда, указание на уголовно-правовые последствия, вероятно, тоже излишне при определении множественности преступлений.

Вполне очевидно, что множественность преступлений состоит из последних. Их же понятие сформулировано в ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). И одним из признаков преступления закрепляется, что это деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания, т. е. влекущее его. Соответственно, что-либо подобное нет необходимости включать в дефиницию множественности преступлений, ибо «противное» означает наличие в ней скрытой тавтологии.

Более того, названный негативный признак сформулирован не совсем корректно. В нем после слов «не погашены» в скобках зафиксировано «не аннулированы». В соответствии с ч. 6 ст. 86 УК РФ аннулирует все уголовно-правовые последствия, связанные с судимостью, не только ее погашение, но и снятие. Отсутствие указания на последнее создает некоторое впечатление, что снятие судимости за одно из преступлений, входящих во множественность, ее сохраняет.

И еще один момент, относящийся к судимости. Множественность преступлений якобы всегда имеет место, если лицо «совершает новое(ые) преступление(я) после... освобождения от уголовной ответственности или наказания за предыдущее преступление». С этим утверждением в полном объеме довольно трудно согласиться даже при условии наличия негативного признака множественности преступлений. Дело в том, что освобождение от уголовной ответственности не порождает судимости (ч. 1 и 3 ст. 86 УК РФ), а лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым (ч. 2). Понятно, что в последнем случае имеются в виду лишь те ситуации, которые не относятся к ч. 4 ст. 86 УК РФ, но тем не менее.

Кроме того, поскольку речь идет о множественности преступлений, ее, разумеется, могут образовывать исключительно преступления [3, с. 102–103]. При погашении и снятии судимости возникает юридическая фикция – совершенное преступление признается юридически ничтожным, считается, что его не было (4, с. 81), а непроступление, естественно, не способно входить во множественность преступлений.

Теперь по поводу «неотсутствия процессуальных препятствий к возбуждению уголовного преследования». Данный признак, вводимый во множественность преступлений, уже критиковался научными исследователями с точки зрения его неуголовно-правового характера [5, с. 35], а также первичности уголовного права перед процессом [3, с. 103–104]. Следует лишь добавить, что

¹ Виктор Павлович Малков присутствовал в важных моментах моей научной жизни. Так, он был председателем диссертационного совета, в котором я защищал кандидатскую диссертацию. Он же был моим оппонентом при защите докторской диссертации. Правда, до настоящей статьи наши научные интересы пересекались в основном в сфере назначения наказания.

аналогичного признака нет и не могло быть в ч. 1 ст. 14 УК РФ. Преступление для уголовного права объективно и не должно зависеть от каких-либо процессуальных решений. Как следствие, только такой способна быть и множественность преступлений.

Надо сказать, что все последствия, отраженные в определении, характеризуют не саму множественность преступлений, а то, к чему она приводит. В то же время связи одного объекта с другими следует вводить в дефиниции, скорее всего, лишь тогда, когда их сложно различить по содержательным признакам.

В определение множественности включено то, что преступления, в нее входящие, должны быть совершены до осуждения или после осуждения. Поскольку при освобождении от уголовной ответственности осуждения не происходит, а при освобождении от наказания, напротив, происходит, то других вариантов совершения преступлений, составляющих множественность, нет. Если же это так, то указание на исчерпывающе приведенные варианты совершения преступлений, вводимых во множественность, ничем не оправдано, ибо является загромождением определения частностями, а в нем нужны только существенные признаки.

Более того, использование в дефиниции множественности преступлений слова «осуждение» довольно проблематично. Если законодателем оно и задействовано, то применительно лишь к совокупности преступлений (ч. 1 ст. 17 УК РФ). Рецидив же преступлений охарактеризован через признак судимости (ч. 1 ст. 18 УК РФ). Причем если осуждение происходит по обвинительному приговору (ч. 2 ст. 47 УПК РФ), то судимость возникает по его вступлении в законную силу (ч. 1 ст. 86 УК РФ). Получается, что после осуждения и до возникновения судимости должен быть какой-то вид множественности преступлений, но его нет в законе; его также не выделяют ни теория, ни практика.

До осуждения преступления должны быть совершены последовательно. Слово «последовательный» в русском языке означает непрерывно следующий за другим или логически обоснованный, закономерно вытекающий из чего-нибудь [6, с. 846]. Понятно, что преступления, образующие множественность, необязательно непрерывно следуют одно за другим, вытекают одно из другого. Так, второе преступление может начаться в ходе совершения первого, между ними допустим перерыв, ограниченный только сроками давности (ст. 78 УК РФ), и т. п.

Преступные деяния должны подпадать под признаки различных либо одного и того же состава преступления. С одной стороны, деяния не были бы преступными, если бы не подпадали под признаки составов соответствующих преступлений. С другой стороны, когда преступные деяния подпадают под признаки одного и того же состава преступления, допустимы две ситуации: совершается несколько юридически тождественных

деяний и совершаются разнородные деяния (соответствующие частям состава составного преступления). Причем первая ситуация возможна в двух формах проявления: совершается продолжаемое преступление и совершаются самостоятельные преступления. В связи с тем что, по крайней мере при продолжаемом преступлении, множественность исключается, упомянутый признак требует уточнения.

Преступления, составляющие множественность, должны быть совершены одним лицом. Правда, аналогично могут совершаться преступления, не образующие множественность. Причем они совершаются и в соучастии, а субъектами множественности преступлений также способны быть лица, выступающие в качестве соисполнителей или иных соучастников [7, с. 7]. Получается, что названный признак общий как для множественности преступлений, так и для преступлений, не включаемых в нее, а следовательно, не необходимый в плане введения в понятие множественности.

Итак, в дефиниции множественности преступлений В. П. Малкова содержатся довольно спорные признаки. Между тем это означает лишь одно – необходимость продолжения исследования данного феномена.

В. П. Малков считал, что положения Уголовного кодекса дают основание для вывода, что ныне в нем отражено пять разновидностей множественности преступлений: совокупность преступлений; совершение двух или более преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание; рецидив преступлений; совокупность приговоров и совершение преступления при наличии непогашенной и неснятой судимости, не учитываемой при признании рецидива преступлений [1, с. 36]. С предложенной системой видов множественности преступлений в целом нельзя не согласиться. Однако она все-таки содержит излишний элемент и не включает необходимые.

Излишний элемент в системе видов множественности преступлений ученого – совершение двух или более преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Это составное единичное преступление.

По мнению В. П. Малкова, критикуемую разновидность множественности образуют только случаи совершения преступлений в отношении двух или более лиц различными действиями [1, с. 75]. Правда, уже при едином умысле в такой ситуации сложно говорить о множественности преступлений. Вместе с тем остается самостоятельный умысел в отношении каждого лица.

Обосновывая свою позицию, В. П. Малков указывал, что совершение двух или более преступлений при приведенных условиях нельзя расценивать как особого рода единое составное преступление, поскольку сам законодатель ее называет совершением двух или более преступлений

[1, с. 77]. При этом этот автор под составным преступлением понимает в законодательном порядке совмещенные в одно преступление два или более преступных деяния, каждое из которых при оценке изолированно могло бы рассматриваться как самостоятельное преступление [1, с. 81]. В то же время каждое из преступлений, совершенных в отношении двух или более лиц различными действиями, при изолированном рассмотрении представляет собой не что иное, как самостоятельное преступление.

Надо сказать, что законодатель в ч. 1 ст. 17 УК РФ прямо не определил природу совершения двух или более преступлений, предусматриваемых статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Ясно только то, в чем нельзя не согласиться с В. П. Малковым, что по прямому указанию закона такое сочетание преступлений не признается совокупностью преступлений [1, с. 77].

Между тем следует обратить внимание на то, что совершение двух или более преступлений предусматривается статьями Особенной части УК РФ а) в качестве обстоятельства, б) влекущего более строгое наказание. Отсюда, с одной стороны, совершение двух или более преступлений – это одно (единое) обстоятельство. С другой стороны, вторая и любая другая санкции отсутствуют. И то и другое нехарактерно для множественности преступлений

Все отмеченное свидетельствует о необходимости квалификации содеянного в анализируемом случае по одной статье (ее части) Особенной части Уголовного кодекса. Других случаев такой квалификации в системе множественности преступлений, представленной В. П. Малковым, да и в самом законе, нет. Во всех из них речь идет о квалификации преступлений, входящих во множественность, по двум или более статьям (их частям) Особенной части уголовного законодательства.

Чтобы безоговорочно согласиться с В. П. Малковым, нужно спорную ситуацию отнести к исключению из исключения. Однако натянутость такого подхода кажется вполне очевидной. Таким образом, введение совершения двух или более преступлений, предусматриваемых статьями Особенной части УК РФ, в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, во множественность преступлений, по крайней мере, дискуссионно.

Недостающих элементов в приведенной выше системе видов множественности преступлений несколько. К ним можно отнести совершение преступления до вынесения приговора суда по первому делу, объединение нескольких видов множественности преступлений, а также совокупность приговоров, вступивших в законную силу.

Правда, сочетание преступлений, предусмотренное ч. 5 ст. 69 УК РФ, нередко рассматривается как совокупность преступлений [8, с. 12; 9, с. 17]. Если это так, то его выделение как самостоя-

тельного вида множественности преступлений было бы неправомерным.

Сходство ситуаций, предусмотренных в ч. 5 ст. 69 и ст. 17 УК РФ, естественно, есть: в обеих из них речь идет о нескольких преступлениях. Однако именно это и является непосредственным свидетельством возможности введения совершения преступления до вынесения приговора суда по первому делу в число видов множественности.

Конечно, сочетание преступлений, имеемое в виду в ч. 5 ст. 69 УК РФ, особое: одно преступление уже отражено в вынесенном приговоре. В таком случае отсутствует основание к признанию совокупности преступлений, ибо согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ, последней считается совершение двух или более преступлений, «ни за одно из которых лицо не было осуждено».

Стало быть, осуждение (которое происходит по приговору) хотя бы за одно из преступлений уже исключает наличие совокупности преступлений. При этом нет и рецидива преступлений, ибо при нем лицо должно иметь судимость (быть осуждено) за ранее совершенное умышленное преступление (ст. 18 УК РФ). Одновременно в ситуации совокупности приговоров, по смыслу ст. 70 УК РФ, лицо совершает новое преступление после осуждения за предыдущее преступление, что тоже исключает совершение преступления до вынесения приговора суда по первому делу.

При постановлении второго приговора порой устанавливается, что «осужденный виновен еще и в других преступлениях, одни из которых совершены до, а другие – после вынесения первого приговора». В п. 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения наказания судами Российской Федерации» по этому поводу разъяснено, что «наказание по второму приговору назначается вначале по совокупности преступлений, совершенных до вынесения первого приговора, после этого – по правилам части 5 статьи 69 УК РФ, затем по совокупности преступлений, совершенных после вынесения первого приговора» [10, с. 26].

Вместе с тем назначение наказания, естественно, происходит после того, следствием чего оно является, – соответствующей квалификации преступлений. При ней же следует все деяния «рассматривать в сочетании с другим (или другими) с точки зрения соотношения времени их совершения», и «если они были совершены до осуждения за любое из них, то наличие совокупности преступлений; преступления, совершенные после осуждения за предыдущее (предыдущие), соотносятся между собой тоже как совокупность преступлений, однако их соотношение с преступлениями, за которые виновный был осужден и отбывал наказание, представляет собой совокупность приговоров» [11, с. 934]. Вот это и есть один из вариантов объединения нескольких видов множественности преступлений, которое весьма своеобразно по сравнению с любым из составляющих его элементов.

На основании п. 10 ст. 397 УПК РФ решается вопрос об исполнении приговора при наличии других неисполненных приговоров, если это не решено в последнем по времени приговоре в соответствии со ст. 70 УК РФ. Принципиальная возможность решения этого вопроса основывается на «определенной самостоятельности, относительной независимости той части приговора, которая определяет размер наказания по совокупности», поскольку исходит из выводов «не только данного приговора, но и других, ранее вынесенных приговоров» [12, с. 228]. В таком случае и идет речь о совокупности приговоров, вступивших в законную силу. Она отличается своеобразием, поскольку имеется осуждение за все преступления.

Следовательно, систему видов множественности преступлений, представленную В. П. Малковым, действительно можно считать неполной. Для устранения пробела в нее целесообразно ввести дополнительно описанные сочетания преступлений.

Вот на какие размышления наводит концепция множественности преступлений В. П. Малкова. Причем содержание размышлений вовсе не означает правильности именно их. Оно означает всего лишь теоретический спор, в ходе которого может родиться истина.

Еще следует отметить, что ряд сомнений вызывает сам термин «множественность преступлений». В действующем Уголовном кодексе он не используется. Предпринятые попытки ввести его в закон на стадии разработки Уголовного кодекса [13, с. 2; 14, с. 2] и ранее [15, с. 109, 245] успешными не стали, но продолжают появляться вплоть до последнего времени [16, с. 51]. В результате в отношении названного термина возникает необходимость задуматься о правильности позиции законодателя и научных исследователей.

Слово «множество» в русском языке означает «очень большое количество, число кого-чего-нибудь» [8, с. 543]. В то же время при таком понимании оно для отражения соответствующих сочетаний нескольких преступлений в уголовном праве кажется вовсе не пригодным. Дело в том, что в последнем роль множественности преступлений может заключаться только в противопоставлении одному, единичному преступлению, для чего достаточно всего двух общественно опасных деяний. Получается, если и допустимо использовать термин «множественность» применительно к преступлению, то лишь в узком – уголовно-правовом – значении, что вряд ли правильно в отношении общепотребительного слова.

В науке к множественности преступлений более или менее единообразного подхода не выработано. Между тем иного, скорее всего, и быть не могло, ибо уголовный закон – слабое подспорье для противоположного положения в теории.

То, что в принципе допустимо считать множественностью преступлений в уголовном законодательстве, неоднородно. Она может рассматриваться с двух сторон:

с одной стороны, в 1) фактическом, предопределяемом не самим уголовно-правовым регулированием, а действительным совершением нескольких действий (актов бездействия), и 2) юридическом, предопределяемом не действительным совершением нескольких действий (актов бездействия), а самим уголовно-правовым регулированием;

с другой стороны: в 1) абсолютном, порождаемом совместной квалификацией всех преступлений; 2) относительном, порождаемом отдельной квалификацией нового преступления.

Причем эти стороны в действующем законодательстве включают и совпадения, и отличия, и пересечения.

Фактическая множественность преступлений возникает, когда совершается несколько общественно опасных действий (актов бездействия), самостоятельно отраженных в уголовном законе. К ней следует отнести, во-первых, реальную совокупность преступлений. При последней по смыслу ст. 17 УК РФ происходит совершение нескольких действий (актов бездействия), каждое из которых самостоятельно предусмотрено соответствующей статьей (или ее частью) Особенной части Уголовного кодекса.

Во-вторых, в фактическую множественность преступлений включается совершение нескольких действий, которые предусмотрены одной статьей (или ее частью) Особенной части Уголовного кодекса, но в принципе являются преступлениями и сами по себе. Сюда относятся: а) деяние, подпадающее под несколько альтернативных признаков состава преступления; б) составное преступление; в) продолжаемое преступление (в том числе систематичность преступлений):

а) деянием, подпадающим под несколько альтернативных признаков состава преступления, является то, которым совершается две или более разновидности данного преступления. К таковым относится, например, предусмотренное ч. 2 ст. 114 УК РФ причинение с единым умыслом при превышении мер, необходимых для задержания, вреда здоровью средней тяжести одному лицу, совершившему преступление, и тяжкого – другому;

б) составное преступление ранее было уже охарактеризовано. Им является, скажем, установленный п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ грабеж с применением насилия, неопасного для жизни или здоровья, который в принципе включает два самостоятельных преступления: 1) грабеж, названный в ч. 1 отмеченной статьи; 2) побои, указанные в ст. 116 УК РФ;

в) продолжаемые – «преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление. К этим преступлениям относится, например, истязание, выражающееся в систематическом нанесении побоев...» [17, с. 63]. Причем каждое из действий может содержать признаки преступления, предусмотренного одной статьей (или ее частью) Особенной части Уголовного кодекса. Скажем, совершение

не менее трех деяний, предусмотренных таким образом, рассматривается как систематичность преступлений. Так, истязанием путем систематического нанесения побоев (ст. 117 УК РФ) на практике считается нанесение их «более двух раз» [18, с. 198]. Сами по себе побои отражены в ст. 116 УК РФ.

При юридической множественности преступлений, в отличие от фактической, важным является не количество действий (актов бездействия), а их предусмотренность несколькими статьями (или их частями) Особенной части Уголовного кодекса. К такой множественности относится, во-первых, идеальная совокупность преступлений. Под последней в ч. 2 ст. 17 УК РФ понимается одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями Особенной части Уголовного кодекса. Во-вторых, в рассматриваемую группу следует включить преступления, подпадающие под квалифицирующие признаки нескольких частей одной статьи Особенной части Уголовного кодекса при отсутствии конкуренции между ними.

Абсолютная множественность преступлений имеет место тогда, когда дается совместная уголовно-правовая оценка самостоятельным деяниям, ранее ей не подвергавшимся. Ясно, что данная множественность включает все виды, отнесенные выше к фактической и юридической множественности. При них осуществляется начальная квалификация всех совершенных действий (актов бездействия).

Относительная множественность преступлений, в отличие от абсолютной, имеет место тогда, когда дается отдельная уголовно-правовая оценка одному деянию, совершенному лицом, другое деяние которого уже получало такую оценку. Видами названной множественности по современному уголовному законодательству являются:

а) рецидив преступлений, которым считается совершение умышленного преступления лицом, имеющим «судимость» за ранее совершенное умышленное преступление (ст. 18 УК РФ);

б) совершение нового преступления лицом, имеющим судимость при отсутствии рецидива преступлений;

в) совершение преступления до вынесения приговора суда по первому делу (ч. 5 ст. 69 УК РФ);

г) совершение преступления после осуждения за другое преступление (ст. 70 УК РФ).

Наличие судимости (приговора, осуждения) во всех приведенных случаях предполагает, что соответствующее общественно опасное деяние повлекло наказание (ст. 86 УК РФ). Таковое же без квалификации первого преступления невозможно.

Таким образом, фактическая и юридическая множественность, с одной стороны, а также абсолютная и относительная – с другой, неодинаковы по объему их видов, что зависит всего лишь от основания выделения групп. Отсюда и неоднородность в целом множественности преступлений. Однако неоднородна также фактическая множе-

ственность преступлений, включающая в себя общественно опасные деяния, предусмотренные несколькими статьями (или их частями) Особенной части Уголовного кодекса и одной статьей (или ее частью). А относительная множественность в современных условиях даже далеко не всегда влияет на квалификацию преступления по соответствующей статье (или ее части) Особенной части уголовного законодательства. Так, рецидив преступлений влияет на это лишь при включении признака судимости в состав преступления (ч. 5 ст. 131, 132 и 135, ч. 6 ст. 134, ч. 2 ст. 204² и 291², ст. 264¹ УК РФ).

Видимо, ввиду приоткрытой сложности природы множественности преступлений она и не получает отражения в законе. Вместе с тем в литературе высказано мнение, что недостаточность законодательных и теоретических решений – повод не для отказа множественности преступлений в самостоятельном статусе, а для углубления научных исследований [19, с. 19]. Против последнего возражать не приходится.

Возможность оперирования термином «множественность преступлений» в научных целях (в монографиях, диссертациях, статьях, докладах и сообщениях) для углубления представлений о преступлении исключить нельзя. Теоретические исследования, конечно, не могут быть слепком нормативного материала. Только, используя категорию множественности преступлений, нужно и виды последней раскрывать с учетом ее сущности.

Что же касается учебного процесса (подготовки и переподготовки юридических кадров, содержания текстов лекций, учебных пособий и учебников) и практики (содержание комментариев к уголовному законодательству, постановления Пленума Верховного Суда РФ, решения по конкретным уголовным делам), то в них о множественности преступлений упоминать вряд ли целесообразно. Неоднозначность проявлений не позволяет ее разъяснить должным образом.

Главное же заключается в самом уголовном законе. В нем родовым признаком совокупности преступлений, совершения преступления до вынесения приговора суда по первому делу, рецидива преступлений, а также совершения преступления при наличии непогашенной и неснятой судимости, не учитываемой при признании рецидива преступлений, признается совершение двух или более преступлений. Следовательно, не множественность, а несколько преступлений являются признаком, объединяющим имеющиеся в законе варианты сочетания преступлений.

Библиографический список

1. Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань: Таглитат, 2006. 140 с.
2. Энциклопедия уголовного права / изд. проф. Малинина. Санкт-Петербург, 2005. Т. 3. 524 с.

3. Козлов А. П., Севастьянов А. П. Единичные и множественные преступления. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2011. 915 с.
 4. Панько К. К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж: Истоки, 1988. 135 с.
 5. Черненко Т. Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 203 с.
 6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. Москва: АСТ: Мир и Образование, 2016. 1360 с. URL: <https://slovarozhegova.ru>.
 7. Мурашов Н. Ф. Совокупность преступлений по УК РФ. Москва: Юрлитинформ, 2018. 280 с.
 8. Глухова Г. О. Вопросы квалификации и назначения наказания при совокупности преступлений: лекция. Москва: Ин-т повышения квалификации руководящих кадров Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2004. 36 с.
 9. Рясов А. И. Принцип справедливости в назначении наказания при множественности преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 22 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15814660>.
 10. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2. С. 17–29. URL: <https://www.vsrfl.ru/files/15743/>.
 11. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1 / под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2008. 1133 с.
 12. Горелик А. С. Назначение наказания по совокупности. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1975. 272 с.
 13. Новый Уголовный кодекс (Проект) // Закон: Спец. вып. 1991. 16 с.
 14. Уголовный кодекс Российской Федерации: Общая часть: Проект / И.М. Гальперин [и др.]. Москва, 1994. 58 с.
 15. Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. Москва: Наука, 1987. 280 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23493382>.
 16. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / под ред. Н. А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2019. 320 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36824497>.
 17. Постановление 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям» // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. Москва: Спарк, 2001 (п. 2). С. 62–64. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-23-plenuma-verkhovnogo-suda-sssr-ot>.
 18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 сентября 1979 г. № 4 «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР» // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / отв. ред. В. И. Радченко. Москва: БЕК, 1999 (п. 14). С. 193–199. URL: <http://xn--b1lazaj.xn--plai/1979/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N04-ot-25.09.1979.html>.
 19. Зацепин А. М. Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы. Москва: Проспект, 2017. 304 с.
- ### References
1. Malkov V. P. *Mnozhestvennost' prestuplenii: sushchnost', vidy, pravovoe znachenie* [Multiplicity of crimes: essence, types, legal significance]. Kazan: Taglimat, 2006, 140 p. Available at: <https://b-ok.xyz/book/3002562/72fba> [in Russian].
 2. *Entsiklopediya ugovolnogo prava. Izd. prof. Malinina* [Encyclopedia of criminal law. Professor Malinin (Ed.)]. Saint Petersburg, 2005, Vol. 3, 524 p. [in Russian].
 3. Kozlov A. P., Sevastyanov A. P. *Edinichnye i mnozhestvennye prestupleniya* [Single and multiple crimes]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2011, 915 p.
 4. Panko K. K. *Fiktzii v ugovolnom prave i pravoprimerenii* [Fictions in criminal law and law enforcement]. Voronezh: Istoki, 1988, 135 p. [in Russian].
 5. Chernenko T. G. *Mnozhestvennost' prestuplenii po rossiiskomu ugovolnomu pravu* [Multiplicity of crimes under Russian criminal law]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 203 p. [in Russian].
 6. Ozhegov S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. 27-e izd., ispr.* [Explanatory dictionary of the Russian language. 27th edition, revised]. Moscow: AST: Mir i Obrazovanie, 2016, 1360 p. Available at: <https://slovarozhegova.ru>.
 7. Murashov N. F. *Sovokupnost' prestuplenii po UK RF* [Set of crimes under the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Yurilitinform, 2018, 280 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30597714> [in Russian].
 8. Glukhova G. O. *Voprosy kvalifikatsii i naznacheniya nakazaniya pri sovokupnosti prestuplenii: lektsiya* [Issues of qualification and appointment of punishment at set of crimes: lecture]. Moscow: In-t povysheniya kvalifikatsii rukovodyashchikh kadrov Gen. prokuratury Ros. Federatsii, 2004, 36 p. [in Russian].
 9. Ryasov A. I. *Printsip spravedlivosti v naznachenii nakazaniya pri mnozhestvennosti prestuplenii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Principle of justice in the imposition of punishment for multiple crimes: author's abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. Stavropol, 2004, 22 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15814660>.
 10. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2016, no. 2, pp. 17–29. Available at: <https://www.vsrfl.ru/files/15743> [in Russian].
 11. *Polnyi kurs ugovolnogo prava: v 5 t. T. 1. Pod red. A. I. Korobeeva* [Full course of criminal law: in 5 vols. Vol. 1. A. I. Korobeev (Ed.)]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2008, 1133 p. [in Russian].
 12. Gorelik A. S. *Naznachenie nakazaniya po sovokupnosti* [Appointment of punishment on aggregate]. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk. kn. izd-vo, 1975, 272 p. [in Russian].
 13. *Novyi Ugolovnyi kodeks (Proekt)* [New Criminal Code (Draft)]. *Zakon: Spets. vyp.* [Law: Special Issue], 1991, 16 p. [in Russian].

14. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: Obshchaya chast': Proekt. I. M. Gal'perin i dr.* [Criminal Code of the Russian Federation: General part: Draft. I. M. Galperin et al.]. Moscow, 1994, 58 p. [in Russian].
15. *Ugolovnyi zakon: Opyt teoreticheskogo modelirovaniya. Otv. red. V. N. Kudryavtsev, S. G. Kelina* [Criminal law: Experience of theoretical modelling. V. N. Kudryavtsev, S. G. Kelina (Eds.)]. Moscow: Nauka, 1987, 280 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23493382> [in Russian].
16. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (nauchnyi proekt). Pod red. N. A. Lopashenko* [Criminal Code of the Russian Federation (scientific project). N. A. Lopashenko (Ed.)]. Moscow: Yurlitinform, 2019, 320 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36824497> [in Russian].
17. *Postanovlenie 23-go Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 4 marta 1929 g. «Ob usloviyakh primeneniya davnosti i amnistii k dlyashchimsya i prodolzhaemym prestupleniyam»* [Resolution of the 23rd Plenum of the Supreme Court of the USSR as of March 4, 1929 «On conditions for applying the Statute of limitations and Amnesty to continuing crimes»]. In: *Sudebnaya praktika k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Pod obshch. red. V. M. Lebedeva* [Judicial practice to the Criminal Code of the Russian Federation. V. M. Lebedev (Ed.)]. Moscow: Spark, 2001 (part 2), pp. 62–64. Available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-23-plenuma-verkhovnogogosuda-sssr-ot> [in Russian].
18. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 25 sentyabrya 1979 g. № 4 «O praktike rassmotreniya sudami zhalob i del o prestupleniyakh, predusmotrennykh st. 112, ch. 1 st. 130 i st. 131 UK RSFSR»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 25, 1979 № 4 «About practice of consideration by courts of complaints and affairs about the crimes provided by Article 112, part 1 of Article 130 and Article 131 of the Criminal Code of the RSFSR»]. In: *Sbornik deistvuyushchikh postanovlenii Plenumov Verkhovnykh Sudov SSSR, RSFSR i Rossiiskoi Federatsii po ugolovnym delam s kommentariyami i poyasneniyami. Otv. red. V. I. Radchenko* [Collection of acting resolutions of the Plenums of the Supreme Courts of the USSR, RSFSR and the Russian Federation on criminal cases with commentaries and explanations. V. I. Radchenko (Ed.)]. Moscow: BEK, 1999 (part 14), pp. 193–199. Available at: <http://xn--b1azaj.xn--plai/1979/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N04-ot-25.09.1979.html> [in Russian].
19. *Zatsepin A. M. Dopolnitelnaya kvalifikatsiya prestupleniya: obshchie i spetsial'nye voprosy* [Supplementary classification of crimes: general and special issues]. Moscow: Prospect, 2017. 304 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-29-33
УДК 343.238Дата: поступления статьи / Submitted: 12.12.2019
после рецензирования / Revised: 22.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

Л. В. ЛобановаВолгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: lobanova@volsu.ru**М. А. Малимонова**Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: malimonova@volsu.ru**А. П. Рожнов**Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: malimonova@volsu.ru

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: Исследование затрагивает отдельные аспекты, касающиеся дифференциации в действующем УК РФ форм (видов) множественности преступлений. Отмечается иллюзорность представлений о совокупности и рецидиве преступных посягательств как вариантах, полностью исчерпывающих явление множественности. Вносятся уточнения в некоторые группировки проявлений множественности преступлений, построенные в юридической литературе. Подчеркивается разница между понятиями «множественность, связанная (не связанная) с судимостью за предшествующее преступление» и «множественность, связанная (не связанная) с осуждением за предшествующее преступление». Определяется соотношение совокупности приговоров с формами множественности преступлений. Выявляется смысл положения, закрепленного в абзаце 1 пункта 54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Охарактеризованы условия, при которых правила назначения наказания по совокупности приговоров могут быть применены в отношении преступлений, обладающих длительной протяженностью, в частности длящихся и продолжаемых. Определенную канву работе задает обращение авторов к анализу научных подходов к классификации форм множественности преступлений, выработанных Виктором Павловичем Малковым.

Ключевые слова: вынесение приговора; действующая судимость; длящееся преступление; множественность, связанная с осуждением; продолжаемое преступление; рецидив преступлений; совокупность приговоров; формы множественности преступлений.

Цитирование. Лобанова Л. В., Малимонова М. А., Рожнов А. П. Некоторые замечания относительно классификации форм множественности преступления // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 29–33. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-29-33>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

L. V. LobanovaVolograd State University, Volgograd, Russian Federation
E-mail: lobanova@volsu.ru**M. A. Malimonova**Volograd State University, Volgograd, Russian Federation
E-mail: malimonova@volsu.ru**A. P. Rozhnov**Volograd State University, Volgograd, Russian Federation
E-mail: malimonova@volsu.ru

SOME NOTES REGARDING THE CLASSIFICATION OF FORMS OF MULTIPLICITY OF CRIMES

Abstract: This study addresses certain aspects related to the differentiation in the current Criminal Code of the Russian Federation of forms (types) of the multiplicity of crimes. The illusory nature of notions of totality and repetition of criminal intrusions as options that completely exhaust the phenomenon of multiplicity is noted. Clarifications are made in some groups of manifestations of the multiplicity of crimes available in the legal literature. The difference between concepts such as «multiplicity related (not related) to a criminal record for a previous crime» and «multiplicity related (not related) to conviction of a previous crime» is emphasized. The correlation of the cumulative sentence with forms of multiplicity of crimes is determined. The meaning of the provision enshrined in the first sub-paragraph of paragraph № 54 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the Practice of Assigning Criminal Sentence by the Courts of the Russian Federation» is revealed. The conditions under which the rules of accumulative sentencing can be applied to crimes having a long continuance, in particular, continuous offences are characterized. A definite outline of this paper is given by the author's analysis of scientific approaches to the classification of the forms of the multiplicity of crimes which had been developed by Viktor Pavlovich Malkov.

Key words: passing of a sentence; actual criminal record; continuous offence; multiplicity related to conviction; repetition of crime; cumulative sentence; forms of the multiplicity of crimes.

Citation. Lobanova L. V., Malimonova M. A., Rozhnov A. P. *Nekotorye zamechaniya otnositel'no klassifikatsii form mnozhestvennosti prestupleniya* [Some notes regarding the classification of forms of multiplicity of crimes]. *Juridicheskiy vestnik Samarского университета* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 29–33. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-29-33> [in Russian].

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© **Любовь Валентиновна Лобанова** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Волгоградский государственный университет, 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100.

Тема докторской диссертации: «Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности». Автор более 200 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «Преступления против правосудия», том 5 «Понятие преступления. Состав преступления» академического курса уголовного права в 10 томах (2016); «Специальные основания освобождения от уголовной ответственности, характеризующие обстановку совершения преступления» (2009).

Область научных интересов: понятие и категоризация преступлений; преступления против правосудия; дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности.

© **Мария Андреевна Малимонова** – ассистент кафедры уголовного права, Волгоградский государственный университет, 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100.

Автор 10 научных статей, в том числе: «Классификация последствий судимости с точки зрения уголовно-правовой науки».

Область научных интересов: судимость и ее правовые последствия; рецидив преступлений; дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности.

© **Алексей Петрович Рожнов** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Волгоградский государственный университет, 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100.

Тема кандидатской диссертации: «Правоприменительная практика как нетрадиционный источник российского права». Автор более 60 научных работ, в том числе в соавторстве: том 5 «Понятие преступления. Состав преступления» академического курса уголовного права в 10 томах (2016).

Область научных интересов: источники права; понятие и категоризация преступлений; уголовная ответственность за злоупотребление правом; дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности.

Отсутствие в действующем УК РФ статей, специально регламентирующих какие-либо иные проявления множественности преступных деяний, помимо тех ее форм, о которых идет речь в ст. 17 и 18 данного нормативного акта, создает иллюзию, будто уголовный закон предусматривает всего две формы (два вида) множественности преступлений – совокупность и рецидив.

Виктор Павлович Малков был одним из тех, кто всегда стремился преодолеть подобные заблуждения адресатов и комментаторов Уголовного кодекса России [1, с. 28]. Так, в одной из его работ утверждается необходимость выделения с учетом положений УК РФ пяти разновидностей множественности: совокупность преступлений; совершение двух или более преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание; рецидив преступлений; совокупность приговоров и совершение преступления при наличии непогашенной и неснятой судимости, не учитываемой при признании рецидива преступлений [2, с. 36].

© **Lyubov V. Lobanova** – Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law, Volgograd State University, 100, Universitetsky Avenue, Volgograd, 400062, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Crimes against justice: problems of classification of assaults, regulation and differentiation of responsibility». Author of more than 200 scientific works, including textbooks and monographs: «Crimes against justice», Volume 5, «The concept of crime. Composition of crime» of the academic course of Criminal Law in 10 volumes (2016), «Special grounds for exemption from criminal liability that characterize the situation of committing a crime» (2009).

Research interests: concept and categorization of crimes; crimes against justice; differentiation and individualization of criminal liability.

© **Maria A. Malimonova** – assistant lecturer of the Department of Criminal Law, Volgograd State University, 100, Universitetsky Avenue, Volgograd, 400062, Russian Federation.

Author of 10 research articles, including «Classification of legal consequences of a criminal record from the perspective of criminal law science».

Research interests: criminal record and its legal consequences; repetition of crime; differentiation and individualization of criminal liability.

© **Alexey P. Rozhnov** – Candidate of Legal Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of Criminal Law, Volgograd State University, 100, Universitetsky Avenue, Volgograd, 400062, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Law enforcement practice as an unconventional source of Russian law». Author of more than 60 scientific works, including textbooks written in collaboration: Volume 5 «The concept of crime. Composition of crime» of the academic course of criminal law in 10 volumes (2016).

Research interests: sources of law; concept and categorization of crimes; criminal liability for abuse of law; differentiation and individualization of criminal liability.

Не все в рассуждениях названного автора представляется бесспорным. Трудно, например, согласиться с тем, что упоминаемая в ч. 1 ст. 17 УК РФ криминальная ситуация, не признаваемая законодателем совокупностью преступлений, может рассматриваться в качестве формы множественности. Как уже отмечалось ранее, «внеся в ст. 17 УК РФ в 2004 г. изменения, законодатель на самом деле не создал новой разновидности рассматриваемого явления, а напротив, обратил внимание правоприменителя на то, что некоторые сочетания не образуют множественности, поскольку охватываются специально созданными сложными юридическими конструкциями» [3, с. 15]. Однако целый ряд других положений концептуального подхода В. П. Малкова к выделению форм множественности преступлений, на наш взгляд, представляет научную ценность.

Так, исследователь, как видим, признает самостоятельным проявлением множественности совершение преступления при наличии непогашенной и неснятой судимости, не учитываемой при признании рецидива преступлений. Этот

вывод вполне согласуется с ч. 4 ст. 18 УК РФ, в соответствии с которой рецидив связывается отношением не со всякой судимостью. Не случайно схожий тезис формулируется и другими исследователями. В этом отношении показательна, например, классификация форм множественности, построенная Т. Г. Черненко. Предложив использовать в качестве критерия группировки признак наличия (отсутствия) неаннулированной судимости, автор дистанцирует друг от друга две группы сочетания преступлений:

1) множественность, где все преступные деяния совершаются до осуждения за любое из них (множественность преступлений, не соединенная с предшествующим осуждением);

2) множественность преступлений, где последующее преступление совершается лицом, имеющим непогашенную судимость за ранее совершенное преступление (множественность преступлений, соединенная с предшествующим осуждением) [4, с. 18–19].

При этом в отношении второй группы автор высказалась следующим образом: «Множественность преступлений, соединенная с предшествующим осуждением, проявляется в таких формах, как: а) рецидив преступлений; б) совершение преступления лицом, имеющим судимость, при отсутствии признаков рецидива» [4, с. 18–19]. Развиваемая названными и иными исследователями идея [5, с. 92] созвучна утверждению о значимости судимости, не связанной с рецидивом преступлений, для решения уголовно-правовых вопросов, в частности, для дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности [3, с. 17, 324–325; 6, с. 10].

Особой заслугой В. П. Малкова, на наш взгляд, видимо, следует считать признание в качестве самостоятельной формы множественности преступлений совокупности приговоров. Упоминание о данном варианте стечения преступлений, несомненно, нарушает обрисованную выше относительно стройную классификацию. Но в этом есть свое рациональное зерно, которое не утрачивается даже с введением в научный оборот понятия «кумуляция преступлений» для объединения в единое целое криминальных ситуаций «совершения преступления осужденным, имеющим судимость за ранее совершенное преступление при отсутствии признаков рецидива» [7, с. 11]. Ведь совокупность приговоров такими ситуациями не исчерпывается, ибо она может иметь место и тогда, когда судимость на момент учинения нового преступления не успела возникнуть. Согласно закону, таковая не может появиться ранее, чем вступит в силу обвинительный приговор суда (ч. 1 ст. 86 УК РФ). Между тем в соответствии с позицией Пленума Верховного Суда РФ, отраженной в его постановлении № 58 от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» и оставшейся неизменной после коррекции данного постановления в 2016 и 2018 годах (постановления Пленума Верховного Суда РФ № 56 от 29 ноября 2016 г. и № 43 от 18 декабря 2018 г.), «правила назначения наказания по совокупности

приговоров (статья 70 УК РФ) применяются и тогда, когда на момент совершения осужденным лицом нового преступления первый приговор не вступил в законную силу» [8]. Хотя данная интерпретация не вытекает непосредственно из текста статьи, посвященной совокупности приговоров, говорить о явном противоречии закону подобного судебного толкования было бы необоснованно. Вполне можно предположить, что высший судебный орган России, как и положено, рассматривает ст. 70 УК РФ в контексте с другими положениями Уголовного кодекса, в том числе с частью 5 его статьи 69. В свою очередь, указанная часть статьи, названной последней, позволяет уточнить критерий для отрицания такой формы множественности преступлений, как их совокупность. Им служит не само по себе вынесение обвинительного приговора за какое-либо из преступных посягательств, составляющих множественность, а то обстоятельство, что этот правоприменительный акт «вклинивается» между преступлениями, разделяет их.

Наши рассуждения могут быть подкреплены также ссылками на российское процессуальное законодательство, которое явно свидетельствует о разрыве во времени между вынесением обвинительного приговора (а, значит, и осуждения лица) и его вступлением в законную силу. В самом деле, не такой ли вывод вытекает из того, что процессуальная фигура осужденного появляется с момента вынесения соответствующего приговора (ч. 2 ст. 47 УПК РФ) и что данный участник уголовного судопроизводства наделен правом обжаловать, среди прочего, решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу (ч. 1 ст. 389¹, ч. 1 ст. 389² УПК РФ)?

Зададимся, однако, еще одним вопросом. А нет ли препятствий для того, чтобы признать множественностью сочетание преступных деяний, не охватываемое конструкцией единого сложного состава преступления, которое не образует ни рецидива, ни совокупности, не связано с действующей судимостью, но при этом имеет уголовно-правовое значение именно в качестве такого сочетания? Негативный ответ на этот вопрос нам представляется очевидным.

На основе всего изложенного выше могут быть сформулированы следующие тезисы.

Первый. Понятие «множественность, связанная с осуждением за преступление» является более широким, чем понятие «множественность преступлений, связанная с судимостью за одно из них».

Второй. Своеобразие совокупности приговоров как раз и заключается в том, что за ней стоят формы множественности, обязательно связанные с осуждением, но не всегда соединенные с судимостью.

Третий. При построении группировки форм множественности совокупность преступлений следует противопоставить не множественности, связанной с судимостью, а множественности, связанной с осуждением за предшествующее поведение. Формы множественности, связанные и не связанные с судимостью, целесообразно затем

представить в виде членов последующего деления. А дистанцирование рецидива преступлений от множественности без его признаков должно производиться на еще более позднем этапе классификации применительно к множественности, связанной с судимостью.

На наш взгляд, эти тезисы не лишены практического значения. Например, с их помощью правоприменителю, возможно, будет легче понять, в каких случаях следует применять те или иные правила ужесточения наказания либо сочетание отдельных из них (в частности, и ст. 68, и ст. 70 УК РФ). Кроме того, размышления о совокупности приговоров в контексте проявлений множественности способны содействовать лучшему уяснению смысла некоторых положений уже обозначенного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в его действующей редакции.

Обратимся, в частности, к абзацу 1 п. 54 данного постановления. Здесь говорится: «При осуждении лица за делящееся или продолжаемое преступление, которое началось до и продолжилось после вынесения приговора, по которому это лицо осуждено и не отбыло наказания, за совершение делящегося или продолжаемого преступления по второму приговору суд должен назначить наказание по правилам статьи 70 УК РФ» [8]. Ведь на первый взгляд может показаться, что Пленум Верховного Суда РФ в этом случае игнорирует принцип справедливости, исключающий повторное осуждение за одно и то же преступление. Однако в действительности речь идет о преступлении, за которое предыдущим приговором виновный не был осужден, но при этом начатом до вынесения указанного судебного акта и завершившемся после его провозглашения (скажем, лишь после осуждения за кражу у лица обнаруживается и изымается оружие, начало хранения которого приходится на момент, предшествующий провозглашению первого приговора).

Кто-то может возразить, что иной вариант вообще невозможен. Ведь традиционно считается, что осуждение за делящееся либо продолжаемое преступление прекращает развитие подобного преступного деяния [9, с. 26]. Однако данная позиция неоспорима. Предположим, что главарь банды продолжает руководить ею и после осуждения его по ч. 1 ст. 209 УК РФ. Можно ли с уверенностью утверждать, что он уже совершает новое преступление? Вряд ли. Руководимая-то им ранее вооруженная группа все еще функционирует, она-то не прерывала преступной деятельности. Приведенный пример заставляет согласиться с мнением Д. С. Чикина, полагающего возможным, чтобы виновный продолжал непрерывную преступную деятельность не только «после задержания, но и после осуждения» [10, с. 22]. Однако правила статьи 70 УК РФ по изложенным нами соображениям здесь не применимы. Нельзя, конечно, не заметить рельефно выступающую проблему реакции государства на поведение осужденного, который продолжает отрицательно воздействовать на объект, взятый под охрану той статьей УК РФ, по которой

он был осужден, и тем самым наращивает уровень вредоносности совершаемого преступного посягательства. Как верно замечено в юридической науке применительно к продолжаемому преступлению, необходимо оценить «умонастроение лица, <...> его упорство в осуществлении преступного поведения» [11, с. 25]. Однако решаться обозначенная проблема должна отнюдь не с позиции института множественности и, вероятно, даже не с позиции единственно уголовно-правовых норм.

Не исключено, что это составляет проблематику всех областей юридической науки, так или иначе касающихся законодательства о противодействии преступности, и, следовательно, не вписывается в рамки нашего исследования. Что же касается последнего, то по его итогам могут быть предложены в систематизированном виде такие выводы.

1. Внимательное прочтение УК РФ способствует опровержению гипотезы, будто действующий уголовный закон России выделяет лишь две формы множественности преступлений – их совокупность и рецидив, которая могла бы быть выдвинута на основе буквального толкования текста отдельных статей указанного нормативного акта.

2. Несомненно, заслуживает поддержки мнение тех исследователей (в том числе и В. П. Малкова), которые уделили немалое внимание обоснованию необходимости обособления в классификации проявлений множественности, которые связаны с действующей судимостью за преступное деяние, предшествующее новому преступлению, а также целесообразности различия среди таких форм рецидива и множественности, связанной с действующей судимостью без признаков рецидива.

3. Рассмотрение совокупности приговоров при освещении вопроса о формах множественности не лишено рационального зерна. Преступления, разделенные фактом вынесения приговора, образуют множественность даже тогда, когда данный правоприменительный акт еще не вступил в законную силу. В. П. Малков очень близок был к этому тезису, называя совокупность приговоров самостоятельной формой множественности, хотя и не вполне точно определил взаимоотношение ситуации, описанной в ст. 70 УК РФ, с различными вариантами сочетания преступлений, находящегося в «русле» уголовно-правового воздействия. В действительности же за совокупностью приговоров стоит целая группа форм множественности, объединенных связью с осуждением за предшествующее преступное поведение. Именно эту группу в целом, включающую в себя множественность как связанную, так и не связанную с судимостью, следует противопоставить совокупности преступлений. Рецидив же преступлений и множественность, связанная с судимостью без признаков рецидива, дистанцируются друг от друга на еще более позднем этапе классификации, выступая членами деления множественности, связанной с действующей судимостью.

4. Установление связи между совокупностью приговоров и различными проявлениями множественности преступлений полезно для решения проблемы применения правил, закрепленных в ст. 70 УК РФ,

к случаям преступлений, обладающих пространственно-временной протяженностью, в том числе длящимся и продолжаемым. Такие правила применимы только тогда, когда за подобные преступные посягательства, течение которых осуществлялось как до, так и после вынесения приговора, лицо было осуждено лишь на основании нового приговора.

Библиографический список

1. Бытко Ю. И., Бытко С. Ю. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2007. 282 с.

2. Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань: Изд-во «Таглитат», ИЭУП, 2006. 140 с. URL: <https://b-ok2.org/book/3002562/72fba>.

3. Актуальные проблемы уголовного права: Курс лекций: учеб. пособие для магистрантов юрид. вузов: в 3 т. / под ред. Л. В. Лобановой. Т. 3. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. 403 с.

4. Черненко Т. Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2001. 38 с.

5. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. 300 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=1478332&pg=1>.

6. Арзамасцев М. В. Уголовно-правовые последствия судимости за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте // Уголовное право. 2013. № 3. С. 9–15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19156290>.

7. Семенова Д. М. Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019. 23 с. URL: https://ssau.ru/files/resources/dis_protection/avtoref_semenova.pdf.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Доступ из СПС «КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932 (дата обращения: 04.02.2019).

9. Гонтарь Д., Гребенкин Ф. Уголовная ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта // Уголовное право. 2005. № 3. С. 24–27.

10. Ришелюк А. Н. Длющиеся и продолжаемые преступления в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1992. 25 с.

11. Чикин Д. С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 33 с. URL: <https://www.disscat.com/content/slozhnye-edinichnye-prestupleniya-ugolovno-pravovaya-kharakteristika-problemy-kvalifikatsii/-read>.

2. Malkov V. P. *Mnozhestvennost' prestuplenii: sushchnost', vidy, pravovoe znachenie* [Multiplicity of crimes: the nature, types, legal significance]. Kazan: Izd-vo «Taglitat», IEUP, 2006, 140 p. Available at: <https://b-ok2.org/book/3002562/72fba> [in Russian].

3. *Aktual'nye problemy ugovnogo prava: Kurs lektzii: ucheb. posobie dlya magistrantov yurid. vuzov: v 3 t. Pod red. L. V. Lobanovoi. T. 3* [Topical issues of criminal law: Lecture course: study guide for graduate students of law schools: in 3 volumes. L. V. Lobanova (Ed.). Vol. 3]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2018, 403 p. [in Russian].

4. Chernenko T. G. *Mnozhestvennost' prestuplenii po rossiiskomu ugovnomu pravu: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Multiplicity of crimes under Russian criminal law: author's abstract of Doctoral of Law thesis]. Tomsk, 2001, 38 p. [in Russian].

5. Kruglikov L. L., Basiljevsky A. V. *Differentsiatsiya otvetstvennosti v ugovnom prave* [Differentiation of responsibility in criminal law]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2003, 300 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1478332&pg=1> [in Russian].

6. Arzamastsev M. V. *Ugolovno-pravovye posledstviya sudimosti za prestupleniya, sovershennye v nesovershennoletnem vozraste* [Criminal and legal consequences of a criminal record for the crimes made at minor age]. *Ugolovnoe pravo* [Ugolovnoye Pravo], 2013, no. 3, pp. 9–15. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19156290> [in Russian].

7. Semenova D. M. *Osnovanie i predely differentsiatsii ugovnoi otvetstvennosti v usloviyakh mnozhestvennosti prestuplenii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Basis and limits of differentiation of criminal liability in conditions of a multiplicity of crimes: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Samara, 2019, 23 p. Available at: https://ssau.ru/files/resources/dis_protection/avtoref_semenova.pdf [in Russian].

8. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 22.12.2015 № 58 (red. ot 18.12.2018) «O praktike naznacheniya sudami Rossiiskoi Federatsii ugovnogo nakazaniya»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 22, 2015 № 58 (as amended on December 18, 2018) «On the practice of imposing criminal punishment by the courts of the Russian Federation»]. Retrieved from «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (accessed: 04.02.2019) [in Russian].

9. Gontar D., Grebenkin F. *Ugolovnaya otvetstvennost' za neispolnenie prigovora suda, resheniya suda ili inogo sudbnogo akta* [Criminal liability for failure to execute a sentence, court decision or other judicial act]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2005, no. 3, pp. 24–27 [in Russian].

10. Rishelyuk A. N. *Dlyashchiesya i prodolzhaemye prestupleniya v ugovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Continuous offences in the criminal law: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Kyiv, 1992, 25 p. [in Russian].

11. Chikin D. S. *Slozhnye edinichnye prestupleniya (ugolovno-pravovaya kharakteristika, problemy kvalifikatsii i zakonodatel'nogo konstruirovaniya): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Complex single crimes (criminal and legal characteristics, problems of qualification and legislative construction): author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Krasnodar, 2013, 33 p. Available at: <https://www.disscat.com/content/slozhnye-edinichnye-prestupleniya-ugolovno-pravovaya-kharakteristika-problemy-kvalifikatsii/-read> [in Russian].

References

1. Bytko Yu. I., Bytko S. Yu. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnik* [Criminal law of Russia. Parts General and Special: textbook]. Saratov: Izd-vo «Nauchnaya kniga», 2007, 282 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-34-41
УДК 343.238

Дата: поступления статьи / Submitted: 17.12.2019
после рецензирования / Revised: 22.01.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

В. И. Михайлов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vim2007@yandex.ru

УЧЕНИЕ В. П. МАЛКОВА О МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОСТАВЕ ОРГАНИЗОВАННОГО ПРЕСТУПНОГО ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация: На основе анализа работ профессора В. П. Малкова показывается значение его учения о множественности преступлений для квалификации создания (организации) банды и других аналогичных преступных формирований, участия в них и совершенных в их составе преступлений. Раскрывается научная позиция В. П. Малкова, согласно которой создание (организация) преступных формирований и участие в них являются этапами совершения иных преступлений, поэтому при квалификации должны «поглощаться» другими преступлениями. Отмечается, что игнорирование того, что в Особенной части УК РФ составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность за создание (организацию) преступных формирований и участие в них, сконструированы на основе доктрины «сговора», приводит к неоправданно большим уголовным наказаниям.

Ключевые слова: учение В. П. Малкова, множественность преступлений, совокупность преступлений, единичное сложное преступление, соучастие, организованная группа, преступное сообщество, преступная организация.

Цитирование. Михайлов В. И. Учение В. П. Малкова о множественности преступлений и проблемы уголовной ответственности за деятельность в составе организованного преступного формирования // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 34–41. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-34-41>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. I. Mikhailov

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
E-mail: vim2007@yandex.ru

V. P. MALKOV'S TEACHING ON THE MULTIPLICITY OF CRIMES AND PROBLEMS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR ACTIVITIES WITHIN AN ORGANIZED CRIMINAL GROUP

Abstract: Based on the analysis of works of Professor V. P. Malkov reveals the importance of his teachings about multiple crimes for the classification of the establishment (organization) of gangs and similar criminal groups, participating and committed their crime. The author reveals the scientific position of V. P. Malkov, according to which the creation (organization) of criminal formations and participation in them are stages of committing other crimes and therefore should be «absorbed» by other crimes when qualifying. It is noted that ignored the fact that the Special part of Criminal Code of the Russian Federation offences that criminalize the creation (organization) of the criminal formation of and participation in them designed on the basis of the doctrine of «collusion» leads to unreasonably large criminal penalties.

Key words: V. P. Malkov's teaching on the multiplicity of crimes, multiple crimes, aggregate crimes, single complex crime, complicity, organized group, criminal community, criminal organization.

Citation. Mikhailov V. I. *Uchenie V. P. Malkova o mnozhestvennosti prestuplenii i problemy ugolovnoi otvetstvennosti za deyatel'nost' v sostave organizovannogo prestupnogo formirovaniya* [V. P. Malkov's teaching on the multiplicity of crimes and problems of criminal responsibility for activities within an organized criminal group]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 34–41. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-34-41> [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Валентин Иванович Михайлов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела уголовного и уголовно-процессуального законодательства, судостроительства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34.

Автор более 200 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «Противодействие легализации доходов, полученных преступным путем. Правовое регулирование, уголовная ответственность, розыскные операции и международное сотрудничество» (2002); «Правомерный вред в уголовном праве и правовой доктрине» (2011). Ряд научных

© Valentin I. Mikhailov – Doctor of Law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, chief research scientist of the Department of Criminal and Criminal Procedure Legislation, Judicial System, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34, B. Chermushkinskaya Street, Moscow, 117218, Russian Federation.

Author of more than 200 scientific works, including textbooks and monographs: «Countering the legalization of proceeds from crime. Legal regulation, criminal liability, search operations and international cooperation» (2002), «Lawful harm in criminal law and legal doctrine» (2011). A number of scientific papers written

трудов написан в соавторстве: «Таможенные преступления: уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности» (1999).

Область научных интересов: уголовное право, правомерный вред в уголовном праве (обстоятельства, исключающие преступность деяния), необходимая оборона, конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера, противодействие коррупции.

В теории российского уголовного права и в нормотворческой деятельности общепринятым является мнение, согласно которому содержание преступления сводится к осознанному деянию человека, совершаемому в определенных месте, времени и причиняющему вред соответствующим общественным отношениям. Исходя из этого, во всех нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) описаны единичные преступления.

В то же время многообразии форм деяний, осознанно совершаемых человеком, их связь и взаимосвязь приводят к тому, что одно деяние может посягать на несколько общественных отношений, и, наоборот, несколько единичных деяний могут разрушать одно общественное отношение. Более того, преступления одного лица могут быть разнородными. Преступления также могут совершать лица, уже осужденные за совершенное ранее преступление и отбывающие уголовное наказание. В связи с этим необходимо решить вопросы о том, какие уголовно-правовые последствия влечет то обстоятельство, что лицо совершило несколько преступлений; в соответствии с какими принципами, правилами устанавливать, сколько было преступлений и как это должно влиять на меру ответственности.

Все эти вопросы на практике разрешаются в рамках учения о множественности преступлений, содержание которой находит свое конкретное воплощение в двух предусмотренных УК РФ формах – совокупности и рецидива преступлений¹.

¹ До 2003 г. в УК РФ существовала еще одна форма множественности – «неоднократность», под которой понималось совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи УК РФ, а также совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями настоящего Кодекса, в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса. Эта форма множественности была исключена из УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ как не соответствующая конституционному положению о том, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции). С 2012 г. в УК РФ вновь стал появляться термин «неоднократность». Однако, представляется, правовая природа новой «неоднократности» иная, так как она является элементом института административной предикации. Преступления административной предикации – это преступления со специальным субъектом. За такие преступления к ответственности может быть привлечено только такое лицо, которое обладает дополнительным свойством – предшествующего привлечения к административной ответственности за схожее деяние. В связи с исключением из УК РФ положений о неоднократности преступлений повторно совершаемые преступления стали образовывать совокупность.

in collaboration: «Customs crimes: criminal law analysis and general issues of operational search activity» (1999).

Research interests: criminal law, lawful harm in criminal law (circumstances that exclude the criminality of the act), necessary defense, confiscation of property as another measure of a criminal legal nature, anti-corruption.

Основоположником теории множественности преступлений в уголовном праве России считается профессор Виктор Павлович Малков [1, с. 14].

В. П. Малков исходил из того, что множественностью преступлений являются такие случаи, когда одно и то же лицо последовательно до осуждения либо одним действием (бездействием) совершает два либо более преступлений, подпадающих под признаки различных либо одного и того же состава преступления, а также когда оно совершает новое(ые) преступление(я) после осуждения либо освобождения от уголовной ответственности или наказания за предыдущее преступление при условии, когда по двум из них в соответствии с законом не погашены уголовно-правовые последствия, а также отсутствуют процессуальные препятствия к возбуждению уголовного преследования [2, с. 14].

По теме множественности преступлений В. П. Малков опубликовал несколько монографий и научных статей [3–8], защитил кандидатскую [9], а затем и докторскую [10] диссертации.

Следует отметить, что этим работам присущи фундаментальность и доказательность сделанных выводов, оригинальность взглядов на многие, казалось бы, уже устоявшиеся уголовно-правовые институты и нормы. Автором проведен серьезный анализ большого числа фактологических данных, нормативных правовых актов, в том числе многих иностранных государств, научных трудов ведущих отечественных ученых.

При этом профессор В. П. Малков не боялся вступать в научную дискуссию, сочетая научный напор с деликатностью и уважением к оппоненту, и как ученый аргументированно отстаивал свою точку зрения и в тех случаях, когда высшие судебные органы страны уже сформировали соответствующую правовую позицию по тому или иному вопросу.

При обосновании в рамках учения о множественности преступлений правил ее отграничения от единичного преступления В. П. Малков исходил из того, что преступление – разновидность волевого целенаправленного поведения людей. Для достижения своих целей лицо прибегает к совершению таких действий, которыми не решаются конечные задачи, а достигаются промежуточные, вспомогательные цели. Такого рода промежуточные действия в цепи других, направленных на осуществление конечной цели, *не имеют самостоятельного значения, а приобретают характер операции, способа, средства, этапа в достижении конечной цели*. Отдельные из них при осуществлении сложной преступной деятельно-

сти могут соответствовать с формальной стороны признакам определенных самостоятельных преступлений. Но коль скоро с точки зрения уголовного закона они оцениваются не изолированно, а в цепи со всеми другими преступными действиями, то это придает им особый социально-правовой смысл, в отличие от того, который бы они имели, будучи совершенными изолированно. Поэтому, по мнению В. П. Малкова, *подобные действия являются составными элементами сложного преступления и не подлежат самостоятельной правовой квалификации*. Из этого тезиса следовал вывод: *«Если одно общественно опасное действие, предусмотренное уголовным законом в качестве самостоятельного преступления, является способом, а также формой совершения другого более тяжкого преступления либо является необходимым (имманентным) компонентом, этапом более тяжкого преступного деяния, то поглощается этим более тяжким преступлением»* [2, с. 14–16]. При этом В. П. Малков подчеркивал, что поглощение подобных преступных действий составом более тяжкого преступления не извращает правовую природу содеянного. Коль скоро поглощение преступных действий, как правило, происходит в рамках более строго наказуемого преступления, то это ведет к тому, что суд назначает виновному наказание в пределах того же максимума, как и в случае, если бы соответствующие преступные действия были квалифицированы по нескольким статьям уголовного закона [2, с. 14–16].

Как представляется, обоснованный В. П. Малковым способ квалификации путем поглощения «этапного преступления» «конечным преступлением» в современных условиях приобретает особую актуальность применительно к случаям создания банды, террористического сообщества, террористической организации, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества, экстремистского сообщества и экстремистской организации, а также участия в них (ст. 205⁴, 205⁵, 208, 209, 210, 282¹ и 292² УК РФ).

В теории российского уголовного права по вопросу квалификации создания различных преступных формирований или участия в них и совершения в их составе преступлений существуют различные мнения.

Одни авторы в рамках предложенного В. П. Малковым подхода предлагали совершенные, например, бандой преступления оценивать как бандитизм без дополнительной ссылки на соответствующие статьи уголовного закона, предусматривающие ответственность за преступления против личности и собственности, исходя из того, что объективная сторона бандитизма охватывает и совершения подобных преступлений [11, с. 100].

Другие посчитали, что квалификация по совокупности бандитизма и иного преступления возможна лишь в случаях совершения бандой действий, общественная опасность которых выше, чем бандитизм [12, с. 108], либо действий, образующих самостоятельные составы тяжкого или особо тяжкого преступления [13, с. 363].

В судебной практике этот вопрос также решался по-разному. В одних случаях все совершенное бандой, в том числе и убийство, высшей судебной инстанцией страны предлагалось квалифицировать как бандитизм без дополнительной квалификации по другим статьям уголовного закона [14]. В других случаях предписывалось преступление, совершенное вооруженной бандой, квалифицировать со ссылкой на совокупность статей уголовного закона, предусматривающих ответственность за бандитизм и за соответствующее преступление [15].

Правовая позиция о квалификации по совокупности создания преступного формирования (участия в нем) и совершаемых в составе преступного формирования преступлений отражена также в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1997 № 1, 10.06.2010 № 12, 09.02.2012 № 1, 28.06.2011 № 11, посвященных, соответственно, практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм, организацию преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней), за преступления террористической и экстремистской направленности [16–19].

Несмотря на указания высшей судебной инстанции, на практике уголовные дела, как правило, возбуждаются по фактам не создания преступных формирований или участия в них, а совершения конкретных преступлений членами таких формирований. В литературе редкое привлечение к уголовной ответственности за само по себе создание преступных формирований и за участие в их деятельности обычно объясняют юридико-техническим несовершенством соответствующих норм Особенной части УК РФ.

Однако причина, как представляется, кроется в игнорировании того, что теоретической основой конструирования составов преступлений Особенной части УК РФ об уголовной ответственности за создание различных преступных формирований и за участия в них является не доктрина «соучастия», которая традиционно используется в российской правовой системе, а концепция «сговора».

В российской правовой системе при объяснении ответственности за создание различных преступных структур традиционно используется концепция акцессорной (лат. *accessorium* – «дополнительный», «несамостоятельный») природы совместного совершения преступления несколькими лицами [20–22]. М. И. Ковалев отмечал, что сущность теории акцессорности соучастия заключена в признании того очевидного факта, что без исполнителя нет и соучастия, что особые условия и формы ответственности соучастников возможны только в том случае, если исполнитель выполнил задуманный соучастниками состав преступления, или, по крайней мере, начал его исполнение. Стержень этого единства – исполнитель. И если его нет, то соучастие рассыпается, как карточный домик. Соучастие по самой своей сущности акцессорно, зависимо от действий исполнителя [23, с. 98–99].

В рамках такой доктрины логично утверждение о том, что само по себе наличие договоренности о совместной преступной деятельности не может быть самостоятельным основанием уголовного преследования.

Это положение корреспондирует, с одной стороны, с уже отмеченной позицией В. П. Малкова на правовую природу единичного сложного преступления, в том числе бандитизма, с другой стороны, с нормой ч. 2 ст. 30 УК РФ, согласно которой *сговор (достижение договоренности) нескольких лиц о совершении преступления является приготовлением к совершению преступления*. Вместе с тем в Особенной части УК РФ уже закреплены несколько случаев, когда достижение договоренности нескольких лиц о совершении преступлений признается окончательным преступлением (например, ст. 205⁴, 205⁵, 208, 209, 210, 282¹, 282² УК РФ).

В теории уголовного права это противоречие – о понимании приготовления к преступлению как самостоятельного окончательного преступления в связи с квалификацией преступной деятельности лиц в составе преступных формирований – объясняют тем, что соответствующие группы являются соучастием особого рода, и приготовление к преступлению может иметь исключительный характер. Так, Н. Д. Дурманов в монографии, изданной в 1955 г., при анализе положений Особенной части УК РСФСР 1926 г. об ответственности за организационную деятельность, выраженную в подготовке или совершении контрреволюционных преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из контрреволюционных преступлений (ст. 58¹¹ УК РСФСР 1926 г.), отмечал, что сговор преступников на совершение преступления, *вне сомнения, надо считать одним из видов приготовления, так же как и организацию преступного сообщества или участия в нем – приготовлением, но особого рода, имеющим известные отличия*. Такая конструкция состава, по его мнению, является исключением, вызываемым прежде всего особенностями объекта посягательства [24, с. 77].

Другая группа ученых объясняет указанное противоречие в рамках теории преступлений с *усеченным составом*, когда момент окончания преступления законодатель переносит на начало преступной деятельности, внешне напоминающей приготовление или покушение [25, с. 27; 26, с. 83, 126; 27].

А. Н. Мондохонов, разграничивая разбой и бандитизм, заключил, что стадия создания любого организованного преступного формирования, по сути, является стадией приготовления к совершению преступления [28, с. 16–38].

Представляется, что фактически теоретической основой конструирования в Особенной части УК РФ составов преступлений об уголовной ответственности за организацию (создание) террористического сообщества, незаконного вооруженного формирования, банды, преступного со-

общества, организации незаконной миграции и другие случаи создания преступных объединений (ст. 205⁴, 295⁵, 208, 209, 210, 239, 279, 282¹, 282², 322¹ УК РФ) является *доктрина «сговора»*, в соответствии с которой создание организованной структуры для совершения преступлений признается окончательным преступлением в момент достижения договоренности вне зависимости от того, совершено или нет в исполнение договоренности какое-либо из деяний Особенной части.

Сговор как правовая доктрина получил активное развитие в англо-американской системе, и его основными характеристиками признаются: соглашение минимум двух лиц; окончательность преступления в момент достижения лицами соглашения, независимо от того, началась реализация целей или еще требуется уточнение некоторых деталей; раскаяние или выход из соглашения одного или нескольких участников не освобождает от ответственности других; необязательно, чтобы все участники сговора выразили желание участвовать в соглашении одновременно; не все участники сговора могут знать друг друга или поддерживать между собой какую-либо связь; не всем участникам сговора могут быть ясны цели соглашения [29, с. 43–44].

Сговор на совершение преступлений (достижение договоренности) имеет свой объект преступного посягательства. Законодательство Российской Федерации закрепляет право физических лиц на объединения, определяет порядок организации и функционирования таких объединений и тем самым устанавливает характер социальных связей между членами общества. Создание устойчивых групп лиц в целях осуществления террористической деятельности, вооруженных отрядов, банд и др. нарушает законодательно закрепленное право личности на объединение и тем самым причиняет вред общественному отношению в связи с нормальной реализацией этого политического права.

Объективная сторона сговора представляет собой достижение соглашения нескольких лиц на совершение одного или нескольких преступлений (фактически о преступной деятельности) при наличии реальной возможности к этому и субъективной готовности действовать подобным образом. Сговор может быть договоренностью об использовании противоправных средств для достижения правомерных целей.

С учетом *субъективной стороны сговора* достижение договоренности между несколькими лицами о совместном совершении преступлений является окончательным преступлением при условии, что эти лица осознают преступность целей их объединения и групповой характер своих действий, имеют возможность и субъективную готовность совместно совершать преступления.

Вопрос о минимальном числе *субъектов* незаконного вооруженного формирования подлежит дальнейшему изучению в рамках исследования, специально посвященного концепции сговора.

Создание преступных формирований для совершения преступлений и участие в деятельности таких формирований обладают массовостью (распространенностью), типичностью и устойчивостью своих проявлений [30, с. 208–242], а также общественной опасностью, степень которой свойственна преступлению.

Таким образом, преступления, которые в целом можно определить как создание преступных формирований для совершения преступлений (ст. 205⁴, 2955, 208, 209, 210, 239, 279, 282¹, 282², 322¹ УК РФ), фактически основываются на доктрине «сговора». Эти преступления, с одной стороны, обладают сочетанием свойственных только им признаков и не входят ни в одну из указанных в ст. 35 УК РФ форм соучастия, а с другой стороны, несводимы к приготовлению совершения соответствующих преступлений.

Нормативные предписания об уголовной ответственности за создание различных преступных формирований и участие в них следует привести в соответствие с реальным положением дел и исключить из ст. 35 УК РФ, сформулированной на базе доктрины «соучастия», упоминание о преступном сообществе, переименовав главу 7 УК РФ с учетом концепции «сговора» и закрепив соответствующее понятие в новой ст. 35¹ УК РФ.

Еще одним серьезным показателем непоследовательности в применении теоретических основ построения норм УК РФ об уголовной ответственности за создание преступных формирований и участие в них являются санкции.

За создание (организацию) террористического сообщества, террористической организации, незаконного вооруженного формирования, банды, преступного сообщества предусмотрено лишение свободы от 10–12 до 15–20 лет. За участие в указанных преступных формированиях определено лишение свободы от 7–15 до 15–20 лет.

Устанавливая такие уголовные наказания, законодатель, видимо, исходил из того, что совершенные их участниками преступления «поглощают» создание преступных формирований (участие в них). Но в указанных постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации предписывается квалифицировать по совокупности создание преступного формирования (участие в нем) и совершение в его составе преступлений. Поэтому применение уголовного наказания за сам по себе факт участия в любом из предусмотренных Особенной частью УК РФ преступных формирований в виде 10–12 лет лишения свободы представляется не соответствующим общественной опасности этих действий и несправедливым.

Под участием в указанных преступных формированиях понимается вхождение лица в состав такого формирования с намерением участвовать в подготовке или совершении одного либо нескольких преступлений, принятие присяги, дача подписки или устного согласия, получение формы, оружия, выполнение лицом функциональных обязанностей по финансированию, обеспечению

информацией и иному обеспечению деятельности такого формирования, обеспечение оружием, транспортом, подыскание объектов для нападения. В связи с этим можно предположить, что неадекватная общественной опасности участия в соответствующих преступных формированиях суровость уголовных наказаний сдерживает правоохранительные органы и суды в вопросах привлечения к уголовной ответственности за само по себе создание (организацию) какого-либо из указанных преступного формирования и участия в нем.

Кстати, аналогичная ситуация также была предметом научного осмысления профессора В. П. Малкова. Анализируя правовую позицию Президиума Верховного Суда РСФСР, в соответствии с которой в тех случаях, когда действия, дезорганизующие работу исправительно-трудового учреждения, сопряжены с убийством или покушением на него, последние не охватываются составом преступления, предусмотренным ст. 77¹ «Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений» УК РСФСР, и должны по общим принципам уголовного законодательства получить соответствующую дополнительную юридическую квалификацию, В. П. Малков отметил, что трудно было бы санкционировать ст. 77¹ УК РСФСР в виде лишения свободы от 8 до 15 лет или смертной казни признать справедливой, если бы в соответствии с нею карались только действия, выражающиеся в глумлении и истязаниях заключенных, нанесении им и представителям администрации тяжких и иных телесных повреждений. Именно поэтому он на основе имеющейся в его распоряжении судебной практики полагал, что в таких случаях более тяжкое преступление – действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, – должно «поглощать» менее тяжкие преступления, выраженные в терроризировании в местах лишения свободы заключенных, вставших на путь исправления, или нападении на администрацию [3, с. 107–110].

Можно заключить, что игнорирование особенностей теории, на основе которой сконструированы составы преступлений Особенной части, предусматривающие ответственность за создание (организацию) различных преступных формирований и участие в них, привело к установлению, как представляется, неоправданно суровых уголовных наказаний за их совершение. Это снижает предупредительную роль уголовного закона, так как объективно механизм уголовно-правового реагирования «включается» не на стадии не создания (организации) преступного формирования, а на стадии совершения в составе преступных формирований тяжких или особо тяжких преступлений.

Как верно отметил А. Г. Безверхов, дело не только в проверенных временем законодательных конструкциях, но и в их замысловатых комбинациях [31, с. 49], которые также необходимо учитывать при подготовке проектов уголовных законов и организации их исполнения.

Библиографический список

1. Безверхов А. Г., Кленова Т. В. Виктор Павлович Малков (1931–2019). Памяти выдающегося отечественного ученого // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 7–10. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-7-9>.
2. Малков В. П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1982. 173 с. URL: http://www.adhdportal.com/book_1518.html.
3. Малков В. П. Повторность преступлений. Понятие и уголовно-правовое значение. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. 172 с. URL: <https://b-ok2.org/book/3254082/0ba5c5>.
4. Малков В. П. Множественность преступлений как институт общей части советского уголовного права // Демократия и право развитого социалистического общества: материалы Всесоюзной науч. конф., 21–23 ноября 1973 г. Москва, 1975. С. 382–384.
5. Малков В. П. Совокупность преступлений. Вопросы квалификации и назначения наказания. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. 307 с.
6. Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань: Таглитат, 2006. 140 с. URL: <https://b-ok2.org/book/3002562/72fbae>.
7. Малков В. П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 179–192. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11660359>.
8. Малков В. П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 179–186. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18912672>.
9. Малков В. П. Повторность преступлений по советскому уголовному праву: понятие и уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1967. 19 с.
10. Малков В. П. Множественность преступлений по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва: Изд-во Казан. ун-та, 1974. 31 с.
11. Дьяков С. В., Игнатъев А. А., Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления. Москва: Юрид. лит., 1988. 224 с.
12. Комиссаров В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложников и другие тяжкие преступления против общественной безопасности по новому УК РФ. Москва: Кросна-Лекс, 1997. 159 с.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко. Москва: Вердикт, 1997. 648 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=670666&pg=1>.
14. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27.06.1975 № 4 «О судебной практике по делам об умышленном убийстве». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://324797.ru/pomstanovlenie-plouenu>.
16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://pravo163.ru/postanovlenie-plenuma-verhovnogo-suda-rossijskoj-federacii-1-ot-17-yanvarya-1997-g-o-praktike-primeneniya-sudami-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-banditizm>.
17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
20. Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. Москва: ВЮЗИ, 1958. 96 с.
21. Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по советскому уголовному праву. Москва: Госюриздат, 1959. 255 с. URL: <https://ru.b-ok2.org/book/3175712/2c3c45>.
22. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. 362 с. URL: <https://b-ok.xyz/book/2449933/e6e20d>.
23. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 1. Понятие соучастия. Свердловский юрид. ин-т. Ученые труды. Т. 3. Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1960. 287 с.
24. Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. Москва: Госюриздат, 1955. 211 с. URL: <https://b-ok2.org/book/3127108/312972>.
25. Борзенков Г. Н. Уголовно-правовые проблемы охраны имущества граждан от корыстных посягательств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1991. 51 с.
26. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. IV / под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2008. 1133 с.
27. Агапов П. Преступления против общественной безопасности, сопряженные с организованной преступной деятельностью. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://ru.b-ok.xyz/book/3228771/bcae7a>.
28. Мондохонов А. Н. Создание, руководство и участие в организованной группе // Законность. 2012. № 10. С. 36–38. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18146966>.
29. Козочкин И. Д. Ответственность за сговор по уголовному праву США // Государство и право. 2009. № 10. С. 42–61. URL: <http://naukarus.com/otvetstvennost-za-sgovor-po-ugolovnomu-pravu-ssha>.
30. Основания уголовно-правового запрета. Москва: Наука, 1982. 303 с. URL: <https://b-ok.xyz/book/3210602/697828>.

31. Безверхов А. Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17717752>.

References

1. Bezverkhov A. G., Klenova T. V. *Viktor Pavlovich Malkov (1931–2019). Pamyati vydayushchegosya otechestvennogo uchenogo* [Viktor Pavlovich Malkov (1931–2019). In memory of the outstanding Russian scientist]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 7–10. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-7-9> [in Russian].

2. Malkov V. P. *Mnozhestvennost' prestuplenii i ee formy po sovetskomu ugovolnomu pravu* [Multiplicity of crimes and its forms in Soviet criminal law]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1982, 173 p. Available at: http://www.adhportal.com/book_1518.html [in Russian].

3. Malkov V. P. *Povtornost' prestuplenii. Ponyatie i ugovolno-pravovoe znachenie* [Repetition of crimes. The notion and criminal-legal significance]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1970, 172 p. Available at: <https://b-ok2.org/book/3254082/0ba5c5> [in Russian].

4. Malkov V. P. *Mnozhestvennost' prestuplenii kak institut obshchei chasti sovetskogo ugovolnogo prava* [Plurality of crimes as an institution of the General part of the Soviet criminal law]. In: *Demokratiya i pravo razvitoogo sotsialisticheskogo obshchestva. Materialy Vsesoyuznoi nauchnoi konferentsii, 21–23 noyabrya 1973 g.* [Democracy and law of the developed socialist society. Proceedings of the all-Union scientific conference, November 21–23, 1973]. Moscow, 1975, pp. 382–384 [in Russian].

5. Malkov V. P. *Sovokupnost' prestuplenii. Voprosy kvalifikatsii i naznacheniya nakazaniya* [Set of crimes. Issues of qualification and sentencing]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1974, 307 p. [in Russian].

6. Malkov V. P. *Mnozhestvennost' prestuplenii: sushchnost', vidy, pravovoe znachenie* [Multiplicity of crimes: essence, types, legal significance]. Kazan: Taglimat, 2006, 140 p. Available at: <https://b-ok2.org/book/3002562/72fba> [in Russian].

7. Malkov V. P. *Institut mnozhestvennosti prestuplenii v doktrine i ugovolnom zakonodatel'stve Rossii* [Institute of crime multiplicity in the doctrine and the Russian criminal law]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual Problems of Economics and Law], 2008, no. 4, pp. 179–192. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11660359> [in Russian].

8. Malkov V. P. *Neodnokratnost' pravonarusheniya i administrativnaya preyuditsiya kak sredstva kriminalizatsii i dekriminalizatsii sodeyannogo v rossiiskom ugovolnom prave* [Repeatedness of Offences and Administrative Prejudice as Means of Criminalization and Decriminalization of Deeds Committed in the Russian Criminal Law]. *Biblioteka kriminalista*, 2013, no. 2, pp. 179–186. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18912672> [in Russian].

9. Malkov V. P. *Povtornost' prestuplenii po sovetskomu ugovolnomu pravu: ponyatie i ugovolno-pravovoe znachenie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Repetition of crimes under Soviet criminal law: the concept and criminal-legal significance: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow: Izd-vo Mosk. gos. un-ta im. M. V. Lomonosova, 1967, 19 p. [in Russian].

10. Malkov V. P. *Mnozhestvennost' prestuplenii po sovetskomu ugovolnomu pravu: avtoref. dis. ... d-ra jurid.*

nauk [Multiplicity of crimes under Soviet criminal law: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow: Izd-vo Kazan. un-ta, 1974, 31 p. [in Russian].

11. Duykov S. V., Ignatev A. A., Karpushin M. P. *Otvetstvennost' za gosudarstvennyye prestupleniya* [Responsibility for crimes against the state]. Moscow: Yurid. lit., 1988, 224 p. [in Russian].

12. Komissarov V. S. *Terrorizm, banditizm, zakhvat zolozhnikov i drugie tyazhkie prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti po novomu UK RF* [Terrorism, banditry, hostage-taking and other serious crimes against public security under the new Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Krosna-Lex, 1997, 159 p. [in Russian].

13. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Otv. red. V. I. Radchenko* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. V. I. Radchenko (Ed.)]. Moscow: Verdikt, 1997, 648 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=670666&pg=1> [in Russian].

14. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 27.06.1975 № 4 «O sudebnoi praktike po delam ob umyshlennom ubiistve»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR dated 27.06.1975 № 4 «On judicial practice with regard to cases of premeditated murder»]. Retrieved from reference retrieval system «ConsultantPlus» [in Russian].

15. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 15.06.2006 № 14 «O sudebnoi praktike po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s narkoticheskimi sredstvami, psikhotropnymi, sil'nodeistvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.06.2006 № 14 «On judicial practice with regard to cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances»]. Retrieved from reference retrieval system «ConsultantPlus». Available at: <http://324797.ru/pomstanovlenie-plouenu> [in Russian].

16. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 17.01.1997 № 1 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za banditizm»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 dated 17.01.1997 «On the practice of applying by the courts of the legislation on liability for banditry»]. Retrieved from reference retrieval system «ConsultantPlus». Available at: <https://pravo163.ru/postanovlenie-plenuma-verhovnogo-suda-rossijskoj-federacii-1-ot-17-yanvary-1997-g-o-praktike-primeneniya-sudami-zakonodatel'stva-ob-otvetstvennosti-za-banditizm> [in Russian].

17. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 10.06.2010 № 12 «O sudebnoi praktike rassmotreniya ugovolnykh del ob organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii) ili uchastii v nem (nei)»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.06.2010 № 12 «On judicial practice of consideration of criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it»]. Retrieved from reference retrieval system «ConsultantPlus». Available at: <https://base.garant.ru/1795384> [in Russian].

18. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 09.02.2012 № 1 «O nekotorykh voprosakh sudebnoi praktiki po ugovolnym delam o prestupleniyakh terroristicheskoi napravlenosti»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.02.2012 № 1 «On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes of a terrorist nature»]. Retrieved from reference retrieval

system «ConsultantPlus». Available at: <https://base.garant.ru/70137188> [in Russian].

19. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 28.06.2011 № 11 «O sudebnoi praktike po ugovolnym delam o prestupleniyakh ekstremistskoi napravlenosti»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 11 dated 28.06.2011 «On judicial practice in criminal cases of crimes of an extremist nature»]. Retrieved from reference retrieval system «ConsultantPlus». Available at: <https://base.garant.ru/58202247> [in Russian].

20. Schneider M. A. *Souchastie v prestuplenii po sovetskomu ugovolnomu pravu* [Complicity in crime under Soviet criminal law]. Moscow: VyuZI, 1958, 96 p. [in Russian].

21. Grishaev P. I., Krieger G. A. *Souchastie po sovetskomu ugovolnomu pravu* [Complicity in Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat, 1959, 255 p. Available at: <https://ru.b-ok2.org/book/3175712/2c3c45> [in Russian].

22. Kozlov A. P. *Souchastie: traditsii i real'nost'* [Conspiracy. Traditions and reality]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2001, 362 p. Available at: <https://b-ok.xyz/book/2449933/e6e20d> [in Russian].

23. Kovalev M. I. *Souchastie v prestuplenii. Ch. 1. Ponyatie souchastiya. Sverdlovskii yurid. in-t. Uchenye trudy. T. 3* [Complicity in a crime. Part 1. The concept of complicity. Sverdlovsk Juridical Institute. Scientific works. Vol. 3]. Sverdlovsk: Sverdlovskii yurid. in-t, 1960, 287 p. Available at: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1147049> [in Russian].

24. Durmanov N. D. *Stadii soversheniya prestupleniya po sovetskomu ugovolnomu pravu* [Stages of committing a crime under Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat, 1955, 211 p. Available at: <https://b-ok2.org/book/3127108/312972> [in Russian].

25. Borzenkov G. N. *Ugolovno-pravovye problemy okhrany imushchestva grazhdan ot korystnykh posyagatel'stv: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal-legal problems of protection of property of citizens from mercenary encroachments: author's abstract of Doctoral of Laws thesis]. Moscow, 1991, 51 p. [in Russian].

26. *Polnyi kurs ugovolnogo prava: v 5 t. T. IV. Pod red. A. I. Korobeeva* [A full course of criminal law: in 5 vols. Vol. IV. A. I. Korobeev (Ed.)]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2008, 1133 p. [in Russian].

27. Agapov P. *Prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti, sopryazhennyye s organizovannoi prestupnoi deyatel'nost'yu* [Crimes against public security associated with organized criminal activity]. Retrieved from reference retrieval system «ConsultantPlus». Available at: <https://ru.b-ok.xyz/book/3228771/bcae7a> [in Russian].

28. Mondohonov A. N. *Sozdanie, rukovodstvo i uchastie v organizovannoi grupe* [Activity of Organized Groups Founder]. *Zakonnost'*, 2012, no. 10, pp. 36–38. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18146966> [in Russian].

29. Kozochkin I. D. *Otvetstvennost' za sgovor po ugovolnomu pravu SShA* [Responsibility for collusion in the Criminal Law of the United States]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2009, no. 10, pp. 42–61. Available at: <http://naukarus.com/otvetstvennost-zasgovor-po-ugolovnomu-pravu-ssha> [in Russian].

30. *Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta* [Foundations of the criminal legal prohibition]. Moscow: Nauka, 1982, 303 p. Available at: <https://b-ok.xyz/book/3210602/697828> [in Russian].

31. Bezverkhov A. G. *Vozvrashchenie «administrativnoi preyuditsii» v ugovolnoe zakonodatel'stvo Rossii* [Return of «administrative prejudice» in the criminal legislation of Russia]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 2012, no. 1, pp. 48–53. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17717752> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-42-46
УДК 343.43

Дата: поступления статьи / Submitted: 22.01.2020
после рецензирования / Revised: 24.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

Л. В. Иногамова-Хегай

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: inogamova-hegay@yandex.ru

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ И КОНКУРЕНЦИЯ НОРМ О ПОСЯГАТЕЛЬСТВАХ ПРОТИВ ФИЗИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ ЛИЦА

Аннотация: В статье приводятся положения и правила множественности преступлений и конкуренции уголовно-правовых норм. На основе этих правил анализируются вопросы квалификации посягательств против физической свободы лица. Похищение человека рассматривается как составное преступление, в структуру которого включается незаконное лишение свободы. Исследуются рекомендации Верховного Суда РФ по квалификации преступлений против физической свободы лица; обосновывается квалификация умышленного причинения тяжкого вреда здоровью при похищении человека и торговле людьми не по признаку «насилие, опасное для жизни или здоровья человека», а особо квалифицирующему признаку в виде иных тяжких последствий.

Ключевые слова: множественность преступлений; совокупность преступлений; конкуренция; похищение человека; умышленный тяжкий вред здоровью человека; иные тяжкие последствия; насилие, опасное для жизни или здоровья человека; торговля людьми.

Цитирование. Иногамова-Хегай Л. В. Множественность и конкуренция норм о посягательствах против физической свободы лица // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 42–46. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-42-46>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

L. V. Inogamova-Hegai

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation
E-mail: inogamova-hegay@yandex.ru

MULTIPLICITY AND COMPETITION OF NORMS ON CRIMES AGAINST PHYSICAL FREEDOM OF PERSON

Abstract: The rules of multiplicity and competition of criminal norms are researched in the article. The issues of qualification of assaults against physical freedom of person are analysed in according to these rules. Stealing of a person is considered as composite crime including illegal deprivation of freedom. Recommendations of the Supreme Court of the Russian Federation are researched on qualification of crimes against physical freedom of person. The qualification of intentional grievous bodily harm during kidnapping and human trafficking is justified not on the basis of «violence dangerous to human life or health», but on a particularly qualifying feature in the form of other grave consequences.

Key words: multiple crimes, aggregate crimes, competition, stealing of person, intentional grave harm to health of person, other grave consequences, violence dangerous for life or health of person, human trafficking.

Citation. Inogamova-Hegai L.V. *Mnozhestvennost' i konkurenciya norm o posyagatelstvakh protiv fizicheskoy svobody litsa* [Multiplicity and competition of norms on crimes against physical freedom of person]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 42–46. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-42-46> [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Людмила Валентиновна Иногамова-Хегай – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

Тема докторской диссертации: «Конкуренция уголовно-правовых норм». Автор более 450 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания» (1992), «Конкуренция норм уголовного права» (1999), «Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступления» (2002), «Международное уголовное право» (2003), «Преступления против правосудия» (2005), «Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм» (2016). Ряд работ написан в соавторстве: «Российское уголовное право» (в 2 т., 2010), «Уголовное право Российской Федерации Общая и Особенная части» (2013), «Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая» (2019), «Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная» (2019).

Область научных интересов: конкуренция уголовных норм, квалификация преступлений, международное уголовное право.

© Lyudmila V. Inogamova-Hegai – Doctor of Law, professor, professor of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9, Sadovaya-Kudrinskaya Street, Moscow, 125993, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Competition of norms of criminal law». Author of more 450 scientific works, including textbooks and monographs: «Conditional-early release from serving punishment» (1992), «Competition of criminal norms» (1999), «Competition of criminal norms under qualification of crimes» (2002), «International criminal law» (2003), «Crimes against justice» (2005), «Conceptual foundations of competition of criminal norms» (2016). A number of scientific papers written in coauthorship: «Russian criminal law (in 2 vols., 2010), «Criminal law of the Russian Federation. Common and Special parts» (2013), «Actual problems of criminal law. General part» (2019), «Actual problems of criminal law. Special part» (2019).

Research interests: competition of criminal norms, qualification of crimes, international criminal law.

Множественность преступлений как самостоятельный институт уголовного права был разработан благодаря фундаментальным и многочисленным работам В. П. Малкова [1]. Один из основоположников института множественности преступлений советского уголовного права обосновал сущность, значение, формы и квалификацию сочетания двух и более преступлений. По мнению В. П. Малкова, повторностью преступлений «охватываются те случаи, когда виновный и в первом и последующих случаях совершил оконченное преступление, и те из них, когда вначале им учинено покушение либо сделано приготовление, а затем оконченное преступление и наоборот... Повторность преступлений будет и тогда, когда лицо... являлось исполнителем, а при учинении последующего преступного деяния – соучастником (подстрекателем, пособником и т. д.) и наоборот» [2, с. 130–131].

Приведенное положение В. П. Малкова о двух и более преступлениях сохраняет свое значение по настоящее время. Встречается оспоримое отрицание второго преступления, если оно не совпадает с предыдущим из-за различия в этапах совершения преступления или выполняемых ролей. Такое отрицание приводит некоторых исследователей и практических работников к выводу об отсутствии квалифицирующего признака в виде совершения преступления в отношении двух и более лиц [3]. Верховный Суд РФ указал, что К. выполнял разные функции: при убийстве Г. и М. был пособником, а при убийстве З. он выступал исполнителем преступления. Судебная коллегия Верховного Суда РФ отметила при этом, что толкование норм уголовного законодательства дает основание сделать вывод, что пособничество в убийстве одного человека (как и организация либо подстрекательство к убийству) и убийство другого, вне зависимости от последовательности их выполнения, не образуют одно преступление с квалифицирующим признаком «убийство двух и более лиц», предусмотренным п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а подлежат квалификации как два самостоятельных преступления.

Как известно, в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривается учтенная реальная совокупность преступлений, что рассматривается как единое сложное составное суммарное преступление в соответствии с ч. 1 ст. 17 УК РФ. Юридически имеется одно преступление, квалифицируемое по действующему УК РФ один раз по ст. 105, хотя фактически совершаются последовательно два убийства, что верно обосновывал В. П. Малков.

В другой работе «Совокупность преступлений» основатель института множественности преступлений отмечал, что «совокупность преступлений имеет место тогда, когда предметом разбирательства судебно-следственных органов является совершение лицом двух и более преступлений, предусмотренных различными статьями уголовного закона, ни за одно из которых оно не

было осуждено и по которым не погашены юридические последствия либо не имеется процессуальных препятствий для уголовного преследования» [4, с. 309–314]. Приведенная дефиниция с учетом реформирования понятий совокупности преступлений федеральными законами от 8 декабря 2003 г. и 21 июля 2004 г. охватывает как реальную, так и идеальную совокупности [5; 12]. Единственное уточнение дефиниции касается вида статей, которыми могут предусматриваться два и более преступлений. В настоящее время в контексте изменений, внесенных вышеуказанными федеральными законами, множественность преступлений может охватываться и одной и той же статьей УК РФ. К примеру, три акта незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, совершенные одним заведующим отделением с разными намерениями, в отношении трех лиц, и не связанные между собой (реальная совокупность), будут квалифицированы три раза по ч. 2 ст. 128 УК РФ, то есть по одной и той же статье УК РФ. Аналогично посягательства, находящиеся в идеальной совокупности преступлений, могут также квалифицироваться по одной и той же статье УК РФ. Например, потерпевший в судебном процессе одним актом оскорбил и прокурора, и судью. Это оскорбление прокурора охватывается ч. 1 ст. 297 УК РФ – неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства; оскорбление судьи одновременно предусматривается ч. 2 этой же статьи – то же деяние, выразившееся в оскорблении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия. Таким образом, потерпевший совершил одним оскорблением два преступления, квалифицируемые по ч. 1 и 2 ст. 297 УК РФ.

Разработанные правила форм множественности и в первую очередь значимые в настоящее время положения о совокупности преступлений позволяют квалифицировать содеянное как совокупность посягательств или, напротив, как единое преступление.

Одним из существенных вопросов квалификации деяний является применение положений о конкуренции уголовно-правовых норм, приводящее к установлению одного преступления либо к констатации совокупности преступлений, когда одна норма не может охватить содеянное.

Несмотря на имеющиеся правила определения множественности преступлений и конкуренции уголовно-правовых норм, в науке уголовного права и судебной практике не достигнуто единого мнения по квалификации ряда преступлений, включая посягательства против физической свободы лица.

Например, принятое 24 декабря 2019 г. постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»

не смогло внести полной ясности в вопросы квалификации названных преступлений [6].

Следует признать правильной рекомендацию Верховного Суда РФ в п. 4 этого постановления, что в случае перерастания первоначального незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ) в похищение человека (ст. 126 УК РФ) квалифицировать деяние нужно только по ст. 126 УК РФ. В этой ситуации уголовно-правовая норма о похищении человека как целое включает норму о незаконном лишении свободы как часть, поэтому указывать в квалификации необходимо одну ст. 126 УК РФ.

Обоснованным является и положение, предусмотренное абзацем 1 п. 5 рассматриваемого постановления, что применение насилия, неопасного для жизни или здоровья человека, охватывается ч. 1 ст. 126 и 127 УК РФ. В абзаце 2 п. 5 этого же постановления Верховного Суда закреплена убедительная рекомендация судам квалифицировать угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью при совершении похищения человека по п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ, по квалифицирующему признаку – с применением насилия, опасного для жизни или здоровья лица, либо с угрозой применения такого насилия. И насилие, неопасное для жизни или здоровья человека, и названная угроза хотя и предусматриваются самостоятельными статьями УК РФ (ст. 116, ст. 119), но в составах похищения человека и незаконного лишения свободы являются включенными в их структуру.

Однако нельзя признать бесспорным положение, предусмотренное этим же абзацем 2 п. 5 о квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего при незаконном лишении свободы по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 127 УК РФ и ст. 119 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в последнем случае усматривает совокупность преступлений как проявление их множественности, которой на самом деле здесь не имеется. Пунктом «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ установлено совершение незаконного лишения свободы с применением насилия, опасного для жизни или здоровья лица, которое означает использование физического насилия, включая причинение вреда средней тяжести здоровью человека [7, с. 78–81]. Психическое насилие в виде угрозы применить насилие, начиная от связывания, ударов до причинения вреда средней тяжести здоровью лица, представляется, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 127 УК РФ. Угрозу же убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего содержание диспозиций и санкций, предусмотренных ч. 1 и 2 статьи о незаконном лишении свободы, дает основание квалифицировать по ч. 2 ст. 127 УК РФ. Санкция здесь содержит лишение свободы до пяти лет. Наказание же за анализируемую угрозу, согласно ст. 119 УК РФ, составляет лишение свободы до двух лет. Таким образом, множественность преступлений в рассматриваемой ситуации отсутствует, имеется одно

составное насильственное преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 127 УК РФ, охватывающее угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека [8, с. 136–142].

Вместе с тем в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» обойдены вниманием другие ситуации насильственных посягательств против физической свободы лица, представляющие сложность для судебной практики и неоднозначно толкуемые наукой уголовного права. В частности, в доктрине предлагается спорная квалификация причинения умышленного тяжкого вреда здоровью личности по нормам, предусмотренным ч. 2 ст. 126, 127¹ УК РФ, с вменением признака – с применением насилия, опасного для жизни или здоровья лица, либо с угрозой применения такого насилия, и признака – с применением насилия либо с угрозой его применения [9, с. 130]. Соответствующие квалифицирующие признаки в указанных посягательствах предусмотрены п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ.

При наступлении по неосторожности смерти потерпевшего, к которому применили указанное насилие с причинением умышленного тяжкого вреда его здоровью, действия виновного аргументируют квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 4 ст. 111 УК РФ [10, с. 371]. Эта квалификация не соответствует ни положениям о множественности преступлений, ни правилам конкуренции уголовно-правовых норм: конкуренции общей и специальной норм, а также части и целого.

Соответствует положениям о множественности преступлений и конкуренции уголовно-правовых норм обоснование, согласно которому умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека в составах преступлений, имеющих квалифицирующий и особо квалифицирующий признаки о насилии, правильно рассматривать в содержании особо квалифицирующего признака. В норме о похищении человека совершение деяния с применением насилия, опасного для жизни или здоровья лица, либо с угрозой его применения закреплено двумя частями: в п. «в» ч. 2, а также п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ – как причинение иных тяжких последствий. Представляется, что частью 2 анализируемой статьи охватывается насилие, опасное для жизни или здоровья человека, в виде причинения здоровью потерпевшего легкого вреда, вреда средней тяжести, а также применения насилия, не повлекшего реального причинения вреда здоровью, но опасного в момент его применения. Реальное же наступление умышленного тяжкого вреда здоровью лица обоснованно квалифицировать по п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ в виде тяжких последствий.

В пункте «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ предусмотрена ответственность за похищение человека, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия. Толкование ч. 2 ст. 24

УК РФ позволяет неосторожную вину соотносить только с первымотягчающим обстоятельством, указанным в п. «в» ч. 3 рассматриваемой статьи, а именно со смертельным исходом. Психическое отношение виновного к другому квалифицирующему признаку допустимо и как умышленное, и как неосторожное. Такое толкование о возможности и умышленного, и неосторожного отношения к другим последствиям дал Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [11, п. 12].

Предложение о квалификации деяния по второму отягчающему признаку, установленному в п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ, в виде умышленного и неосторожного наступления тяжких последствий подчеркивает два аспекта. Во-первых, как иные тяжкие последствия можно рассматривать и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, что не противоречит положениям и принципам уголовного права. Более того, оно подчеркивает повышенную степень общественной опасности умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в сравнении с иными менее тяжкими умышленными видами причинения вреда здоровью при похищении человека. И предлагаемая квалификация предпочтительней, так как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью лица наказывается не менее строго, чем такое же причинение вреда здоровью потерпевшего, но неосторожное.

Наказание, согласно точке зрения сторонников квалификации умышленного тяжкого вреда здоровью человека по п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ, может быть назначено меньшее именно за умышленное причинение такого вреда, чем за неосторожное. В частности, в санкции ч. 2 ст. 126 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до двенадцати лет, а в ч. 3 этой статьи – лишение свободы на срок от шести до пятнадцати лет. Разница в максимуме наказания – три года.

Принципы уголовного права, структура и взаимосвязь частей статьи и статей УК РФ и законы логики подтверждают справедливость и законность предложения по раскрытию содержания иных тяжких последствий (п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ) как включающих и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Изложенное о квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью лица при похищении человека полностью применимо и к норме о торговле людьми (ст. 127¹ УК РФ). История уголовного законодательства и его правоприменения не раз свидетельствовали о существенном изменении толкования одних и тех же уголовно-правовых норм. Остается ждать, когда предложенная квалификация насильственных преступлений против физической свободы лица станет реальной судебной практикой, аргументируемой доктриной уголовного права.

Библиографический список

1. Малков В. П. Избранные труды: в 3 т. Казань: Познание, 2011. Т. 1. 483 с.; Т. 2. 524 с.; Т. 3. 324 с.
2. Малков В. П. Избранные труды: в 3 т. Т. 2. Повторность преступлений. Казань: Познание, 2011. 324 с.
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Дело № 11-АПУ 15-18 от 14 июля 2015 г. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15112016-n-14-apu16-18> (дата обращения: 14.01.2020).
4. Малков В. П. Избранные труды: в 3 т. Т. 3. Совокупность преступлений. Казань: Познание, 2011. 324 с.
5. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003, Ст. 4848. № 50. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Российская газета. 2019. 31 декабря. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-24122019-n-5/>.
7. Российское уголовное право в 2 т. Т. 2. 3-е изд. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рапога. Москва: Проспект, 2010. 688 с.
8. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. Москва: Норма, 2017. 288 с.
9. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. Москва: Контракт, 2015. 928 с.
10. Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. Москва, 2007. 724 с.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.vsrfl.ru/files/14741>.
12. Федеральный закон от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. Ст. 3091. № 30. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48574.

References

1. Malkov V. P. *Izbrannyye trudy: v 3 tomakh* [Selectas: in 3 vols.]. Kazan: Poznanie, 2011. Vol. 1, 483 p. Vol. 2, 524 p. Vol. 3, 324 p. [in Russian].

2. Malkov V. P. *Izbrannye trudy: v 3 t. T. 2. Povtornost' prestuplenii* [Selectas: in 3 vols. Vol. 2. Repetition of crimes]. Kazan: Poznanie, 2011, 324 p. [in Russian].
3. *Apellyatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po ugovnym delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. Delo № 11-APU 15-18 ot 14 iyulya 2015 g.* [Appealate ruling of the Judicial Chamber on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation. Case № 11-APU 15-18 as of July 14, 2015]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/apellyatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15112016-n-14-apu16-18> (accessed 14.01.2020) [in Russian].
4. Malkov V. P. *Izbrannye trudy: v 3 t. T. 3. Povtornost' prestuplenii* [Selectas: in 3 vols. Vol. 3. Repetition of crimes]. Kazan: Poznanie, 2011, 324 p. [in Russian].
5. *Federal'nyi zakon ot 8 dekabrya 2003 g. № 162-FZ «O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law dated December 8, 2003 № 162-FZ «On amendments and additions being made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2003, Article 4848, no. 50. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408 [in Russian].
6. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24 dekabrya 2019 g. № 58 «O sudebnoi praktike po delam o pokhishchenii cheloveka, nezakonnom lishenii svobody i torgovle lyud'mi»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 24, 2019 № 58 «On judicial practice with regard to cases about kidnapping, illegal deprivation of freedom and human trafficking»]. *Rossiiskaya gazeta*, 2019, December 31. Available at: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-24122019-n-58> [in Russian].
7. *Rossiiskoe ugovnoe pravo: v 2 t. T. 2. 3-e izd. Osobennaya chast': uchebnik. Pod red. L. V. Inogamovoi-Khegai, V. S. Komissarova, A. I. Raroga* [Russian criminal law: in 2 vols. Vol. 2. 3rd edition. Special part: textbook. L. V. Inogamova-Khegai, V. S. Komissarov, A. I. Rarog (Eds.)]. Moscow: Prospekt, 2010, 688 p. [in Russian].
8. Inogamova-Khegai L. V. *Kontseptual'nye osnovy konkurentsii ugovno-pravovykh norm* [Conceptual foundations of competition of criminal norms]. Moscow: Norma, 2017, 288 p. [in Russian].
9. *Rossiiskoe ugovnoe pravo. Osobennaya chast'. Pod red. V. P. Konyakhina, M. L. Prokhorovoi* [Russian Criminal Law. Special part. V. P. Konyakhin, M. L. Prokhorova (Eds.)]. Moscow: Kontrakt, 2015, 928 p. [in Russian].
10. *Ugovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti. Pod red. M. P. Zhuravleva, S. I. Nikulina* [Criminal Law. General and Special parts. M. P. Zhuravlev, S. I. Nikulin (Eds.)]. Moscow, 2007, 724 p. [in Russian].
11. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 4 dekabrya 2014 g. № 16 «O sudebnoi praktike po delam o prestupleniyakh protiv polovoi neprikosnovennosti i polovoi svobody lichnosti»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 4, 2014 № 16 «On judicial practice with regard to cases about crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the person»]. Retrieved from: *Informatsionnaya sistema «Konsul'tantPlus»* [Legal reference system ConsultantPlus]. Available at: <https://www.vsrfr.ru/files/14741> [in Russian].
12. *Federal'nyi zakon ot 21 iyulya 2004 g. № 73-FZ «O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law dated July 21, 2004 № 73-FZ «On amendments being made to the Criminal Code of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2004, Article 3091, no. 30. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48574 [in Russian].

А. Г. Безверхов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: bezverkhov_artur@rambler.ru

О. М. Иванова

Главное следственное управление ГУ МВД России по г. Москве, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: iom20141985@mail.ru

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЕДИНИЧНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ И МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ

Аннотация: Статья посвящена теоретическим и прикладным аспектам квалификации хищений чужого имущества в условиях множественности преступлений. Утверждается, что для современной науки уголовного права актуальна задача поиска наиболее эффективного механизма уголовно-правовой охраны нового имущественного правопорядка, что в конечном итоге требует конструирования совершенно новых составов преступлений в сфере экономических отношений и разработки соответствующих складывающемуся правопорядку правил квалификации имущественных преступлений, в том числе хищений чужого имущества. Проанализировано содержание института множественности преступлений и форм ее проявлений на примере квалификации хищений чужого имущества. Здесь множественность преступлений образуют как тождественные, однородные, так и разнородные деяния. Социально-правовое значение квалификации хищений по признаку множественности преступлений проявляется в учете повышенной степени общественной опасности личности виновного при назначении более строгого уголовного наказания за содеянное в целом. Показано, что приведение содержания понятийно-категориального аппарата множественности хищений, сопряженных между собой и (или) с другими преступлениями, в соответствие со складывающейся практикой применения уголовного закона выступает одной из важнейших задач общей теории квалификации преступлений и ее раздела, посвященного уголовно-правовым оценкам хищений чужого имущества. Установлено, что правила разграничения единичного преступления и множественности преступлений при квалификации хищений чужого имущества определяются как законодательным предписанием, так и общими правилами квалификации преступлений, разработанными теорией уголовного права. Предлагается реальную совокупность хищений чужого имущества подразделять на: 1) совокупность хищений, квалифицируемых по одной и той же статье УК РФ; 2) совокупность хищений, подпадающих под разные статьи главы о преступлениях против собственности (ст. 158–162, 164 УК РФ); 3) совокупность хищений чужого имущества, сопряженных с преступлениями против личности, общественной безопасности, интересов службы и пр.

Ключевые слова: уголовное право, квалификация преступлений, множественность преступлений, совокупность преступлений, преступления против собственности, хищение чужого имущества.

Цитирование. Безверхов А. Г., Иванова О. М. О разграничении единичного преступления и множественности преступлений при квалификации хищений // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 47–53. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-47-53>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

A. G. Bezverkhov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: bezverkhov_artur@rambler.ru

O. M. Ivanova

Main Investigations Directorate of the Moscow Department of the Russian Ministry of Interior,

Moscow, Russian Federation

E-mail: iom20141985@mail.ru

ON THE DELIMITATION OF A SINGLE CRIME AND THE MULTIPLICITY OF CRIMES IN THE QUALIFICATION OF THEFT

Abstract: The article is devoted to the theoretical and applied aspects of the qualification of theft of other people's property on the grounds of multiple crimes. It is argued that before modern science of criminal law there are some pressing problems, to identify the most effective mechanisms to ensure the criminal-law protection of the new property law, which ultimately requires the design of completely new offences in the sphere of economic relations and the development of relevant emerging legal order of rules of qualification of property crimes, including theft of another's property. The article analyzes the content of legal nature of the institution of multiple crimes and its forms of manifestation on the example of the qualification of theft of other people's property. Here the multiplicity of crimes is formed by identical, homogeneous, and heterogeneous acts. The social and legal significance of the qualification of theft based on the multiplicity of crimes is manifested in an increased degree of public danger to the person responsible and is reflected in the appointment of a more severe criminal punishment for the crime as a whole. It is shown that bringing the content of the conceptual and categorical apparatus of the multiplicity of embezzlement, interfaced with each other and (or) with other crimes, in line

with the emerging practice of applying criminal law is one of the most important tasks of the general theory of crime qualification and its section devoted to criminal legal assessments of theft of other people's property. It is established that the rules of delimitation of a single crime and multiple crimes in the classification of theft of another's property as determined by legislation and the general rules of qualification of crimes, developed a theory of criminal law. On the basis of general judicial explanations contained in the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the qualification of theft of other people's property and related crimes, the trends of modern law enforcement practice are revealed. A real set of plunders of another's property be divided into (1) set of theft, defined according to the same article of the Criminal Code, (2) a set of theft falling under different Articles of the Chapter on Crimes against Property (Article 158–162, 164 of the Criminal Code), and (3) the set of plunders of another's property associated with crimes against persons, public safety, interests of service, etc.

Key words: criminal law, qualification of crimes, multiplicity of crimes, set of crimes, crimes against property, theft of another's property.

Citation. Bezverkhov A. G., Ivanova O. M. *O razgranichenii edinichnogo prestupleniya i mnozhestvennosti prestuplenii pri kvalifikatsii khishchenii* [On the delimitation of a single crime and the multiplicity of crimes in the qualification of theft]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 47–53. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-47-53> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© **Артур Геннадьевич Безверхов** – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Имущественные преступления». Автор более 200 научных работ, в том числе монографии «Имущественные преступления» (2002). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Уничтожение и повреждение имущества: вопросы истории, теории, практики» (2010), «Энциклопедия уголовного права. Т. 18. Преступления против собственности» (2011), «Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года» (2013), «Памятники российского права: учебно-научное пособие. Том IX. Законодательство первой половины XIX века в сфере публичного права» (2017), «Ответственность за преступления против здоровья по современному уголовному праву России» (2018).

Область научных интересов: уголовное право России, уголовная политика, криминология, противодействие экономическим и служебным преступлениям.

© **Олеся Михайловна Иванова** – старший следователь 6-го отдела, майор юстиции, Главное следственное управление ГУ МВД России по г. Москве, 127055, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новослободская, 45.

Автор более 50 научных работ, в том числе монографий «Преступления против собственности: теоретическое и прикладное исследование» (2019), «Проблемы квалификации и расследования служебно-экономических преступлений в сфере имущественных отношений» (в соавт., 2013).

Область научных интересов: уголовное право России, криминология, противодействие преступлениям в сфере имущественных отношений.

Обобщая содержание принятых за последние годы законодательных новелл, можно со всей определенностью констатировать не только существенные изменения в характере и структуре имущественных и иных экономических отношений, но и формирование совершенно новых общественных взаимодействий, связанных со становлением информационного общества и цифровой экономики, – социальных отношений, ранее неизвестных законодательной и правоприменительной практике. Очевидно, что перед современной наукой уголовного права встает задача поиска эффективного механизма уголовно-правовой охраны нового экономического порядка. Данное обстоятельство требует сегодня от законодателя конструирования уникальных составов преступлений в сфере экономических отношений и разработки соответствующих складывающемуся правопорядку

© **Artur G. Bezverkhov** – Doctor of Law, professor, dean of the Faculty of Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Property crimes». Author of more than 200 scientific works, including monographs «Property crimes» (2002). A number of scientific works written in collaboration: «Destruction and damage to property: issues of history, theory, practice» (2010), «Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 18. Crimes against property» (2011), «Draft of the Criminal Code of the Russian Empire of 1813» (2013), «Monuments of the Russian Law: academic and research manual. Vol. IX. Legislation of the first half of the XIX century in the field of public law» (2017), «Responsibility for crimes against health according to the modern criminal law of Russia» (2018).

Research interests: criminal law of Russia, criminal policy, criminology, counteraction to economic and official crimes.

© **Olesya M. Ivanova** – Senior Investigator of Division 6, Major of Justice, Main Investigations Directorate of the Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, 45, Novoslobodskaya Street, Moscow, 127055, Russian Federation.

The author of more than 50 scientific works, including the monographs «Crimes Against Property: Theoretical and Applied Research» (2019) and in coauthorship «Problems of qualification and investigation of official-economic crimes in the field of property relations» (2013).

Research interests: criminal law of Russia, criminology, counteraction to crimes in the field of property relations.

ку правил квалификации имущественных преступлений, в том числе хищений чужого имущества, совершаемых в условиях постиндустриального общества и цифровой экономики.

В общей теории квалификации преступлений заметное место занимает раздел об уголовно-правовом оценивании хищений чужого имущества и смежных с ними преступных посягательств. В эту весомую часть общей теории квалификации преступлений включены вопросы уголовно-правового реагирования в правоприменении на единичные хищения чужого имущества, совокупность указанных имущественных нарушений, а также множественность преступлений в виде хищений, сопряженных с другими преступлениями (против личности, общественной безопасности, общественного порядка, интересов службы, порядка управления и др.).

При этом общая теория квалификации преступлений теснейшим образом связана с уголовно-правовым учением о составе преступления. Состав преступления как юридический инструментарий в руках правоприменителя позволяет отнести определенное деяние к конкретной форме хищения чужого имущества. Основанием уголовной ответственности при этом является совершение общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 158–162 или 164 УК РФ. Следовательно, квалификация совокупности хищений состоит в установлении соответствия признаков общественно опасных деяний с признаками соответствующего состава преступления, указанного в норме УК РФ.

Социально-правовое значение квалификации хищений по правилам множественности преступлений проявляется в учете повышенной степени общественной опасности личности виновного при назначении более строгого уголовного наказания за содеянное в целом. Также еще раз заметим, что хищения чужого имущества включены в систему преступлений против собственности, нормы о которых подвергаются сильному влиянию со стороны характеризующих современную эпоху социально-экономических и правовых преобразований. Так, предметом хищения как преступления против собственности признается чужое имущество. При этом объем понятия предмета хищения значительно уже по объему гражданско-правовой категории имущества. С позиции уголовного права предметом хищения является имущество, которое обладает тремя признаками (свойствами): физическим, экономическим и юридическим. В процессе квалификации хищения необходимо установление всех трех признаков предмета этого преступления. Отсутствие хотя бы одного свойства у предмета, по поводу которого совершается корыстное имущественное посягательство, исключает уголовную ответственность за хищение чужого имущества. Между тем, как разъяснено в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», по смыслу положений п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ и ст. 128 ГК РФ содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества в форме мошенничества и в том случае, если предметом преступления являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства. Кроме того, Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ внесены изменения в ст. 158, 159³ и 159⁶, согласно которым включено совершение кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г») ч. 3 ст. 158). Как видно, законодатель расширил предмет кражи, включив в него наряду с чужими вещами безналичные и электронные денежные средства как разновидность имущественных прав обязательственного характера. Кражей стали признавать совершенные тайно, с корыстной целью

противоправные безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества (в том числе с банковского счета, а равно электронных денежных средств) в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. В этой связи меняется и уголовно-правовая оценка содеянного. Например, квалификация завладения чужими деньгами по чужой или поддельной карте как мошенничества или кражи поставлена в зависимость от присутствия работника организации, уполномоченного принимать решение относительно предоставления этих средств.

Процесс квалификации хищений чужого имущества базируется на ряде фундаментальных положений диалектики и одновременно представляет собой специфический способ уголовно-правовой оценки корыстного противоправного завладения чужим имуществом. Безусловно, процесс исследования множественности хищений чужого имущества и ее квалификации может быть выражен в расширении и углублении понятийных схем описания изучаемого феномена, в переходах от одних понятий к другим, отражающих и фиксирующих более глубокую сущность соответствующих вещных имущественных преступлений и их ранее малоизученные стороны. С учетом вышеизложенного полагаем, что приведение содержания понятийно-категориального аппарата множественности хищений, сопряженных между собой и (или) с другими преступлениями, в соответствие со складывающейся практикой применения уголовного закона выступает одной из важнейших задач общей теории квалификации преступлений и ее раздела, посвященного уголовно-правовым оценкам хищений чужого имущества. При этом правила разграничения единичного преступления и множественности преступлений при квалификации хищений чужого имущества определяются как законодательным предписанием, так и общими правилами квалификации преступлений, разработанными теорией уголовного права. На основе общих судебных разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, посвященных вопросам квалификации хищений чужого имущества и смежных с ними преступлений, попытаемся установить тенденции современной правоприменительной практики в области проявления прежде всего множественности преступлений.

Отметим, что для множественности хищений и сопряженных с ними преступлений характерны специфические признаки. В качестве таковых выступают количественные признаки: 1) одно лицо; 2) факт двух или более тождественных или однородных хищений чужого имущества, а равно 3) факт одного или более хищений чужого имущества и другого (других) преступлений [1, с. 182]. Как видно, здесь не имеет значения, какие по характеру были совершены деяния: тождественные, однородные, разнородные. Главное – наличие

единственного субъекта (при групповом хищении – группового субъекта), виновного (виновных) в совершении двух или более соответствующих преступлений.

Еще в полувековой давности в отношении института множественности профессор В. П. Малков писал, что «вряд ли можно назвать какую-либо другую проблему уголовного права, которая бы имела столь большое практическое значение и вместе с тем так разноречиво понималась и решалась в теории и судебно-следственной практике» [2, с. 3]. Этот институт не получил своего специального закрепления в Общей части Уголовного кодекса РФ 1996 г. Вместе с тем впервые в истории развития отечественного уголовного законодательства в УК РФ (с учетом внесенных изменений) были определены такие основные формы множественности, как совокупность и рецидив¹.

Исходя из положений ст. 17 УК РФ, совокупность хищений чужого имущества характеризуется совершением двух или более тождественных и однородных преступлений, предусмотренных ст. 158–162, 164 УК РФ. Важно подчеркнуть и то обстоятельство, что каждое из хищений, входящих в множественность, содержит признаки самостоятельного состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей или частью статьи УК РФ. В этом случае виновное лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное хищение по соответствующей статье, и деяния в целом следует квалифицировать по совокупности, например, кражи и любого другого хищения чужого имущества. Существенным признаком совокупности, как отмечал В. П. Малков, «является то, что ни одно из входящих в нее преступлений не было еще предметом судебного разбирательства и все они вменяются в вину лицу одновременно» [4, с. 43].

Множественность хищений образуют как тождественные, однородные, так и разнородные деяния. Соответственно, прослеживается проблема разграничения смежных преступлений, предусмотренных, с одной стороны, ст. 158–162, а с другой – ст. 226, 229, 258, 260 и др.

В теории уголовного права различают реальную и идеальную совокупность преступлений. Реальную совокупность хищений чужого имущества можно подразделить на совокупность хищений, квалифицируемых по одной и той же статье УК РФ, и совокупность хищений, подпадающих под разные статьи главы о преступлениях против собственности (ст. 158–162, 164 УК РФ). Кроме

того, следует иметь в виду, что чаще всего практика сталкивается с совокупностью хищений чужого имущества и преступлений против личности, общественной безопасности, интересов службы и пр. И в последних случаях возникает проблема разграничения множественности преступлений и единичного составного преступления.

Под составными преступлениями следует понимать сформулированные законом общественно опасные деяния, которые отражают совершение двух или более различных преступных действий, которые взаимосвязаны между собой местом, временем и мотивом совершения. В Уголовном кодексе РФ для характеристики составных преступлений, например, применяется термин «сопряженное». Признак сопряженности, в частности, назван в п. «з» части 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающем уголовную ответственность за убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом. Безусловно, если бы каждое из указанных преступлений было совершено вне связи с другим, то они бы квалифицировались самостоятельно.

Также важно отличать совокупность преступлений от продолжаемого хищения, состоящего из ряда тождественных преступных действий, направленных на изъятие и обращение чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц, совершенных из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление (см. п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»). Единство преступных намерений является в этом случае признаком, отграничивающим совокупность от единого преступления [5, с. 56; 6, с. 136]. Судебная власть к критериям продолжаемого преступления относит «тождественность нескольких действий», «единый умысел» и «один и тот же источник», из которого изымается имущество. Следовательно, необходимо устанавливать факты, которые связаны между собой объективными обстоятельствами, местом, временем, способом совершения хищения, предметом посягательства. В соответствии с п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 как хищение в крупном размере должно квалифицироваться совершение нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого превышает сумму 250 тыс. руб., если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном размере. Если преступление совершено из разных источников, то соответствующие суммы ущерба нельзя складывать в целях определения общего размера хищения как крупного².

При квалификации хищения чужого имущества как единого продолжаемого преступления

¹ В части классификаций форм множественности преступлений заметим, что профессор В. П. Малков различал две основные разновидности множественности: повторность и идеальную совокупность. При этом для повторности преступлений, по мнению этого ученого-юриста, характерно, что при совершении нового преступления в сознании виновного происходит борьба социально полезных и социально опасных мотивов (см.: Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 14–26 [2]; Малков В. П. Конкуренция уголовно-правовых норм и ее преодоление. С. 59–66 [3]).

² См.: Кассационное определение Верховного Суда Республики Мордовия от 22 августа 2012 г. № 22-2671/12.

на практике нередко возникают проблемные ситуации. Так, приговором Мариинско-Посадского районного суда действия К. квалифицированы как единое продолжаемое преступление по признакам мошенничества, совершенного с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ). Согласно материалам дела, К., являясь должностным лицом, давал инженеру по лесопользованию М. заведомо незаконные указания о получении с покупателей древесины заведомо завышенных сумм. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что наличие у К. единого умысла на совершение мошенничества в отношении ряда лиц не подтверждается материалами дела, и переквалифицировал его действия на ч. 3 ст. 159 УК по каждому из 52 эпизодов отдельно. Президиум областного суда такое решение посчитал неверным, основанным на неправильном применении уголовного закона, поскольку из материалов дела следовало, что случаи обмана потерпевших имели место осенью 2010 г. (8 фактов), осенью 2011 г. (19 фактов), осенью 2012 г. (25 фактов). По смыслу уголовного закона в случае совершения лицом в течение определенного периода времени ряда тождественных преступных действий, производимых путем изъятия чужого имущества одним и тем же способом и связанными одними и теми же целями и мотивами, объединенных единым умыслом, все содеянное следует квалифицировать как одно продолжаемое преступление. Президиум посчитал, что эпизоды действий К. были аналогичны как по форме, так и по способу совершения, связаны одной целью и мотивом, охватывались единым умыслом, направленным на обогащение путем незаконного завладения денежными средствами заранее неопределенного и неизвестного осужденному круга лиц, т. е. они содержали признаки продолжаемого преступления. Незаконно полученные у потерпевших денежные средства аккумулировались в организации и использовались впоследствии по мере необходимости. Само по себе то обстоятельство, что мошенническое хищение прерывалось и носило сезонный характер, обманывались не все покупатели древесины, а лишь выборочно, не исключало возможности квалификации всех действий виновного как одного продолжаемого преступления. В связи с этим действия К. по 52 отдельным эпизодам совершения мошенничества были вышестоящей судебной инстанцией расценены как одно продолжаемое мошенничество, предусмотренное ч. 3 ст. 159 УК РФ³.

Хищения, в которых субъект представлен не только исполнителем, но и в качестве пособника, подстрекателя либо организатора, также могут осложнить структуру множественности хищений, сопряженных с другими преступлениями. Так, лицо, организовавшее преступление либо склонившее к совершению кражи, грабежа или разбоя

заведомо не подлежащего уголовной ответственности участника преступления, в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность как исполнитель содеянного. При наличии к тому оснований, предусмотренных законом, действия указанного лица должны дополнительно квалифицироваться по статье 150 УК РФ (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29).

Еще один момент. Если умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или лишение его жизни, но только один из них причинил тяжкий вред здоровью либо смерть потерпевшему, действия всех участников группы квалифицируются по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК как соисполнительство в разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. При этом действия лица, причинившего тяжкий вред здоровью потерпевшего, повлекший по неосторожности его смерть, или совершившего убийство потерпевшего, квалифицируются также по ч. 4 ст. 111 или п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ соответственно (п. 14¹ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29).

В качестве совокупности хищений может быть рассмотрено и одно действие, которое содержит признаки тех или иных форм хищений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ.

Появление в УК РФ уголовно-правовых норм о новых видах мошенничества как хищениях чужого имущества (ст. 159¹–159⁶) также вызывают дополнительные вопросы при квалификации хищений чужого имущества.

По материалам одного дела преступные действия А. и Ч. квалифицированы Ленинским районным судом г. Чебоксары по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 272 и ч. 2 ст. 159 УК РФ. Объективная сторона каждого деяния состояла в том, что осужденные, используя приобретенные ранее пароли и логины доступа к страницам незнакомых им пользователей сети «ВКонтакте», беспрепятственно входили на страницы потерпевших, изменяли идентификационные данные для доступа на электронную страницу потерпевших и блокировали доступ законного пользователя. Далее с уже доступных им страниц они осуществляли отправку сообщений «друзьям» потерпевших – пользователям сети «ВКонтакте» – с просьбой перечислить займы денежные средства, указывали номер банковской карты для перевода, на которую впоследствии поступали деньги⁴.

В этой связи остается без ответа вопрос о квалификации содеянного или его части по ст. 159⁶ УК РФ. С момента введения в действие нормы о компьютерном мошенничестве в научной литературе не затихают споры относительно необходи-

³ См.: приговор Мариинско-Посадского районного суда от 21 октября 2014 года по уголовному делу № 1-46/2014.

⁴ См.: приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары от 8 августа 2016 года по уголовному делу № 1-307/2016.

мости ее существования в уголовном законе вообще. Учеными также доказывается неудачность самой формулировки мошенничества в сфере компьютерных технологий на предмет адресата обмена в частности [7, с. 230].

Следует указать, что в теории права имеет место иная позиция по сравнению с воспринятой по делу А. и Ч. В частности, Р. Д. Шарапов неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации в целях хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество рассматривает как способ нового вида мошенничества в сфере компьютерной информации: «Вследствие этого уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 159⁶ и ст. 272 УК РФ, состоят между собой в отношениях конкуренции частей и целого, где ст. 159⁶ предусматривает норму-целое» [8, с. 3–5].

Весьма актуальным становится вопрос разграничения совокупности преступлений от конкуренции уголовно-правовых норм. В. П. Малков писал, что «под конкуренцией уголовно-правовых норм обычно понимают такие случаи, когда совершенное деяние одновременно подпадает под признаки составов, предусмотренных различными статьями (частями статьи) уголовного закона, и когда необходимо решить, квалифицировать ли содеянное по всем таким статьям УК либо при этом содеянное достаточно квалифицировать только по той статье УК, которая наиболее адекватно отражает признаки фактически совершенного деяния» [4, с. 44].

Так, по правилам конкуренции в случае совершения кражи, грабежа или разбоя при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных несколькими частями статей 158, 161 или 162 УК РФ, действия виновного при отсутствии реальной совокупности преступлений подлежат квалификации лишь по той части указанных статей УК РФ, по которой предусмотрено более строгое наказание. Далее, при признании лица виновным в совершении хищения чужого имущества путем незаконного проникновения в жилище дополнительной квалификации по ст. 139 УК РФ не требуется, поскольку такое незаконное действие является квалифицирующим признаком кражи, грабежа или разбоя. Напротив, если лицо, совершая кражу, грабеж или разбой с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище, умышленно уничтожило или повредило двери, замки и т. п., а равно иное имущество потерпевшего, не являвшееся предметом хищения (например, мебель, бытовую технику и другие вещи), содеянное в случае причинения значительного ущерба следует дополнительно квалифицировать по статье 167 УК РФ.

Очевидно, что столь широкий спектр обстоятельств требует более тщательного отношения к процессу квалификации хищений по признакам множественности преступлений. Соблюдение хронологии процесса квалификации хищений при множественности преступлений имеет также весьма важное значение. Прежде всего это уяснение

фактических обстоятельств каждого совершенно противоправного изъятия и обращения чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц. На этом этапе важно определение качественных характеристик объекта (в т. ч. предмета) хищения. Отметим, по ст. 159⁶ УК РФ компьютерная информация не является предметом хищения, а выступает средством совершения преступления. Далее необходимо установление специфических признаков каждой формы хищения. Определение конкретных способов хищения и момента их окончания (оценка степени завершенности преступного деяния) является важным обстоятельством на этой стадии квалификации преступления. Установление форм соучастия и видов соучастников в хищении также поможет в оценке роли и степени участия каждого лица в совершенных хищениях.

В заключение еще раз подчеркнем, что одной из проблем современной практики является разграничение единичного преступления и множественности преступлений при квалификации хищений. При этом ответы на многие вопросы современного правоприменения можно найти в трудах профессора В. П. Малкова, высокая научная ценность которых не подвержена времени.

Библиографический список

1. Малков В. П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 179–192. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-mnozhestvennosti-prestupleniy-v-doktrine-i-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii>.
2. Малков В. П. Совокупность преступлений. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1974. 308 с.
3. Малков В. П. Конкуренция уголовно-правовых норм и ее преодоление // Советское государство и право. 1975. № 3. С. 59–66.
4. Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань: Изд-во «Таглитат» ИЭУиП, 2006. 141 с. URL: <https://b-ok.xyz/book/3002562/72fba>.
5. Пудовочкин Ю. Признаки совокупности преступлений в современной судебной практике // Уголовное право. 2009. № 4. С. 54–59.
6. Уголовное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 5-е изд. Москва: Юрайт, 2017. 499 с.
7. Шевелева С. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: особенности квалификации и конкуренции со смежными составами преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 229–234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-v-sfere-kompyuternoy-informatsii-osobennosti-kvalifikatsii-i-konkurentsii-so-smezhnymi-sostavami-prestupleniy>.
8. Шарапов Р. Д. Актуальные вопросы квалификации новых видов мошенничества // Проблемы квалификации и расследования преступлений, подследственных органам дознания: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации, 2013. С. 3–5.

References

1. Malkov V. P. *Institut mnozhestvennosti prestuplenii v doktrine i ugovolnom zakonodatel'stve Rossii* [Institute of crime multiplicity in the doctrine and the Russian criminal law]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual problems of economics and Law], 2008, no. 4, pp. 179–192. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-mnozhestvennosti-prestupleniy-v-doktrine-i-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii> [in Russian].
2. Malkov V. P. *Sovokupnost' prestuplenii* [Totality of crimes]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1974, 308 p. [in Russian].
3. Malkov V. P. *Konkurenciya ugovolno-pravovykh norm i ee preodolenie* [Competition of criminal law norms and its overcoming]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1975, no. 3, pp. 59–66 [in Russian].
4. Malkov V. P. *Mnozhestvennost' prestuplenii: sushchnost', vidy, pravovoe znachenie* [Multiplicity of crimes: the nature, types, legal significance]. Kazan: Izd-vo «Taglimat» IEUiP, 2006, 141 p. Available at: <https://b-ok.xyz/book/3002562/72fba> [in Russian].
5. Pudovochkin Yu. *Priznaki sovokupnosti prestuplenii v sovremennoi sudebnoi praktike* [Signs of the totality of crimes in modern judicial practice]. *Ugovolnoe pravo* [Criminal Law], 2009, no. 4, pp. 54–59 [in Russian].
6. *Ugovolnoe pravo: v 2 t. T. 2. Osobennaya chast'*. *Otv. red. A. V. Naumov, A. G. Kibal'nik. 5-e izd.* [Criminal Law: in 2 vols. Vol. 2. Special part. A. V. Naumov, A. G. Kibalnik (Eds.). 5th edition]. Moscow: Yurait, 2017, 499 p. [in Russian].
7. Sheveleva S. V. *Moshennichestvo v sfere komp'yuterno informatsii: osobennosti kvalifikatsii i konkurencii so smezhnymi sostavami prestuplenii* [Fraud in the sphere of computer information: particular qualification and competition from adjacent structures of crimes]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 4 (40), pp. 229–234. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-v-sfere-kompyuternoy-informatsii-osobennosti-kvalifikatsii-i-konkurencii-so-smezhnymi-sostavami-prestupleniy> [in Russian].
8. Sharapov R. D. *Aktual'nye voprosy kvalifikatsii novykh vidov moshennichestva* [Actual issues of qualification of new types of fraud]. In: *Problemy kvalifikatsii i rassledovaniya prestuplenii, podsledstvennykh organam doznaniya: mat. Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Problems of qualification and investigation of crimes under investigation by the bodies of inquiry: materials of the all-Russian research and practical conference]. Tyumen: Tyumenskii institut povysheniya kvalifikatsii, 2013, pp. 3–5 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-54-60
УДК 343.288

Дата: поступления статьи / Submitted: 25.12.2019
после рецензирования / Revised: 20.01.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

Т. Н. Нуркаева

Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: NurkaevaTN@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ИНОЙ ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНЬЮ

Аннотация: В настоящей статье показаны некоторые проблемы, возникающие при освобождении осужденного от наказания в связи с иной тяжелой болезнью, предложены пути их решения, в частности, отстаивается позиция, что учет возможности жизнеустройства осужденного является принципиальным для суда при решении вопроса об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания в связи с иной тяжелой болезнью, а также о необходимости корректировки положений, предусмотренных ч. 4 ст. 81 УК РФ.

Ключевые слова: принцип гуманизма; освобождение от наказания; иная тяжелая болезнь; перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания; обстоятельства, препятствующие освобождению от наказания по болезни; основания применения наказания после выздоровления лица.

Цитирование. Нуркаева Т. Н. Проблемы освобождения от наказания в связи с иной тяжелой болезнью // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-54-60>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

T. N. Nurkaeva

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa, Russian Federation
E-mail: NurkaevaTN@yandex.ru

PROBLEMS OF EXEMPTION FROM PUNISHMENT IN CONNECTION WITH ANOTHER SERIOUS ILLNESS

Abstract: The article deals with some of the problems that arise when a convicted person is exempted from punishment due to another serious illness. It proposes the ways to solve them, in particular, it defends the position that the possibility of the living arrangement of a convict is crucial for the court in deciding the problem of exemption them from further serving a sentence in connection with another serious illness, as well as the need to amend the provisions of Part 4 of Article 81 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: convicts; exemption from punishment; another serious illness; principle of humanism; list of diseases that impede serving a sentence; circumstances preventing the exemption from punishment due to illness; grounds for applying punishment after recovery of a person.

Citation. Nurkaeva T. N. *Problemy osvobodzheniya ot nakazaniya v svyazi s inoi tyazheloi bolezn'yu* [Problems of exemption from punishment in connection with another serious illness]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-54-60> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Татьяна Николаевна Нуркаева – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт МВД России, 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Мухоморова, 2.

Тема докторской диссертации: «Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики)». Автор более 180 научных работ, в том числе 7 монографий, 40 статей в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России. Две монографии изданы в центральных издательствах: «Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики» (2003); «Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики» (2017). Одна монография издана за рубежом. «Легализация (отмывание) имущества, полученного от наркоторговли» (2011).

Область научных интересов: основное внимание уделяется проблемам уголовно-правовой охраны человека, его прав и свобод, а также охране здоровья населения уголовно-правовыми средствами; проблемам обеспечения безопасности лиц, подлежащих госзащите.

© Tatiana N. Nurkaeva – Doctor of Law, professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2, Muxsinova Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Criminal legal protection of individual (civil) rights and freedoms (issues of theory and practice)». Author of more than 180 scientific and educational-methodical works, including 7 monographs, 40 articles in journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia. Two monographs were published in central publishing houses «Personal (civil) rights and freedoms and their protection by criminal legal means: issues of theory and practice» (2003); «Criminal legal protection of a person, their rights and freedoms: issues of theory and practice» (2017). One monograph was published abroad: «Legalization (laundering) of property obtained from drug trafficking» (2011).

Research interests: special attention is paid to the problems of criminal legal protection of a person, their rights and freedoms, as well as the protection of public health by criminal legal means; the problems of ensuring the safety of persons subject to state protection.

Институт освобождения осужденного от отбывания наказания обусловлен принципом гуманизма, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ч. 2 ст. 7 УК РФ). Показательна в этом отношении норма, предусматривающая освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ). Предметом нашего исследования являются проблемы освобождения лица от наказания в связи с иной тяжелой болезнью, что предусмотрено ч. 2 ст. 81 УК РФ.

Довольно распространенным является мнение, согласно которому данный вид относится к безусловному виду освобождения от наказания [1, с. 58]. Противоположной позиции придерживался В. П. Малков [2, с. 37]. Этот автор и его сторонники [3, с. 71] ссылаются на ч. 4 ст. 81 УК РФ, согласно которой лица, указанные в частях первой и второй настоящей статьи, в случае их выздоровления могут подлежать уголовной ответственности и наказанию, если не истекли сроки давности, предусмотренные статьями 78–83 настоящего Кодекса.

Более гибкую позицию в этом вопросе, на наш взгляд, занял Ю. М. Ткачевский. С его точки зрения, в ч. 1 и 2 ст. 81 УК РФ установлены два вида освобождения от уголовной ответственности и наказания: безусловный – при неизлечимости болезни и условный – при излечимости лица от заболевания. В подавляющем числе случаев освобождение от наказания по болезни применяется к лицам, страдающим хроническими и в основном неизлечимыми болезнями. Поэтому чаще всего применяется безусловное досрочное освобождение от наказания по болезни [4, с. 241–242]. Справедливость этого подхода заключается в том, что унификация соответствующей нормы и практики её применения без учета обстоятельств заболевания вряд ли уместна. Действительно, все зависит от характера и тяжести конкретного заболевания, выяснения вопроса, является оно излечимым или нет. Это положение подтверждается еще и тем, что, согласно ст. 21 УК РФ, медицинский критерий невменяемости характеризуется следующими видами психических расстройств: хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие, иное болезненное состояние психики. В сочетании с юридическим критерием он (медицинский критерий) позволяет суду определить степень влияния заболевания на поведение лица.

При рассмотрении вопросов освобождения лица от наказания в связи с иной тяжелой болезнью следует определить круг лиц, в отношении которых возможно применение этого правового механизма. Как правило, к их числу относятся лица, заболевшие после совершения преступления иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания. Вместе с тем в этот круг подпадают также лица, у которых тяжелая болезнь после со-

вершения преступления обострилась и состояние явно ухудшилось. В этих случаях сведения должны подтверждаться медицинской документацией, копией приговора и затем отражаться в соответствующем постановлении суда. Данное положение закона вполне соответствует принципу гуманизма.

Такие ситуации происходят в жизни. В частности, такой случай отражен в практике Ивановского районного суда Ивановской области (дело № 4/3-10/2014), когда заболевание, включенное в Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, имелось у осужденного на момент совершения преступления.

Так, З. осужден приговором Комсомольского районного суда Ивановской области от 03.07.2013 по ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 2 ст. 228¹ (в ред. от 27.12.2009); ч. 1 ст. 228; ч. 1 ст. 232 УК РФ по совокупности преступлений к 5 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Из заключения медицинской комиссии о медицинском освидетельствовании от 15 ноября 2013 г. следует, что у З. имелось заболевание, включенное в п. 26 Перечня заболеваний, препятствующих отбыванию наказания: выраженное снижение остроты зрения на почве стойких патологических изменений (острота зрения глаза, который лучше видит, не превышает 0,05 и не может быть корригирована). А, согласно заключению медицинской комиссии о медицинском освидетельствовании осужденного от 15 июля 2014 г., у З. имелось заболевание, включенное в п. 25 Перечня заболеваний, препятствующих отбыванию наказания: полная слепота.

Принимая решение об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания, суд учел, что заболевание органов зрения имелось у осужденного на момент совершения преступления и постановления приговора. Судом также установлено, что за период после начала отбывания наказания состояние зрения осужденного ухудшилось и достигло состояния полной слепоты. Кроме того, согласно сообщению начальника ФКУЗ МСЧ-37 ФСИН России, необходимое лечение органа зрения осужденного в условиях медицинских подразделений ФКУЗ МСЧ-37 ФСИН невозможно [5].

Некоторые сложности процессуального порядка возникают в связи с определением момента освобождения судом лица, заболевшего тяжелой болезнью после совершения преступления, но до вынесения обвинительного приговора. Следует согласиться, что в этом случае суд должен вынести обвинительный приговор с назначением конкретного наказания и одновременно освободить от его реального отбывания, если сама болезнь препятствует этому [6, с. 600–601].

Условия применения ч. 2 ст. 81 УК РФ заключаются в следующем:

– лицо, заболевшее после совершения преступления «иной тяжелой болезнью», остается психически здоровым и, следовательно, способным правильно воспринимать характер применяемых к нему мер карательно-воспитательного воздействия;

– наличие «иной тяжелой болезни» должно препятствовать отбыванию осужденным назначенного ему наказания;

– освобождение от наказания в этом случае является правом суда, а не обязанностью, что подтверждается в ч. 2 ст. 81 УК РФ, где использовано словосочетание «может быть судом освобождено от отбывания наказания».

Круг заболеваний, подпадающих под понятие «иная тяжелая болезнь», не является произвольным и определяется Перечнем заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» (в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 19 мая 2017 г. № 598). К видам «иных тяжелых заболеваний» в соответствии с этим документом относятся: туберкулез, злокачественные новообразования, тяжелые формы болезни крови, эндокринной системы, нервной системы, болезни глаза, системы кровообращения, органов дыхания, органов пищеварения, болезни мочеполовой системы, болезни костно-мышечной системы, врожденные пороки развития, травмы и другие следствия внешних причин. Важно отметить, что в последней редакции данного документа круг заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, существенно расширен. К примеру, раздел первый, который в первоначальной редакции документа назывался «Туберкулез», а в редакции 2017 г. – «Инфекционные заболевания», увеличен путем включения таких заболеваний, как: туберкулез мозговых оболочек и центральной нервной системы; нейросифилис; болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека, в стадии вторичных заболеваний 4В в фазе прогрессирования и терминальной стадии [7].

Однако одного наличия заболевания, входящего в указанный Перечень, еще недостаточно. На основании изучения заключения медицинской комиссии, личного дела заключенного суд должен прийти к выводу, что наличие тяжелой болезни препятствует ему в дальнейшем отбывании наказания, что является законным основанием для его освобождения (ч. 2 ст. 81 УК РФ).

Поскольку освобождение от наказания в связи с иной тяжелой болезнью, согласно закону, – это право суда, можно предполагать, что помимо наличия у осужденного «иной тяжелой болезни» суды должны исследовать обстоятельства, характеризующие и совершенное им преступление, и личность виновного, которые в совокупности позволяют суду принять решение о возможности освобождения виновного от дальнейшего отбывания наказания. Изначально на этом пути находилась и судебная практика.

Анализ судебной практики по вопросу рассмотрения ходатайств и представлений об освобождении осужденных от отбывания наказания в связи

с тяжелой болезнью за 2014–2016 гг. показал, что основными причинами отказа в удовлетворении ходатайств в отношении вышеуказанных осужденных являются: нарушение осужденными порядка отбывания наказания; отсутствие у них родственников или близких людей, согласных ухаживать за ними; отсутствие у осужденных средств для осуществления лечения на свободе и места для проживания после освобождения от наказания; отсутствие заболевания, входящего в Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утвержденный постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54 (в ред. от 19 мая 2017 г. № 598) [5; 8].

Исследователями верно подмечено, что до внесения изменений в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» другим постановлением Пленума Верховного Суда РФ – от 17 ноября 2015 г. № 51 – была сформирована судебная позиция, в соответствии с которой наличие «иной тяжелой болезни» не являлось определяющим фактором для решения вопроса об освобождении осужденного от наказания [9, с. 42–43; 10, с. 37]. Судам предлагалось учитывать также поведение осужденного в период отбывания наказания, его отношение к проводимому лечению, соблюдение им медицинских рекомендаций, режимных требований учреждения, исполняющего наказание, по состоянию здоровья, а также данные о личности осужденного, наличие у него постоянного места жительства, родственников или близких ему лиц, которые могут и согласны осуществлять уход за ним. Предписывалось, чтобы постановление суда было мотивированным и содержало конкретные основания принятого решения.

Однако в редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 51 пункт 24 претерпел изменения, в соответствии с которыми акценты оснований применения данного вида освобождения от наказания расставлены несколько по-другому. В соответствии с нынешней редакцией п. 24 названного выше постановления при решении вопроса об освобождении лица от наказания определяющее значение имеет установление судом наличия у осужденного тяжелой болезни, препятствующей отбыванию им назначенного наказания.

Это положение определенным образом повлияло и на формирование новой судебной практики. В качестве иллюстрации можно привести материалы опубликованного уголовного дела в отношении И., осужденного по ч. 4 ст. 159 УК РФ к пяти годам лишения свободы. И. обратился в суд с ходатайством об освобождении его от отбывания наказания в связи с болезнью. Рассматривая данное ходатайство, суд пришел к выводу, что осужденный страдает заболеванием, которое входит в соответствии с постановлением Правительства

РФ от 6 февраля 2004 г. № 54 в Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания. Однако постановлением суда осужденному было отказано в удовлетворении ходатайства об освобождении от отбывания наказания в связи с иной тяжелой болезнью. Обосновывая свой отказ, суд указал, что осужденный получает регулярное лечение; сведений о наличии у него родственников или близких лиц, которые согласны осуществлять необходимый за ним уход, суду не предоставлено; И. совершил тяжкое преступление; имеет единственное поощрение от администрации колонии; имеет задолженность по исковым обязательствам и мер к ее погашению не принимает. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление суда и освободила И. от дальнейшего отбывания наказания, назначенного ему по приговору суда, указав следующее.

В соответствии с действующим законодательством (ч. 2 ст. 81 УК РФ) суды не вправе отказать в освобождении от отбывания наказания по основаниям, не указанным в законе, в том числе таким, как тяжесть совершенного преступления. В тех случаях, когда вред, причиненный преступлением, не возмещен в силу объективных причин, суд также не вправе отказать в освобождении от наказания только на этом основании. В суде второй инстанции сторона защиты заявила также о готовности супруги осужденного к осуществлению ухода за ним.

Имеющаяся в материале характеристика на осужденного является положительной, а вывод, что за время отбывания наказания в исправительной колонии он характеризуется неопределенностью в поведении, не может служить основанием для отказа в освобождении осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью.

Кроме того, Судебной коллегией было отмечено, что, согласно ч. 2 ст. 81 УК РФ, при рассмотрении в порядке исполнения приговора вопросов, связанных с освобождением осужденного от наказания в связи с болезнью осужденного, определяющее значение имеет наличие у лица заболевания, препятствующего отбыванию наказания, а не его поведение в период отбывания наказания (определение № 85-УД15-5) [11, с. 27–28].

Таким образом, получается, что формулировка закона (ч. 2 ст. 81 УК РФ) осталась без изменения, а практика его применения судами существенно меняется. Как к этому относиться? Вряд ли можно дать однозначную (тем более только положительную) оценку этому явлению.

Прежде всего возникает вопрос: должны ли суды, принимая решение об освобождении осужденного от наказания в связи с болезнью, наряду с фактом установления «иной тяжелой болезни» устанавливать другие обстоятельства, влияющие на решение этого вопроса. Ответ на него содержится в действующей новой редакции п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ, где говорится, что, рассматривая соответствующее ходатайство осужденного, суд оценивает меди-

цинское заключение специальной медицинской комиссии или учреждения медико-социальной экспертизы с учетом Перечня заболеваний, препятствующих отбыванию наказания... а также принимает во внимание иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения ходатайства по существу. Поскольку данный вид освобождения от наказания не является безусловным и, следовательно, является правом суда, а не обязанностью, то такие требования по установлению иных обстоятельств дела вполне закономерны.

Это могут быть и обстоятельства, которые препятствуют освобождению лица от дальнейшего отбывания наказания в связи с болезнью, но в законе не предусмотрены. В специальной литературе к таковым обычно относятся: характер и степень общественной опасности совершенного преступления, тяжесть назначенного наказания, наличие прежних судимостей (уголовно-правовой критерий); учет части срока наказания, отбытого осужденным, его поведение в период отбывания наказания, его отношение к проводимому лечению (уголовно-исполнительный критерий); учет социально-бытовых условий, в которых оказывается осужденный после освобождения от наказания по болезни, в частности наличие или отсутствие у него постоянного места жительства, родственников или иных близких лиц, которые имеют возможность и желание за ним ухаживать (факультативный критерий) [12, с. 31; 10, с. 38; 13, с. 196].

Правда, Верховный Суд РФ после известных изменений пункта 24 названного выше постановления определил новую правовую позицию, указав, что суд вправе отказать в освобождении осужденного от отбывания наказания лишь по тем основаниям, которые предусмотрены законом [14, с. 17–18], о чем выше уже говорилось.

Однако среди теоретиков и практиков нет однозначного мнения по этому вопросу. В частности, А. В. Бриллиантов справедливо считает дискуссионной практику, когда постановления суда об отказе в удовлетворении ходатайства об освобождении от наказания в связи с иной тяжелой болезнью отменяются с формулировкой, согласно которой отказ в удовлетворении ходатайства имел место по основаниям, не предусмотренным законом [10, с. 38].

На наш взгляд, отдельные из этих обстоятельств, несомненно, должны учитываться судом при решении вопроса о досрочном освобождении осужденного от наказания в связи с иной тяжелой болезнью. К таковым, в частности, относится установление у него постоянного места жительства, наличия родственников или иных близких лиц, которые реально будут за ним ухаживать.

Казалось бы, самое верное решение – освободить от наказания лицо, заболевшее иной тяжелой болезнью, препятствующей ему дальше отбывать наказание. Но сразу возникает вопрос: что дальше будет с этим человеком, если ему некуда идти или родственники отказались от него? Ясно, что его надо лечить и обеспечить за ним уход, однако

готово ли государство взять на себя такую ответственность?

Как явствует из Доклада о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний, медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 58 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией [15].

Надо сказать, что в отдельных регионах вопрос медицинского сопровождения осужденных решается должным образом. Так, в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Башкортостан содержится более 12 тысяч обвиняемых и осужденных. Организация и оказание лечебно-профилактической помощи лицам, содержащимся в УФСИН России по Республике Башкортостан, возложены на ФКУЗ МСЧ-2 ФСИН России. Медицинское обеспечение спецконтингента осуществляют 15 филиалов «Медицинская часть», 2 здравпункта, филиалы «Больница» и «Туберкулезная больница».

Медицинское освидетельствование осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью, выполняется медицинскими комиссиями лечебно-профилактических учреждений уголовно-исполнительной системы. Данное освидетельствование проводится двумя медицинскими комиссиями – в филиалах «Больница» (г. Уфа) и «Туберкулезная больница» (г. Салават).

Следует отметить, что за последние шесть лет в Республике Башкортостан количество рассмотренных на заседании медицинских комиссий больных увеличилось на 60 %, при этом количество освобожденных от дальнейшего отбывания наказания осужденных в связи с болезнью увеличилось в 5 раз.

По данным за 2017 и 2018 гг., в Республике Башкортостан наиболее часто встречающимися заболеваниями у освобожденных в связи с тяжелым заболеванием являются туберкулез и ВИЧ-инфекция.

Как и по всей стране, в Республике Башкортостан возникает немало вопросов по медицинскому обеспечению больного после освобождения из мест лишения свободы в связи с тяжелым заболеванием. Сегодня этот вопрос в основном решен благодаря слаженному взаимодействию всех заинтересованных органов и учреждений с Министерством здравоохранения Республики Башкортостан. Такие больные после решения суда об освобождении в связи с тяжелой болезнью сразу госпитализируются в лечебные учреждения системы здравоохранения по профилю заболевания. Так, из 39 осужденных, освобожденных судом от дальнейшего отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью, за 2019 год госпитализированы:

– в ГБУЗ РКПТД (Республиканский клинический противотуберкулезный диспансер г. Уфа) 12 человек;

– в Салаватский филиал ГБУЗ РКПТД 3 человека;

– в ГБУЗ РБ РКОД (Республиканский клинический онкологический диспансер) 2 человека;

– в ГБУЗ БСМП (Больница скорой медицинской помощи г. Уфа) 4 человека.

При этом отказались от госпитализации и дальнейшего лечения и ушли домой по месту жительства 18 человек.

Важно отметить, что для решения вопросов по лечению инкурабельных (неизлечимых) больных, ожидающих решения суда в связи с болезнью, проводится процедура открытия паллиативной палаты в составе филиала «Больница» ФКУЗ МСЧ-2 ФСИН России. Планируется организовать круглосуточную высококвалифицированную паллиативную медицинскую помощь осужденным с тяжелыми и неизлечимыми заболеваниями. Это будет еще один важный шаг, свидетельствующий о гуманном подходе общества к лицам, испытывающим сильные страдания в связи с болезнью.

Однако проблемы все равно остаются и связаны они с тем, что осужденные, заболевшие тяжелой болезнью, после освобождения могут находиться на излечении в лечебно-профилактических учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения лишь ограниченное время, после чего выписываются. Поэтому важно, чтобы дальше больной не оказался на улице и не пополнил «армию» бездомных. Суды при решении вопроса об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью должны учитывать возможность его жизнеустройства.

Считаем, что учет этого обстоятельства имеет принципиальное значение и позволяет суду отказать в удовлетворении ходатайства об освобождении от наказания в связи с иной тяжелой болезнью. В противном случае государство должно взять на себя обязательство полностью обеспечивать уход за такими людьми и на должном уровне оказывать им медицинскую помощь в случае отказа родных и (или) близких принять осужденного. В условиях настоящего социально-экономического состояния Российского государства это представляется весьма сложным.

Имеются проблемы и другого характера. Закон (ч. 4 ст. 81 УК РФ) предоставляет возможность в случае выздоровления привлечь к уголовной ответственности и наказанию лиц, которые были освобождены от наказания в связи с болезнью, если не истекли сроки давности, предусмотренные статьями 78 и 83 настоящего Кодекса. Однако исследователями справедливо отмечено, что ч. 4 ст. 81 УК РФ фактически работает только в отношении психически больных лиц, указанных в ч. 1 данной статьи, но не применима к освобожденным в связи с иной тяжелой болезнью (ч. 2 ст. 81 УК РФ). Не было установлено ни одного случая привлечения лица, освобожденного от наказания в связи с иной тяжелой болезнью, к дальнейшему отбыванию наказания в случае его выздоровления.

В свою очередь, отсутствие контроля за освобожденным от наказания в связи с иной тяжелой болезнью со стороны государственных органов фактически приводит к тому, что о факте выздоровления указанных лиц неизвестно суду, который вправе принять окончательное решение либо об освобождении от отбывания наказания (или его оставшейся части), либо о привлечении лица к отбыванию наказания [16, с. 12].

Опрос специалистов-медиков, занимающихся этими вопросами, свидетельствует, что медицинское сопровождение граждан, освобожденных от наказания в связи с иной тяжелой болезнью, объективно затруднено, поскольку они разъезжаются по всей стране и осуществлять контроль за ними очень сложно. Как показывает практика Республики Башкортостан, значительный процент таких лиц (46 % в 2019 г.) отказались от госпитализации и дальнейшего лечения и уехали домой по месту жительства.

Учитывая все эти моменты, в литературе высказано предложение, что ч. 4 ст. 81 УК РФ должна быть сохранена только в отношении лиц, указанных в ч. 1 ст. 81 УК РФ, то есть психически больных осужденных. Что касается освобожденных из исправительных учреждений в связи с наличием у них иной тяжелой болезни, то следует либо исключить условность их освобождения, либо определить в уголовном законе основания применения наказания после выздоровления, а также предусмотреть механизм контроля за такими лицами [13, с. 195]. В развитие последней позиции высказываются предложения по законодательному закреплению права суда возлагать на осужденного обязанность после его освобождения по болезни встать на учет в учреждении здравоохранения по месту своего нахождения, а также обязанности не уклоняться от курса лечения, не менять без разрешения места жительства и т. д. [16, с. 20; 12, с. 32], что заслуживает серьезного внимания.

Библиографический список

1. Базаров Р. А., Михайлов К.. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. Челябинск, 2001. 127 с.
2. Малков В. Ответственность граждан, освобожденных от отбывания наказания по болезни // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 37–38. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/6065>.
3. Бадамшин И. Д. Освобождение от наказания по законодательству Российской Федерации: учебное пособие. Уфа: УЮИ МВД России, 2015. 96 с.
4. Курс уголовного права. Общая часть. Том. 2: Учение о наказании: учебник для вузов. Москва: Зерцало-М, 2002. 464 с. URL: <https://allengl.org/d/jur/jur244.htm>.
5. Ивановский областной суд. URL: http://www.oblsud.ivanovo.ru/view.php?fn=content/suddoc/sudpraktika/_3 (дата обращения: 30.11.2019).

6. Энциклопедия уголовного права. Т. 10. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. Издание проф. Малинина. Санкт-Петербург: СПб. ГКА, 2008. 880 с. URL: <https://b-ok.cc/book/3068941/8ba6ac>.

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» (в ред. от 19 мая 2017 г. № 598). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901887458>.

8. Волгоградский областной суд. URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=805&cl=1> (дата обращения: 02.12.2019).

9. Курченко В. Освобождение от наказания в связи с болезнью: актуальные вопросы правоприменения // Уголовное право. 2017. № 3. С. 37–43. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30282034>.

10. Бриллиантов А. Освобождение от наказания в связи с болезнью // Уголовное право. 2018. № 4. С. 33–39. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.5.86-93.

11. Определение № 85-УД15-5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 3. С. 27–28.

12. Курганский М. Г. Освобождение от наказания в связи с болезнью // Юрист-Правовед, 2007. № 3. С. 29–32. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15195020>.

13. Маликов Б. З. Совершенствование законодательства об освобождении от наказания осужденных в связи с тяжелой болезнью // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 25 (1–4). № 2. С. 192–197. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-zakonodatelstva-ob-osvobozhdenii-ot-nakazaniya-osuzhdennyh-v-svyazi-s-tyazhely-boleznyu>.

14. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 августа 2015 г. № 11-УД 15-31 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4. С. 17–18. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/2b11d2782fac168c837534471ae2f7e4>.

15. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФСИН. URL: <https://docplayer.ru/26228571-Doklad-o-rezultatah-i-osnovnyh-napravleniyah-deyatelnosti-sluzhby-ispolneniya-nakazaniy.html> (дата обращения: 24.12.2019).

16. Алфимова О. А. Освобождение от наказания в связи с болезнью: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 23 с.

References

1. Bazarov R. A., Mikhailov K. V. *Osvobozhdenie ot ugodovnoy otvetstvennosti i nakazaniya* [Exemption from criminal liability and punishment]. Chelyabinsk, 2001, 127 p. [in Russian].
2. Malkov V. *Otvetstvennost' grazhdan, osvobozhdennykh ot otbyvaniya nakazaniya po bolezni* [Responsibility of citizens exempted from serving their sentences due to illness]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 2001, no. 6, pp. 37–38. Available at: <https://www.lawmix.ru/comm/6065> [in Russian].
3. Badamshin I. D. *Osvobozhdenie ot nakazaniya po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii: uchebnoe posobie* [Exemption from punishment under the legislation of the

Russian Federation: textbook]. Ufa: UYul MVD Rossii, 2015, 96 p. [in Russian].

4. *Kurs ugolovnogo prava. Obshchaya chast'. Tom. 2: Uchenie o nakazanii: uchebnyk dlya vuzov* [The course of criminal law. General part. Vol. 2: The doctrine on punishment: textbook for universities]. Moscow: Zertsalo-M, 2002, 464 p. Available at: <https://alleng1.org/d/jur/jur244.htm> [in Russian].

5. *Ivanovskiy oblastnoy sud* [Ivanovo Regional Court]. Available at: http://www.oblsud.ivanovo.ru/view.php?Fn=content/suddoc/sudpraktika/_3 (accessed 30.11.2019) [in Russian].

6. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 10. Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti i nakazaniya* [Encyclopedia of criminal law. Vol. 10. Exemption from criminal liability and punishment. Edition of professor Malinin]. Saint Petersburg: SPb. GKA, 2008, 880 p. Available at: <https://b-ok.cc/book/3068941/8ba6ac> [in Russian].

7. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 6 fevralya 2004 g. № 54 «O meditsinskom osvidetel'stvovanii osuzhdennykh, predstavlyaemykh k osvobozhdeniyu ot otbyvaniya nakazaniya v svyazi s boleznyu» (v red. ot 19 maya 2017 g. № 598)* [Decree of the Government of the Russian Federation dated February 6, 2004 № 54 «On the medical examination of convicts submitted for exemption from serving their sentences in connection with a disease» (as amended on May 19, 2017 № 598). Retrieved from system «ConsultantPlus». Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901887458> [in Russian].

8. *Volgogradskiy oblastnoy sud* [Volgograd Regional Court]. Available at: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?Name=docum_sud&id=805&cl=1 (accessed 02.12.2019) [in Russian].

9. Kurchenko V. *Osvobozhdenie ot nakazaniya v svyazi s boleznyu: aktual'nye voprosy pravoprimereniya* [Release from punishment on medical grounds: topical issues of law enforcement]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2017, no. 3, pp. 37–43. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30282034> [in Russian].

10. Brilliantov A. *Osvobozhdenie ot nakazaniya v svyazi s boleznyu* [Release from Punishment due to Illness]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2018, no. 4, pp. 33–39. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.5.86-93 [in Russian].

11. *Opredelenie № 85-UD15-5* [Decision № 85-UD15-5]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2016, no. 3, pp. 27–28 [in Russian].

12. Kurgansky M. G. *Osvobozhdenie ot nakazaniya v svyazi s boleznyu* [Avoiding of the punishment on the reason of disease]. *Yurist-Pravoved* [Jurist-Pravoved], 2007, no. 3, pp. 29–32. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15195020> [in Russian].

13. Malikov B. Z. *Sovershenstvovanie zakonodatel'stva ob osvobozhdenii ot nakazaniya osuzhdennykh v svyazi s tyazhelei boleznyu* [Improvement of the legislation in the sphere of relief of punishment of convicts along with a serious illness]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penal Law], 2017, Vol. 25 (1–4), no. 2, pp. 192–197. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-zakonodatel'stva-ob-osvobozhdenii-ot-nakazaniya-osuzhdennykh-v-svyazi-s-tyazhelei-boleznyu> [in Russian].

14. *Opredelenie Sudebnoi kollegii po ugovolnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 11 avgusta 2015 g. № 11-UD 15-31* [Decision of the judicial division on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 11, 2015 № 11-UD 15–31]. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2016, no. 4, pp. 17–18. Available at: <https://www.zakonrf.info/suddoc/2b11d2782fac168c837534471ae2f7e4> [in Russian].

15. *Doklad o rezultatah I osnovnykh napravleniyah deyatel'nosti sluzhby ispolneniya nakazaniy* [Report on key performance indicators of FSIN]. Available at: <https://docplayer.ru/26228571-Doklad-o-rezultatah-i-osnovnykh-napravleniyah-deyatelnosti-sluzhby-ispolneniya-nakazaniy.html> (accessed 24.12.2019) [in Russian].

16. Alfimova O. A. *Osvobozhdenie ot nakazaniya v svyazi s boleznyu: ugolovno-pravovoi i ugolovno-ispolnitel'nyi aspekty: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Exemption from punishment due to a disease: criminal legal and criminal executive aspects: author's abstract of Candidate's of Juridical Sciences thesis]. Tyumen, 2006, 23 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-61-67
УДК 343.4

Дата: поступления статьи / Submitted: 22.01.2020
после рецензирования / Revised: 23.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

Н. В. Иванцова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация
E-mail: ivantzova.natalia@yandex.ru

МЕДИЦИНСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И МЕДИЦИНСКАЯ ОШИБКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности медицинских работников за профессиональные нарушения, совершенные ими в процессе оказания медицинской помощи, повлекшие причинение вреда жизни и здоровью пациентов. Обосновывается некорректность употребления термина «ятрогенные преступления», дается определение категории «медицинские преступления» на основе анализа этой группы преступлений. Определив объективные и субъективные признаки медицинских преступлений, автор приходит к выводу о недопустимости подмены понятий медицинского преступления и медицинской ошибки. Обосновывается точка зрения о том, что медицинская ошибка при отсутствии виновного отношения к наступившему вреду является добросовестным заблуждением медицинского работника, основанным на несовершенстве медицинской науки и ее методов и (или) связанным с атипичным течением заболевания, аномальными анатомическими особенностями организма, аллергическими реакциями в процессе оказания медицинских услуг.

Ключевые слова: уголовная ответственность, медицинские преступления, ятрогенные преступления, профессиональные нарушения, вред жизни и здоровью, медицинская ошибка.

Цитирование. Иванцова Н. В. Медицинское преступление и медицинская ошибка: проблемы разграничения // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 61–67. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-61-67>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

N. V. Ivantsova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation
E-mail: ivantzova.natalia@yandex.ru

MEDICAL CRIME AND MEDICAL ERROR: PROBLEMS OF DIFFERENTIATION

Abstract: The article deals with the issues of criminal liability of medical workers for professional violations committed by them in the process of providing medical care that caused harm to the life and health of patients. The author justifies the incorrect use of the term «iatrogenic crimes». The definition of the category "medical crimes" is given by analyzing this group of crimes. Having determined the objective and subjective signs of medical crimes, the author comes to the conclusion that it is unacceptable to substitute the concepts of medical crime and medical error. The author shows that medical error in the absence of the perpetrator relationship to the ensuing harm is a bona fide misconception of the medical worker based on the imperfection of medical science and its methods or due to atypical course of the disease, the abnormal anatomical features of the body, allergic reactions in the process of providing medical services.

Key words: criminal liability, medical crimes, iatrogenic crimes, professional violations, harm to life and health, medical error.

Citation. Ivantsova N. V. *Medicinskoye prestupleniye i medicinskaya oshibka: problemy razgranicheniya* [Medical crime and medical error: problems of differentiation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 61–67. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-61-67> [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Наталья Владимировна Иванцова – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Марийский государственный университет, 424001, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1.

Тема докторской диссертации: «Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: вопросы теории и практики». Автор более 120 научных работ, в том числе учебников, монографий, учебных пособий: «Проблемы отражения и оценки общественно опасного насилия в уголовном праве (вопросы теории и практики)» (2004), «Квалификация преступлений, совершаемых с применением насилия: теория и практика» (2004), «Уголовная ответственность за общественно опасное насилие» (2006), «Уголовная ответственность за неосторожное причинение смерти в сфере дорожного движения» (2011).

Область научных интересов: уголовно-правовая охрана личности и ее интересов, квалификация преступлений.

© Natalia V. Ivantsova – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Mari State University, 44, Kremlevskaya Street, Yoshkar-Ola, 424002, Russian Federation.

The subject of Doctoral thesis: «Reflection and evaluation of socially dangerous violence in criminal law: issues of theory and practice». Author of more than 120 scientific papers, including textbooks, monographs, textbooks: «Problems of reflection and evaluation of socially dangerous violence in criminal law (issues of theory and practice)» (2004), «Qualification of crimes committed with the use of violence: theory and practice» (2004), «Criminal liability for socially dangerous violence» (2006), «Criminal liability for reckless causing of death in the field of traffic» (2011).

Research interests: criminal law protection of individuals and their interests, qualification of crimes.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2020 г. Президент РФ В. В. Путин подчеркнул, что «вопрос подготовки, привлечения кадров – ключевой для здравоохранения» [1]. Неудивительно, что глава государства обратил на это внимание в рамках обсуждения проблемных вопросов, существующих в отечественном здравоохранении. Может быть, ему намекнул об этом российский народ, умеющий в краткой анекдотической форме обрисовать злободневную болевую точку, выраженную фразой: «Осторожно! Поколение, которое покупало дипломы, уже вышло на работу!»

Все чаще в средствах массовой информации появляются новости о неправильно поставленных врачами диагнозах, некачественно оказанной медицинской помощи, приведшей к тяжелым заболеваниям, а то и к смертельному исходу. Так, жителю Чувашии во время операции в 2002 г. оставили в теле хирургическую иглу для зашивания, с которой он прожил 17 лет, мучаясь от жутких болей. Лишь спустя 17 лет этот предмет был случайно обнаружен на рентгеновском снимке [2, с. 1].

Официальной статистики, позволившей бы определить реальную ситуацию, связанную с совершением преступлений медицинскими работниками при исполнении ими профессиональных обязанностей, на сегодняшний день нет. Отсутствие таковой (статистики) не позволяет в полной мере проводить аналитическую работу, что, в свою очередь, затрудняет деятельность правоохранительных органов, направленную на профилактику преступлений в сфере здравоохранения.

Соответственно, сведения о врачебных ошибках и преступлениях можно получить в научных периодических изданиях, монографиях, научных статьях, материалах официальных заседаний рабочих групп, различных коллегий, совещаний и выступлений представителей министерств и ведомств, СМИ.

12 июля 2018 г. председатель Следственного комитета РФ (далее – СК РФ) А.И. Бастрыкин на очередном заседании межведомственной рабочей группы по вопросам расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками, озвучил следующую статистику. В 2016 г. в следственные органы СК РФ поступило 4947 сообщений о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, в 2017 г. – 6050, или на 22,3 % больше. По результатам рассмотрения указанных сообщений в 2016 г. следственными органами СК РФ было возбуждено 878 уголовных дел, а в 2017 г. – 1791 [3].

Можно утверждать, что в Российской Федерации отмечается тенденция увеличения количества фактов некачественного оказания медицинской помощи, что должно побуждать законодателя активно заниматься вопросами правового регулирования ответственности медицинских работников, причиняющих вред жизни или здоровью пациентов. Со своей стороны попытаюсь отграничить

медицинские преступления от случаев медицинских ошибок, которые (медицинские ошибки) не должны быть криминализованы, поскольку «медицина – область знаний, в которой закономерности диагнозов нагло попираются нетипичными симптомами, а исходы болезней часто непредсказуемы» [4].

Что следует понимать под «медицинскими преступлениями»? В начале XXI в. в уголовном праве появился новый тренд под названием «ятрогенные преступления». Это словосочетание обязано своим появлением медицинскому термину ятрогения. Ятрогения (др.-греч. *iatrós* «врач» + *γενεά* «рождение») – ухудшение физического или эмоционального состояния человека, ненамеренно спровоцированное медицинским работником. Термин «ятрогения» был введен немецким психиатром Освальдом Бумке в работе «Врач как причина душевных расстройств» в 1925 г. В медицинских кругах того периода ятрогению считали психогенным заболеванием, основой которого является слово, неосторожно брошенное пациенту и повлекшее за собой тяжелые переживания, принимающие иногда характер соматического заболевания. В словарях этот термин толковался как заболевание, возникающее как реакция на неправильно истолкованные больным слова или поведение врача, прочитанную медицинскую литературу и т. п. [5, с. 731]. Вплоть до 70-х годов прошлого века этот термин использовался преимущественно для обозначения психогенных болезней, возникающих от неосторожного высказывания врача. Но затем в медицинском сообществе изменилось отношение к содержанию данного понятия. Со временем ятрогенией стали определять нежелательные последствия оказания медицинской помощи.

Всемирная организация здравоохранения в 1995 г. возвела ятрогению в ранг основных заболеваний. Согласно международной классификации болезней (МКБ-10), ятрогения – это любое нежелательное или неблагоприятное последствие профилактических, диагностических и лечебных вмешательств, которые приводят к нарушению функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти; осложнение медицинских мероприятий, развившееся в результате как ошибочных, так и правильных действий [6]. И если опираться на содержание понятия, данное в МКБ-10, то следует признать, что ятрогения не имеет однозначного признака негативности, она может быть следствием как ошибочных, так и правильных действий.

В настоящее время термин «ятрогения» стал использоваться в широком смысле, распространено преимущественно в системе организации здравоохранения. Ятрогения понимается как итоговый негативный результат функционирования системы здравоохранения в целом. Словосочетания «ятрогенные повреждения», «ятрогенные последствия», «ятрогенные дефекты», да и просто «ятрогении» используются как показатели ненад-

лежащего оказания медицинской помощи. Представители юриспруденции ввели эти термины в юридический оборот, что и привело к появлению в уголовном праве такой разновидности преступлений как ятрогенные.

Коль скоро термин запущен в научный и практический оборот, то исключить его путем запретных мер не представляется возможным до тех пор, пока он сам себя не изживет. Но нам представляется, что медицинское определение ятрогении не позволяет относить к таковым преступления, совершенные медицинскими работниками в силу допущенных ими профессиональных нарушений. Полагаю, что выделение категории «ятрогенные преступления» необоснованно и зиждется на подмене истинного содержания данного термина, противоречит его буквальному переводу. Коль скоро мы ведем речь о преступлениях, совершаемых медицинскими работниками вследствие нарушения ими правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи в процессе исполнения профессиональных обязанностей, то более правильно будет называть такие преступления медицинскими.

Вопрос об обязанности медицинских работников отвечать по закону в рамках уголовной ответственности не получил в обществе однозначных оценок. Прежде всего медицинские работники выступают против таковой. Так, глубокоуважаемый доктор Л. М. Рошаль считает, что необходимо декриминализировать врачебную деятельность [7]. Но даже к мнению таких медицинских авторитетов мы не можем присоединиться полностью. Да, медицинский работник не должен нести уголовную ответственность за невиновную ошибку, допущенную им при выполнении профессиональной деятельности, последствием которой явились смерть пациента или вред его здоровью. Но если медицинский работник умышленно или неосторожно нарушил правила и (или) стандарты осуществления медицинской помощи, что привело или могло привести к смерти пациента или причинению вреда его здоровью, то его деяние должно быть оценено как преступное.

Вопрос об уголовной ответственности медицинских работников возник не сегодня, а задолго до XXI века. Н. А. Огнерубов выделяет пять исторических периодов становления и развития института уголовной ответственности за деяния, совершенные в сфере профессиональной медицинской деятельности: I период (X–XV вв.); II период (XVI–XVIII вв.); III период (XIX – начало XX вв.); IV период (с 1917 по 1991 г.); V период (с 1991 г. по настоящее время) [8, с. 8].

Настоящий этап развития отечественного законодательства в рассматриваемой сфере не может не зависеть от экономических, социальных, политических процессов, характерных для современной России. Сфера здравоохранения находится в условиях тяжелейшего системного кризиса. Оптимизация и реорганизация структурных звеньев медицинских учреждений, существующие парал-

ельно государственная и частная системы здравоохранения порождают многочисленные проблемы в отрасли, что естественным образом сказывается на качестве оказания медицинской помощи, а значит, на здоровье, а то и жизни граждан. Существуют корпоративные препоны, выражающиеся в круговой поруке в среде врачей. В этих условиях законодатель обязан создать нормы, гарантирующие гражданам защиту от некачественной медицинской помощи. В ряду таких норм должны быть нормы об уголовной ответственности медицинских работников за преступления в профессиональной сфере.

Общего понятия профессионального преступления, совершенного медицинскими работниками, которое бы равнозначно признавалось и юристами, и представителями медицинской отрасли, до настоящего времени не выработано. Однако следует учитывать, что для выработки правовых понятий, касающихся такой специфической сферы как медицинская деятельность, вполне уместно использование медицинских терминов, но такое использование должно позволять однозначно истолковывать соответствующий правовой термин, исключая всякую расширительность толкования, как это происходит с термином «ятрогенные преступления», о чем говорилось выше.

Медицинские преступления, как и любые другие преступления, должны обладать теми признаками, которые выработаны наукой уголовного права и закреплены в уголовном законодательстве. В этой связи надо устанавливать причинение вреда охраняемому законом объекту, то есть деяния должны быть общественно опасными. Они должны быть противоправными, а значит, это такие общественно опасные деяния (действия или бездействия), которые запрещены уголовным законом под угрозой наказания. И наконец, они должны быть виновными, то есть совершенными умышленно или по неосторожности.

Объектом преступления являются такие охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым при совершении преступления фактически причиняется вред либо которые ставятся под угрозу реального причинения вреда. Под объектом медицинских преступлений мы понимаем общественные отношения, обеспечивающие безопасность личности, ее жизнь и здоровье. Возникает вопрос: а к какому виду объекта следует отнести отношения в сфере оказания медицинской помощи? Соглашаемся с мнением С. В. Замалеевой, которая относит их к дополнительному непосредственному объекту [9, с. 16]. В связи с вопросом о дополнительном непосредственном объекте медицинских преступлений хотелось бы поучаствовать в обсуждении предлагаемого в науке и практике предложения о выделении в УК РФ специальной главы о медицинских преступлениях, как это сделано в УК Республики Казахстан [10, с. 48]. Если предположить, что такая глава появилась бы в УК РФ, то, согласно теории по-

строения Особенной части уголовного законодательства, основным объектом таких преступлений будут признавать отношения в сфере оказания медицинской помощи, а вот жизнь и здоровье человека перейдут в категорию дополнительного объекта. Следовательно, предполагаемая глава не может быть помещена в раздел «Преступления против личности», поскольку все преступления, входящие в названный раздел, основным своим объектом имеют жизнь, здоровье либо иные права и законные интересы личности. Но тогда в какой же раздел поместить предполагаемую главу? Если включить ее в иные разделы, то жизнь и здоровье конкретной личности уйдут на второй план, поскольку станут дополнительными объектами. В этом случае нарушается логика построения Особенной части УК РФ, основанная на иерархии конституционных ценностей, защищаемых уголовным законом. Не слишком ли часто законодатель в угоду конъюнктурным, сиюминутным интересам посягает на конституционные нормы. Об этом неоднократно поднимался вопрос в связи с различными законодательными изменениями [11, с. 36–39]. Нужна ли уголовному закону такая новеллизация? Чтобы ответить на данный вопрос, определим группу преступлений, которые мы относим к медицинским. В этом случае мы сможем понять, защищают ли они в полной мере жизнь и здоровье личности от профессиональных нарушений медицинских работников.

В сфере здравоохранения совершаются различные преступления. Условно их можно разделить на три группы. К первой отнесем собственно медицинские преступления. Ко второй – должностные (служебные) преступления медицинских работников. Третья группа включает в себя иные преступления, субъектами которых не являются медицинские работники.

К преступлениям первой группы безоговорочно относим преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ч. 1 и 2 ст. 124, ч. 2 ст. 128 УК РФ. В диспозициях норм, обозначенных в названных статьях, кроме ст. 124, ч. 2 ст. 128 УК РФ, указан признак «вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», а поэтому субъектами данных преступлений могут и зачастую являются медицинские работники, оказывающие медицинские услуги, в результате некачественного представления которых (услуг) причиняется или может быть причинен вред жизни или здоровью пациента. В статье 124 УК РФ речь идет о неоказании помощи больному, которую, по смыслу статьи, должен был и мог оказать наряду с иными субъектами и медицинский работник. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ, является врач-психиатр, принявший решение о незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, последствием чего (госпитализации) могла стать смерть пациента или повреждение

вред его здоровью. Незаконное помещение в психиатрический стационар свидетельствует о нарушении медицинским работником правил и стандартов осуществления одной из разновидностей медицинской помощи (психиатрической), могущей повлечь смерть или причинение вреда здоровью пациента по неосторожности. В целом данное преступление признается умышленным.

Подлежат ли включению в круг медицинских преступлений преступления, предусмотренные ст. 123, ст. 235, п. «в» ч. 2 ст. 238, ст. 293 УК РФ? В статье 123 УК РФ речь идет о незаконном проведении искусственного прерывания беременности. Нам представляется, что данное преступление будет отнесено в число медицинских, если субъектом его совершения явился медицинский работник. Такого же мнения мы придерживаемся и относительно преступления, предусмотренного ст. 235 (незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности) или фармакологической деятельности (о выполнении работ или оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей), то и это преступление может быть вменено медицинскому работнику. Однако выстроить достаточно сложную базу по данному составу факторов – это:

– особая природа сферы оказания медицинской помощи, объективно сопряженной с риском наступления неблагоприятных последствий для пациента;

– отсутствие законодательно определенных критериев безопасности медицинских услуг;

– двойная форма вины, характерная для данного преступления. Достаточно сложно доказать наличие умысла в деянии медицинского работника, направленного (умысла) на оказание услуги, не отвечающей требованиям безопасности. Именно с этими трудностями столкнулись органы следствия и суд по уголовному делу в отношении врача Е. Мисюриной, действия которой были квалифицированы по этой статье, но впоследствии она была оправдана [12].

В противовес статье 238 УК РФ Следственный комитет РФ предложил ввести в УК РФ статью следующего содержания:

«Статья 124¹. Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги)

1. *Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги) вследствие нарушения медицинским работником своих профессиональных обязанностей, если это повлекло по неосторожности гибель плода человека и (или) причинение тяжкого вреда здоровью человека, – наказывается штрафом до двухсот тысяч рублей либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.*

2. *Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, если они повлекли по не-*

осторожности смерть человека, – наказывается штрафом до пятиста тысяч рублей либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

3. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, если они повлекли по неосторожности смерть двух и более лиц, – наказываются лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Примечание: Под плодом человека в статьях 124¹, 124² и 235 Уголовного кодекса Российской Федерации понимается внутриутробно развивающийся человеческий организм с 9-й недели беременности до рождения.» [13].

Указанный законопроект пока остался невос требованным. На наш взгляд, это объясняется в том числе и тем, что существующий арсенал уголовно-правовых норм вполне достаточен для того, чтобы противодействовать преступным нарушениям медицинских работников.

Преступление, предусмотренное ст. 293 УК РФ (халатность), относится к категории должностных преступлений и состоит в неисполнении или ненадлежащем исполнении должностным лицом своих обязанностей, т. е. обязанностей, связанных с замещаемой должностью. Это обстоятельство отличает халатность от неисполнения или ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей, не относящихся к должностным функциям. Причинение вреда в последней ситуации должно квалифицироваться по иным статьям УК РФ, но не по ст. 293 УК РФ. Так, врач-педиатр одной из столичных детских поликлиник М. 26 июля 2012 г., находясь на рабочем месте, получила вызов на дом к больному недоношенному и входящему в группу риска ребенку Б., 30 июня 2012 г. рождения. Однако врач в нарушение установленных стандартов оказания медицинской помощи детскому населению и своей должностной инструкции, относясь небрежно к исполнению своих служебных обязанностей, без каких-либо объективных причин, не предвидя возможности наступления неблагоприятных последствий для грудного ребенка в случае непосещения его в день поступления вызова, тогда как должна была и могла это предвидеть, по указанному вызову к Б. не прибыла. При этом М. руководство поликлиники в известность не поставила, мер по своевременному диагностированию заболевания, квалифицированному лечению, оказанию экстренной медицинской помощи и направлению этого ребенка на госпитализацию не приняла. В связи с неисполнением М. своих профессиональных обязанностей 27 июля 2012 г. мальчик скончался от бактериально-вирусной инфекции с поражением внутренних органов, осложнившейся обезвоживанием, диагностировать которое было возможно при своевременно и правильно оказан-

ной медицинской помощи на этапе стационара и на педиатрическом участке. Кроме того, согласно заключению эксперта, имеется прямая причинная связь между недостатками оказания медицинской помощи на педиатрическом участке и развитием заболевания, приведшего к смерти Б. А при регулярном наблюдении данного ребенка, состоявшегося в группе риска, своевременной его госпитализации возможно было предотвратить его смерть. Приговором Симоновского районного суда г. Москвы от 31 октября 2013 г. М. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Ее деяние квалифицировано как причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей [14]. Хотя в бытовательском понимании действия врача М. можно охарактеризовать как халатность, но юридически они подпадают под норму ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Субъектом же халатности является должностное лицо. Признаки должностного лица названы в примечании к статье 285 УК РФ, согласно которому должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации (пункт 1 примечания к статье 285 УК РФ). Следовательно, данное законодательное предписание отсылает не к профессиональным полномочиям медицинских работников, связанным с оказанием медицинской помощи, а к должностным регламентам в сфере государственной службы.

Представленный выше перечень медицинских преступлений позволяет заключить, что под *медицинскими преступлениями* следует понимать виновно совершенные (умышленно или по неосторожности) медицинскими работниками общественно опасные деяния (действия или бездействия), выразившиеся в нарушении профессиональных правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи, повлекшие причинение смерти либо вреда здоровью пациента или создавшие угрозу причинения таковых.

В уголовном законодательстве не определено понятие медицинской ошибки, что в практической деятельности органов юстиции создает трудности при отграничении уголовно наказуемых деяний медицинских работников от невиновного причинения вреда пациенту. Приемы и правила законо-

дательной техники [15, с. 185] позволяют дополнить институт вины в уголовном праве нормой о невиновном причинении вреда вследствие медицинской ошибки. Учитывая высказывания представителей медицинской науки [16, с. 2], мнения юристов [17] о том, что такое медицинская ошибка и ошибка юридическая, мы предлагаем дополнить УК РФ статьей 28¹ «Медицинская ошибка» следующего содержания: «Под медицинской ошибкой следует понимать добросовестное заблуждение медицинского работника, основанное на несовершенстве медицинской науки и ее методов и (или) связанное с атипичным течением заболевания, аномальными анатомическими особенностями организма, аллергическими реакциями в процессе оказания медицинских услуг, приведшими к причинению смерти пациента либо вреда его здоровью, если при этом отсутствовали признаки виновного отношения к содеянному (умышленного или неосторожного) со стороны медицинского работника».

Библиографический список

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslanija-putina-federalnomu-sobraniyu-15-01-2020.html> (дата обращения: 20.01.2020).

2. Чебоксарец 17 лет жил с забытой в животе иглой // *proGorod*. 2019. 30 ноября. № 48 (481). С. 1–2.

3. Состоялось заседание межведомственной рабочей группы по вопросам расследования преступлений, связанных с врачебными ошибками. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1240870> (дата обращения: 18.03.2019).

4. Леонид Рошаль о врачебных ошибках. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5ca9c8676dc81500b3c9e500/leonid-roshal-o-vrachebnyh-oshibkakh-5da8c40a8f011100ae3a7e37> (дата обращения: 21.01.2020).

5. Современный словарь иностранных слов. Москва: Рус. яз., 1992. 740 с.

6. Каминский Ю. В., Тимошенко В. С. Ятрогении: классификация, категории, рубрификация // *Тихоокеанский медицинский журнал*. 2007. № 1 (27). С. 12–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yatrogenii-klassifikatsiya-kategorii-rubrikatsiya/viewer> (дата обращения: 21.01.2020).

7. Как наказать врача за ошибку: доктор Рошаль против Следственного комитета. URL: <https://zen.yandex.ru/media/rupravo/kak-nakazat-vracha-za-oshibku-doktor-roshal-protiv-sledstvennogo-komiteta-5cc7eb14cecf8300b3344e21> (дата обращения: 21.01.2020).

8. Огнерубов Н. А. Профессиональные преступления медицинских работников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 31 с.

9. Замалеева С. В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 36 с.

10. Флоря В. Н. Классификация врачебных преступлений в законодательстве различных стран // *Медицинское право*. 2009. № 4 (28). С. 46–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13003863>.

11. Малков В. П. Право суда на изменение категории преступления // *Законность*. 2013. № 11. С. 36–39.

12. Ятрогенные преступления, или О юридических аспектах медицинских дел. URL: <https://www.pravmir.ru/yatrogennyie-prestupleniya-ili-o-yuridicheskikh-aspektah-meditsinskih-del> (дата обращения: 21.01.2020).

13. Следственный комитет назвал санкции по «медицинским» статьям УК РФ. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Sledstvennyi-komitet-nazval-sankcii-po-meditskim-statyam-UK-RF.html> (дата обращения: 21.01.2020).

14. Ответственность медицинского работника за причинение вреда здоровью. URL: <https://www.mosproc.ru/prokuratura-razjasnjaet/otvetstvennost-meditsinskogo-rabotnika-za-prichinenie-vreda-zdorovju.php> (дата обращения: 21.01.2020).

15. Кленова Т. В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // *Материалы Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г.* Москва: ТК «Велби»; Проспект, 2007. С. 185–187.

16. Давыдовский И. В. Врачебные ошибки // *Советская медицина*. 1941. № 3. С. 2–10.

17. Понятие ошибок в российском уголовном праве и их классификация. URL: https://studbooks.net/878156/pravo/ponyatie_oshibok_rossiyskom_ugolovnom_prave_klassifikatsiya (дата обращения: 21.01.2020).

References

1. *Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu RF* [President's of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation]. Available at: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslanija-putina-federalnomu-sobraniyu-15-01-2020.html> (accessed 20.01.2020) [in Russian].

2. *Cheboksarets 17 let zhil s zabytoi v zhivote igloi* [Native of Cheboksary 17 years lived with a forgotten needle in his stomach]. *proGorod*, 2019, November 30, no. 48 (481), pp. 1–2. Available at: <https://pg21.ru/news/61033> [in Russian].

3. *Sostoyalos' zasedanie mezhvedomstvennoi rabochei gruppy po voprosam rassledovaniya prestuplenii, svyazannykh s vrachebnymi oshibkami* [A meeting of the interdepartmental working group on the investigation of crimes related to medical errors was held]. Available at: <https://sledcom.ru/news/item/1240870/> (accessed 18.03.2019) [in Russian].

4. *Leonid Roshal' o vrachebnykh oshibkakh* [Leonid Roshal on medical errors]. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/id/5ca9c8676dc81500b3c9e500/leonid-roshal-o-vrachebnyh-oshibkakh-5da8c40a8f011100ae3a7e37> (accessed 21.01.2020) [in Russian].

5. *Sovremenniy slovar' inostrannykh slov* [Modern dictionary of foreign words]. Moscow: Rus. yaz., 1992, 740 p. [in Russian].

6. Kaminsky Yu. V., Timoshenko V. S. *Yatrogenii: klassifikatsiya, kategorii, rubrikatsiya* [Iatrogenias: classification, categories, rubricating]. *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal* [Pacific Medical Journal], 2007, no. 1 (27), pp. 12–14. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yatrogenii-klassifikatsiya-kategorii-rubrikatsiya/viewer> (accessed 21.01.2020) [in Russian].

7. *Kak nakazat' vracha za oshibku: doktor Roshal' protiv sledstvennogo komiteta* [How to punish a doctor for a mistake: Dr. Roshal against the Investigative Committee]. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/rupravo/>

kak-nakazat-vracha-za-oshibku-doktor-roshal-protiv-sledstvennogo-komiteta-5cc7eb14cecf8300b3344e21 (accessed 21.01.2020) [in Russian].

8. Ognerubov N. A. *Professional'nye prestupleniya meditsinskikh rabotnikov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Professional crimes of medical workers: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2014, 31 p. [in Russian].

9. Zamaleeva S. V. *Yatrogennye prestupleniya: ponyatie, sistema i voprosy kriminalizatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Iatrogenic crimes: the concept, system and issues of criminalization: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg, 2016, 36 p. [in Russian].

10. Florya V. N. *Klassifikatsiya vrachebnykh prestuplenii v zakonodatel'stve razlichnykh stran* [Classification of medical crimes in the legislation of various countries]. *Meditsinskoe pravo* [Medical Law], 2009, no. 4 (28), pp. 46–52. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13003863> [in Russian].

11. Malkov V. P. *Pravo suda na izmenenie kategorii prestupleniya* [The right of court to change crime categories]. *Zakonost'*, 2013, no. 11, pp. 36–39. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20924865> [in Russian].

12. *Yatrogennye prestupleniya, ili O yuridicheskikh aspektakh meditsinskikh del* [Iatrogenic crimes, or the legal aspects of medical cases]. Available at: <https://www.prawmir.ru/yatrogennye-prestupleniya-ili-o-yuridicheskikh-aspektakh-meditsinskikh-del> (accessed 21.01.2020) [in Russian].

13. *Sledstvennyi komitet nazval sanktsii po «meditsinskim» stat'yam UK RF* [Investigative Committee called the sanctions on «medical» articles of the Criminal Code of the Russian Federation]. Available at: <https://medvestnik.ru/content/news/Sledstvennyi-komitet-nazval-sankcii-po-meditsinskim-statyam-UK-RF.html> (accessed 21.01.2020) [in Russian].

14. *Otvetstvennost' meditsinskogo rabotnika za prichinenie vreda zdorov'yu* [Responsibility of a medical professional for causing harm to health]. Available at: <https://www.mosproc.ru/prokuratura-razjasnjaet/otvetstvennost-meditsinskogo-rabotnika-za-prichinenie-vreda-zdorov'ju.php> (accessed 21.01.2020) [in Russian].

15. Klenova T. V. *Sootnesenie norm i predpisanii v institutakh ugolovnogogo prava* [Correlation of norms and regulations in criminal law institutions]. In: *Materialy Rossiiskogo Kongressa ugolovnogogo prava, sostoyavshegosya 31 maya–1 iyunya 2007 g.* [Materials of the Russian Congress of criminal law, held on May 31 – June 1, 2007]. Moscow: TK «Velbi», Prospekt, 2007, pp. 185–187 [in Russian].

16. Davydovsky I. V. *Vrachebnye oshibki* [Medical errors]. *Sovetskaya meditsina* [Soviet medicine], 1941, no. 3, pp. 2–10 [in Russian].

17. *Ponyatie oshibok v rossiiskom ugolovnom prave i ikh klassifikatsiya* [The concept of errors in Russian criminal law and their classification]. Available at: https://studbooks.net/878156/pravo/ponyatie_oshibok_rossiiskom_ugolovnom_prave_klassifikatsiya (accessed 21.01.2020) [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-68-76
УДК 34.037

Дата: поступления статьи / Submitted: 14.01.2020
после рецензирования / Revised: 22.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

А. В. Юдин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: udin77@mail.ru

Ю. С. Норвартян

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: norvartyan@yandex.ru

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛЕЧЕНИЕ ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: В статье авторы обращаются к проблеме комплексного правового регулирования принудительного лечения лиц, страдающих социально значимыми заболеваниями. Оценивают характер и степень интенсивности правоограничительных мер, способных обеспечить интересы, с одной стороны, общества, заинтересованного в изоляции лица, страдающего социально значимым заболеванием, с другой стороны, больного, госпитализируемого в лечебное учреждение, притом что лицо не совершало каких-либо противоправных вредоносных деяний. В рамках избранного комплексного подхода авторы исследовали меры принуждения уголовно-правового и иного характера. Проанализировали судебную деятельность по санкционированию госпитализации с точки зрения правомерности отнесения ее к административному судопроизводству (а не гражданскому судопроизводству, как было ранее), а также к делам, связанным с осуществлением судебного контроля за реализацией властных полномочий. Рассматривая природу деятельности по исполнению судебных постановлений по данной категории дел, авторы оценили правомерность ее позиционирования в качестве обычного исполнительного производства. Предпринята попытка определить допустимость стимулирования должника к исполнению судебных решений по данной категории дел на основе уголовно-правовых запретов.

Ключевые слова: административное судопроизводство, гражданское судопроизводство, социально значимые заболевания, уголовная ответственность.

Цитирование. Юдин А. В., Норвартян Ю. С. Принудительное лечение лиц, страдающих социально значимыми заболеваниями: опыт комплексного правового регулирования // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 68–76. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-68-76>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

A. V. Yudin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: udin77@mail.ru

Yu. S. Norvartyan

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: norvartyan@yandex.ru

INVOLUNTARY TREATMENT OF PERSONS SUFFERING FROM SOCIALLY SIGNIFICANT DISEASES: COMPLEX RESEARCH OF LEGAL REGULATION

Abstract: On the basis of an integrated approach the authors of the paper address to the problem of involuntary treatment of persons suffering from socially significant diseases. The paper provides the assessment of nature and intensity degree of repressive measures that can satisfy the concern of people interested in isolating a person suffering from a socially significant disease, on the one hand, and the interests of a patient hospitalized in a medical institution, despite the fact that the person did not commit any illegal malicious acts, on the other hand. Taking into account the chosen integrated approach, the authors refer to the assessment of criminal law measures, as well as to the assessment of protective measures currently being implemented in administrative proceedings. The paper analyzes the judicial activity on hospitalization sanctioning in terms of legality of referring it to administrative proceedings (rather than to civil proceedings, as it was before), as well as to the cases related to the judicial control over the exercise of power. Considering the nature of court decisions enforcement in this category of cases the authors assess the appropriateness of its positioning as ordinary enforcement proceedings. This paper attempts to determine the stimulation admissibility of a debtor to enforce judicial decisions in this category of cases on the basis of criminal law prohibitions.

Key words: administrative proceedings, civil proceedings, socially significant diseases, criminal liability.

Citation. Yudin A. V., Norvartyan Yu. S. *Prinuditel'noye lecheniye lits, stradayushchikh sotsial'no znachimymi zabolevaniyami: opyt kompleksnogo pravovogo regulirovaniya* [Involuntary treatment of persons suffering from socially significant diseases: complex research of legal regulation]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 68–76. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-68-76> [in Russian].

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© **Андрей Владимирович Юдин** – доктор юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве». Автор более 200 научных работ, в том числе монографий: «Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве» (2005); «Гражданское процессуальное правонарушение и ответственность» (2009).

Область научных интересов: субъекты гражданского и арбитражного процесса, доказательство и доказывание.

© **Юрий Сергеевич Норвартьян** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих: вопросы криминализации и пенализации». Автор более 40 научных работ, в том числе монографии «Заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих: вопросы криминализации и пенализации» (2016).

Область научных интересов: преступления против здоровья, преступления против собственности, преступления против здоровья населения, преступления в сфере здравоохранения.

В связи с обострившейся проблемой роста представляющих серьезную угрозу для современного общества заболеваний, а также на основании Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» Правительством Российской Федерации было принято постановление от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» [1]. В данном постановлении социально значимыми заболеваниями названы: туберкулез, инфекции, передающиеся преимущественно половым путем, гепатит В, гепатит С, ВИЧ-инфекция, злокачественные новообразования, сахарный диабет, психические расстройства и расстройства поведения, болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением. Следует отметить, что перечисленные заболевания дублируются в перечне заболеваний, представляющих опасность для окружающих, который утвержден тем же постановлением. Согласно ст. 1 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», под заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, следует понимать такие инфекционные заболевания человека, которые характеризуются тяжелым течением, высоким уровнем смертности, инвалидностью, быстрым распространением среди населения (эпидемия) [2].

Таким образом, официально допускается определение заболевания одновременно как социально значимого и представляющего опасность для окружающих.

© **Andrey V. Yudin** – Doctor of Laws, associate professor, acting head of the Department of Civil Procedural and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings». Author of more than 150 academic papers, including monographs: «Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings» (2005); «Civil Procedure Offense and Responsibility» (2009).

Research interests: subjects of civil and arbitration proceedings, evidence and proof.

© **Yuriy S. Norvartyan** – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Contamination of Infectious Diseases that Pose a Danger to the Wider Public: Criminalization and Penalization Issues» (2016). The author of more than 40 academic papers, including a monograph «Contamination of Infectious Diseases that Pose a Danger to the Wider Public: Criminalization and Penalization Issues».

Research interests: crimes against health, property crimes, crimes against public health, healthcare crimes.

По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, в России число пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом активного туберкулеза в последние годы составило: в 2015 г. – 84515; в 2016 г. – 78121; в 2017 г. – 70861; в 2018 г. – 65234. За тот же период умерли от туберкулеза: в 2015 г. – 13484 человека; в 2016 г. – 11373 человека; в 2017 г. – 9614 человек; в 2018 г. – 8617 человек [3].

Сумма новых диагнозов ВИЧ-инфекции в Российской Федерации составила: в 2015 г. – 100220; в 2016 г. – 86855; в 2017 г. – 85802; в 2018 г. – 85995.

Число пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом, взятых под диспансерное наблюдение психоневрологическими организациями (кроме заболеваний, связанных с употреблением психоактивных веществ), достигло следующих показателей: в 2015 г. – 62756; в 2016 г. – 60102; 2017 г. – 59338; 2018 г. – 59149.

Под диспансерное наблюдение психоневрологическими и наркологическими организациями с впервые в жизни установленным диагнозом были приняты: в 2015 г. – 124887 человек, в том числе с синдромом зависимости от наркотических веществ – 20641; в 2016 г. – 111979 человек, в том числе с синдромом зависимости от наркотических веществ – 16288; в 2017 г. – 94641 человек, в том числе с синдромом зависимости от наркотических веществ – 16122; в 2018 г. – 90906 человек, в том числе с синдромом зависимости от наркотических веществ – 14775.

Случаев инфекций, преимущественно передаваемых половым путем, в России было зарегистрировано: в 2015 г. – 61482; в 2016 г. – 52223; в 2017 г. – 121133; в 2018 г. – 114928.

Таким образом, наблюдается тенденция снижения числа пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом того или иного социально значимого заболевания, но в целом указанные цифры не позволяют говорить о радикальном улучшении ситуации в стране.

При этом законодатель предусмотрел принудительное лечение в отношении только лиц, страдающих психическим расстройством или туберкулезом. Как известно, порядок рассмотрения соответствующих дел установлен гл. 30 и 31 КАС РФ.

Такие дела достаточно распространены в судебной практике. Например, А. состоял на диспансерном учете у врача-фтизиатра в ГБУЗ СО «Кошкинская ЦРБ» с 2005 г. с диагнозом: верхний цирротический туберкулез легких МБТ (+) II группа. Было установлено, что А., будучи лицом, страдающим заразной формой туберкулеза с подтвержденным бактериовыделением микробактерий туберкулеза, умышленно уклонялся от лечения, способствуя возникновению и распространению туберкулеза, а также создавая территориальный очаг туберкулезной инфекции в частном доме, где кроме А. проживают несовершеннолетние дети. Кошкинский районный суд Самарской области, руководствуясь ст. 175–180 КАС РФ, решил госпитализировать А. в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке [4].

Другой пример. От М. поступили сведения, согласно которым его сын Б. ведет себя неадекватно, пытается выпрыгнуть в окно, отказывается от приема пищи, разговаривает сам с собой, повторяет одни и те же фразы. Согласие на добровольное лечение Б. не дает, на основании чего врачом-психиатром Железноводского филиала ГБУЗ СК «КСПБ» выдано направление на госпитализацию. Железноводский городской суд, руководствуясь Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», ст. 277–279 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, решил госпитализировать Б. в недобровольном порядке на стационарное лечение в Железноводский филиал ГБУЗ СК «Краевая специализированная психиатрическая больница» [5].

Согласно данным судебной статистики, в 2018 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено 23436 административных дел о госпитализации граждан в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, из них рассмотрено с вынесением решения 22641 дел [6]; в 2017 г. – 26466, из них рассмотрено с вынесением решения 25753 [7]; в 2016 г. – 26405, из них рассмотрено с вынесением решения 25563 [8]; в 2015 г. – 35027, из них рассмотрено с вынесением решения 33895 [9].

В 2018 г. число административных дел о госпитализации граждан в медицинскую противотубер-

кулезную организацию в недобровольном порядке составило 1582, из них рассмотрено с вынесением решения 1368; в 2017 г. – 1365, из них рассмотрено с вынесением решения 1211; в 2016 г. – 1 372, из них рассмотрено с вынесением решения 1146.

Характерно, что ранее, до 2015 г., дела о недобровольной психиатрической госпитализации рассматривались в порядке гражданского судопроизводства по правилам гл. 35 ГПК РФ. Процедура рассмотрения дел о принудительной госпитализации лиц, страдающих заразными формами туберкулеза, вообще не была установлена, в связи с чем Верховный Суд РФ дал рекомендацию об их рассмотрении в порядке аналогии процессуального закона (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ) по правилам принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар [10].

Отношения, связанные с уклонением от лечения лиц, страдающих социально значимыми заболеваниями, и их принудительной госпитализацией, обнаруживают целый ряд правовых проблем, которые требуют комплексного правового решения. Концептуальное значение для согласования отраслевых позиций по выявленным проблемам имеют высказанные В. П. Малковым суждения о том, что правонарушения должны вызывать реакцию государства в форме «либо правосстановительных санкций (мер защиты), либо санкций штрафных (мер ответственности)»; «когда штрафные санкции не обеспечивают восстановление нарушенного состояния... допускается соединение штрафных санкций с правосстановительными», основанием чего является сочетание во многих видах неправомерного поведения признаков нескольких правонарушений [11, с. 98].

1. Возникает вопрос о *характере и степени интенсивности правоограничительных мер, способных обеспечить интересы, с одной стороны, общества, заинтересованного в изоляции такого лица, с другой стороны, больного, госпитализируемого в лечебное учреждение (фактически лишаемого свободы), притом что лицо не совершало каких-либо противоправных вредоносных деяний.*

В определении Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 544-О-П «По жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Закона Российской Федерации “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании” и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» со ссылкой на Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят 9 декабря 1988 г. Резолюцией 43/173 на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН), подпункт «е» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, позицию Европейского Суда по правам человека, выраженную в Постановлении от 5 октября 2004 г. по делу «Н.Л. против Соединенного Королевства» отмечалось,

что закрепленное в Конституции РФ понятие «задержание» «носит общий характер, т. е. охватывает не только задержание лица за виновные противоправные действия в рамках уголовно-процессуального или административного законодательства, но и иные виды задержания».

Немаловажную роль в противодействии распространению социально опасных заболеваний выполняют охранительные отрасли права. Это обстоятельство вполне объяснимо. Среди причин и условий распространения болезни очевидны многочисленные факты виновного заражения других людей в результате противоправного нарушения действующих санитарных правил и гигиенических норм, невыполнения санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий как лицами, страдающими такого рода заболеваниями, так и иными лицами, включая медицинских работников, служащих, должностных лиц.

Следует заметить, что в действующем УК РФ нет общего состава преступления о заражении социально опасными инфекционными заболеваниями. Вместе с тем предусмотрена ответственность за заражение отдельными видами заболеваний – венерической болезнью (ст. 121 УК РФ) и ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ). При этом следует еще раз подчеркнуть, что названные в указанных статьях российского уголовного закона виды болезней входят в перечень как социально значимых заболеваний, так и инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих [12].

Для сравнения: в уголовном законодательстве некоторых стран дальнего зарубежья имеется общий состав преступления в виде «заражения инфекционным заболеванием, представляющим опасность для окружающих», например в § 192 УК Дании [13]. В статье 231 УК Швейцарии также предусмотрена уголовно-правовая норма об ответственности за заражение опасными инфекционными заболеваниями [14].

2. Проблемным является *определение круга социально значимых заболеваний, наличие которых позволяет поставить вопрос о принудительной госпитализации*.

Российский законодатель в процессуальных кодексах закрепляет порядок принудительной госпитализации граждан, страдающих конкретным видом заболевания, в отличие от ряда зарубежных стран, где установлен общий порядок принудительной госпитализации лиц без конкретизации вида опасного заболевания. Так, например, в силу ст. 391 ГПК Республики Беларусь в случае, когда законом предусмотрены принудительная госпитализация и лечение граждан по решению суда, заявление о принудительной госпитализации и лечении подается в суд государственной организацией здравоохранения по месту ее нахождения или месту жительства (месту пребывания) гражданина. Или, например, на основании ст. 309 ГПК Республики Молдова в случаях, когда согласно

закону разрешаются принудительная госпитализация и принудительное лечение лица на основании судебного решения, заявление подается учреждением здравоохранения по месту жительства лица или месту его нахождения.

Вопрос о круге заболеваний, наличие которых позволяет ставить вопрос о принудительной госпитализации в судебном порядке, имеет не столько юридическое, сколько социально-политическое, медицинское и нравственно-этическое значение. В этой связи уместно вспомнить о существовавших в советский период лечебно-трудовых профилакториях, вопрос о возрождении которых стоит на повестке дня и сегодня [15]. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 марта 1974 г. «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании хронических алкоголиков» была установлена возможность судебной госпитализации хронических алкоголиков, обязанных пройти полный курс специального лечения. При их уклонении от явки на медицинское обследование, а также в суд они подвергались принудительному приводу органами милиции.

Также по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 июля 1979 г. № 6-44 «Об усилении борьбы с распространением венерических заболеваний» предусматривалось принудительное лечение лиц, страдающих венерическими заболеваниями, при этом доставление больного было возложено на орган внутренних дел.

3. Следующий важный вопрос – о *правильном избрании процессуальной формы рассмотрения подобных дел*. Причем данная проблема имеет два аспекта: а) правильность отнесения дел о принудительной госпитализации к административному судопроизводству; б) правильность отнесения дел о принудительной госпитализации к делам, связанным с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям.

а) *Правильность отнесения дел о принудительной госпитализации к административному судопроизводству*. Как уже отмечалось выше, ранее данная категория дел была отнесена к сфере гражданского судопроизводства. В качестве лежащих на поверхности возражений относительно причисления данной категории дел к сфере административного судопроизводства можно сослаться на то, что инициаторы принудительной госпитализации – лечебные учреждения – по своему статусу к органам власти не отнесены. В лучшем случае они могут позиционироваться в качестве организации, наделенной отдельными государственными или иными публичными полномочиями, то есть субъекта, участие которого также предусмотрено КАС РФ в качестве возможного участника административного судопроизводства.

КАС РФ причисляет рассматриваемую категорию дел к делам о реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям. Если обратиться к содержательной характеристике правоотношения, возникающего между организацией, иницилирующей госпитализацию, и госпитализируемым лицом, то можно видеть, что оно возникает из императивных положений закона относительно соблюдения требований санитарно-эпидемиологического режима, то есть по своей природе является административным.

Однако данное правоотношение имеет и иной аспект, обращение к которому позволит усомниться в предыдущем тезисе. Личные неимущественные отношения, как известно, составляют предмет гражданско-правового регулирования (п. 1 ст. 2 ГК РФ). В силу п. 1 ст. 150 ГК РФ достоинство личности, личная неприкосновенность, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом, то есть установление, частичная регуляция и защита нематериальных благ составляют предмет регулирования именно гражданского законодательства.

Рассматриваемые формы принудительной госпитализации априори посягают на все перечисленные ценности, и судебное санкционирование принудительной госпитализации есть не что иное, как проверка законности ограничения гражданско-правовой сферы лица. В этом смысле судебная проверка законности госпитализации – форма проверки законности ограничений гражданских прав лица.

Однако реализованное законодателем решение принципиально не вызывает возражений, поскольку непосредственным предметом судебной деятельности выступает именно проверка требований учреждений в связи с намечающейся или планируемой госпитализацией. Кроме того, как показали практика применения КАС РФ и опыт его теоретического осмысления, большинство административных дел в той или в иной мере пронизаны частноправовыми элементами; неисключением в этом смысле являются и дела рассматриваемой категории.

б) *Правильность отнесения дел о принудительной госпитализации к делам, связанным с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям.* Постановка и разрешение данного вопроса отчасти есть проекция давней проблемы, поставленной и разрешаемой применительно к существованию рассматриваемой категории дел в составе дел особого производства в гражданском процессе, то есть производства бесспорного. Так, Г. Л. Осокина писала,

что «данная категория дел должна быть отнесена к публичному производству в связи с тем, что предмет судебного рассмотрения здесь является спор о субъективных правах и свободах человека и гражданина по поводу правомерности их ограничения или лишения со стороны стационарных учреждений здравоохранения, наделенных властными полномочиями» [16, с. 549–550; 17, с. 8; 18, с. 8]. Г. А. Жилин отмечал сомнительность отнесения данной категории дел к особому производству и усматривал здесь наличие публично-правового спора, сторонами которого выступают психиатрический стационар и гражданин [19, с. 166–167]. Характерно, например, что в одном авторитетном учебнике по гражданскому процессу дела о принудительной госпитализации были отнесены как к делам, возникающим из управленческих правоотношений, так и к делам особого производства [20, с. 276–277, 297–299]¹.

С включением данной категории дел в КАС РФ мы можем наблюдать отчасти эскалацию этой проблемы, которая могла бы быть сформулирована следующим образом: *дела о принудительной госпитализации – это дела обязательного судебного контроля при реализации властных полномочий соответствующими учреждениями или это форма разрешения спора между учреждением и частным лицом относительно наличия оснований для госпитализации?*

Существующая процессуальная форма рассмотрения данной категории дел, безусловно, predetermined отнесением их к делам предварительного судебного контроля, в которых инициатором процесса выступает лечебное учреждение, что является полностью оправданным с позиций обеспечения прав госпитализируемого. Последующий судебный контроль, при котором госпитализируемому предоставлялось бы право оспорить в суде свою госпитализацию постфактум (впрочем, такое право у него имеется), здесь явно был бы неэффективен, прежде всего в силу предполагаемой социальной и физической пассивности госпитализируемого контингента, возможно, и не подозревающего о наличии у него соответствующего права.

В любом случае, независимо от избранной процессуальной формы рассмотрения дел данной категории и от понимания природы таких дел, при их рассмотрении подлежат учету позиции, сформулированные в постановлении ЕСПЧ от 27 марта 2008 г. «Дело “Штукатуров (Shtukaturov) против Российской Федерации”» [21], исходя из которых госпитализируемое лицо, имеющее двойную роль

¹ Как было отмечено проф. О. В. Исаенковой на конференции «Перспективы развития гражданского процессуального права» (Саратов, 14.09.2019), посвященной 85-летию проф. И. М. Зайцева, данное положение было связано с различным пониманием соавторами учебника места рассматриваемой категории дел в системе гражданского процессуального права.

в разбирательстве («заинтересованное лицо и в то же время основной объект исследования суда»), должно выступить *в качестве субъекта, а не объекта процесса* со всей вытекающей отсюда полной процессуальных прав и возможностей защиты.

4. Отдельный вопрос – *о понимании природы деятельности по исполнению судебных решений по делам о принудительной госпитализации*. Сложно не согласиться с тем, что такая деятельность отличается от деятельности, протекающей в рамках обычного исполнительного производства. Однако с учетом избранного авторами комплексного подхода к поставленной проблеме необходимо обратиться к охранительному потенциалу заступающих отраслей права.

а) Цели деятельности по исполнению решений о принудительной госпитализации могут быть достигнуты не только средствами исполнительного производства, но и также уголовно-правовыми средствами, которые в конечном счете приводят к изоляции лица от общества и гарантируют лечение. Так, Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в УК РФ была введена ст. 72.1 «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией», предусматривающая порядок назначения принудительного лечения от наркомании.

Согласно п. 35.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», суд устанавливает наличие (отсутствие) у лица заболевания наркоманией на основании содержащегося в материалах дела заключения эксперта по результатам судебно-психиатрической экспертизы, проведенной согласно п. 3.2 ст. 196 УПК РФ. Заключение эксперта должно содержать вывод о наличии (отсутствии) у лица диагноза «наркомания», а также о том, нет ли медицинских противопоказаний для проведения лечения от такого заболевания [22]. Например, Жигулевский городской суд Самарской области признал Е. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 222 УК РФ, и назначил ему по этим статьям наказание в виде ограничения свободы на срок два года шесть месяцев. Однако в описательно-мотивировочной части приговора суд отметил то, что осужденный Е. нуждается в прохождении лечения от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации в порядке, установленном ст. 72.1 УК РФ [23].

Кроме того, в УК РФ предусмотрены основания, цели, виды, порядок применения, изменения и прекращения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступления и страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (глава 15).

б) Также возникает вопрос об ответственности лица, уклоняющегося от исполнения решения о принудительной госпитализации, в частности, может ли такое лицо выступить субъектом уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ («Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта»).

С одной стороны, решение суда о принудительной госпитализации по своей общеобязательности и исполнимости ничем не отличается от судебных актов, принимаемых по другим гражданским и административным делам, и в этом отношении неисполнение такого решения ничем не отличается от неисполнения любого другого решения.

С другой стороны, не исключается разность подходов: либо госпитализируемое лицом является адресатом обязанности по исполнению судебного акта, либо судебный акт рассматривается лишь как дозволение на осуществление госпитализации для медицинской организации. В первом случае вопрос об уголовной ответственности может быть разрешен положительно; во втором случае – нет.

Обращение к нормам закона не до конца позволяет прояснить данный вопрос. В силу ч. 2 ст. 285 КАС РФ суд принимает решение об удовлетворении административного иска, если установит наличие оснований для госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке. Предмет такого иска, как следует из ч. 1 ст. 281 КАС РФ, – госпитализация в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке.

Алгоритм деятельности по исполнению судебных актов по делам о принудительной госпитализации отчасти освещен в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»: «... в силу части 1 статьи 5 Закона об исполнительном производстве и статьи 12 Закона о судебных приставах обеспечение исполнения судебного решения о принудительной госпитализации больных заразными формами туберкулеза в медицинские противотуберкулезные организации возложено на судебных приставов-исполнителей. Для непосредственного исполнения указанного судебного решения привлекаются сотрудники полиции и работники соответствующих медицинских учреждений с целью обеспечения судебного пристава-исполнителя безопасным доступом к лицам, подлежащим принудительной госпитализации, а также специализированным медицинским транспортом, оснащенным средствами иммунологической защиты, исключающими возможность заражения неограниченного круга лиц (п. 35 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»).

В Исполнительном кодексе Республики Молдова (№ 443-XV от 24 декабря 2004 г.) процедура

исполнения судебных актов по данной категории дел прописана достаточно подробно. Соответствующая глава 30 носит название «Осуществление мер безопасности и принудительного помещения во фтизио-пульмонологическое учреждение». Интересно отметить, что нормами данной главы предусмотрена обязанность фтизио-пульмонологического учреждения периодически, один раз в шесть месяцев, направлять судебной инстанции информацию о состоянии здоровья лица, подвергнутого принудительному лечению; супруга (супруг) или законный представитель либо администрация психиатрического или фтизио-пульмонологического учреждения на основании медицинского заключения о состоянии здоровья лица может внести в судебную инстанцию ходатайство (представление) о прекращении применения принудительных мер медицинского характера или изменении их вида (части 5–6 статьи 308).

При отсутствии непосредственного указания в законе юридических характеристик соответствующей деятельности по исполнению, полагаем, определение медицинской организации и госпитализируемого лица в качестве, соответственно, «выискателя» и «должника» возможно только со значительной долей условности. Равным образом, применение в данном случае общего порядка, предусмотренного для исполнения требований неимущественного характера (таких как выселение и вселение в помещение, восстановление на работе, отобрание ребенка, выдворение и других, предусмотренных главой 13 Федерального закона «Об исполнительном производстве»), возможно здесь только с существенными оговорками.

И все же, принципиально не возражая относительно характеристики деятельности по принудительной госпитализации в качестве исполнительного производства, поскольку имеет место претворение в жизнь требований именно судебного акта, обратим внимание, что участие в качестве субъектов такой деятельности работников медицинской организации, сотрудников органов внутренних дел (названных статьей 62 Федерального закона «Об исполнительном производстве» лишь субъектами взаимодействия с судебными приставами-исполнителями) в качестве фактически основных субъектов исполнения придает такой деятельности публичный характер, позволяет характеризовать ее в качестве деятельности по обеспечению общественного порядка и восстановлению нарушенного санитарно-эпидемиологического режима.

Библиографический список

1. Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 49. Ст. 4916.
2. Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1650.
3. Социально значимые заболевания населения России в 2018 году (Статистические материалы). URL:

<https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskiy-sbornik-2018-god> (дата обращения: 01.09.2019)

4. Решение Кошкинского районного суда Самарской области от 27 июля 2018 г. // Архив Кошкинского районного суда дело № 2а-359/2018.

5. Решение Железноводского городского суда от февраля 2019 по административному делу № а-166/19. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Fijmi2WLSkgx/?regular-txt=госпитализировать+в+психиатрический+в+недобровольном+порядке®ular-case_doc=®ular-date_from=03.09.2018®ular-date_to=01.09.2019®ular-workflow_stage=10®ular-court=®ular-judge=&_1567339918131&snippet_pos=1788#snippet (дата обращения: 02.09.2019)

6. Сводные статистические сведения деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 15.09.2019)

7. Сводные статистические сведения деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>.

8. Сводные статистические сведения деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения: 15.09.2019)

9. Сводные статистические сведения деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения: 15.09.2019)

10. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 23.11.2005 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2005 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 3.

11. Малков В. П. Кумулятивные санкции в советском уголовном праве // Укрепление законности и борьба с преступностью в условиях формирования правового государства. Москва: ИГПАН, 1990. С. 97–100.

12. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 49. Ст. 4916. URL: <https://base.garant.ru/12137881>.

13. Уголовный кодекс Дании принят в 1930 г.: распоряжение № 648 от 12 августа 1997 г. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241524&subID=100096345,100096366,100096653,100097092#text> (дата обращения: 16.06.2014).

14. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецова; пер. с нем. Москва: Зерцало, 2000. 218 с.

15. Новости. URL: <https://www.zakonia.ru/news/66/55> (дата обращения: 21.09.2019).

16. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Особенная часть. Москва: Норма, 2007. 960 с.

17. Тихомирова Ю. В. Производство по делам о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар и принудительном

психиатрическом освидетельствовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 34 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15790829>.

18. Бурлакова Н. Г. Процессуальные особенности рассмотрения гражданских дел о принудительной госпитализации граждан в медицинский стационар: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 27 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15910948>.

19. Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. Москва: Проспект, 2010. 576 с.

20. Вукот М. А., Зайцев И. М. Гражданский процесс России: учебник. Москва: Юрист, 1999. 480 с. URL: <https://my.alleng.org/d/jur/jur152.htm>.

21. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 2.

22. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

23. Приговор Жигулевского городского суда Самарской области от 24 июля 2018 г. № 1-92/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/wjKETLCCiBQS/?regular-txt=обязанность+пройти+лечение+от+наркомании®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-doc_type=1008®ular-date_from=01.05.2017®ular-date_to=18.05.2019®ular-workflow_stage=®ular-area=1000®ular-court=®ular-judge=&_id=1558255821909&snippet_pos=3736#snippet (дата обращения: 19.05.2019).

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2004, no. 49, Article 4916 [in Russian].

2. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1999, no. 14, Article 1650 [in Russian].

3. *Sotsial'no znachimye zabolevaniya naseleniya Rossii v 2018 godu (Statisticheskie materialy)* [Socially significant diseases of the Russian population in 2018 (Statistical data)]. Available at: <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskiy-sbornik-2018-god> (accessed 01.09.2019) [in Russian].

4. *Reshenie Koshkinskogo raionnogo suda Samarskoi oblasti ot 27 iyulya 2018 g.* [Decision of the Koshkinsky District Court of the Samara Region dated July 27, 2018]. *Arkhiv Koshkinskogo raionnogo suda delo № 2a-359/2018* [Archive of the Koshkinsky District Court case № 2a-359/2018] [in Russian].

5. *Reshenie Zheleznovodskogo gorodskogo suda ot fevralya 2019 po administrativnomu delu № a-166/19* [Decision of the Zheleznovodsk City Court, dated February 2019 on administrative case № a-166/19]. Available at: https://sudact.ru/regular/doc/Fijmi2WLSkxg/?regular-txt=госпитализировать+в+психиатрический+в+недобровольном+порядке®ular-case_doc=®ular-date_from=03.09.2018®ular-date_to=01.09.2019®ular-workflow_stage=10®ular-court=®ular-judge=&_id=1567339918131&snippet_pos=1788#snippet (accessed 02.09.2019) [in Russian].

6. *Svodnye statisticheskie svedeniya deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchei yurisdiktsii i mirovykh sudei za 2018 god* [Summary statistical information on the activities of the Federal Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace for 2018]. Available at: <http://www.cdep.ru/>

<index.php?id=79&item=4891> (accessed 15.09.2019) [in Russian].

7. *Svodnye statisticheskie svedeniya deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchei yurisdiktsii i mirovykh sudei za 2017 god* [Summary statistical information on the activities of the Federal Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace for 2017]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> [in Russian].

8. *Svodnye statisticheskie svedeniya deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchei yurisdiktsii i mirovykh sudei za 2016 god* [Summary statistical information on the activities of the Federal Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace for 2016]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (accessed 15.09.2019) [in Russian].

9. *Svodnye statisticheskie svedeniya deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchei yurisdiktsii i mirovykh sudei za 2015 god* [Summary statistical information on the activities of the Federal Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace for 2015]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (accessed 15.09.2019) [in Russian].

10. *Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda RF ot 23.11.2005 «Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii za tretii kvartal 2005 goda»* [Review of the Russian Federation Supreme Court judicial practice dated 23.11.2005 «Review of the Russian Federation Supreme Court Judicial Practice for the third quarter of 2005»]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2006, no. 3 [in Russian].

11. Malkov V. P. *Kumulyativnye sanktsii v sovetskom ugolovnom prave* [Cumulative sanctions in Soviet criminal law]. In: *Ukreplenie zakonnosti i bor'ba s prestupnost'yu v usloviyakh formirovaniya pravovogo gosudarstva* [Strengthening the rule of law and fighting crime in the conditions of formation of legal state]. Moscow: IGPAN, 1990, pp. 97–100 [in Russian].

12. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 1 dekabrya 2004 g. № 715 «Ob utverzhdenii perechnya sotsial'no znachimykh zabolevanii i perechnya zabolevanii, predstavlyayushchikh opasnost' dlya okruzhayushchikh»* [Decree of the Russian Federation Government dated December 1, 2004. № 715 «On approval of the list of socially significant diseases and the list of diseases that pose a danger to others»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2004, no. 49, Article 4916. Available at: <https://base.garant.ru/12137881>.

13. *Ugolovnyi kodeks Danii prinyat v 1930 g.: rasporyazhenie № 648 ot 12 avgusta 1997 g.* [Danish Penal Code adopted in 1930: Order № 648 dated August 12, 1997]. Available at: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241524&subID=100096345,100096366,100096653,100097092#text> (accessed 16.06.2014) [in Russian].

14. *Ugolovnyi kodeks Shveysarii. Nauch. red. d-ra yurid. nauk, prof. N. F. Kuznetsova; per. s nem.* [Swiss Criminal Code. N. F. Kuznetsova (Ed.); translated from German]. Moscow: Zertsalo, 2000, 218 p. [in Russian].

15. News. Available at: <https://www.zakonia.ru/news/66/550> (accessed 21.09.2019) [in Russian].

16. Osokina G. L. *Grazhdanskii protsess. Osobennaya chast'* [Civil proceedings. Special part]. Moscow: Norma, 2007, 960 p. Available at: <https://znanium.com/bookread2.php?book=131359&spec=1> [in Russian].

17. Tikhomirova Yu. V. *Proizvodstvo po delam o prinuditel'noi hospitalizatsii grazhdanina v psikhiatricheskii statsionar i prinuditel'nom psikhiatricheskoy osvidetel'stvovanii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Proceedings on cases of involuntary hospitalization of a citizen to a psychiatric hospital and compulsory psychiatric examination: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2004, 34 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15790829> [in Russian].

18. Burlakova N. G. *Protsessual'nye osobennosti rassmotreniya grazhdanskikh del o prinuditel'noi hospitalizatsii grazhdan v meditsinskii statsionar: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Procedural features of consideration of civil cases on the involuntary hospitalization of citizens to the medical inpatient facility: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Tomsk, 2006, 27 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15910948> [in Russian].

19. Zhilin G. A. *Pravosudie po grazhdanskim delam: aktual'nye voprosy: monografiya* [Civil justice: current issues: monograph]. Moscow: Prospekt, 2010, 576 p. [in Russian].

20. Vikut M. A., Zaitsev I. M. *Grazhdanskii protsess Rossii: uchebnyk* [Civil process of Russia: textbook]. Moscow: Yurist, 1999, 480 p. Available at: <https://my.alleng.org/d/jur/jur152.htm> [in Russian].

21. *Byulleten' Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka* [Bulletin of the European Court of Human Rights], 2009, no. 2 [in Russian].

22. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2006, no. 8 [in Russian].

23. *Prigovor Zhigulevskogo gorodskogo suda Samarskoi oblasti ot 24 iyulya 2018 g. № 1-92/2018* [Sentence of the Zhigulevsk city court of the Samara Region dated July 24, 2018 № 1-92/2018]. Available at: https://sudact.ru/regular/doc/wjKETLCCiBQS/?regular-txt=обязанность+пройти+лечение+от+наркомании®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-doc_type=1008®ular-date_from=01.05.2017®ular-date_to=18.05.2019®ular-workflow_stage=®ular-area=1000®ular-court=®ular-judge=&=1558255821909&snippet_pos=3736#snippet (accessed 19.05.2019) [in Russian].

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО CRIMINAL EXECUTIVE LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-77-82

УДК 343.8

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 25.01.2020

после рецензирования / Revised: 26.02.2020

принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

О. А. Адоевская

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,

г. Самара, Российская Федерация

E-mail: adoevskaya-olga@mail.ru

РЕСОЦИАЛИЗАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА ОСУЖДЕННЫХ К ОСВОБОЖДЕНИЮ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы подготовки осужденных к освобождению от отбывания наказания. Доказывается, что эффективная работа, направленная на подготовку к освобождению осужденных, а также оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве после освобождения являются основным звеном в предупреждении рецидивной преступности. Проанализированы Положение о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы, Инструкция об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Обозначены проблемы нормативной регламентации подготовки осужденных к освобождению, и предложены пути их решения. Охарактеризованы основные направления работы группы социальной защиты осужденных в исправительных учреждениях. Выявлены факторы, препятствующие их эффективной деятельности, в том числе отсутствие законодательного регулирования социальной работы в местах лишения свободы. Предложен механизм совершенствования социальных мероприятий поддержки осужденных, освобождаемых из исправительных учреждений. Сделан вывод о необходимости правового регулирования работы Школы подготовки осужденных к освобождению с регламентацией их образовательных программ и требований, предъявляемых к составу специалистов. Даны авторские рекомендации о повышении эффективности работы Школы подготовки осужденных к освобождению в целях их ресоциализации и социальной защиты.

Ключевые слова: рецидивная преступность, Школа подготовки осужденных к освобождению, ресоциализация осужденных, исправительные учреждения.

Цитирование. Адоевская О. А. Ресоциализационная подготовка осужденных к освобождению от отбывания наказания // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 77–82. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-77-82>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

О. А. Adoyevskaya

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: adoevskaya-olga@mail.ru

RESOCIALIZATION PREPARATION OF CONVICTS TO EXEMPTION FROM SERVING PUNISHMENT

Abstract: The article discusses the urgent problems of preparing convicts for release from serving their sentences. It is proved that effective work aimed at preparing for release, as well as providing assistance in labor and domestic services to persons being released, are the main link in the prevention of recidivism. The Regulation on the group of social protection of convicts of the correctional institution of the penal system, the Instructions on the provision of assistance in labor and domestic services, as well as assistance to convicts released from serving sentences in correctional institutions of the penal system are analyzed. The problems of normative regulation of the preparation of convicts for release were identified and ways to solve them were proposed. The main directions of the work of the group of social protection of convicts in correctional institutions are analyzed. Factors hindering their effective activities, including the lack of legislative regulation of social work in places of deprivation of liberty, have been identified. A mechanism is proposed for improving social measures to support convicts released from correctional institutions. The conclusion is drawn on the need for legal regulation of the work of the School for the Preparation of Convicts for Release, their educational programs; requirements for the composition of specialists. The author's recommendations on improving the effectiveness of the School for the Training of Convicts for Release in order to their socialization and social protection are given.

Key words: recidivism, school for the preparation of convicts for release, re-socialization of convicts, correctional institutions.

Citation. Adoyevskaya O. A. *Resotsializatsionnaya podgotovka osuzhdennykh k osvobozhdeniyu ot otbyvaniya nakazaniya* [Resocialization preparation of convicts to exemption from serving punishment]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 77–82. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-77-82> [in Russian].

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© **Ольга Александровна Адоевская** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России». Автор более 70 научных работ, в том числе монографий и учебных пособий: «Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России» (2009), «Ответственность за кражу по современному праву России: основание и дифференциация» (2012), «Противодействие коррупционным преступлениям на федеральном и региональном уровнях» (2013). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Памятники российского права» (2016), «Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него» (2019).

Область научных интересов: проблемы теории и практики уголовного права и уголовно-исполнительного права, противодействие экономическим и служебным преступлениям.

Исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений провозглашены основными целями уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Далее – УИК РФ). Достижение этих целей затруднено в отношении лиц, повторно совершивших преступление.

Значительная часть преступлений совершается лицами, которые ранее уже преступали закон, имеют низкий уровень личностного и социального развития. Ежегодно процент совершенных преступлений данной категории растет. Официальная статистика правоприменительных органов показывает, что уровень рецидивной преступности за последние пять лет составляет от 50 до 60 % в зависимости от региона страны.

По данным МВД РФ о состоянии преступности, каждое второе расследованное преступление совершается лицами, ранее совершавшими преступления: 55,1 % в 2015 г., 54 % в 2016 г., 56 % в 2017 г., 58,3 % в 2018 г., 58,7 % в 2019 г. [1]. На территории Самарской области складывается аналогичная ситуация. По данным Главного управления МВД России по Самарской области, число выявленных лиц с рецидивом преступлений составило: 71 % в 2015 г., 56,7 % в 2016 г., 58 % в 2017 г., 59,6 % в 2018 г. и 59,7 % в 2019 г. [2].

Официальная статистика ФСИН России показывает, что снижается количество лиц, впервые осужденных к лишению свободы, но увеличивается число осужденных к этому виду наказания повторно. В 2013 г. впервые к лишению свободы было осуждено 200 786 чел., в 2014 г. – 201 101 чел., в 2015 г. – 194 310 чел., в 2016 г. – 192 421 чел., в 2017 г. – 185 718 чел., в 2018 г. – 210 924. Число осужденных к лишению свободы во второй, третий и более раз в 2013 г. составило 359 075 чел., 2014 г. – 350 032 чел., 2015 г. – 330 772 чел., 2016 г. – 327 197 чел., 2017 г. – 309 431 чел., 2018 г. – 249 999 чел. [3].

© **Olga A. Adoyevskaya** – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Differentiation of responsibility for theft on criminal law of Russia». Author of 70 scientific works, including monographs «Differentiation of responsibility for theft on criminal law of Russia» (2009), «Responsible for the theft, according to the modern law of Russia: establishment and differentiation» (2012), «Combating corruption crimes at the federal and regional levels» (2013). A number of scientific papers written in collaboration: «Monuments of Russian law» (2016), «Resocialization and real inclusion of civil society prisoners» (2019).

Research interests: problems of theory and practice of criminal law and penal law, counteraction to economic and service crimes.

Ученые прогнозируют рост рецидивной преступности, а также ухудшение криминологической характеристики осужденных. Как писал В. П. Малков: «Наличие в содеянном множественности преступлений, совмещенной с предыдущим осуждением виновного (при рецидиве преступлений, при совокупности приговоров), как правило, указывает на то, что осужденный оказался невосприимчивым к применявшимся к нему мерам и средствам уголовно-процессуального, уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия, настроен на противодействие этому, что также указывает на его повышенную общественную опасность». Далее ученый справедливо связал негативную динамику рецидивной преступности с недостатками «в деятельности судов и учреждений уголовно-исполнительной системы Федеральной службы исполнения наказаний, а также и в работе органов местного самоуправления по оказанию помощи освобожденным от наказания в адаптации их к условиям жизни на свободе» [4, с. 215].

Напомним, что в ст. 1 УИК РФ среди задач уголовно-исполнительного законодательства названа задача по оказанию осужденным помощи в социальной адаптации. Однако в законодательстве необходимых гарантий для реализации поставленной задачи не создано. Так, в главе 22 УИК РФ среди специальных мероприятий не выделены социальные мероприятия поддержки осужденных, освобождаемых из исправительных учреждений. Самостоятельные статьи, описывающие социальную работу в местах лишения свободы, в кодифицированном законе вовсе отсутствуют. Полагаем, что это законодательный пробел, поскольку такая работа необходима как для социальной защиты человека в условиях изоляции, так и реализации задачи уголовно-исполнительного законодательства об оказании осужденным помощи в социальной адаптации.

В настоящее время основная задача по подготовке осужденных к освобождению, согласно Приказу Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262

«Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы», возлагается на группу социальной защиты осужденных, которая действует «в целях создания предпосылок для исправления и ресоциализации осужденных, а также для их успешной адаптации после освобождения из мест лишения свободы» (п. 13).

Основными направлениями работы группы социальной защиты в Приказе Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262 названы: социальная диагностика осужденных; выявление лиц, нуждающихся в приоритетной социальной помощи, разработка индивидуальных программ по работе с ними; комплексное изучение личности осужденных и обеспечение квалифицированной социальной помощью; социальное сопровождение осужденных на всех этапах отбывания наказания; составление социальной карты осужденного; организация непрерывной работы по подготовке осужденных к освобождению и др.

Однако в исправительных учреждениях к практическому решению задач социальной защиты и улучшения положения осужденных зачастую не привлечены профессионалы. В данном случае имеются в виду специалисты по социальной работе, поскольку само понятие социальной защиты – одно из ключевых именно в теории и практике социальной работы.

Так, в соответствии с п. 6 Приказа Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262 должности работников группы социальной защиты замещаются лицами начальствующего состава и служащими, имеющими высшее образование по специальностям «Социальная работа», «Социология», «Юриспруденция», «Психология» либо высшее образование по иной специальности при условии прохождения курсов переподготовки по специальности «Социальная работа».

Все названные выше специальности являются значимыми в организации сопровождения осужденных в период отбывания ими уголовного наказания. Однако социология не занимается вопросами профилактики и социальной терапии, как и реабилитации, она исследует данные процессы. Психология направлена на изучение психики и психической деятельности человека и групп людей и акцентирует внимание на взаимодействии индивидов. И только социальная работа предполагает, наряду с консультативным взаимодействием, направленным на достижение оптимального психосоциального функционирования человека, проведение организационной (посреднической) работы в виде установления связи между различными социальными институтами и лицами, которые нуждаются в социальной защите в целях реализации их прав. При этом социальные работники оказывают своевременную помощь в получении доступных и необходимых услуг, со-

ответствующим потребностям человека с учетом их изменений в различные периоды его жизни, и гарантируют непрерывность процесса оказания услуг [5, с. 79].

Но, как видно из Приказа Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262, наличие высшего образования по специальности «Специалист по социальной работе» для сотрудника группы социальной защиты не является обязательным требованием.

Сомнительно, что сотрудник группы социальной защиты, не имеющий высшего профильного образования, даже прошедший курсы переподготовки по специальности «Социальная работа», которые, как правило, являются краткосрочными, справится с этой сложной работой. Тем более что в высших учебных заведениях ФСИН России, которые осуществляют переподготовку сотрудников исправительных учреждений, факультеты или кафедры по направлению прикладной социологии, включая пенитенциарную социологию, отсутствуют.

К сожалению, до настоящего времени в законодательстве Российской Федерации не урегулирована социальная работа в местах лишения свободы, хотя она имеет принципиальное значение для предупреждения рецидивной (повторной) преступности и ресоциализации осужденных до и после освобождения из исправительного учреждения. Социальная защита – это и условие, и относительно самостоятельное направление ресоциализационного процесса.

Целесообразно на всех этапах исполнения уголовного наказания проводить социальную работу по подготовке к освобождению, используя при этом групповые и индивидуальные методы работы с осужденными. Социальная работа по подготовке осужденных к освобождению должна проводиться в комплексе своспитательными и психологическими мероприятиями, где большую роль играет привлечение квалифицированных специалистов.

Важно, чтобы вся деятельность персонала исправительных учреждений была подчинена задаче оказания осужденным помощи в социальной адаптации, а также восстановлению социально-личностного статуса в обществе после освобождения от отбывания наказания.

В соответствии с п. 4 Приказа Минюста РФ от 13 января 2006 г. № 2 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» подготовка к освобождению лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, начинается не позднее чем за 6 месяцев до окончания срока лишения свободы и включает в себя проведение занятий с освобождающимися осужденными в «Школе подготовки осужденных к освобождению». В науке уголовно-испол-

нительного права понятие «Школа подготовки осужденных к освобождению» определяется как определенная форма социально-педагогической и социально-психологической работы с осужденными, ориентированная на формирование у них совокупности знаний, навыков и умений, которые необходимы для нормальной жизни вне стен исправительного учреждения [6].

Школа подготовки к освобождению помогает лицам, которые преступили закон, адаптироваться в обществе и отказаться от криминальной субкультуры. Данная форма работы была введена после принятия совместного письма Министерства внутренних дел РФ № 1/3819 и Федеральной службы занятости РФ № 2/8-ФП от 28 сентября 1992 г. «О некоторых изменениях порядка трудового и бытового устройства лиц, освобождаемых из учреждений, исполняющих уголовные наказания» в целях обеспечения дополнительными гарантиями занятости лиц, отбывших уголовное наказание, как особо нуждающихся в социальной защите. В этом документе содержалось положение о том, что администрация учреждения за 6 месяцев до освобождения осужденного должна ознакомить его с основными нормами и положениями законодательства о занятости населения, разъяснить порядок трудоустройства, права и обязанности в ходе поиска работы и на основании письменного заявления о выборе места жительства после отбытия наказания и желании трудоустроиться через государственную службу занятости направить запрос в орган внутренних дел по выбранному месту жительства о возможности прописки. В совместном письме Министерства внутренних дел РФ и Федеральной службы занятости РФ перечислялись также основные права и обязанности граждан, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание, и возможные пути их реализации.

В настоящее время порядок подготовки осужденных к освобождению от наказания регулируется Инструкцией об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (утв. Приказом Минюста от 13 января 2006 г. № 2).

Согласно названной инструкции, в целях подготовки к освобождению из исправительного учреждения сотрудник группы социальной защиты проводит индивидуальную беседу с каждым осужденным, в процессе которой выясняет его жизненные планы, где он намерен проживать, работать, учиться после освобождения из мест лишения свободы; имеется ли у осужденного связь с родственниками, характер взаимоотношений с ними, желание и готовность к обеспечению жизнедеятельности на свободе, разъясняет ему целе-

сообразность возвращения на место постоянного проживания и работы (п. 4, 28). Освобождаемые также оформляют письменные заявления на имя начальника исправительного учреждения с просьбой об оказании им помощи в трудовом и бытовом устройстве по избранному месту жительства. Затем происходят рассмотрение данного заявления администрацией учреждения и принятие соответствующих решений по оказанию содействия в трудовом и бытовом устройстве осужденным, готовящимся к освобождению.

Но, как видно из названных положений инструкции, помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, является в основном формальной, т. к. сводится к проведению бесед на абстрактные темы. Более того, право лиц, освобожденных из мест лишения свободы, на трудовое и бытовое устройство на нормативном уровне не гарантируется. Неудивительно, что ожидаемого результата такая деятельность не приносит.

Подготовка осужденных к освобождению из исправительного учреждения включает в себя проведение занятий в Школе подготовки осужденных к освобождению, которые носят характер собеседования, коллективного обсуждения наиболее актуальных вопросов с иллюстрацией доступных и конкретных примеров. При этом используются такие формы обучения, как лекция, беседа, индивидуальное консультирование, тренинг и др.

В настоящее время план проводимых занятий в Школе подготовки осужденных к освобождению составляется специалистами группы социальной защиты и утверждается начальником исправительной колонии.

Вся сложность стоящих перед такой «школой» задач заключается во включении осужденных в процесс взаимодействия со специалистами, которые призваны способствовать развитию навыков и умений, а также актуализации уже имеющихся знаний у осужденных. В основном занятия в Школе подготовки осужденных к освобождению проводят сотрудники исправительного учреждения. Это означает, что в исправительных учреждениях нет ориентира на непосредственное взаимодействие с представителями органов местного управления, сотрудниками МВД России, другими органами ФСИН России (в лице уголовно-исполнительных инспекций), органами здравоохранения и социальной защиты, общественными наблюдательными комиссиями и другими организациями и гражданами, которые будут сопровождать осужденного после освобождения от отбывания наказания и непосредственно с ним коммуницировать.

Как показали результаты опроса 375 осужденных (лиц, отбывших уголовное наказание, и лиц, повторно отбывающих уголовное наказание, 100 и 275 человек соответственно), проведенного кафедрой уголовного права и криминологии

Самарского национального исследовательского университета имени С. П. Королева, большая часть осужденных вообще не посещали Школу подготовки осужденных к освобождению, а многие о ней вовсе не слышали. Так, Школу подготовки осужденных к освобождению не посещали 84,8 % лиц, отбывших уголовное наказание (находящихся на свободе), и 77,5 % тех, кто вновь отбывает уголовное наказание (находящихся в исправительном учреждении) [7, с. 274–275].

Получается, что в большинстве случаев работа по подготовке осужденных к освобождению в рамках Школы подготовки осужденных к освобождению существует лишь на бумаге.

Считаем, что необходимо расширить круг субъектов, которые должны быть привлечены к соответствующей работе. Среди специалистов, ведущих занятия в Школе подготовки осужденных к освобождению, кроме сотрудников исправительных учреждений должны быть сотрудники учреждений здравоохранения, служб психологической помощи, служб занятости, служб социальной адаптации, центров социального обслуживания, члены общественных наблюдательных комиссий и др.

В целях совершенствования сложившихся практик работы с осужденными поддерживаем предложение переименовать Школу подготовки осужденных к освобождению в Курсы подготовки осужденных к освобождению, изменив статус осужденных с добровольного на обязательное участие. Такая рекомендация обусловлена тем, что термин «школа» не несет необходимой для осужденных смысловой нагрузки и не стимулирует лиц, отягощенных тюремной субкультурой, пропитанных тюремными традициями, к «обучению в школе» и роли «учеников». Также учитываем, что школа предполагает более длительный и интенсивный процесс обучения и воспитания [8, с. 17–18].

При разработке программ подготовки осужденных к освобождению следует принимать во внимание потребности в них самих осужденных, а также уровень их образования, трудовой стаж, семейное положение и т. д. При этом сами занятия подготовки осужденных к освобождению должны носить обязательный и регулярный характер. Необходимо увеличить их количество и продолжительность (не менее одного раза в неделю в течение 6 месяцев еженедельно по 40 мин, а в случае необходимости по 90 мин в виде тренингов, дискуссий, круглых столов). Важно с помощью ведомости учитывать сведения о регулярности посещения занятий. Возможно предусмотреть взыскания за непосещение занятий без уважительных причин. На самих занятиях целесообразно обращать особое внимание на обсуждение вопросов по таким темам, как: «Содействие в трудовом и бытовом устройстве после освобождения», «Судимость: ее правовые и социальные последствия», «Объем прав и обязан-

ностей лиц, освобожденных от отбывания наказания», «Особенности жизнедеятельности в условиях административного надзора», «Примерные модели поведения после освобождения: как вести себя в пути следования до дома; как наладить отношения с родственниками; как организовать свободное время» и др.

Таким образом, в целях повышения эффективности ресоциализации и социальной защиты граждан, освобожденных из исправительных учреждений, необходимо оптимизировать работу Школы подготовки осужденных к освобождению, которая фактически призвана быть своеобразным «мостом», ведущим осужденного из мест изоляции (исправительных учреждений) в гражданское общество и социальное государство, гражданином которого он является. В завершение подчеркнем, что повышение качества подготовки осужденных к освобождению из исправительных учреждений, а также устранение недостатков в деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, будут способствовать исправлению осужденных и их успешной ресоциализации после освобождения от уголовного наказания.

Библиографический список

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 08.01.2020).
2. Главное управление МВД по Самарской области. URL: <https://63.мвд.рф> (дата обращения: 17.01.2020).
3. ФСИН России. URL: <http://fsin.su> (дата обращения: 15.01.2020).
4. Малков В. П. Избранные труды: в 3 т. Т. 3. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. 324 с. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=257891.
5. Щукина Н. П. Технология социальной работы: учеб. пособие. Часть I / Федер. агентство по образованию. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 140 с. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Uchebnye-izdaniya/Tehnologiya-socialnoi-raboty-Ch-1-76709/1/%D0%A9%D1%83%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%9D.%D0%9F.%20%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.pdf>.
6. Барышева А. В. Проблемы организации школы подготовки осужденных к освобождению в исправительных учреждениях // Novainfo. 15.05.2016. № 45-2. URL: <https://novainfo.ru/article/5900> (дата обращения: 10.01.2020).
7. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Т. В. Кленовой. Москва: Юрлитинформ, 2019. 431 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36725933>.
8. Адоевская О. А., Щукина Н. П. Ресоциализация лиц, отбывающих, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него: методические рекомендации. Самара: ООО «Инсома-пресс», 2018. 78 с.

References

1. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Available at: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (accessed 08.01.2020) [in Russian].
2. *Glavnoye Upravleniye MVD po Samarskoi oblasti* [Head Department of the Ministry of Internal Affairs of the Samara Region]. Available at: <https://63.мвд.рф> (accessed 17.01.2020) [in Russian].
3. *FSIN Rossii* [Federal Penitentiary Service of Russia]. Available at: <https://fsin.ru> (accessed 15.01.2020) [in Russian].
4. Malkov V. P. *Izbrannye trudy: v 3 t. T. 3* [Selected works: in 3 vols. Vol. 3]. Kazan: Izd-vo «Poznanie» Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2011, 324 p. Available at: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=257891 [in Russian].
5. Shchukina N. P. *Tekhnologiya sotsial'noi raboty: ucheb. posobie. Chast' I* [Technology of social work: textbook. Part I]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2006, 140 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Uchebnye-izdaniya/Tekhnologiya-socialnoi-raboty-Ch-1-76709/1/%D0%A9%D1%83%D0%BA%D0%B8%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.pdf> [in Russian].
6. Barysheva A. V. *Problemy organizatsii shkoly podgotovki osuzhdennykh k osvobozhdeniyu v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh* [Problems of organizing a school for preparing convicts for release in correctional institutions]. *Novainfo* [Novainfo], 15.05.2016, no. 45–2. Available at: <https://novainfo.ru/article/5900> (accessed 10.01.2020) [in Russian].
7. *Resotsializatsiya i real'noe vklyuchenie v grazhdanskoe obshchestvo osuzhdennykh: monografiya. Pod red. d-ra yurid. nauk, prof. T. V. Klenovoi* [Resocialization and real inclusion in civil society of prisoners: monograph. T. V. Klenova (Ed.)]. Moscow: Yurlitinform, 2019, 431 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36725933> [in Russian].
8. Adoevskaya O. A., Shchukina N. P. *Resotsializatsiya lits, otbyvayushchikh, otbyvshikh ugovnoe nakazanie i osvobozhdennykh ot nego: metodicheskie rekomendatsii* [Resocialization of those who are serving, who have served a criminal sentence and who have been released from it: guidelines]. Samara: OOO «Insoma-press», 2018, 78 p. [in Russian].

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINAL PROCESS

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-83-86
УДК 343.1

Дата: поступления статьи / Submitted: 17.01.2020
после рецензирования / Revised: 20.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

В. В. Рудич

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: Ruvv66@mail.ru

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ОТ ПРОКУРОРА К СУДЕБНОМУ КОНТРОЛЮ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Аннотация: В статье проводится исследование функционирования современного судебного контроля в контексте решения вопроса о применении мер пресечения. Осуществляется анализ статистических данных, на основании которых делается заключение, что судебный контроль не оправдал возлагавшихся на него надежд. Отмечаются различия между процентом удовлетворенных ходатайств об избрании меры пресечения, принимавшихся ранее прокурором, и соответствующим процентом при ныне действующем судебном контроле. Признается положительным порядок рассмотрения вопроса о применении мер пресечения в судебной процедуре, указывается на необходимость продолжения судебной реформы, в рамках которой должен быть усилен прокурорский надзор за применением мер пресечения.

Ключевые слова: судебный контроль за применением мер пресечения, прокурорский надзор, меры пресечения, содержание под стражей.

Цитирование. Рудич В. В. Меры пресечения от прокурора к судебному контролю: что дальше? // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 83–86. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-83-86>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. V. Rudich

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: Ruvv66@mail.ru

PREVENTIVE MEASURES FROM THE PROSECUTOR TO JUDICIAL CONTROL: WHAT'S NEXT?

Abstract: The article investigates the functioning of modern judicial control in the context of solving the issue of applying preventive measures. The analysis of statistical data is carried out, on the basis of which it is concluded that the judicial control did not meet the expectations placed on it. There are differences between the percentage of satisfied requests for the election of a preventive measure, which were taken earlier by the Prosecutor, and the corresponding percentage under the current judicial control. The procedure for considering the use of preventive measures in the judicial procedure is recognized as positive, and the need to continue the judicial reform, in which the Prosecutor's supervision of the use of preventive measures should be strengthened, is pointed out.

Key words: judicial control over the use of preventive measures, Prosecutor's supervision, preventive measures, detention.

Citation. Rudich V. V. *Mery presecheniya ot prokurora k sudebnomu kontrolyu: chto dal'she?* [Preventive measures from the prosecutor to judicial control: what's next?] *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 83–86. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-83-86> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Валерий Владимирович Рудич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Уральский государственный юридический университет, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

Тема кандидатской диссертации: «Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспект». Автор более 90 научных работ, в том числе монографий: «Организационно-правовой механизм избрания мер пресечения в уголовном процессе» (2018), «Современная уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения» (2016).

Область научных интересов: уголовный процесс, проблемы защиты прав и свобод участников уголовного процесса, применение мер пресечения, адвокат в уголовном процессе.

© Valery V. Rudich – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Procedure, Ural State Law University, 21, Komsomolskaya Street, Yekaterinburg, 620137, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Justice in criminal proceedings: theoretical and applied aspects». Author of more than 90 scientific papers, including monographs: «Organizational and legal mechanism for selecting preventive measures in criminal proceedings» (2018), «Modern criminal procedure policy for applying preventive measures» (2016).

Research interests: criminal proceedings, problems of protection of rights and freedoms of participants in criminal proceedings, application of preventive measures, lawyer in criminal proceedings.

Много надежд возлагалось на институт судебного контроля во время введения его первоначального варианта в УПК РСФСР. Однако благие надежды остались лишь надеждами. Аналогичным образом и в настоящее время институт «превентивного судебного контроля», предусмотренный в УПК РФ, в рамках которого решается вопрос о применении мер пресечения в ходе предварительного расследования, не оправдал возлагавшихся на него ожиданий [1, с. 22–29; 2, с. 7].

С введением судебного контроля доля удовлетворений ходатайств о заключении под стражу изначально взлетела до 95–98 %. Согласно выводу М. Л. Позднякова, сделанного спустя 6 лет на основании данных статистики, количество отказов со стороны суда в удовлетворении ходатайств правоохранительных органов на протяжении всего периода действия системы судебного контроля стабильно составляло 2 %¹. Именно эти два процента можно рассматривать как реальный результат передачи суду функции контроля за применением мер пресечения. Это и есть итог реформы уголовного процесса, выразившейся в создании института судебного контроля за деятельностью правоохранительных органов в вопросе применения мер пресечения.

К 2009 году в стадии предварительного расследования судами удовлетворялись до 99,2 % ходатайств органов предварительного расследования о взятии обвиняемых под стражу, и лишь в 0,8 % случаев судами было отказано в удовлетворении подобных ходатайств [3, с. 262]. Стало очевидным, что механизм судебного контроля реально не работает и не заработает сам по себе.

С учетом роста критики со стороны ЕСПЧ и для изменения ситуации в лучшую сторону понадобились законодательные инициативы и усилия Верховного Суда РФ², благодаря которым структура используемых мер пресечения стала модифицироваться: чаще стал применяться домашний арест, сократилось число применения меры пресечения в виде содержания под стражей, особенно в отношении лиц, обвиняемых в совершении «предпринимательских преступлений».

На общем фоне процент удовлетворенных ходатайств о применении меры пресечения в виде содержания под стражей снизился до 92%, иначе говоря, суды стали отказывать в 8 % случаев. Что, безусловно, в выгодную сторону отличается от ранее имевших место 2 %, но данный результат

¹ Заметим, что эти данные коррелируют с 0,2 % оправдательных приговоров, выносимых нашей независимой судебной властью по результатам рассмотрения уголовно-правовых споров по существу.

² Свидетельствами усилий, предпринятых Верховным Судом РФ, стали документы, в которых до сведения судей доводилась новая политика руководства страны в сфере применения мер пресечения. См., напр.: Петроченков А. Я. (заместитель председателя Верховного Суда России) Доклад «Актуальные проблемы судебной защиты прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» [4].

есть следствие «ручного управления» только по одной из категорий мер пресечения (содержания под стражей), хотя данная категория представляет собой одну из наиболее резонансных. По другим категориям ходатайств преобладает ситуация автоматического их удовлетворения [1, с. 22–29]. Благие намерения исправить ситуацию «на земле» весьма незначительным образом отразились на деятельности судов первой и апелляционной инстанций по применению мер пресечения [5].

Следует также отметить, что в советский период сформировался правовой стандарт применения мер пресечения в виде альтернативы из двух мер пресечения: подписки о невыезде и заключении под стражу. Это стало традицией. Преобладание в правоприменительной деятельности этих двух мер пресечения сохраняется и в наше время. На практике количество случаев обращения органов предварительного расследования с ходатайством о применении меры пресечения в виде залога незначительно. Практически не применяются такие меры пресечения, как личное поручительство, наблюдение командования воинской части, а также присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым). Отсутствие широкой практики применения большинства мер процессуального принуждения заставляет усомниться в эффективности системы данных мер [6, с. 6]. И только в применении домашнего ареста за последние годы отмечается положительная динамика.

К аналогичным выводам приходят и другие авторы, изучающие судебный контроль за применением мер пресечения [7, с. 11]. Нельзя сказать, что все это является откровением для тех, кто был знаком с буднями российской практики применения мер пресечения по уголовным делам.

В настоящее время, по данным судебной статистики, ежегодно судами удовлетворяется в среднем 90,3 % ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и до 98,1 % – о продлении срока содержания обвиняемых под стражей [8].

Приведенные эмпирические данные позволяют судить о том, что и ранее, и в настоящее время в России проводится достаточно репрессивная политика применения мер пресечения, а ее стандарты сложились на уровне психологии, привычки правоприменителей. Только изменением закона ее трудно переломить. Опыт убеждает в том, что существующий правовой механизм применения мер пресечения, в первую очередь и главным образом так называемый механизм превентивного судебного контроля за применением мер пресечения в ходе досудебного производства, не работает, как этого требует закон. В целом можно сказать, что ни одно из нововведений constituzionalного содержания, связанных с принятием УПК РФ, как гарантии справедливости и объективности, защиты прав личности, не заработало, как это предполагалось их создателями.

Полагаем, следует назвать еще одну важную особенность современного судебного контроля за применением мер пресечения – это отсутствие эффективного прокурорского надзора.

В уголовно-процессуальной науке советского периода считалось принципиально важным, чтобы за законностью и обоснованностью применения мер пресечения был «установлен строжайший прокурорский и судебный надзор» [9, с. 206]. По оценкам некоторых специалистов [10; 11], прокурор советского периода в среднем удовлетворял 70–75 % ходатайств об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей, то есть примерно в трети случаев имел место отказ в удовлетворении ходатайства. Из этого можно сделать вывод, что, как это ни странно, ситуация стала значительно хуже, когда был введен полноценный судебный контроль [10]. По нашему мнению, подобное обстоятельство стало следствием того, что в уголовном процессе в настоящее время отсутствует важнейшая гарантия правосудия, а именно – эффективный прокурорский надзор за применением мер пресечения как гарантия от необоснованного привлечения к уголовной ответственности невиновных [10].

В этой связи многие теперь задаются следующим вопросом: «Зачем надо было вводить новый институт (судебного контроля за применением мер пресечения), если он работает хуже, чем прежний – механизм прокурорского надзора?» Есть сторонники возврата к советской модели правового регулирования применения мер пресечения³. Однако мы полагаем, что возврат к прежней модели применения мер пресечения нецелесообразен. Вопросы по ограничению конституционных прав граждан должны рассматриваться судом, это важное достижение проводимой реформы. Но следует отметить, что реформирование не доведено до логического окончания, поэтому необходимо продолжить положительные преобразования, в рамках которых судебный контроль за применением мер пресечения должен стать состязательной судебной процедурой, а роль прокуратуры как надзорного органа должна быть усилена.

Библиографический список

1. Поздняков М. Л. Перспективы института следственных судей // Уголовный процесс. 2015. № 6. С. 22–29.

2. Барабаш А. С. Прокурорский надзор за предварительным следствием: возвращение к основам // Законность. 2011. № 4. С. 5–10.

3. Баранов В. М. Юридический отказ (теория, практика, техника): монография / В. М. Баранов, М. В. Баранова, И. П. Гладышева. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2011. 656 с.

³ Весьма популярной в последнее время становится тенденция к восстановлению советских правовых стандартов. Самым ярким примером стала попытка введения в УПК РФ принципа объективной истины, которая вызвала бурную дискуссию в юридическом сообществе.

См.: Стенограмма парламентских слушаний на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия». 20 декабря 2016 г. [12].

4. Петроченков А. Я. Доклад на тему: «Актуальные проблемы судебной защиты прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» // Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» 25–26 ноября 2010 г. Нижегородский областной суд [отв. ред. В. Ф. Попов]. Нижний Новгород: Нижегородский коммерческий ин-т, 2011. 333 с.

5. Никонов М. А. Меры пресечения: 5 главных проблем и их решение. URL: <https://legal.report/meryu-presecheniya-5-glavnyh-problem-i-ih-reshenie> (дата обращения: 27.12.2019).

6. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск: ОМА МВД России, 2017. 226 с. URL: http://kostacademy.kz/novosti/2018/07/mpp_sredstvo_vozdeistviay_2017.pdf.

7. Избрание меры пресечения судом: науч.-практ. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н. А. Колоколова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. 543 с. URL: <https://znanium.com/bookread2.php?book=1028679&spec=1>.

8. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 28.09.2019).

9. Уголовный процесс: учебник / отв. ред. Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, П. С. Элькин. Москва: Юрид. лит., 1972. 584 с. URL: https://www.studmed.ru/alekseev-an-red-ugolovnyy-process_348e7764f41.html.

10. Верните прокурора / А. Паничева [и др.] // Российская газета. 2008. 20 мая. URL: <https://rg.ru/2008/05/20/nadzor.html>.

11. Конин В. В. Избрание и продление срока содержания под стражей в российском уголовном судопроизводстве и стандарты Европейского Суда // Адвокат. 2010. № 12. С. 23–30. URL: <https://www.iaaj.net/node/693>.

12. Стенограмма парламентских слушаний на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия». 20 декабря 2016 г. // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/INEoJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf> (дата обращения: 28.12.2019).

References

1. Pozdnyakov M. L. *Perspektivy instituta sledstvennykh sudei* [Prospects of the institute of investigative judges]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal process], 2015, no. 6, pp. 22–29 [in Russian].

2. Barabash A. S. *Prokurorskii nadzor za predvaritel'nyim sledstviem: vozvrashchenie k osnovam* [Prosecutorial supervision over pretrial investigation: back to fundamentals]. *Zakonnost'*, 2011, no. 4, pp. 5–10. Available at: <http://aw.sfu-kras.ru/data/method/e-library-kup/apers/%D0%92%D0%90%D0%9A/2011/Barabash%202011-2.pdf> [in Russian].

3. Baranov V. M., Baranova M. V., Gladysheva I. P. *Yuridicheskii otkaz (teoriya, praktika, tekhnika): mono-*

graftiya [Legal refusal (theory, practice, technology): monograph]. Nizhny Novgorod: Izd-vo Nizhegor. akad. MVD Rossii, 2011, 656 p. [in Russian].

4. Petrochenkov A. Ya. *Doklad na temu: «Aktual'nye problemy sudebnoi zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina pri primenenii mer presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, zaloga i domashnego aresta»* [Report on the topic: «Topical issues of judicial protection of the rights and freedoms of man and citizen in the application of preventive measures in the form of detention, bail and house arrest»]. *Materialy Vserossiiskoi mezhvedomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sudebnaya zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina pri primenenii mer presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, zaloga i domashnego aresta», 25–26 noyabrya 2010 g. Nizhegorodskii oblastnoi sud [otv. red. V. F. Popov]* [Materials of the All-Russian Interdepartmental Research and Practical Conference «Judicial protection of human and civil rights and freedoms when applying preventive measures in the form of detention, pledge, and house arrest», November 25–26, 2010 Nizhny Novgorod Regional Court [V. F. Popov (Eds.)]]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii kommercheskii institut, 2011, 333 p. [in Russian].

5. Nikonov M. A. *Mery presecheniya: 5 glavnykh problem i ikh reshenie* [Preventive measures: 5 main problems and their solution]. Available at: <https://legal.report/mery-presecheniya-5-glavnyh-problem-i-ih-reshenie> (accessed 27.12.2019) [in Russian].

6. Murav'ev K. V. *Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya – osobyie sredstva ugolovno-pravovogo vozdeistviya: doktrina, primenenie, optimizatsiya: monografiya* [Measures of procedural coercion – special means of criminal law influence: doctrine, application, optimization: monograph]. Omsk: OmA MVD Rossii, 2017, 226 p. Available at: http://kostacademy.kz/novosti/2018/07/mpp_sredstvo_vozdeistviay_2017.pdf [in Russian].

7. *Izbranie mery presecheniya sudom: nauch.-prakt. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po*

spetsial'nosti «Jurisprudentsiya». Pod red. N. A. Kolokolova [Election of a preventive measure by the court: research and practical manual for university students enrolled in the specialty «Jurisprudence». N. A. Kolokolov (Ed.)]. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2011, 543 p. Available at: <https://znanium.com/bookread2.php?book=1028679&spec=1> [in Russian].

8. *Sudebnogiyi departament pri Verkhovnom Sude RF* [Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (accessed 28.09.2019) [in Russian].

9. *Ugolovnyi protsess: uchebnik. Otv. red. N. S. Alekseev, V. Z. Lukashevich, P. S. El'kind* [Criminal process: textbook. N. S. Alekseev, V. Z. Lukashevich, P. S. Elkind (Eds.)]. Moscow: Yurid. lit., 1972, 584 p. Available at: https://www.studmed.ru/alekseev-an-red-ugolovnyy-process_348e7764f41.html [in Russian].

10. Panicheva [et al.] *Vernite prokurora* [Return the prosecutor]. *Rossiiskaya gazeta*, 2008, May 20. Available at: <https://rg.ru/2008/05/20/nadzor.html> [in Russian].

11. Konin V. V. *Izbranie i prodlenie sroka sodержaniya pod strazhei v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve i standarty Evropeiskogo Suda* [The election and extending the period in the Russian procedure and standards of the European Court]. *Advokat*, 2010, no. 12, pp. 23–30. Available at: <https://www.iauj.net/node/693> [in Russian].

12. *Stenogramma parlamentskikh slushanii na temu «15 let so dnya prinyatiya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: strategiya sovershenstvovaniya ugolovnogo pravosuudiya». 20 dekabrya 2016 g.* [Transcript of parliamentary hearings on the theme «15 years since the adoption of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: a strategy for improving criminal justice». December 20, 2016]. *Sovet Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii* [Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation]. Available at: <http://council.gov.ru/media/files/IHEoJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf> (accessed 28.12.2019) [in Russian].

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА THEORY OF LAW AND STATE

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-87-92

УДК 340.114.6

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 10.12.2019

после рецензирования / Revised: 25.02.2020

принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

А. Н. Сквозников

Самарская гуманитарная академия, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: skvoznikov2003@mail.ru

О СВОБОДЕ ВОЛИ И СПОСОБНОСТИ К ВМЕНЕНИЮ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Аннотация: Проблема свободы воли в праве – тема, обладающая неиссякаемой научной актуальностью, поскольку вопрос о свободе воли у действующего субъекта имеет ключевое значение для установления границ действия закона и пределов юридической ответственности. Автор статьи анализирует и обобщает идеи классиков российского права о субъективном вменении и свободе воли как условии юридической ответственности. Он установил, что в результате научной дискуссии в трудах дореволюционных российских исследователей права произошел определенный синтез идей детерминизма и индетерминизма в юридической науке. В результате появилась идея о том, что внешние факторы, безусловно, влияют на поведение человека, но не полностью предопределяют его. В конечном счете субъект сам решает, совершить или не совершить правонарушение. Привлечение субъекта к юридической ответственности возможно только в том случае, если его противоправное поведение стало выражением воли лица, то есть избрано им свободно без каких-либо внешних (принуждение, насилие) или внутренних (душевная болезнь, расстройство сознания) препятствий, которые мешали бы ему выразить свое сознательное отношение к явлениям окружающей действительности.

Ключевые слова: свобода воли в праве, вменение, вина, юридическая ответственность, объективное вменение, субъективное вменение.

Цитирование. Сквозников А. Н. О свободе воли и способности к вменению в российской юридической науке в XIX – начале XX веков // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 87–92. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-87-92>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. N. Skvoznikov

Samara Academy for the Humanities, Samara, Russian Federation

E-mail: skvoznikov2003@mail.ru

ABOUT FREEDOM OF WILL AND ABILITY FOR IMPUTANCE IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Abstract: The problem of free will in law is a topic of inexhaustible scientific relevance, since the issue of free will of the current subject is the key to establishing the boundaries of the law and the limits of legal responsibility. The author of the article analyzes and summarizes the ideas of the classics of Russian law on subjective imputation and free will as a condition of legal responsibility. He found that as a result of a scientific discussion in the writings of pre-revolutionary Russian law researchers, a certain synthesis of ideas of determinism and indeterminism in legal science took place. The result of this was the emergence of the idea that external factors certainly affect human behavior, but do not completely determine it. Ultimately, the subject decides whether or not to commit an offense. Holding the subject to legal liability is possible only if his unlawful behavior has become an expression of a person's will, that is, he is freely chosen without any external (coercion, violence) or internal (mental illness, impaired consciousness) obstacles that would prevent him from expressing his conscious attitude to the phenomena of reality.

Key words: free will, imputation, guilt, legal liability, objective imputation, subjective imputation.

Citation. Skvoznikov A. N. *O svobode voli i sposobnosti k vmeneniyu v rossiyskoy yuridicheskoy nauke v XIX – nachale XX vekov* [About freedom of will and ability for imputance in Russian legal science of the XIX – beginning of the XX centuries]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 87–92. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-87-92> [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Александр Николаевич Сквозников – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Самарская гуманитарная академия, 443086, Российская Федерация, г. Самара, ул. 8-я Радиальная, 2.

Тема кандидатской диссертации: «Македонский вопрос во внешней политике России начала XX века (1903–1908)». Автор

© Aleksandr N. Skvoznikov – Candidate of Historical Sciences, associate professor, head of the Department of Theory and History of State and Law, Samara Academy for the Humanities, 2, 8th Radialnaya Street, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «The Macedonian issue in the foreign policy of Russia at the beginning of the XX century (1903–1908)». Author of 55 scientific works, including monograph:

55 научных работ, автор монографии: «Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах» (2010).

Область научных интересов: субъективная сторона правонарушения.

Проблема юридической ответственности является неотделимой от вопросов вменения, вины и свободы воли в праве. С того времени, когда ученые обратили внимание на волевой характер поведения человека, проблема воли и ответственности остается в центре внимания юристов.

Целью настоящей статьи является изучение проблемы свободы воли как условия юридической ответственности в трудах дореволюционных российских ученых.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, а также исторический метод, который использовался для изучения развития взглядов российских ученых на проблему свободы воли в праве.

Проблема свободы воли в праве стала серьезно привлекать внимание ученых-правоведов начиная с XVIII века. В этот период, как известно, в науке происходит методологическая революция, в результате которой ученые начинают интересоваться в первую очередь не столько сущность изучаемых явлений (в том числе правомерного и противоправного поведения людей), сколько причины и закономерности этих явлений. На основе предшествующих философских учений начинают возникать юридические концепции о свободе воли. Первыми свое внимание на вопрос о свободе воли обратили представители науки уголовного права, а затем эта проблема стала исследоваться в общетеоретическом ракурсе.

Следует отметить, что на протяжении длительного периода развития государства и права в обществе преобладал материальный взгляд на противоправное деяние. Противоправным признавался вред, нанесенный независимо от участия в совершении деянии воли субъекта, причинившего вред. Деяние могло признаваться правонарушением, исходя лишь из фактических размеров причиненного вреда без учета субъективного фактора. Виновность зачастую понималась в смысле объективной ответственности и во многих случаях сводилась к вопросу о причинении вреда. Лицо, причинившее вред, могло понести ответственность даже в том случае, если его действия были невиновными, в том числе за случайное причинение вреда [1, с. 3–4]. В связи с этим один из российских дореволюционных исследователей права В. В. Есипов отмечал, что в течение долгого времени развития общества сущность преступного деяния выражалась в причиненном вреде, то есть вредоносность и противоправность поступка фактически не разграничивались [2, с. 23]. Вместе с тем, отмечал ученый, даже на самой низкой ступени развития общества человек уже различал деяния по степени участия в них воли [2, с. 3].

Вплоть до второй половины XVIII в научных кругах преобладала идея о том, что главным кри-

«Macedonia in the late XIX – early XX century – a bone of contention in the Balkans» (2010)

Research interests: subjective side of the offense.

терием противоправности деяния и основанием ответственности является вред, причиненный правонарушителем обществу, а намерение лица совершить правонарушение имеет второстепенное значение [3, с. 88].

Следует отметить, что еще в римском частном праве получила развитие идея о том, что юридическая ответственность прямо связана с волей человека, совершившего противоправное деяние. В частности, по закону Аквилы (lex Aquilia, 286 г. до н. э.) делинквент нес ответственность только в том случае, если имущественный ущерб был причинен им виновно. В римском частном праве различались две формы вины – умысел (dolus) и неосторожность (culpa). В римском уголовном праве вменение основывалось в первую очередь на воле правонарушителя, а не на его внешнем действии. В римском уголовном праве выделялась только одна форма вины – умысел. Считалось, что если преступное деяние совершено неумышленно, значит, имело место невиновное причинение вреда (casus). То есть римское уголовное право в первую очередь обращало внимание на субъективную сторону правонарушения, которая выражалась в воле правонарушителя. За те деяния, в которых воля правонарушителя не проявилась, римляне не считали необходимым применять уголовное наказание. Например, если обвиняемый совершил деяние не умышленно, а по неосторожности, то он нес не уголовную, а гражданско-правовую ответственность. И наоборот, уголовному наказанию подвергались те лица, которые проявили злую волю в своих действиях, хотя и не причинили вред. Например, покушение на убийство наказывалось наравне с оконченным преступлением [4, с. 107].

В дальнейшем во многом под влиянием христианского учения законодатель начинает обращать больше внимания не на вред, причиненный деянием (внешнюю сторону), а на проявление преступной воли (внутреннюю сторону).

В эпоху Нового времени в юриспруденции вслед за философией получили развитие научные концепции детерминизма и индетерминизма, в которых проблема свободы воли в праве оценивалась по-разному [5, с. 354]. Сущность индетерминизма заключалась в том, что каждый человек, достигший определенного возраста и не страдающий психическими заболеваниями, имеет возможность действовать со свободой воли, то есть управлять своим поведением, не нарушая установленных в обществе социальных норм, в том числе норм права. Правонарушитель, совершая противоправное деяние, действует совершенно свободно, имея полную возможность не совершать этого деяния. Человек, не обладающий свободной волей в момент совершения противоправного деяния, не может являться субъектом правонарушения и нести

ответственность. Таким образом, индетерминисты считали свободу воли необходимым условием вменяемости.

Точку зрения индетерминистов разделял известный криминалист А. Ф. Бернер. Он считал, что при отсутствии причинной связи между деянием и волей субъекта юридическое вменение не возможно. По мнению Бернера, «вменение уничтожается, если субъект совершил вредное действие, подчиняясь влиянию физических сил природы или вследствие принуждения со стороны другого лица» [6, с. 450], то есть не по своей воле.

Известный русский исследователь С. И. Баршев также рассматривал свободу воли как неперемненное условие юридического вменения. Под свободой воли С. И. Баршев понимал способность человека выбирать между добром и злом, не подчиняясь греху, плоти и чувственным пожеланиям. Внешние обстоятельства не уничтожают этой внутренней свободы выбора. «В свободе действия, – отмечает Баршев, – заключается основание всякой ответственности, которой может быть подвергнут человек, без нее невозможно ни вменение, ни наказание, невозможно, следовательно, и само преступление» [7, с. 32].

Многие известные российские исследователи права XIX века (Г. И. Солнцев, В. Д. Спасович, П. Д. Калмыков, С. М. Будзинский) признавали тот факт, что только лицо, действующее свободно, по своей воле, может являться субъектом правонарушения. В частности, Г. И. Солнцев отмечал, что правонарушение может совершить только лицо, которое обладает разумом и свободной волей. В своем исследовании Г. И. Солнцев устанавливает границы субъективного вменения. По мнению Солнцева, помимо разумности и произвольности в действиях лица, совершающего правонарушение, должны присутствовать умысел или неосторожность [8, с. 51].

По словам Н. С. Власьева, право основано на свободной воле человека. Исследователь отмечал, что правонарушение является продуктом воли преступника, его свободным актом, самоопределением [9, с. 45]. Совершая противоправное деяние, преступник противопоставляет свою частную волю общей воле, выраженной в законе.

В. Д. Спасович считал, что для привлечения правонарушителя к ответственности требуется обнаружить связь между действием, наступившими последствиями и сознательной волей субъекта, то есть необходимо выявить внутренний, субъективный элемент противоправного деяния [10, с. 145].

«Противоправное деяние – это событие, притекающее от воли человека», – писал П. Д. Калмыков [11, с. 64]. По мнению автора, «воля» и «свобода» – это понятия идентичные: «свобода (воля) есть способность решаться на что-нибудь, руководствуясь внутренним побуждением, выбирать независимо от принуждения внешнего одно из многочисленных действий» [11, с. 62].

С. М. Будзинский отмечал, что «если бы человек не имел свободной воли, то он не чувствовал

бы угрызений совести в случае содеяния зла, не ответственствовал бы за свои действия, не отличался бы от животного. Преступное деяние есть обнаружение воли... Воздействие человека может быть настолько вменено человеку, насколько оно есть дело его воли. Воля и сознание – два условия, без которых преступления быть не может. Воля как свобода действовать, сознание как способность предвидеть последствия своего действия» [12, с. 72–73].

А. Ф. Кистяковский подчеркивал, что участие воли субъекта в совершении деяния является важнейшим признаком правонарушения и необходимым условием ответственности [13, с. 75]. Свободными волевыми поступками можно назвать те действия, которые совершались субъектом без внешнего физического или морального принуждения. Юридическое вменение, по словам А. Ф. Кистяковского, всегда предполагает участие воли: вменяется только то, что субъект желал совершить [13, с. 76].

Н. С. Таганцев, в свою очередь, также писал, что «виновность представляет одно из проявлений нашей воли и предполагает известное отношение между совершаемым правонарушением и нашим представлением о нем» [14, с. 17]. Следует отметить, что в процессе развития юридической ответственности Таганцев выделял период фактического вменения, когда ответственность наступала по факту причинения вреда без учета отношения субъекта к содеянному, и период психического вменения, когда «во внешнем вреде право ищет проявления внутренней виновности человека, в направлении его воли оно видит основания ответственности» [14, с. 12].

Представители российской школы детерминизма в праве, напротив, полагали, что человек не обладает свободной волей. Противоправная деятельность человека, как и явления природы, подчинена определенным законам, обусловлена некоторыми причинами. Каждое желание человека, в том числе желание совершить правонарушение, возникает под влиянием сложных причин и мотивов, формируемых внутри человека, но над которыми он не властен.

Заметное влияние на российскую школу детерминистов оказали взгляды известного немецкого ученого-криминалиста Пауля Йоганна Ансельма Фейербаха. Он полагал, что у человека нет свободы, все его действия обусловлены законами природы. Причиной совершения поступка, в том числе противоправного, является не свободная воля, а стремление к удовольствию и наслаждению. И наоборот: воздержание субъекта от противоправного деяния – это не его свободный выбор, а внешняя необходимость, связанная с угрозой наказания [15, с. 274]. Значит, вменение, по мнению ученого, зависит не от свободы воли, а определяется мыслью о тех страданиях и лишениях, которые придется испытать правонарушителю в результате нарушения закона. В заочную дискуссию с А. Фейербахом вступил в своей работе А. Ф. Бернер, который полагал, что волю человека невоз-

можно принудить, подчинить, поскольку преступления совершались и продолжают совершаться, несмотря на угрозу наказания [6, с. 12]. Однако в дальнейшем А. Фейербах скорректировал свою теорию и признал, что вменение основано на способности субъекта свободно определять свое поведение, взвесив, с одной стороны, свою выгоду от совершения преступления и, с другой стороны, те неблагоприятные последствия, страдания, которые грозят ему в случае привлечения к ответственности.

А. Фейербах отмечал, что «всякое преступление предполагает известное лицо как действующую причину оною; и то лицо, в коего воле и деянии содержится достаточная причина, производящая преступление яко действие оной, называется виновником» [16, с. 42].

Среди русских правоведов идею детерминизма в праве развивали П. П. Пусторослев, Н. Д. Сергеевский, С. В. Познышев Г. С. Фельдштейн и другие ученые.

Н. Д. Сергеевский считал, что существование у человека свободы воли доказать невозможно. Свобода действий, по мнению Н. Д. Сергеевского, возможна лишь в будущем, а все прошедшие события являются для человека непрерывной цепью причин и следствий. Оглядываясь на свои деяния, человек признает, что мог действовать только так, а не иначе, его выбор был предопределен [17, с. 211].

П. П. Пусторослев, отвергая идею свободы воли при совершении правонарушения, говорил, что у человека в действительности нет никакой свободы выбора поступков, а потому с логической точки зрения нельзя видеть в мнимом выборе никакой вины [18, с. 315].

«Понятие вменяемости не связано со свободой воли, поскольку последней не существует; критерий вменяемости должен опираться на детерминистическую точку зрения» [19, с. 183], – полагал С. В. Познышев.

Рассуждая о свободе воли, Н. М. Коркунов говорил, что действия человека вызываются сознательной волей. Но главный вопрос заключается в том, подчинены ли акты нашей воли закону причинности; служит ли воля человека причиной явлений и имеет ли она сама причину? Н. М. Коркунов пришел к выводу, что воля человека несвободна, она имеет причины и основания [20, с. 218].

Следует отметить, что во второй половине XIX века внутри учения детерминизма появляются антропологическое и социологическое направления. Антропологическое направление развивалось под влиянием работ Ч. Ломброзо, который отрицал наличие свободной воли субъекта в праве, полагая, что противоправное поведение человека обусловлено биологическими факторами и что склонность к совершению правонарушений передается на генетическом уровне.

В российской юридической науке в рассматриваемый период сторонником антропологического детерминизма выступал известный криминалист

Д. А. Дриль. По мнению ученого, свобода воли является иллюзией, человек объективно является не свободным. «Уверенность самих людей в свободе своих действий объясняется неуловимостью для человека множества многообразных влияний, действующих на него и заставляющих его поступать так, а не иначе» [21, с. 462]. Таким образом, свобода воли, по мнению представителей антропологического направления детерминизма, полностью подчинена физиологическим и психическим процессам, протекающим в человеческом организме.

Представители социологического направления детерминизма в российской правовой науке (М. Н. Гернет, А. А. Пионтковский, Н. Н. Полянский, И. Я. Фойницкий) полагали, что основанием юридической ответственности являются противоправные действия субъекта, совершаемые в первую очередь под влиянием социальной среды [22, с. 16]. Социологическая школа выдвинула теорию «опасного состояния личности», сущность которой состояла в том, что в обществе есть люди, которые ведут противоправный образ жизни, представляющий угрозу для остальных. Устранять такую опасность следует с помощью принудительных превентивных мер, применяемых к субъекту независимо от наличия вины в совершенном деянии. Таким образом, данная теория, по сути, также отвергала идею свободы воли в действиях субъекта. Принципу субъективного вменения и виновной ответственности социологи противопоставляли идею о преступном («опасном») поведении как об объективном факте, детерминированном явлении.

В то же время в российской правовой доктрине XIX – начала XX веков окончательно оформилась идея субъективного вменения, строящегося на основе мыслительных процессов человека в момент совершения им правонарушения. Российские исследователи в дореволюционный период развития юридической науки признавали, что противоправное деяние, совершенное субъектом, должно носить сознательно-волевой характер.

Данное понимание вменения было закреплено в российском уголовном законодательстве начала XX века. В соответствии со статьей 39 Уголовного уложения 1903 г. не вменялось в вину преступное деяние, «учиненное лицом, которое, во время его учинения, не могло понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками вследствие болезненного расстройства душевной деятельности или бессознательного состояния, или же умственного неразвития, происшедшего от телесного недостатка или болезни» [23].

Таким образом, благодаря юридической науке в российском дореволюционном законодательстве произошло закрепление базового юридического понятия вменяемости как способности лица осознавать противоправность и негативные последствия своего поступка и вследствие осознания данного факта руководить своими действиями. В рассматриваемый период происходит окончательное выделение в качестве самостоятельного

элемента состава правонарушения его субъективной стороны, которая в тот период развития юридической науки отождествлялась с виной.

Дискуссия детерминистов и индетерминистов в дореволюционный период развития отечественной юридической науки по вопросу существования свободы воли представляла собой спор о соотношении свободы и необходимости в действиях субъекта, в том числе при совершении правонарушений. Этот вопрос остается актуальным и в настоящее время. В современной российской юридической науке получила развитие идея о том, что субъект свободен в своем волеизъявлении, если отсутствуют обстоятельства, которые исключают эту свободу [24, с. 212].

Современные исследователи в целом не отрицают наличия свободы воли, но в то же время признают, что нельзя говорить об абсолютной свободе воли, поскольку поведение человека существенно зависит от внешних факторов. Действия человека, в том числе при совершении правонарушений, одновременно являются и свободными, и закономерными.

Библиографический список

1. Сквозников А. Н. Развитие концепции субъективного вменения в российской уголовно-правовой доктрине в XIX – начале XX века // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2019. № 1. (22). С. 3–8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41180436>.

2. Есипов В. В. Преступление и наказание в древнем праве. Варшава, 1903. URL: <https://ru.b-ok2.org/book/5303019/f7911b>.

3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Москва: Стелс, 1995. URL: <http://libcolm.com/book/62e6cfbe-2c4f-4bf6-87e9-0a98196f88ae>.

4. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Т. 1. Часть общая. Санкт-Петербург, 1865. URL: <http://simlib.ru/handle/123456789/1057>.

5. Назаренко Г. В. История вины и субъективного вменения // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. С. 353–356. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19430976>.

6. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Т. 1. Часть Общая. Санкт-Петербург, 1865. URL: <http://simlib.ru/handle/123456789/1057>.

7. Баршев С. И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. Москва, 1841. URL: <https://b-ok.xyz/book/3240112/3fc630>.

8. Солнцев Г. И. Российское уголовное право / под ред. Г. С. Фельдштейна. Ярославль: Демидовский юридический лицей, 1820. URL: https://www.studmed.ru/solncev-gi-rossiyskoe-ugolovnoe-pravo_e8ddc364592.html.

9. Власьев Н. С. О вменении по началам теории и древнего русского права. Москва, 1860. URL: <https://static.my-shop.ru/product/pdf/118/1172276.pdf>.

10. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Санкт-Петербург, 1863. URL: <https://b-ok2.org/book/3160089/a7134c>.

11. Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. Санкт-Петербург, 1866.

12. Будзинский С. М. Начала уголовного права. Варшава, 1870. URL: <http://simlib.ru/handle/123456789/1197>.

13. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1: Общая часть. Киев, 1875. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=53163.

14. Таганцев Н. С. Курс уголовного права. Часть Общая. Книга 1: Учение о преступлении. Санкт-Петербург, 1878. URL: https://b.biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=59203.

15. Ошерович Б.С. К вопросу об уголовно-правовых воззрениях Ансельма Фейербаха // Ученые записки. Ученые записки ВИЮН. Вып. 2 / под ред. И. Т. Голякова. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 288 с. URL: <https://naukaprava.ru/catalog/435/1240/5155/30725>.

16. Уголовное право. Сочинение доктора Пауля Иоганна Ансельма Фейербаха. Санкт-Петербург, 1810.

17. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1905. URL: <https://b-ok.xyz/book/3060564/c50164>.

18. Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Юрьев, 1907. URL: https://fictionbook.ru/author/p_p_pustoroslev/russkoe_ugolovnoe_pravo_obshaya_chast_vyipusk_1.

19. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. Москва, 1912. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=236809&razdel=191.

20. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Санкт-Петербург, 1908. 570 с. URL: <https://static.my-shop.ru/product/pdf/241/2409134.pdf>.

21. Дриль Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с ней. Санкт-Петербург, 1912. 696 с. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=bookred&id=230660&razdel=191>.

22. Гернет М. Н. Социальные факторы преступности. Санкт-Петербург, 1905. URL: <http://www.el-history.ru/node/477>.

23. Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Санкт-Петербург: Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. URL: <http://library6.com/item/553030>.

24. Шевелева С. В. О понимании свободы воли в современной уголовно-правовой науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46): в 2 ч. Ч. I. С. 210–212. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21589803>.

References

1. Skvoznikov A. N. *Razvitie kontseptsii sub"ektivnogo vmeneniya v rossiiskoi ugolovno-pravovoi doktrine v XIX – nachale XX veka* [Development of the concept of subjective imputance in the Russian criminal law doctrine in the XIX – beginning of the XX century]. *Bulletin of Samara Academy of Humanities, series «Law»*, 2019, no. 1 (22),

pp. 3–8. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41180436> [in Russian].

2. Esipov V. V. *Prestuplenie i nakazanie v drevnem prave* [Crime and punishment in ancient law]. Warsaw, 1903. URL: <https://ru.b-ok2.org/book/5303019/f7911b> [in Russian].

3. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Moscow: Stels, 1995. Available at: <http://libcoln.com/book/62e6cfbe-2c4f-4bf6-87e9-0a98196f88ae> [in Russian].

4. Berner A. F. *Uchebnik ugolovno go prava. T. 1. Chast' obshchaya* [Textbook of criminal law. Vol. 1. General part]. Saint Petersburg, 1865. Available at: <http://simlib.ru/handle/123456789/1057> [in Russian].

5. Nazarenko G. V. *Istoriya viny i sub"ektivnogo vmeneniya* [History of fault and subjective imputation]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Orel state university. Series Humanitarian and social sciences], 2013, pp. 353–356. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19430976> [in Russian].

6. Berner A. F. *Uchebnik ugolovno go prava. T.1. Chast' obshchaya* [Textbook of criminal law. Vol. 1. General part]. Saint Petersburg, 1865. Available at: <http://simlib.ru/handle/123456789/1057> [in Russian].

7. Barshev S. I. *Obshchie nachala teorii i zakonodatel'stva o prestupleniyakh i nakazaniyakh* [General principles of the theory and legislation on crimes and punishments]. Moscow, 1841. URL: <https://b-ok.xyz/book/3240112/3fc630> [in Russian].

8. Solntsev G. I. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Pod red. G. S. Fel'dshteina* [Russian criminal law. G. S. Feldstein (Eds.)]. Yaroslavl: Demidovskii yuridicheskii litsei, 1820. Available at: https://www.studmed.ru/solncev-gi-rossiyskoe-ugolovnoe-pravo_e8ddc364592.html [in Russian].

9. Vlashev N. S. *O vmenenii po nachalam teorii i drevnego russkogo prava* [About imputation on the basis of theory and ancient Russian law]. Moscow, 1860. Available at: <https://static.my-shop.ru/product/pdf/118/1172276.pdf> [in Russian].

10. Spasovich V. D. *Uchebnik ugolovno go prava. T. 1* [Textbook of criminal law. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1863. Available at: <https://b-ok2.org/book/3160089/a7134c> [in Russian].

11. Kalmykov P. D. *Uchebnik ugolovno go prava. Chast' Obshchaya* [Textbook of criminal law. General Part]. Saint Petersburg, 1866 [in Russian].

12. Budzinsky S. M. *Nachala ugolovno go prava* [Fundamentals of criminal law]. Warsaw, 1870. Available at: <http://simlib.ru/handle/123456789/1197> [in Russian].

13. Kistyakovskiy A. F. *Elementarnyi uchebnik obshchego ugolovno go prava. T. 1: Obshchaya chast'* [Elementary textbook of general criminal law. Vol. 1: General Part]. Kiev, 1875. Available at: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=53163 [in Russian].

14. Tagantsev N. S. *Kurs ugolovno go prava. Chast' Obshchaya. Kniga 1: Uchenie o prestuplenii* [Course of

criminal law. General part. Book 1: The Doctrine of crime]. Saint Petersburg, 1878. Available at: https://b.biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=59203 [in Russian].

15. Osherovich B.S. *K voprosu ob ugolovno-pravovykh vozzreniyakh Ansel'ma Feierbakha* [On the criminal law views of Anselm Feuerbach]. In: *Uchenye zapiski. Uchenye zapiski VIYuN. Vyp. 2. Pod red. I. T. Golyakova* [Scientific notes. Scientific notes VIYuN. Issue 2. I. T. Golyakov (Eds.)]. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1941, 288 p. Available at: <https://naukaprava.ru/catalog/435/1240/5155/30725> [in Russian].

16. *Ugolovnoe pravo. Sochinenie doktora Paulya Ioganna Ansel'ma Feierbakha* [Criminal law. Work of Dr. Paul Johann Anselm Feuerbach]. Saint Petersburg, 1810 [in Russian].

17. Sergeevskiy N.D. *Russkoe ugolovnoe pravo: posobie k lektsiyam. Chast' Obshchaya* [Russian criminal law: a guide to lectures. General part]. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1905. Available at: <https://b-ok.xyz/book/3060564/c50164> [in Russian].

18. Pustoroslev P. P. *Russkoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Vyp. 1* [Russian criminal law. General part. Issue 1]. Yuriyev, 1907. Available at: https://fictionbook.ru/author/p_p_pustoroslev/russkoe_ugolovnoe_pravo_obshaya_chast_vyypusk_1 [in Russian].

19. Poznyshev S. V. *Osnovnye nachala nauki ugolovno go prava. Obshchaya chast' ugolovno go prava* [Basic principles of the science of criminal law. General part of criminal law]. Moscow, 1912, 664 p. Available at: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=236809&razdel=191 [in Russian].

20. Korkunov N. M. *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. Saint Petersburg, 1908, 570 p. Available at: <https://static.my-shop.ru/product/pdf/241/2409134.pdf> [in Russian].

21. Dril D. A. *Uchenie o prestupnosti i merakh bor'by s nei* [The doctrine of crime and measures to combat it]. Saint Petersburg, 1912, 696 p. Available at: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=230660&razdel=191 [in Russian].

22. Gernet M. N. *Sotsial'nye faktory prestupnosti* [Social factors of crime]. Saint Petersburg, 1905. Available at: <http://www.el-history.ru/node/477> [in Russian].

23. *Ugolovnoe ulozhenie, Vysochaishe utverzhdennoe 22 marta 1903 g.* [Criminal Code, Highest approved March 22, 1903]. Saint Petersburg: Izdanie Kamennooostrovskogo yuridicheskogo knizhnogo magazina V. P. Anisimova, 1903. Available at: <http://library6.com/item/553030> [in Russian].

24. Sheveleva S. V. *O ponimanii svobody voli v sovremennoi ugolovno-pravovoi nauke* [On understanding freedom of will in modern criminal-legal science]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2014, no. 8 (46): in 2 parts. Part I, pp. 210–212. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21589803> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-93-97
УДК 340.13

Дата: поступления статьи / Submitted: 13.02.2019
после рецензирования / Revised: 24.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

М. Ю. Спирин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

ПОНЯТИЕ И ИСТОКИ КОРРУПЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ДЕЛИНКВЕНТНОГО ЯВЛЕНИЯ

Аннотация: Настоящая статья представляет собой попытку определить основные смыслы понятия «коррупция» в современной российской юриспруденции. Коррупция (формы коррупционного поведения) рассматривается как системное негативное социальное явление (коррупционная девиантность) и как условная система конкретных видов коррупционных правонарушений (актов делинквентного поведения), ответственность за совершение которых предусмотрена нормами действующего законодательства. На основании различия формально-юридического (позитивистского) и социологического типов правопонимания производится различение коррупционной деятельности в целом и отдельных разновидностей коррупционных правонарушений; анализируются основные формы коррупции, их отдельные признаки и особенности. Делаются выводы о необходимости детальной разработки конкретных составов коррупционных правонарушений в различных отраслях российского права и неизбежности появления единого философско-правового концепта коррупции как глобального негативного социального явления. Определяется принципиальное значение многофакторного подхода при изучении природы коррупции, а также важнейших условий и причин ее появления и развития в обществе.

Ключевые слова: коррупция, типы правопонимания, истоки коррупции, формы коррупции, коррупциогенные факторы, коррупционная девиантность, коррупционные правонарушения, формальные источники правового регулирования противодействия коррупции.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Спирин М. Ю. Понятие и истоки коррупции как социального делинквентного явления // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 93–97. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-93-97>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

M. Yu. Spirin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

CONCEPT AND ORIGINS OF CORRUPTION AS A SOCIAL DELINQUENT PHENOMENON

Abstract: This article is an attempt to define the main meanings of the concept of «corruption» in modern Russian jurisprudence. Corruption (forms of corrupt behavior) is considered as a systemic negative social phenomenon (corruption deviance) and as a conditional system of specific types of corruption offenses (acts of delinquent behavior), responsibility for the commission of which is provided for by the current legislation. Based on the difference between the formal legal (positivist) and sociological types of legal understanding, the author distinguishes between corruption activities in general and certain types of corruption offenses; analyzes the main forms of corruption, their individual characteristics and features. Conclusions are drawn about the need for detailed development of specific components of corruption offenses in various branches of Russian law and the inevitability of the emergence of a single philosophical and legal concept of corruption as a global negative social phenomenon. The fundamental importance of a multi-factor approach in studying the nature of corruption, as well as the most important conditions and causes of its appearance and development in society is determined.

Key words: corruption, types of legal understanding, sources of corruption, forms of corruption, corruption-induced factors, corruption deviance, corruption offenses, formal sources of legal regulation of anti-corruption.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Spirin M. Yu. *Ponyatie i istoki korrupsii kak sotsial'nogo delinkventnogo yavleniya* [Concept and origins of corruption as a social delinquent phenomenon]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 93–97. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-93-97> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Спирин Михаил Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара,

© Mikhail Yu. Spirin – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation. Member of

Московское шоссе, 34. Член Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (МАТГиП).

Тема кандидатской диссертации: «Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации». Автор 85 научных и методических работ, в том числе 3 учебных пособий (Сравнительное правоведение. Самара, 2012 и 2016; Общая теория права и государства. Самара, 2016).

Область научных интересов: общая теория права, социология права, учение об истоках, источниках и формах права, сравнительное правоведение, юридическая география мира, теория международного права.

Сформированную к настоящему моменту времени нормативную правовую базу, регламентирующую процедуры противодействия коррупционной деятельности, можно считать вполне достаточной для эффективной реализации юридических норм, закрепленных в ее актах (Федеральный закон от 25 июля 2006 г. «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию», Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 17 июля 2009 г. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»; указ Президента РФ от 19 мая 2008 г. «О мерах по противодействию коррупции», указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 гг.», указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 гг.», постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и др.).

При этом для успешного противодействия коррупции и борьбы с совершаемыми коррупционными правонарушениями необходимо точно установить содержание самого термина «коррупция», а также определить ее истоки и основанные на их проявлении коррупциогенные факторы. Ввиду наличия множества разных определений коррупции, когда почти каждый криминолог и специалист в области уголовного права имеет свое видение ее содержания, мы привыкли считать, что это – сугубо теоретическая конструкция. Между тем следует согласиться с теми учеными, которые прямо указывают, что раскрытие содержания понятия «коррупция» имеет «сугубо практический характер и от качества его формулировки зависит эффективность практической деятельности по противодействию коррупции» [1, с. 12].

Достижение поставленной цели возможно путем решения нескольких взаимосвязанных задач. Первая задача сводится к нахождению ответа на вопрос: коррупция – это цельное явление или совокупность отдельных социально негативных деяний? Решение этой задачи зависит, на наш взгляд, от того, на базе какого типа правопонима-

the Interregional Association of Theorists of State and Law (MATGiP).

Subject of Candidate's thesis: «Theoretical problems of legislative procedure in the Russian Federation». Author of more than 75 research and methodological works (including 3 textbooks: Comparative jurisprudence. Samara, 2012 and 2016; General theory of law and state. Samara, 2016).

Research interests: general theory of law, sociology of law, study of law's initial sources, sources and forms, comparative jurisprudence, juridical geography of the world, theory of international law.

ния рассматривает эту проблему исследователь. Современные процессы развития национальных правовых систем, сопряженные с интеграцией универсальных и специальных отраслевых мер противодействия данному явлению, предполагают различие оценок и разновидностей восприятия коррупции, среди которых особую роль играет соотношение формально-юридического (позитивистского) и социолого-правового типов антикоррупционного правопонимания, на которых мы остановимся далее более подробно.

Формально-юридический тип правопонимания. В этом случае коррупция (коррупционная деятельность) понимается как система определенных, поименованных средствами действующего законодательства и запрещенных под угрозой применения организованного публичного принуждения деяний (действий или бездействия) в определенной социальной сфере. Данный тип правопонимания, как правило, используется в действующем антикоррупционном законодательстве, где под коррупцией понимается совершение конкретных противоправных деяний: взяточничество, злоупотребление служебным положением, злоупотребление должностными полномочиями, коммерческий подкуп etc.

В советский период, когда доминирующим типом правопонимания был так называемый «советский легизм» (нормативистско-государственный подход), использование термина «коррупция» в принципе не являлось необходимым, вполне достаточно было оперировать понятием «взяточничество» как, с одной стороны, наиболее распространенной формой коррупции, а с другой стороны, наиболее очевидной, поддающейся непосредственному наблюдению, а вследствие этого – и реальному наказанию.

Социолого-правовой тип правопонимания. В этом случае коррупция рассматривается в качестве цельного социального явления, которое обнаруживает себя в отдельных формах конкретных правонарушений.

Представители социологической юриспруденции пытаются изучать коррупцию, используя именно социологические средства ее измерения. Так, М. В. Шедий приходит к выводу, что коррупция превратилась из частного социального явления в социальный институт и на этом основании

предлагает изучать ее на макро- и микроуровнях. В этом смысле понимаемая на макроуровне коррупция – специфический социальный институт, тесно взаимосвязанный с политическими, экономическими, культурными и иными социальными институтами. На микроуровне коррупция является результатом несогласованности между социально признанными целями (успех, богатство и т. п.) и социально организованными средствами их достижения, т. е. коррупция – это один из видов социальных отношений, связанный с использованием общественных ресурсов (в том числе власти) для достижения индивидуальных целей [2, с. 10–11].

Е. В. Марьина, анализируя понятие коррупции, закрепленное в законодательстве, негативно относится к его «перечневому» определению [3, с. 137], когда в содержание данного понятия включены разнородные правонарушения. Ученый объясняет свою позицию тем, что анализ правонарушений и способов их совершения раскрывает содержание не самой коррупции, а именно отдельных коррупционных правонарушений. С таким подходом можно согласиться лишь в определенной части, поскольку и тут многое зависит от используемого типа правопонимания. Если использован социолого-правовой тип понимания, то суждение Е. В. Марьиной верно: коррупция – это явление, которое может быть выражено в определенных деяниях, и отождествление конкретных форм и абстрактной сущности совершенно недопустимо. Однако с точки зрения формально-юридического подхода сам термин «коррупция» может быть приравнен к термину «коррупционное правонарушение» (тем более если сам закон либо подзаконный нормативный правовой акт прямо и недвусмысленно на это указывает).

В рамках социолого-правового типа правопонимания на первое место выходит исследование истоков коррупции. Поэтому с данной позиции не противодействие коррупции, а устранение причин и условий, способствующих возникновению и распространению правонарушений (в т. ч. преступлений) коррупционной направленности является приоритетной задачей государства и иных органов публичной власти. Изучение самих причин, которые порождают коррупцию, является в этом случае намного более важным моментом в вопросе последующего противодействия коррупции. Социологическая юриспруденция закладывает определенные основы в этом вопросе, и именно на базе установленных глубинных причин и условий коррупционной деятельности (коррупциогенного анализа) конкретному правоприменителю нужно заниматься правовой квалификацией соответствующих преступлений: получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве, коммерческий подкуп и т. д.

Термин «коррупция» многозначен и выявление его сущности предполагает два направления

системного анализа: 1) исследование коррупции как отклоняющейся (девиантной) формы социального поведения (т. н. «коррупционная девиантность»); 2) изучение отдельных видов коррупционных правонарушений (деликтов), система которых образует специальный (охранительный) предмет регулирования уголовного, административного, финансового и гражданского права. В первом случае можно говорить о принципиальных условиях развития и укрепления коррупции, ее основных формах и направлениях модификации; второй же вариант анализа больше склоняет нас к выяснению особенностей совершения каждого конкретного коррупционного деяния как социального делинквентного (правонарушающего) поведения.

На основании вышеизложенного, а также принципиально оценочного характера коррупции как социального явления можно сделать вывод, что использование самого термина «коррупция» в нормативных правовых актах, отражающих формально-юридический тип правопонимания, неуместно, поскольку в данных актах должны быть закреплены конкретные формы ее проявления, т. е. различные виды коррупционных правонарушений и их специальные признаки.

Коррупция как социальное отрицательное явление (коррупционное поведение) имеет социально-экономическую и социально-психологическую природу. В этом смысле коррупционная деятельность представляет собой важный негативный показатель функционирования всей общественной системы, показатель того, что общество идет в неправильном организационно-управленческом направлении. В какой-то степени подобное обстоятельство обозначается определенным смыслом «привычного», сложившегося путем многократного более-менее эффективного повторения каких-либо организационных действий.

Таким образом, в нормативных правовых актах есть смысл отказаться от использования термина «коррупция» в вышеуказанном абстрактном значении. Применение этого широкого по своему содержанию понятия в федеральном и региональном законодательстве нежелательно, поскольку сама коррупция является не формально-юридической категорией, а масштабным комплексным социальным явлением. С точки зрения формально-юридического подхода (позитивистской юриспруденции) данное абстрактное социальное явление арифметически складывается из совершения вполне конкретных противоправных деяний [4, с. 30]. Поэтому в законодательных актах достаточно определения конкретных видов коррупционных правонарушений, которые могут быть отражены на уровне грамотного формулирования составов соответствующих коррупционных деликтов.

Формально-юридический подход, в свою очередь, ставит перед учеными задачу исследовать

не истоки коррупции, а конкретные коррупциогенные факторы, возникшие на основе этих истоков. Как указывает Н. А. Лопашенко, данные факторы уже стали нормативной реальностью [5, с. 13]. Дело в том, что истоки являются условиями возникновения коррупции в целом, в то время как коррупциогенные факторы создают условия для конкретных видов противоправной коррупционной деятельности. Согласно Федеральному закону «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», коррупциогенные факторы находятся в текстах самих нормативных правовых актов и в их проектах и устанавливаются для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к индивидуальным и коллективным субъектам правовых отношений. Коррупциогенные факторы, согласно действующему законодательству, создают условия для проявления коррупции в конкретных деяниях.

Второй, не менее значимый вопрос в рамках нашего исследования: из чего конкретно состоит коррупция? Каково ее содержание? Еще раз подчеркнем то обстоятельство, что если мы находимся на формально-юридической позиции (позиции юридического позитивизма), то, говоря о содержании коррупции, мы подразумеваем содержание отдельных коррупционных правонарушений, существующих как условная система.

Следует согласиться с предложенной в свое время классификацией Н. А. Егоровой, в рамках которой коррупцию можно понимать в широком и узком смыслах [6, с. 11–14]. В широком (законодательном) смысле любая деятельность, направленная на незаконное получение выгод, является коррупционной. Помимо не включенных в перечень нормативно-закрепленных видов коррупции сюда можно отнести и лоббизм, и кумовство, и протекционизм. Более того, необходимо понимать, что перманентно появляются новые, видоизмененные, закамуфлированные формы коррупционной деятельности, поскольку коррупция непрерывно трансформируется, приспосабливаясь к социально-экономическим, политическим и, что немаловажно, психологическим условиям жизни конкретного общества.

В узком смысле понимания коррупции единственным способом ее совершения является подкуп. В свое время Н. А. Лопашенко выделила основные признаки коррупции именно в таком, максимально узком смысле: во-первых, это «делка» между должностным лицом и лицом, заинтересованным в определенном типе поведения этого должностного лица; во-вторых, «делка» носит обоюдно выгодный характер; в-третьих, «делка» заведомо незаконна для обеих «сторон» [7, с. 93].

В этом контексте, например, вымогательство взятки не может рассматриваться в качестве коррупционного правонарушения, поскольку добровольность совершения «сделки» у одной из сторон отсутствует.

Таким образом, коррупция (коррупционная девиантность) не сводится исключительно к системе совершаемых правонарушений соответствующей направленности (в т. ч. преступлений), а представляет собой широкую сферу как собственно противоправных (делинквентных), так и иных антиобщественных (недопустимых и порицаемых внеправовыми нормами) проявлений (девиаций).

Коррупция (коррупционная деятельность как система многообразных форм коррупционного поведения) – это сложное системное социальное явление негативного характера, в основе которого лежит взаимовыгодная сделка, совершаемая под комплексным влиянием социально-экономических, политических, социально-психологических и формально-юридических факторов.

Вследствие этого именно от типа правопонимания в вопросе оценки коррупционной деятельности и ее конкретных форм зависит как законодательное и иное нормативное правовое закрепление коррупции, так и конкретные механизмы и способы противодействия отдельным общественным представлениям о коррупции и конкретным коррупционным правонарушениям.

Библиографический список

1. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы теории и практики. Москва: Норма, 2020. 160 с. URL: <https://znanium.com/bookread2.php?book=444798>.
2. Шедий М. В. Коррупция как социальное явление: социальный анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Москва, 2014. 22 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/korrupsiya-kak-sotsialnoe-yavlenie-sotsiologicheskii-analiz/read>.
3. Марьина Е. В. Некоторые вопросы противодействия коррупции (правовой аспект) // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 2. С. 137–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-protivodeystviya-korrupsiy-pravovoy-aspekt-1>.
4. Борзенков Г. Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1993. № 1. С. 30–31.
5. Лопашенко Н. А. Коррупциогенные факторы: опасная трансформация нормативного толкования // Законность. 2009. № 10 (900). С. 13–19. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13031533>.
6. Преступления против интересов службы: монография / Н. А. Егорова; под ред. Р. Р. Галиакбарова. Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 1999. 188 с. URL: <https://proza.ru/2013/07/26/1074>.
7. Лопашенко Н. А. Проблемы уголовной ответственности за коррупционные преступления

// Коррупция в органах власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество. Н. Новгород: Изд-во института «Открытое общество», 2001. С. 93–103.

References

1. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I. *Antikorrupsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov: problemy teorii i praktiki* [Anti-corruption expert examination of normative legal acts and their projects: issues of theory and practice]. Moscow: Norma, 2020, 160 p. Available at: <https://znanium.com/bookread2.php?book=444798> [in Russian].

2. Shedy M. V. *Korrupsiya kak sotsial'noe yavlenie: sotsial'nyi analiz: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Corruption as a social phenomenon: social analysis: author's abstract of Doctoral of Sociological Sciences thesis]. Moscow, 2014, 22 p. Available at: <https://www.dissertat.com/content/korrupsiya-kak-sotsialnoe-yavlenie-sotsiologicheskii-analiz/read> [in Russian].

3. Maryina E. V. *Nekotorye voprosy protivodeystviya korrupsii (pravovoi aspekt)* [On some provisions of the modern federal legislation concerning corruption counteraction]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual Problems of Economics and Law], 2009, no. 2, pp. 137–141. Available at: <https://cyberleninka.ru>

article/n/nekotorye-voprosy-protivodeystviya-korrupsii-pravovoy-aspekt-1 [in Russian].

4. Borzenkov G. N. *Ugolovno-pravovye меры бор'бы с коррупцией* [Criminal-legal measures to combat corruption]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya II. Pravo* [The Moscow University Herald. Series 11. Law], 1993, no. 1, pp. 30–31 [in Russian].

5. Lopashenko N. A. *Korrupsiogennye faktory: opasnaya transformatsiya normativnogo tolkovaniya* [Corruptogenic factors: dangerous transformation of statutory interpretation]. *Zakonnost'* [Zakonnost'], 2009, no. 10 (900), pp. 13–19. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13031533> [in Russian].

6. Egorova N. A. *Prestupleniya protiv interesov sluzhby: monografiya; pod red. R. R. Galiakbarova* [Crimes against the interests of the service: monograph. R. R. Galiakbarov (Ed.)]. Volgograd: Volgogr. yurid. in-t MVD Rossii, 1999, 188 p. Available at: <https://proza.ru/2013/07/26/1074> [in Russian].

7. Lopashenko N. A. *Problemy ugolovnoi otvetstvennosti za korrupsionnye prestupleniya* [Problems of criminal liability for corruption crimes]. In: *Korrupsiya v organakh vlasti: priroda, меры противodeystviya, mezhdunarodnoe sotrudnichestvo* [Corruption in government: nature, measures of counteraction, international cooperation]. N. Novgorod: Izd-vo instituta «Открытое общество», 2001, pp. 93–103 [in Russian].

ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА HISTORY OF LAW AND STATE

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-98-106
УДК 340

Дата: поступления статьи / Submitted: 15.12.2019
после рецензирования / Revised: 14.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

Р. Л. Хачатуров

Институт права Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: jus@tlttsu.ru

СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ АДМИРАЛА А. В. КОЛЧАКА

Аннотация: В статье рассматривается установление диктатуры адмирала А. В. Колчака как результат вмешательства США, Англии и Франции во внутренние дела России. В ходе следствия по делу адмирала была установлена роль Президента США Вильсона, военного министра Англии У. Черчилля и других руководителей Антанты в назначении адмирала «верховным правителем», материальной и военной помощи, которые ему были оказаны. Дан анализ создания и деятельности следственных комиссий по делу А. В. Колчака и членов его правительства. Следствием были установлены многочисленные факты расстрелов, применения телесных наказаний, пыток, практики приговора к расстрелу заочно, сжигания сел и деревень войсками «верховного правителя» А. В. Колчака. С приходом к власти А. В. Колчака была установлена диктатура махровой белогвардейщины, создано нечто свое – тюрьмы на колесах, «эшелоны смерти». Следствие по делу адмирала Колчака вскрыло сущность колчаковщины, цель и задачи иностранной интервенции в России. В современной исторической литературе сочетаются различные оценки А. В. Колчака, в которых авторы пытаются его реабилитировать без учета весьма многочисленных фактических данных, содержащихся в центральных и местных архивах России, а также монографиях, научных статьях и сборниках документов по рассматриваемой тематике. В 2004 году в Иркутске был установлен памятник А. В. Колчаку, также его память увековечена путем установления мемориальных досок в Санкт-Петербурге, Кронштадте, Омске, Севастополе и других городах.

Ключевые слова: иностранная интервенция, Гражданская война, внутренняя контрреволюция, антисоветские государственные образования, верховный правитель, следственные комиссии, арест, допросы, расстрел адмирала А. В. Колчака.

Цитирование. Хачатуров Р. Л. Следствие по делу адмирала А. В. Колчака // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 98–106. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-98-106>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

R. L. Khachaturov

Institute of Law, Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation
E-mail: jus@tlttsu.ru

INVESTIGATION OF THE CASE OF ADMIRAL A. V. KOLCHAK

Abstract: The article considers the establishment of dictatorship of admiral A. V. Kolchak as a result of the intervention of the United States, Britain and France in the internal affairs of Russia. During the investigation of the admiral's case, the role of US President Wilson, British minister of war W. Churchill and other Entente leaders in appointing the admiral as the Supreme ruler, as well as the material and military assistance that was provided to him was established. The analysis of creation and activity of investigative commissions in the case of A. V. Kolchak and members of his government is given. The investigation established numerous facts of executions, corporal punishment, torture, the practice of sentencing to death in absentia, and the burning of villages and villages by the troops of the Supreme ruler A. V. Kolchak. With the coming to power of A. V. Kolchak, the dictatorship of the Terry white guard was established, something of its own was created – prisons on wheels, «echelons of death». The investigation into the case of admiral Kolchak revealed the essence of kolchakism, the purpose and objectives of foreign intervention in Russia. Modern historical literature combines various assessments of A. V. Kolchak, in which the authors try to rehabilitate him without taking into account the very numerous factual data contained in the central and local archives of Russia, as well as monographs, scientific articles and collections of documents on the subject under consideration. In 2004, a monument to A. V. Kolchak was erected in Irkutsk, and his memory was immortalized by installing memorial plaques in St. Petersburg, Kronstadt, Omsk, Sevastopol and other cities.

Key words: foreign intervention, civil war, internal counter-revolution, anti-Soviet state formations, the Supreme ruler, investigative commissions, arrest, interrogations and execution of admiral A. V. Kolchak.

Citation. Khachaturov R. L. *Sledstviye po delu admirala A. V. Kolchaka* [Investigation of the case of admiral A. V. Kolchak]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 98–106. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-98-106> [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Рудольф Леонович Хачатуров – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ,

© Rudolf L. Khachaturov – Doctor of Laws, professor, Honorary Figure of Russian Higher Education, professor of the

профессор кафедры теории и истории государства и права, Институт права Тольяттинского государственного университета, 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тема докторской диссертации: «Становление древнерусского права». Автор более 400 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «История государства и права» (2007) Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Институты ответственности в международном праве» (2017), «Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации» (2017), «Антология юридической ответственности» (2012). Под общей редакцией автора опубликовано более 50 монографий.

Область научных интересов: общая теория юридической ответственности.

Установление диктатуры «верховного правителя» адмирала Александра Васильевича Колчака – один из многочисленных примеров вмешательства США, Англии и Франции во внутренние дела России.

В период Временного правительства в России правительство Англии и США стремились подготовить кандидатуру на роль восстановителя самодержавия в России. В июле 1917 года А. В. Колчак встретился с сенатором И. Руттом, а также руководителем американской военно-морской миссии в России Гленноном.

«Посол Северо-Американских Соединенных Штатов обратился к Морскому министерству Временного правительства с просьбой командировать в Америку вместе с отъезжающей американской миссией русскую морскую миссию в составе четырех офицеров, и во главе этой миссии посол просит поставить вице-адмирала Колчака. Целью посылки морской миссии является передача американскому флоту опыта нашей морской войны, в частности минной войны и борьбы с подводными лодками» [1, с. 157].

Иностранные интервенты и силы внутренней контрреволюции были главными виновниками Гражданской войны в России. Английский полковник Уорд (член парламента), принимавший непосредственное участие в становлении «верховного правителя» Колчака, отмечал: «...адмирал Колчак никогда бы не отправился в Сибирь, никогда бы не встал во главе русского конституционного (контрреволюционного. – Р. Х.) движения и правительства, если бы он не был вынужден на это советами и настояниями союзников. Он получил самые категорические обещания на искреннюю помощь и немедленное признание со стороны союзников, прежде чем принять на себя опасный долг главы омого правительства» [2, с. 25–26].

Как и во всей стране, к середине 1918 г. в Восточной Сибири не было реальной силы, способной свергнуть Советскую власть. Решающей силой, временно определившей ход борьбы в пользу контрреволюции, было военное вмешательство извне. Контрреволюция начала борьбу с Советской властью еще с конца 1917 г., контрреволюционные организации были созданы и действовали в Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке.

В апреле 1918 г. был раскрыт заговор «союзных посланцев», в котором приняли участие американский консул во Владивостоке, посланник США

Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law, Togliatti State University, 14, Belorusskaya Street, Togliatti, 445020, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Formation of old Russian law». Author of more than 400 scientific works, including textbooks and monographs: «History of state and law» (2007). A number of scientific papers written in collaboration: «Institutions of responsibility in international law» (2017), «Branches of legislation and branches of law of the Russian Federation» (2017), «Anthology of legal responsibility» (2012). Under the general editorship of the author more than 50 monographs were published.

Research interests: general theory of legal responsibility.

в Пекине, американский адмирал Найт и другие. 21 апреля во Владивостоке был арестован член подпольного эсеро-меньшевистского «Временного правительства автономной Сибири» А. Колобов. Изъятые у него документы свидетельствовали о сговоре меньшевиков и эсеров. В документах предусматривалось: «...просить Америку признать Восточную Сибирь как временно управляемую автономную единицу; гарантировать сибирскому населению, что его территория будет неприкосновенной; гарантировать республиканский образ правления; взять управление Сибирской и Китайской железной дорогой; Америка может пригласить союзные державы, посылать войска для защиты этих дорог и других важных объектов. Возможно скорее взять Владивосток и послать дивизии для защиты Амура и взять Иркутск; население Сибири со своей стороны обещает: не заключать мира с Германией и Австро-Венгрией иначе как с согласия Америки, работать в согласии всюду, где это возможно, с американской администрацией и военными силами... Американское правительство также может быть просимо дать денежную поддержку для Сибири, дав американцам нужный контроль надлежащих расходов денег и военных материалов» [3].

Главную роль в подготовке и осуществлении вооруженной интервенции играли США. 25 июля 1918 г. американский генеральный консул Гаррис писал в государственный департамент США из Иркутска: «...я рекомендую интервенцию против большевиков, предлагаю тщательно разработанную союзную интервенцию американских, французских, китайских и японских войск» [4].

К 1917 году Сибирь имела свои некоторые особенности сложившимися обстоятельствами. В то же время отдельные районы самой Сибири значительно отличались друг от друга в географическом, социальном и экономическом отношениях. В дореволюционной Сибири промышленность была слабо развита. Отсутствовало помещичье землевладение. Крестьянство было более зажиточным по сравнению с крестьянством Европейской России. Экономическая отсталость, преобладание крестьянства, большая группа коренных малочисленных народностей затрудняли установление здесь Советской власти.

Иностранная военная интервенция началась на Дальнем Востоке с высадки во Владивостоке

японских войск 4 апреля 1918 г., почти одновременно с высадкой десанта интервенты организовали мятеж чехословацкого корпуса. Формирование чехословацкого корпуса на территории России из пленных чехословаков началось еще в 1916 г. Советское правительство было заинтересовано в отправлении чехословацкого корпуса за пределы республики. После заключения Брестского мирного договора 26 марта 1918 г. СНК РСФСР дал свое согласие на отправку корпуса во Францию через Владивосток «как группу свободных частных граждан, но не в виде войсковых частей». По разным данным, корпус насчитывал около 40 000–50 000 человек. Авторы «Истории Сибири» считают, что корпус насчитывал до 60 000 человек [5, с. 91].

По мере развертывания вооруженной интервенции изменилась военно-политическая обстановка в Сибири, она оказалась отрезанной от центральных районов Советской России. Захватив огромную территорию, интервенты помогли внутренней контрреволюции установить власть белогвардейских правительств. Едва только начался чехословацкий мятеж, как возникло первое эсеровское «правительство» в лице так называемого «Западно-Сибирского эмиссариата». Из числа крупных «правительств» выделялись «Комитет членов Учредительного собрания» в Самаре, на Урале – «Уральское временное автономное правительство». Во все эти правительства входили эсеры и представители других мелкобуржуазных партий, в том числе меньшевики. Белогвардейские правительства, прикрываясь маской «демократии», являлись центрами сплочения контрреволюции, целью которых было восстановление буржуазного строя. Убийство партийных и советских работников, захваченных в плен красногвардейцев, рабочих и крестьян стали массовым явлением. 10–13 июля 1918 г. отряд белогвардейцев сопровождал партию арестованных советских работников в Минусинскую тюрьму. Над арестованными предпринимались самые гнусные приемы издевательства: их сажали в холодные погреба – подвалы со льдом, принуждали 3–4 версты бежать наравне с лошадьми. Кто не мог двигаться, зарывали полуживыми в могилу, вырытую самими же арестованными [6].

С первых же дней сибирская контрреволюция взяла курс на военную диктатуру. Идея установления военной диктатуры, поддерживаемая США, Англией и Францией, уже давно культивировалась в среде внутренней буржуазно-помещичьей контрреволюции. В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. в Омске был произведен правительственный переворот. Военным диктатором – «Верховным правителем и верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России» был провозглашен адмирал А. В. Колчак. 18 ноября 1918 г. в обращении к населению А. В. Колчак заявил, что главной своей целью он ставит создание боеспособной армии, победу над большевиками.

С приходом к власти А. В. Колчака в Сибири была открыто установлена диктатура махровой белогвардейщины. Сибирская контрреволюция создала нечто свое – тюрьмы на колесах, которые вошли в историю под названием «эшелонов смерти». Летом 1918 г. из Сызрани и Самары были отправлены на Дальний Восток первые шесть эшелонов арестованных, в которых везли пленных красноармейцев, советских и иностранных граждан, защищавших Советскую власть. Их везли несколько месяцев в товарных вагонах по 60–70 человек в каждом. Вагоны были грязные, без печей, хотя был мороз и большинство заключенных носило летнюю одежду. Эшелоны останавливались только на маленьких полустанках и глубокой ночью с тем, чтобы освободиться от мертвых. Трупы выбрасывали прямо на полотно железной дороги. В «эшелонов смерти» имелись и отдельные вагоны с женщинами. Издевательства над ними не поддаются описанию.

В конце ноября 1918 г. «эшелоны смерти» стали прибывать на станцию Никольск-Уссурийский. За время пути погибло 6000 человек. Из Никольска-Уссурийского смертники отправились обратно до Иркутска, откуда оставшиеся в живых направлялись в Александровский централ – каторжную и пересыльную тюрьму [7].

В приказе колчаковского генерала Розанова о расправах над партизанами указывалось: «...при занятии селений, захваченных ранее разбойниками (имеются в виду партизаны. – *Р. Х.*), требовать выдачи их главарей и вожаков, если этого не произойдет, а сведения о наличии таковых имеются, – расстреливать десятого. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать. Взрослое мужское население расстреливать поголовно, имущество, лошадей, повозки, хлеб и так далее отбирать» [8, с. 271].

Вся территория, подвластная А. В. Колчаку, была разделена на две части: прифронтовую и тыловую. Прифронтовая управлялась на основании Царского Устава о полевом управлении войск. Во главе губернии были постановлены «управляющие», ничем не отличающиеся от прежних губернаторов. Наряду с управляющими в губерниях все большую и большую власть приобретала непосредственно военщина в лице карательных отрядов белогвардейцев и интервентов.

Если гражданские власти встречали хотя бы малейшее сопротивление со стороны населения при проведении своих мероприятий, на выручку им тотчас приходили каратели. Основным средством «наведения порядка» на территории А. В. Колчак считал карательные экспедиции. Военщине были представлены самые широкие полномочия, вплоть до применения смертной казни.

Установление военной диктатуры готовилось союзниками и внутренней контрреволюцией, которое свершилось 18 ноября 1918 года в городе Омске. Его непосредственными исполнителями стали начальник Сибирской казачьей дивизии

полковник В. И. Волков и войсковые старшины И. Н. Красильников и А. В. Катанаев. Участник тех событий, член правительства кадет Г. К. Гинс подтвердил: «...факт свержения директории был признан» [9, с. 307]. Бывший член директории В. М. Зензинов в Париже издал в 1919 году сборник документов под названием «Государственный переворот адмирала Колчака». Сподвижник Колчака, кадет В. Н. Пепеляев, активный участник переворота, отметил в своем дневнике за 19 ноября: «...англичане довольны. Уорд заявил Колчаку, что английская часть в Омске находится в распоряжение адмирала».

Решающую роль в возведении Колчака «верховным правителем» России являлись английский генерал А. Нокс – глава военной миссии Великобритании в России и главком войск интервентов в Сибири французский генерал М. Жанен.

А. В. Колчак своим восшествием на пост «верховного правителя» был обязан и военному министру Великобритании Уинстону Черчиллю, который, выступая в палате общин британского парламента, заявил: «...британское правительство призвало Колчака к бытию при нашей помощи, когда необходимость потребовала этого» [10, с. 235]. Генерал В. Гревс, командир десятилетнего американского корпуса, признавал: «по моим наблюдениям, основным на донесениях, которые я получал, Колчак никогда не имел на своей стороне более 7 % населения» [10, с. 208].

30 ноября 1918 года омское правительство приняло постановление, в котором указывалось: «...виновный в посягательстве на жизнь, здоровье, свободу и вообще на неприкосновенность верховного правителя или на насильственное лишение его или совета министров власти или воспрепятствовании осуществлению таковой наказывается смертной казнью» [11, с. 17].

16 января 1919 года между адмиралом Колчаком и представителями стран Антанты было подписано соглашение о руководстве военными операциями в Сибири [12, с. 81]. На основе этого соглашения 19 января 1919 года Колчаком был отдан приказ о назначении генерала Жанена главнокомандующим союзными войсками, действующими в Сибири, а генерала Нокса сотрудником генерала Жанена по вопросу заграничного снабжения армий и по содействию в тыловой полосе организации и обучению формирующихся частей [13, д. 716, л. 1].

Союзники оказывали Колчаку большую материальную и моральную поддержку. Ярким подтверждением этому является телеграмма адмирала Колчака, отправленная 16 сентября 1919 г. военному министру Великобритании Уинстону Черчиллю: «...считаю отрядным долгом выразить Вашему превосходительству глубокую признательность за ту материальную помощь и сердечную поддержку, которую Великобритания оказывала нашей армии» [13, д. 715, л. 18].

Военный министр Англии У. Черчилль в своих воспоминаниях отмечал: «...британское пра-

вительство помогало Колчаку. Британские суда отправлялись во Владивосток вплоть до октября 1919 года, и в течение этого года общее количество доставленного на британских судах снабжения и снаряжения для сибирских армий выразилось приблизительно в 100 тысяч тонн вооружения, амуниции, обмундирования и одежды» [14, с. 193].

Не отставали и французы. Через два месяца Высокий комиссар Франции при Колчаке граф Маршель отмечал, что Франция, «верная своим высоким традициям, не переставала помогать России в борьбе с большевиками. Франция будет помогать России до конца в этой справедливой борьбе против врагов человечества» [15]. 4 октября 1919 года французский «высокий комиссар» при правительстве Колчака заявил корреспонденту телеграфного агентства, что с декабря 1918 года Франция расходовала на поддержку белогвардейцев в Сибири 50 миллионов франков ежемесячно [16, с. 22].

С приходом к власти Колчака в Сибири установилась диктатура белогвардейщины – «самая бешеная, хуже всякой царской» [17, с. 127]. Расстрелы десятков тысяч рабочих, писал В. И. Ленин, расстрелы даже меньшевиков и эсеров. Порка крестьян целыми уездами, публичная порка женщин.

Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца. Такова правда о Колчаке [17, с. 47].

Даже интервенты вынуждены были признать, что «жизнь человеческая там не стоила ни гроша...» [18, с. 177].

На восстановление Советской власти в Сибири стали подниматься рабочие и крестьяне. 19 июля 1919 года ЦК РКП (б) принимает специальное решение «О сибирских партизанских отрядах». В постановлении предписывалось местным партийным организациям установить тесную связь партизанских отрядов с частями Красной Армии. Организаторами этой борьбы были большевистские подпольные организации Сибири.

С осени 1918 г. в Восточной Сибири организовались партизанские отряды, во главе которых становятся партийный и советские работники, бывшие фронтовики. Первые партизанские отряды появились в Минусинском, Канском, Красноярском, Ачинском уездах Енисейской губернии. В декабре 1918 г. были созданы партизанские отряды в Иркутской губернии, Бурятии и в начале 1919 г. в Забайкалье. Партизаны создавали свои органы власти и управления: военно-революционные штабы или революционные комитеты, административные, хозяйственные и судебные органы. Новые суды руководствовались в своей деятельности постановлениями и инструкциями высших органов Советской власти на территории освобожденной от белогвардейцев – Объединенных Советов рабочих, крестьянских и партизанских депутатов, а также высших органов партизанских армий. Так, с 16 по 20 ноября 1919 г. Военно-революционный трибунал Шиткинского фронта рассмотрел 24 уголовных дела, из них три о контрреволюционных преступлениях. В одном приговоре пре-

дусматривалось: «Николая Кулакова, обвиняемого в выдаче румынам товарищей и действий как врага организации (партизанского отряда), предать смерти через расстрел» [19].

После разгрома армий Колчака и развала его тыла адмирал в декабре 1919 г. специальным поездом с 29 вагонами награбленного русского золота пробивался к восточной границе России. Рабочие, солдаты, крестьяне требовали ареста Колчака и возвращения золотого запаса и другого имущества, составляющего достояние Российской Советской Республики.

В Иркутск поезд с Колчаком прибыл вечером 15 января 1920 года, где белочехи, видя полную невозможность спасти Колчака, были вынуждены передать его Политцентру. Это был своеобразный выкуп за свободный выход из России [13, д. 825, л. 3].

Разгромом колчаковщины пытались воспользоваться эсеры и меньшевики, чтобы не допустить восстановления Советской власти в Восточной Сибири. С этой целью они образовали в Иркутске так называемый Политцентр. Для создания «демократической видимости» было принято постановление «О временном Сибирском совете народного управления», который должен был получить «верховную законодательную власть». Верховный совет народного управления собрался 12 января 1920 г. 16 января Совет «избрал» исполнительный орган власти в лице Политцентра, этим формальным актом придав ему вид «правительства» [20].

В декларации Политцентра говорилось, что он категорически отвергает всякую возможность учреждения на урезанной территории Сибири власти, претендующей на всероссийское представительство. Главная задача Политцентра была раскрыта заместителем председателя Политцентра меньшевиком Ахметовым в начале января 1920 г. на станции Иркутск в вагоне французского генерала Жанена. Высоким союзным комиссаром он заявил: «...мы предлагаем здесь организовать буферное государство, демократическое правительство не покидает мысль о борьбе с большевизмом» [21, с. 205].

Но «демократическое правительство» не собиралось ломать аппарат колчаковского правительства. Политический центр стремился лишь слегка демократизировать аппарат управления. Колчаковские министерства были переименованы в «ведомства», в которые вошли и бывшие министры Колчака. Так, министр юстиции колчаковского правительства Г. Б. Патушинский был назначен уполномоченным по ведомству юстиции. Для достижения своих целей политцентровцы использовали и остатки колчаковской армии. 12 января 1920 г. было принято постановление, которое предписывало оставлять на службе всех мобилизованных в колчаковскую армию. 21 января 1920 г. Политцентр был смещен и власть перешла к Иркутскому военно-революционному комитету.

Следует отметить, что эсеро-меньшевистский Политцентр, в руках которого официально находилась власть в г. Иркутске, в то время никаких мер к задержанию и аресту Колчака, а также к спасению золота не предпринимал. Аресту Колчака способствовала высокая бдительность Иркутского губкома РКП (б) и рабочих Нижнеудинска, Черемхово, Иркутска. Иркутская партийная организация приняла все меры к тому, чтобы Колчак был арестован, а состав с золотом не вышел из Иркутска [13, д. 203, л. 3].

В 1920 г. интересы России требовали создания Дальневосточной республики – буферного государства. Красная Армия тогда не могла продвигаться дальше Иркутска. В противном случае пришлось бы Советской России вести войну с Японией. 6 апреля 1920 г. в Улан-Удэ была провозглашена Дальневосточная республика, в которую вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская и Сахалинская области. Но вначале власть ДВР распространилась фактически лишь на территории Прибайкалья. В ДВР пришлось сделать отступление от Советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата.

5 января 1920 г. для проведения следствия по делу правительства адмирала Колчака были образованы городские и уездные следственные комиссии, которые имели следующие права: «...освобождать лиц, задержанных без достаточных тому оснований. Производить дознание о лицах, задержание коих признано необходимым ввиду опасности их для образовавшейся народной власти и общественного спокойствия. Производить обыски, выемки и аресты через местные власти» [1, с. 73].

7 января 1920 г., еще до ареста Колчака, решением Политцентра была создана Чрезвычайная следственная комиссия в составе: К. А. Попова (председатель), В. П. Денике (заместитель председателя, меньшевик, доцент юридического факультета Иркутского университета), Г. Г. Лукьянчикова (эсер), Н. А. Алексеевского (эсер) [22].

Эсеро-меньшевистская комиссия, созданная Политцентром, рассматривала Колчака не как врага, а скорее, как своего неудачливого предшественника. Представители Политцентра были едины с Колчаком в его борьбе против Советской власти. На то, что Колчак не видел в членах Чрезвычайной следственной комиссии «своих решительных и последовательных врагов», указывал и бывший председатель этой комиссии К. А. Попов [23, с. 3].

Допрос Колчака начался 21 января 1920 года. К моменту первого допроса Колчака дни Политцентра были сочтены. 21 января 1920 года власть перешла к Военно-революционному комитету. В связи с переходом власти в руки Советов Чрезвычайная комиссия была реорганизована в Губернскую Чрезвычайную следственную комиссию. Председателем этой комиссии с правами комиссара юстиции был назначен председатель Иркутской губернской ЧК большевик С. Чудновский [13, д. 864, л. 2].

На следственную комиссию была возложена большая ответственность – вскрыть суть колчаковщины, ее цели, методы деятельности, доказать те преступления, которые были совершены Колчаком и его министрами.

Во время допросов А. В. Колчака шаг за шагом развертывалась картина связей «верховного правителя» с деятелями Временного правительства России и буржуазных партий, а также с представителями США, Англии, Франции и Японии. Первые допросы свелись к личной биографии Колчака, его службе на флоте, участию в северной экспедиции, командованию Черноморским флотом до лета 1917 г., событиям Февральской революции, о встречах с Плехановым, Керенским и другими, о поездке в Англию, США осенью 1917 г. А. В. Колчак обходил вопрос о подлинных целях встреч с деятелями Временного правительства и буржуазных партий. Он все время отрицал свое отношение к политике, рассказывал коротко о встречах с Вильсоном – Президентом США, Джеллико – командующим английским флотом и другими руководителями, что в ходе этих бесед обсуждались не только и не столько вопросы военно-морского дела, на что все время упирал А. В. Колчак, сколько вопросы подготавливаемой против России интервенции. Но на одном из допросов он заявил: «...вся интервенция мне представлялась в форме установления чужого влияния на Дальнем Востоке» [24, с. 40–46]. Грызня и дразги внутри белогвардейского лагеря, о которых был вынужден рассказывать на допросах А. В. Колчак, явились отражением той борьбы, которая велась союзниками за разграничение сфер влияния, за захват отдельных районов России. Особенно ярко эти противоречия проявились во взаимоотношениях между А. В. Колчаком – ставленником США и белогвардейским атаманом Семеновым, которого всемерно поддерживала Япония. На допросе 28 января и 6 февраля 1920 г. А. В. Колчак признался, что за Семеновым стояли японцы [23, с. 111, 237]. В свою очередь, атаман Семенов о своем отношении к А. В. Колчаку заявил следующее: «...адмирал А. В. Колчак, находясь на Дальнем Востоке, всячески старался противодействовать успеху моего отряда, благодаря чему отряд остался без обмундирования и припасов, имевшихся тогда в распоряжении адмирала Колчака, а посему признать Колчака как Верховного правителя государства я не могу» [13, д. 716, л. 10].

В ходе допросов было установлено, что в июле 1917 года Временное правительство посылает Колчака во главе военной миссии в Америку. Во время допроса Колчак обходил вопрос о подлинных целях его встреч и бесед с Вильсоном – Президентом США и другими руководителями Антанты [23, с. 93–100].

Известие о победе Великой Октябрьской социалистической революции и Брестском мире застало Колчака в Японии. «Для меня это было самым тяжелым ударом», – сказал Колчак на допросе. 27 января 1920 г. Колчак пояснил, что он

заявил английскому посланнику, что правительство, которое заключает мир, он не признает. «Я не ставлю никаких условий, а только прошу дать мне возможность вести активную борьбу» [23, с. 96], – просил Колчак у Антанты.

В ходе допросов Колчак показал, что английский генерал Холл говорил ему, что положение в России «может спасти только военная диктатура» [23, с. 94]. Последующие допросы Колчака показали, что ему была дана возможность вести борьбу с Советской Россией, и он был отправлен за назначением в штаб английской армии в Индии. Однако хозяева изменили свое решение, и в марте 1918 года Колчак появился в центре дальневосточной контрреволюции – в Харбине.

Колчак заявил членам следственной комиссии, что «приказ, отданный Советом рабочих и солдатских депутатов, не является ни законом, ни актом, который следовало бы выполнять» [23, с. 51].

Колчак считал революцию 1905 года «выражением негодования народа за проигранную войну, что главная задача заключается в том, чтобы воссоздать вооруженную силу государства» [23, с. 36].

Наиболее щедрую помощь Колчаку оказывали США, и Колчак, пытавшийся во время допросов 28 января 1920 года всячески обелить своих хозяев, был вынужден признать это. Об этом же свидетельствуют его показания во время допроса 4 февраля 1920 г. [23, с. 194]. На допросе 28 января и 6 февраля 1920 г. Колчак признался, что за Семеновым стояли японцы [23, с. 111, 237]. В ходе допросов Колчака было установлено, что он являлся ярким монархистом [23, с. 49], сторонником единоличной военной диктатуры [23, с. 150, 165].

6 февраля Колчак показал, что им были отданы распоряжения о повышении наказания до смертной казни [23, с. 212].

Стремление уйти от ответственности, переложить свою вину на подчиненных ему и других лиц проходит красной нитью через все допросы Колчака. Но перед многочисленными фактами расстрелов без суда, широкого применения института заложников, телесных наказаний и пыток, практики приговора к расстрелу «заочно» он был вынужден признать свою осведомленность в происходившем [23, с. 191, 192, 198, 202–203, 209, 211, 213] и, следовательно, свою ответственность за это.

Характерным для показаний Колчака является его заявление на допросе 6 февраля по поводу зверств, которые совершались отдельными частями его армии: «...ввиду общего правила это мне неизвестно, в отдельных случаях я допускаю» [23, с. 113]. Вместе с тем Колчак был глубоко убежден, что «режим имеет право бороться всеми способами, которые только возможны» [23, с. 211].

На допросе 30 января 1920 года Колчак, объясняя причину ареста многочисленных лиц, признался: «...я помню, что значительное число было арестовано по совершенно неосновательным причинам» [23, с. 129]. На вопрос следственной комиссии, «принимались ли меры Колчаком к привлечению виновных к суду и ответственности,

когда факты самочинных арестов и расстрелов устанавливались», Колчак ответил: «...такие вещи никогда не давали основания для привлечения к ответственности – было невозможно доискаться» [23, с. 130].

6 февраля 1920 г. Колчаку был задан вопрос по поводу действий генерала Розанова, о сжигании им сел и деревень. Колчак ответил: «я знал два или три таких случая, где деревни были сожжены, и я признал это правильным» [23, с. 237].

Допрос Колчака 6 февраля 1920 г. был последним. К этому времени резко изменилась обстановка в Иркутске: к городу стали стягиваться части колчаковского генерала Каппеля, зашевелилась и иркутская белогвардейщина.

Тюрьма, в которой находился Колчак, дважды обстреливалась из пулеметов [13, д. 931, л. 7]. Белогвардейцы совершили две попытки освободить Колчака под видом вывоза для допроса, при этом они предъявили поддельные документы от имени ревкома. Только благодаря бдительности охраны из рабочих дружин эти попытки сорвались [24, с. 143].

В ревком был доставлен ряд прокламаций, в которых население призывалось к выступлению против Советской власти и освобождению Колчака [24, с. 143]. 6 февраля 1920 г. Иркутск был со всех сторон окружен белыми отрядами, которые предъявили ревкому ультиматум. В ультиматуме, предъявленном генералом Войцеховским, выдвигались требования вывести из города революционные войска, выдать Колчака и золотой запас. В случае отказа грозили разгромить Иркутск.

Чрезвычайная следственная комиссия сообщила ревкому, что материалами следствия достаточно определена степень виновности Колчака и его министров в преступлениях против народа. Комиссия представила ревкому список из 18 человек, подлежащих немедленному расстрелу. «Рассмотрев список, ревком выделил из него только 2 человек – Колчака и Пепеляева. “...Основываясь на данных следственного материала и постановлениях Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Республики, объявившего Колчака и его правительство вне закона, Иркутский военно-революционный комитет постановил: 1) бывшего верховного правителя – адмирала Колчака, 2) бывшего председателя Совета министров – Пепеляева расстрелять.

Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв”» [15, № 14].

На рассвете 7 февраля постановление ревкома было зачитано Колчаку и Пепеляеву Чудновским и приведено в исполнение.

В январе 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли решение об отмене смертной казни. Только угроза захвата Иркутска частями колчаковского генерала Каппеля вынудила пойти на расстрел А. В. Колчака вместо предполагавшейся его отправки после следствия на суд в Москву [27, с. 273].

Иркутская следственная комиссия вела также допрос министров А. В. Колчака. Было собрано большое количество материалов, свидетельских показаний, разоблачающих антинародный характер колчаковщины. Но ввиду того, что в мае 1920 г. для разбора дел об особо опасных контрреволюционных преступлениях, имеющих общегосударственное значение, был создан Сибирский чрезвычайный революционный трибунал в г. Омске, суд над колчаковскими министрами был перенесен туда. Виновность в совершении преступлений, сидевших на скамье подсудимых бывших министров, сообщников А. В. Колчака Червен-Водали, Шумиловского, Ларионова, Клафтона, полностью была доказана, и ревтрибунал приговорил их к расстрелу.

В настоящее время историческая и художественная литература пополняется новыми монографиями и статьями о Колчаке, в которых сочетаются различные оценки Колчака как моряка, Колчака как исследователя, Колчака как патриота своего Отечества.

В исторической литературе некоторые авторы в своих многочисленных статьях и монографиях обвиняли адмирала Колчака в тяжких преступлениях, но в настоящее время пытаются его реабилитировать. Например, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР И. Ф. Плотников в советское время издал следующие монографии о героизме борцов против колчаковщины: «Десять тысяч героев» (1967), «Героическое подполье» (1968), «В белогвардейском тылу» (1972), «Героическая эпопея уральской партизанской армии Блюхера» (1981). В настоящее время И. Ф. Плотников считает адмирала Колчака «выдающимся сыном России», «политическим деятелем нашего Отечества».

Проанализировав весь ход допросов А. В. Колчака, а также фактический материал, имевшийся в распоряжении чрезвычайной следственной комиссии и других комиссий по делу правительства адмирала А. В. Колчака, научную литературу, данные специальных сборников официальных документов и архивные материалы, приходим к следующим выводам: следствие по делу адмирала Колчака позволяет нам вскрыть сущность колчаковщины, цели и задачи иностранной интервенции в России; установление власти адмирала А. В. Колчака было организовано и обеспечено материально странами Антанты под эгидой США; следствие отметило позитивную деятельность А. В. Колчака как члена Российского Географического Общества; материалы чрезвычайной следственной комиссии и архивов с достаточной полнотой изобличают А. В. Колчака в антинародном характере его власти, в недопустимых методах осуществления его диктатуры; следствие по делу А. В. Колчака и его расстрел были произведены в полном соответствии с нормативными актами Советского государства, объявившего Колчака с его правительством вне закона постановлением иркутского революционного комитета.

Библиографический список

1. Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. Москва: Центрполиграф, 2009. 591 с.
2. Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда. Москва; Петроград: Государственное издательство, 1923. 269 с.
3. Известия Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918 г., 25 апреля.
4. Недобитые // Правда. 1969. 11 мая.
5. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 4. Ленинград: Наука. Ленигр. отд-ние. 1968. 501 с. URL: <http://irkipedia.ru/node/3644/%E2%80%A6>.
6. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 1763. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.
7. Поезд смерти: сборник воспоминаний. Куйбышев: Кн. изд-во, 1960. 156 с.
8. Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. 1918–1922: в 3 т. Т. 2. Москва: Сов. Россия, 1961. 895 с.
9. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920. Пекин: Типо-литография Русской духовной миссии, 1921. Т. 1. Ч. 1. 696 с.
10. Гревс В. Американская авантюра в Сибири. 1918–1920. Москва: Гос. военное изд., 1932. 248 с. URL: https://istoriki.ru/istoricheskie-temy/rossiya_vo_vremya_grazhdanskoy_voyny_i_interventsi/grazd_voyna_publicistika/196-amerikanskaya-aventyura-v-sibiri-1918-1920.html.
11. Голуб П. А. В застенках Колчака. Правда о белом адмирале. Москва: Патриот, 2010. 134 с. URL: <https://b-ok2.org/book/2839842/9113ad>.
12. Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. 1918–1922: в 3 т. Т. 1. Москва: Сов. Россия, 1960. 832 с.
13. Партархив Иркутского обкома КПСС. Ф. 300. Оп. 1. Д. 716. Л. 1.
14. Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. Москва: Центрархив, 1934. 236 с. URL: https://istoriki.ru/istoricheskie-temy/rossiya_vo_vremya_grazhdanskoy_voyny_i_interventsi/151-yaponskaya-intervenciya-1918-1922-gg-v-dokumentah.html.
15. День солдата. Омск. 1919 г., 4 августа.
16. Папин Л. М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. Москва, 1957. 224 с.
17. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39. Москва: Госполитизат, 1963. 623 с. URL: <http://leninvi.com/t39>.
18. Центральный государственный архив Советской Армии. Ф. 37747.
19. Государственный архив Иркутской области. Ф. 42. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.
20. Колчаковщина из белых мемуаров / под ред. Н. А. Корнатовского. Ленинград: Изд. Красная газета, 1930. 240 с. URL: https://istoriki.ru/istoricheskie-temy/rossiya_vo_vremya_grazhdanskoy_voyny_i_interventsi/grazd_voyna_dokumentalnyye_istochniki/188-kolchakovschina-iz-belyh-memuarov.html.

21. Власть труда. 1920. 11 января.
22. Допрос Колчака / под ред. и с предисл. К. А. Попова. Ленинград: Государственное издательство, 1925. 272 с. URL: <http://militera.lib.ru/db/kolchak/index.html>.
23. Хачатуров Р. Л. Процесс над Колчаком // Вопросы государства и права: материалы юридической секции теоретической конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Иркутск, 1968. 103 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37023024>.
24. Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск: Кн. изд-во, 1960. 291 с. URL: <https://b-ok.cc/book/3514872/6a2ca3>.
25. Известия Иркутского губернского военно-революционного комитета. 1920. 8 февраля. № 14.
26. Разгром Колчака: воспоминания. Москва: Воениздат, 1969. 295 с.

References

1. Drovkov S. V. *Admiral Kolchak i sud istorii* [Admiral Kolchak and the court of history]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2009, 591 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=227942&p=1> [in Russian].
2. Ward J. *Soyuznaya interventsia v Sibiri 1918–1919 gg. Zapiski nachal'nika angliiskogo ekspeditsionnogo otryada polkovnika Dzhona Uorda* [With the «Die-Hards» in Siberia]. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923, 269 p. [in Russian].
3. *Izvestiya Vserossiiskogo Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov* [News of the All-Russian Central Executive Committee of the Soviets of Workers, Soldiers and Peasants' Deputies], 1918, April 25 [in Russian].
4. *Nedobitye* [Not killed]. *Pravda*, 1969, May 11 [in Russian].
5. *Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei. T. 4* [History of Siberia from ancient times to the present day. Vol. 4]. Leningrad: Nauka. Lenigr. otd-nie, 1968, 501 p. Available at: <http://irkipedia.ru/node/3644/%E2%80%A6> [in Russian].
6. *GAKK (Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia)* [GAKK (State Archive of the Krasnoyarsk Region)]. F. 1763. Op. 1. D. 47. L. 6 [in Russian].
7. *Poezd smerti: sbornik vospominanii* [Train of Death: A Collection of Memories]. Kuibyshev: Kn. izd-vo, 1960, 156 p. [in Russian].
8. *Iz istorii grazhdanskoi voiny v SSSR: Sbornik dokumentov i materialov. 1918–1922: v 3 t. T. 2* [From the history of the Civil War in the USSR: Collection of documents and materials. 1918–1922: in 3 vols. Vol. 2]. Moscow: Sov. Rossiya, 1961, 895 p. [in Russian].
9. Guins G. K. *Sibir', soyuzniki i Kolchak. 1918–1920* [Siberia, Allies and Kolchak]. Peking: Tipo-litografiya Russkoi dukhovnoi missii, 1921, vol. 1, part 1, 696 p. [in Russian].
10. Graves V. *Amerikanskaya aventyura v Sibiri. 1918–1920* [American adventure in Siberia. 1918–1920]. Moscow: Gos. voennoe izd., 1932, 248 p. Available at: https://istoriki.ru/istoricheskie-temy/rossiya_vo_vremya_grazhdanskoy_voyny_i_interventsi/grazd_voyna_publicistika/196-amerikanskaya-aventyura-v-sibiri-1918-1920.html [in Russian].

11. Golub P. A. *V zastenках Kolchaka. Pravda o belom admirale* [In the dungeons of Kolchak. The truth about the white admiral]. Moscow: Patriot, 2010, 134 p. Available at: <https://b-ok2.org/book/2839842/9113ad> [in Russian].
12. *Iz istorii grazhdanskoi voyny v SSSR: Sbornik dokumentov i materialov. 1918–1922: v 3 t. T. 1* [From the history of the Civil War in the USSR: Collection of documents and materials. 1918–1922: in 3 vols. Vol. 1]. Moscow: Sov. Rossiya, 1960, 832 p. [in Russian].
13. *Partarkhiv Irkutskogo obkoma KPSS* [Party archive of the Irkutsk regional committee of the CPSU]. F. 300. Op. 1. D. 716. L. 1 [in Russian].
14. *Yaponskaya interventsia 1918–1922 gg. v dokumentakh* [Japanese intervention 1918–1922 in documents]. Moscow: Tsentrarkhiv, 1934, 236 p. Available at: <https://istoriki.su/istoricheskie-temy/rossiya-vo-vremya-grazhdanskoy-voyny-i-interventsi/151-yaponskaya-interventsiya-1918-1922-gg-v-dokumentah.html> [in Russian].
15. *Den' soldata* [Soldier's day]. Omsk, 1919, August 4 [in Russian].
16. Papin L. M. *Krakh kolchakovshchiny i obrazovanie Dal'nevostochnoi respubliki* [The collapse of the Kolchak region and the formation of the Far Eastern Republic]. Moscow, 1957, 224 p. [in Russian].
17. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 39* [Complete set of works. Vol. 39]. Moscow: Gospolitizdat, 1963, 623 p. Available at: <http://leninvi.com/t39> [in Russian].
18. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sovetskoi Armii* [Central State Archive of the Soviet Army]. F. 37747 [in Russian].
19. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti* [State Archive of Irkutsk Region] F. 42. Op. 1. D. 87. L. 1 [in Russian].
20. *Kolchakovshchina iz belykh memuarov. Pod red. N. A. Kornatovskogo* [Kolchakism from white memoirs. N. A. Kornatovsky (Ed.)]. Leningrad: Izd. Krasnaya gazeta, 1930, 240 p. Available at: <https://istoriki.su/istoricheskie-temy/rossiya-vo-vremya-grazhdanskoy-voyny-i-interventsi/grazd-voina-dokumentalnyye-istochniki/188-kolchakovshchina-iz-belyh-memuarov.html> [in Russian].
21. *Vlast' truda* [Power of labor], 1920, January 11 [in Russian].
22. *Dopros Kolchaka: pod red. i s predisloviem K. A. Popova* [Interrogation of Kolchak: edited by and with a preface by K. A. Popov]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925, 272 p. Available at: <http://militera.lib.ru/db/kolchak/index.html> [in Russian].
23. Khachaturov R. L. *Protsess nad Kolchakom* [Proceedings on Kolchak]. In: *Voprosy gosudarstva i prava: materialy yuridicheskoi sekcii teoreticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii* [State and law issues: materials of the legal section of the theoretical conference dedicated to the 50th anniversary of the Great October Socialist Revolution]. Irkutsk, 1968, 103 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37023024> [in Russian].
24. Solodyankin A. G. *Kommunisty Irkutsk v bor'be s kolchakovshchinoi* [Communists of Irkutsk in the fight against Kolchak]. Irkutsk: Kn. izd-vo, 1960, 291 p. Available at: <https://b-ok.cc/book/3514872/6a2ca3> [in Russian].
25. *Izvestiya Irkutskogo gubernskogo voenno-revolyutsionnogo komiteta* [News of the Irkutsk Provincial Military Revolutionary Committee], 1920, February 8, no. 14 [in Russian].
26. *Razгром Kolchaka: vospominaniya* [The defeat of Kolchak: memories]. Moscow: Voenizdat, 1969, 295 p. [in Russian].

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО CONSTITUTIONAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-107-115
УДК 342.41

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 13.02.2019
после рецензирования / Revised: 27.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Х. П. Г. Бригос

Кубинский Институт философии

Министерства науки, технологии и окружающей среды Кубы, г. Гавана, Куба

E-mail: jbrigos51@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ КУБЫ 2019 ГОДА И КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: Статья посвящена особенностям развития современного кубинского общества и средств управления его делами на основе анализа основных концептуальных положений новой Конституции Кубинской Республики 2019 года. Автор анализирует особенности формирования отдельных конституционных понятий и категорий, детально рассматривает сущность концепции правового государства в условиях социалистического пути развития кубинского общества, изучает особенности многообразия форм собственности на Кубе и значение организующей роли Коммунистической партии Кубы в вопросах осуществления государственного управления. Автор заявляет о необходимости внесения изменений в действующее кубинское законодательство на основе перспективности новых форм участия граждан в делах управления обществом и государством. Статья представляет значительный интерес для российских юристов, поскольку изложена с позиции синергетического подхода философии, политологии и юриспруденции к формам и способам существования идеологических правовых систем современного мира (на примере Кубы XXI века).

Ключевые слова: современное кубинское общество, новая Конституция Кубы 2019 г., социалистическое правовое государство, разделение властей, разделение функций государственной власти, формы собственности, конституционная реформа на Кубе.

Благодарности. Автор выражает благодарность Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (МАТГиП) за организационную помощь в опубликовании статьи, а также председателю Самарского регионального отделения МАТГиП, канд. юрид. наук, доценту М. Ю. Спирину за подготовку текста к печати, согласование его с автором и выверку на соответствие лингвистическим правилам русского языка.

Цитирование. Бригос Х. П. Г. Особенности новой Конституции Кубы 2019 года и концепция социалистического правового государства // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 107–115. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-107-115>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

J. P. G. Brigos

Cuban Institute of Philosophy of the Ministry of Science, Technology and Environment of Cuba, Havana, Cuba

E-mail: jbrigos51@gmail.com

FEATURES OF THE NEW CONSTITUTION OF CUBA IN 2019 AND THE CONCEPT OF A SOCIALIST STATE BASED ON THE RULE OF LAW

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of the development of modern Cuban society and the means of managing its affairs based on the analysis of the main conceptual provisions of the new Constitution of the Cuban Republic in 2019. The author analyzes the features of formation of a separate constitutional concepts and categories, examines the essence of the concept of the rule of law in a socialist path of development of Cuban society, studying features of diverse forms of ownership in Cuba and the importance of the organizing role of the Communist party of Cuba in matters of governance. The author states that it is necessary to make changes to the current Cuban legislation based on the prospects for new forms of participation of citizens in the management of society and the state. The article is of considerable interest to Russian lawyers, since it is presented from the position of a synergetic approach of philosophy, political science and jurisprudence to the forms and ways of existence of ideological legal systems of the modern world (on the example of Cuba of the XXI century).

Key words: modern Cuban society, new Constitution of Cuba 2019, socialist legal state, separation of powers, division of functions of state power, forms of ownership, constitutional reform in Cuba.

Acknowledgements. The author is grateful to the Interregional Association of Theorists of State and Law (MATGiP) for organizational assistance in publishing the article, as well as to the Chairman of the Samara regional branch of MATGiP, Candidate of Legal Sciences, associate professor M. Yu. Spirin for preparing the text for printing, coordinating it with the author and checking it for compliance with the linguistic rules of the Russian language.

Citation. Brigos J. P. G. *Osobennosti novoi Konstitutsii Kuby 2019 goda i kontseptsiya sotsialisticheskogo pravovogo gosudarstva* [Features of the new Constitution of Cuba in 2019 and the concept of a socialist state based on the rule of law]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 107–115. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-107-115> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Хесус Пастор Гарсия Бригос – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Кубинский Институт философии Министерства науки, технологии и окружающей среды Кубы, Cuba, La Habana, Calle Linea Street, 8, 10400.

Тема кандидатской диссертации: «Особенности взаимодействия эмпирического и теоретического в физическом познании». Автор 189 научных работ, в том числе книги «Система народной власти и обновление экономической модели: необходимые и возможные изменения (народная власть, основы и эволюция будущего)» (2019)

Область научных интересов: противоречия при социалистическом преобразовании: взаимоотношения политико-экономических и идеологических представлений; политика при социалистических преобразованиях: необходимые новые подходы к государству, праву; собственность как центральная категория в изучении и практике функционирования общества.

Сегодняшняя Куба находится на новом этапе развития, который связан с происходящим процессом самокритичного анализа революционных преобразований на основании руководящих указаний Рауля Кастро, данных в июле 2007 года. Текущий процесс самокоррекции развития кубинского общества начиная с 2007 года находит свое отражение в дискуссиях по поводу основных направлений экономической и социальной политики Коммунистической партии Кубы в период 2011–2015 гг. в процессе анализа партийными органами Основных целей для работы в данный период как документа, окончательно утвержденного в ходе работы I Национальной Конференции Коммунистической партии, и имеет особое значение в процессе подготовки к проведению VII Съезда Коммунистической партии, на котором приняты важные политические нормативные документы. После работы данного Съезда в 2019 году была утверждена новая Конституция Республики Куба, которая принципиально связана с нормативными документами, утвержденными партийными съездами и Национальной Ассамблеей Народной власти как верховным органом государственной власти Кубы.

С принятием и вступлением в силу новой Конституции открываются новые возможности для проведения системных изменений, которых требует развития современного кубинского общества после 60 лет революционных преобразований. Конституция 2019 года призвана играть роль особой «объединяющей осью», генерирующей необходимое взаимодействие с партийными документами и с основными концепциями и подходами, предложенными начиная с VI Съезда Коммунистической партии. В то же время анализ действительности позволяет отмечать те вызовы, для успешного противодействия которым политическому руководству страны и представителям гражданского общества недостаточно лишь декларировать свою политическую волю на продолжение социалистического развития Кубы.

В какой же степени новая Конституция отвечает объективным требованиям текущего момента в кубинском обществе?

Сущность этих требований выражена генералом армии, Первым секретарем Центрального ко-

© Jesus Pastor Garcia Brigos – Doctor of Philosophy, senior research scientist, Cuban Institute of Philosophy of the Ministry of Science, Technology and the Environment of Cuba, 8, Calle Linea Street, La Habana, 8, 10400, Cuba.

Subject of Candidate's thesis: «Features of interaction of empirical and theoretical in physical knowledge». Author of 189 scientific papers, including book «System of people's power and updating the economic model: necessary and possible changes (people's power, foundations and evolution of the future)» (2019)

Research interests: contradictions in the socialist transformation: relationship of political-economic and ideological representations; politics under socialist transformations: necessary new approaches to the state and law, property as a central category in the study and practice of the functioning of society.

митета Коммунистической партии Кубы Раулем Кастро на Национальной конференции партии 28 января 2012 года: «...отойти от тяжести старого менталитета и закалять с преобразующей целеустремленностью большую политическую чувствительность, видение настоящего и будущего нашей Родины, не забывая ни на секунду наследство Марти и доктрины марксизма-ленинизма, которые образуют главное идеологическое основание нашего революционного процесса»¹.

Избежать всего того, что могло бы вводить в действие т. н. «ржавые орудия», которые были свойственны предшествующему началу коммунистических преобразований, и орудия, которые стали бы «ржаветь» при новых обстоятельствах социалистического преобразования, – это яркая метафора ответственности всего кубинского общества после VII Съезда Коммунистической партии и утверждения новой Конституции.

В этом смысле первая идея, которая сегодня, по прошествии 60 лет с момента провозглашенной социалистической ориентации Кубы, является еще более важной, чем в то время, когда кубинцы утвердили первую социалистическую Конституцию 1976 года, неотделимо связана с самим пониманием роли Конституции в процессе социалистического преобразования общества.

В настоящее время решающее значение приобретает глубокое осознание того факта, что Конституция социалистического государства, которое должно «укрепляться, чтобы отмирать», должна выйти за пределы т. н. «контракта» между государством, обществом и отдельными индивидами, перестать быть просто «инструментом» для установления механизма «контроля и равновесия» между отдельными элементами государства и общества, в конечном итоге изолированными и даже в чем-то противоположными друг другу.

Конституция совместно с иными программными документами кубинского народа *должна*

¹ «...dejar atrás el lastre de la vieja mentalidad y forjar con intencionalidad transformadora y mucha sensibilidad política la visión hacia el presente y el futuro de la Patria, sin abandonar, ni por un instante, el legado martiano y la doctrina del marxismo-leninismo que constituyen el principal fundamento ideológico de nuestro proceso revolucionario» (перевод с испанского автора).

стать средством для усиления продвижения к желаемому будущему, для построения такого будущего. Она должна представлять собой намного больше, чем т.н. «документ минимумов»; ей присуща ответственность в определении необходимых ориентиров общества для того, чтобы оно успешно продолжало идти вперед по пути коммунистического преобразования общества: *данный путь является «неизвестным»* потому, что он есть процесс метаболического, *целостного преобразования* общества, его функционирования и развития, соответствующий природе народа и отличающий его от всех предшествовавших социальных революций; коренное преобразование, которое должно сделать возможным общественное производство за пределами мира капитала и всех предшествующих этапов человеческой эволюции, но ни в коем случае данный путь не является «неизвестным» по причине того, что мы якобы не знаем, «куда, в каком направлении» мы хотим двигаться, что нам нужно менять и как мы предлагаем это делать. Этот путь не есть сумма предустановленных схем, а есть видение будущего общества в его непрерывном конструировании, в постоянном и противоречивом совершенствовании.

И в этом смысле необходимо понять, что такой процесс «выхода за пределы» мира капитала и враждебного частнособственнического общества предшествующего развития общественного процесса будет невозможным, если мы его будем мыслить и постараемся провести на основе таких же идей и практических действий, с помощью которых управляли общественным процессом до сих пор, с использованием соответствующих понятий и категорий, которые рождались и закреплялись в науке, в общественной деятельности (в том числе в политике и в экономике) и в социальном «здоровом смысле»; этот последний, как известно, настолько сильно влияет на людей в их ежедневной жизни и при этом унаследован обществом в качестве составной части т.н. «производственного разрушения», которое впоследствии становится «разрушающимся производством». Причина этому в том, что такие понятия и категории, определяющие традиционные черты прогресса на основе краткосрочных фрагментарных подходов, реализуются исключительно в рамках системы господства капитала.

В определенной мере, с некоторыми оттенками и по другим причинам такой подход присутствовал при объяснении процессов, которые провозглашались как социалистические и играли активную роль в т.н. *desmerengamiento* («раздроблении») социализма в Европе (как Фидель Кастро в свое время определил такой контрреволюционный процесс, который нам еще предстоит более глубоко исследовать).

В то же время коммунистическое преобразование общества является исторической необходимостью.

Мы можем представить себе образ, определяющий его, но не как какую-то «предопределенную модель», не как «что-то для возможного установ-

ления», а как определенные сущностные черты, в соответствии с которыми необходимо постоянно наработывать, «наращивать», «делать наброски» того пути, по которому следует двигаться, чтобы он становился динамической, противоречивой и самоподдерживающейся действительностью; необходимо продумывать и осуществлять на практике соответствующие прогрессивные действия, учитывая общественные изменения в контексте, но никогда просто так «адаптируясь» к переменам. При этом особенно важно: все эти действия становятся возможными лишь благодаря достигнутому уровню развития сознательности участников процесса преобразований, активной их вовлеченности в реформирование общественного процесса, а не довольствование простым пассивным результатом наблюдения за развитием материально-вещественных условий социальной жизни.

Необходимо выработать *четкое осознание будущего* на основе *разотчуждающего подхода*, который направляет движение общества за пределы мира отчуждения в понимании К. Маркса как действительно «гуманный» процесс, как стремление всех, кто борется за процесс коммунистического преобразования общества, последовательно делать все необходимое для разработки путей и способов движения вперед на основе такого осознания необходимого будущего; осознания будущего, картину которого должно систематически уточнять для устойчивого пути прогресса на основе анализа текущей социальной действительности и накопленного обществом опыта.

Именно это и является необходимым содержанием системной деятельности по управлению процессами функционирования общества, взаимосвязанной с системной природой самой этой действительности. При этом в содержании политики управления должен присутствовать «руководящий стержень», который следует принимать во внимание с самого начала коммунистического преобразования общества.

Решение данной задачи ставит перед нами необходимость разработки новых концептуальных подходов и практик, выработанных, исходя из выявленной сущности новой природы процесса производства, опираясь на накопленный опыт за эти более чем 100 лет практики социалистического строительства в СССР, на Кубе и в других странах мира, а также принимая во внимание необходимость *проактивного анализа* текущей действительности, а не осуществляя простой синтез предшествующей социальной истории.

Реальный опыт социальных преобразований XX века, особенно тот, который стал в дальнейшем почвой для контрреволюционных процессов капиталистической реставрации, весьма важен именно в последнем случае, когда мы исследуем причины провала этих преобразований, особенно причины идеологические и политические. На основании этого становится ясно, что в том случае, когда мы внимательно изучаем функционирование *государственного строя* в его двух ипостасях, таких как

само устройство общества [1] и как специфический политический институт внутри организации общества, в рамках «тканей общественной жизни» как отражение ее целостности, эти причины становятся наиболее видимыми.

Кубинский опыт, как известно, был начат в особых социальных реалиях и развивался в условиях постоянной осады и угроз самой мощной империалистической державы современности и с учетом наших успехов, а также недостатков и ошибок, изучение такого опыта имеет большое значение по отношению к необходимости учета новых подходов и понятий для понимания сущности социалистического преобразования общества, которая, к сожалению, еще недостаточно проанализирована (как в Академии, так и в текущей политической деятельности).

Наглядный пример этому – подход Фиделя Кастро, который выражен в его теоретическом мышлении и отражен в политической практике по отношению к содержанию *производительных сил общества* и к такой важной категории политической жизни, как категория «народ в политике», мышление и опыт которого отражают особую значимость новой социалистической этики в условиях генерирования и утверждения метаболизма коммунистического способа производства.

Для того чтобы наша новая Конституция эффективно действовала, способствуя успешному функционированию коммунистического способа производства нашего общества, в ней должно быть с предельной точностью и кристально ясно отражено новое содержание таких понятий, как:

- а) «политика как публичная деятельность»;
- б) «государство как устройство, *сама организация общества* и как *специализированный политический институт* в рамках такого устройства»;
- в) «собственность как система отношений».

В новой Конституции 2019 года в качестве значительного вклада в ее последующее развитие предлагается рассматривать закрепленное определение Кубы как «*социалистического правового государства*». Нужно очень внимательно проанализировать такое определение, а не просто игнорировать сущность категории «*правовое государство*», принцип разделения властей в которой, как известно, унаследован от либеральной доктрины, которая ничего общего не имеет с процессом социалистического преобразования.

В этом смысле принципиально важно, чтобы в тексте Конституции действительное социальное устройство Кубы было ясно и наглядно представлено как после 1 января 1959 года, так и даже до этого принципиального момента, еще в Сиерре Маестре во время войны против диктатуры, в условиях Второго фронта, где было организовано правительство Раулем Кастро: необходимо обязательное подчинение всех лиц законам и, в частности, Конституции как элементам, которые способствуют артикуляции, упорядочиванию и направлению функционирования общественного устройства, преследуя определенные цели в соот-

ветствии с определенным осознанием перспектив развития общества; в нашем случае в соответствии с пониманием новой социальной природы процесса социалистического преобразования.

В то же время сама категория «правовое государство» в действующей политической теории не ограничивается только утверждением всеобщего подчинения законам и Конституции. Как это свойственно современным либеральным демократиям, само понятие правового государства является отражением необходимости способствовать консолидации общества, при этом общество, в котором место государства в действительности определяется и действует как нечто «внешнее», «отдельное» по отношению к индивидам для того, чтобы «покровительствовать» им, «защищать» их, перманентно воспроизводя разделение между «элитой» и «управляемыми индивидами»; при этом «элита» легитимируется определенными механизмами и принципами внешнего представительства, которые определяют управление индивидами на основе т. н. «императивного мандата».

Такое «покровительство» направлено, с позиции либеральной доктрины, на защиту индивидуальных прав, которые неразрывно связаны как между собой, так и с правами государства, но при этом являются предпосылкой и одновременно результатом системы *враждебной частной собственности*, которая воспроизводит отношения отчуждения как между людьми, так и между людьми, обществом и природой и преобладает в рамках длительного периода развития человеческого общества от разложения первичных общественных ячеек (родовых общин) до империалистической системы капитала как наивысшей степени ее развития. В значительном количестве случаев при выражении сущности такой системы основное внимание обращается именно к субъективным правам, а не к обязанностям (обязательствам или долгам) индивида. Для действительной реализации процесса разотчуждения необходимо принимать во внимание то сущностное составляющее, которое позволяет обратиться к диалектическому противоречию между субъективными правами и обязанностями индивидов при общественном производстве, что основано на кооперации свободных и всесторонне развитых индивидов и является как предпосылкой, так и результатом соответствующего общественного устройства, более способного к всестороннему и свободному саморазвитию, гармонично связанному с природой.

Основным принципом организации и деятельности правового государства, согласно учению Ш.-Л. Монтескье, является принцип «разделения властей» [2, с. 83]: «...ограничивая власть у существующей власти, можно достигнуть свободы», т. е. это возможно, если правительство управляет делами общества по закону. По Монтескье, «... есть три власти: законодательная, которая принимает законы; исполнительная, которая применяет законы в общих случаях, и судебная, которая применяет такие законы в частных случаях. При этом

каждая такая власть должна быть доверена только одному специфическому органу, независимому от всех других властей; только при условии такого разделения возможно осуществлять свободное управление делами общества» [3, p. 165].

Подобное «разделение властей», которое строится на базе права как теоретико-методологической системы регулирования и на основе законов как составных элементов функционирования права, помимо того, что не отражает отличительную особенность современного кубинского общества, текущий процесс социалистического преобразования, предлагает руководству социалистического государства, сущностью которого должно стать восстановление единства, «реунификация» отчужденных властей на этапах их развития до укрепления системы капитала *на основе консолидации всей системы власти с учетом ее новой природы как власти народа*, использовать категорию «народ» в качестве пустой абстракции или сугубо антропологического понятия, что в корне является неверным и противоречит концепции народа как исторического и конкретно-политического субъекта в соответствии с его сущностью, предложенной Фиделем Кастро в известной речи «История меня оправдает».

Если попробовать определить современное кубинское общественное устройство как «социалистическое правовое государство», то это будет являться весьма бедным и принципиально слабым концептуальным основанием для современного процесса социалистического преобразования и, более того, настоящим «оксюмороном», который можно предлагать для употребления в качестве продукта глубочайшего непонимания сущности кубинского социализма как процесса либо в качестве скрытого стремления приостановить кубинский социалистический процесс, конвертировать его в процесс контрреволюционный и далее – нанести ущерб кубинскому национальному устройству.

Другим принципиально важным аспектом новой Конституции Кубы выступает формулировка статьи 5, в тексте которой определяется место Коммунистической партии Кубы в политической системе кубинского общества.

В новой Конституции по-прежнему отсутствуют необходимые уточнения, которые помогли бы избежать отрицательного дублирования властных полномочий при работе партийных, государственных органов и общественных организаций, что по понятным причинам ослабляет роль и в конечном итоге эффективность и легитимность Коммунистической партии и в целом всех элементов, образующих новое единство социалистического государственного устройства.

Руководящая роль Коммунистической партии – это центральное понятие для современного кубинского общества.

В Конституции очень важно установить основные положения вопроса о единстве триады «Партия – государство – общество» как исходной первоосновы для последующих концептуальных

и организационных (функциональных) уточнений и дополнений. В новой редакции Конституции вновь присутствует положение, которое как будто бы вводит в заблуждение, о том, что общество, государство и Коммунистическая партия суть раздельные части, а не составные элементы нового социального единства; к тому же это положение при желании можно толковать, что кубинское общество и государство находятся *под управлением* кого-то от них отчужденного, отделенного, устанавливая, что Коммунистическая партия есть «*верховная, руководящая обществом и государством политическая сила*»².

Конечно, не следует отвергать авторитетность и главенствующую политическую роль Коммунистической партии Кубы, которая испытывает объективную необходимость в систематической легитимации в ходе социалистического преобразования общества. Но, как неоднократно подчеркивал Рауль Кастро, необходимо четко определить специфику этого элемента – как общественного устройства, так и *государства как специализированной организации управления обществом при его социалистическом преобразовании* – и также рассматривать его неотделимость от государства как специализированного института, от системы Народной власти, от иных общественных организаций: чем определяется авторитетность партийной организации общества? В каких практических функциях и в рамках каких полномочий она выражается? Что делает возможным и необходимым такую роль партии закрепить в законодательстве, в нормах Конституции как Верховного закона?

В этой связи остается актуальной необходимость концептуально четкого отражения известной идеи Че Гевары, о которой не один раз упоминал Фидель Кастро и далее развивал ее: о *специфической управленческой роли Коммунистической партии, о специфике ее лидерства в обществе*. Данная идея основана на более содержательном, широком подходе к восприятию политики, который соответствует новой природе построения общественных отношений; такой подход не ограничивается узкими позициями и одной линией политического поведения, сводящими ее исключительно к самому *осуществлению власти*, прямому *господству одной части кубинского общества над другими*: новый подход принципиально отличается от всего того, что использовалось до сих пор, до начала процесса разотчуждения, который должен характеризовать любое успешное коммунистическое преобразование; это необходимый подход для того, чтобы успешно действовать в рамках естественного, но при этом противоречивого процесса отмирания государства: политической деятельности, направленной на разотчуждение.

На основе такого уточнения необходимо выделять сущностные черты, качества, стратегические основы и важнейшие практические руководства

² «*fuerza política dirigente superior de la sociedad y del estado*» (перевод с испанского автора).

для обоснования и развития специфических отношений партии и государства как специального института власти, партии и системы органов Народной власти, иных общественных организаций, поскольку все они составляют единство власти нового типа, причем государство выступает как специфическая организация общества, которая *укрепляется для своего последующего отмирания*.

Также в новой кубинской Конституции 2019 года *собственность нечетко определяется как система*, как организованная совокупность всех общественных отношений в процессе производства в марксистском его понимании: данная система отношений рождается в процессе труда, целенаправленного приобретения от природы необходимых вещественных средств, «средств потребления» и в то же время в процессе образования самой сущности человеческой жизни, «ядра» деятельности по воспроизводству социализированных индивидов как целостных, активных субъектов общественных отношений, напрямую воздействующих на процессы функционирования и развития общества, процессы производства, воспроизводства и приобретения социализированными индивидами как материальных благ, так и самого своего бытия, своей сущности.

В этом случае система собственности не ограничивается *«социалистической экономической системой, основанной на собственности всего народа по отношению к основным средствам производства как главной форме собственности и на плановом управлении экономикой, которое учитывает, регулирует и в то же время контролирует складывающийся рынок в соответствии с интересами общества»*³.

Нужно представить себе более точно, что должно определять возможность существования разных форм собственности, исходя из зависимости содержания социальной деятельности, выраженной в этой форме собственности и в общественном пространстве, в которой она реализуется; важно также понимать, как такие формы собственности могут провозглашаться либо как *составляющие социалистической собственности, либо как порожденные всей социалистической экономической системой в условиях сознательного и целенаправленного процесса ее построения*; важно установить специфику необходимых и возможных форм собственности на современном этапе развития кубинского общества на основе представлений о совокупности определяющих формы собственности качеств, которые различаются при возникновении и последующем существовании экономических отношений внутри каждой конкретной формы собственности как специфической подсистемы и при ее взаимодействии со всеми остальными форма-

ми в рамках образования кубинской социалистической системы собственности как целостности. В определении своей специфики нуждается каждая форма собственности как подсистема социально-экономических, политических и идеологических отношений в обществе; важно определение ее места в процессе общественного развития и хозяйственного планирования в широком смысле этого слова. Такая специфика должна определяться, исходя из производственных основ каждой формы собственности, прав, полномочий, компетенций, функций, общественных обязанностей носителей данной формы собственности в рамках согласования индивидуальных, коллективных и общественных интересов, которое целенаправленно способствует социалистическому развитию общества в целом.

При рассмотрении тех разделов новой кубинской Конституции, в которых представлены структура, виды органов власти и другие аспекты выражения государства как специфического института, следует отметить использование принципа «разделения функций власти»: Национальная Ассамблея как парламент, Совет Министров как правительство.

Теперь же с введением в конституционную плоскость должностей Президента и Вице-президента Республики, Премьер-министра как главы Совета Министров Республики и переменами по отношению к Государственному Совету, поскольку будут совпадать его президиум и президиум Национальной Ассамблеи, установленное «разделение функций власти» внешне опасно приближается к реализации буржуазного принципа «разделения властей» с упором на централизацию государственной власти, на политическую роль личности будущего Президента Кубинской Республики в принятии государственных решений, которые, как можно представить, будут касаться дел, бывших в распоряжении Государственного Совета и Совета Министров. Эта особенность должна приниматься во внимание, учитывая также предложенную Раулем Кастро политическую перспективу объединения в рамках одной должности полномочий Первого Секретаря ЦК Коммунистической партии и в то же время Председателя Государственного Совета, теперь уже применительно к Президенту Республики.

Без всякого сомнения, в условиях кубинского процесса социалистических преобразований часто необходимо достаточно быстро принимать управленческие решения. Но в то же время важно еще раз оценить мысль Альвареза Табио, изложенную в книге о первой социалистической Конституции Кубы 1976 года: «Государственный Совет является в некотором смысле органом, равнозначным Президенту Республики в тех странах, которые сохраняют такую должность в своих Конституциях. Разница заключается в том, что в нашей Конституции это выделяется в качестве фундаментального принципа коллективного управления как од-

³ «un sistema de economía socialista basado en la propiedad de todo el pueblo sobre los medios fundamentales de producción como la forma de propiedad principal, y la dirección planificada de la economía, que tiene en cuenta, regula y controla en mercado en función de los intereses de la sociedad» (перевод с испанского автора).

ного из характерных черт нашей государственной системы»⁴.

Такой принцип коллективного управления является определяющим при становлении и укреплении коммунистического самоуправления, и все, что может оказать на реализацию этого принципа негативное влияние, может привести к серьезным контрреволюционным последствиям, как показывает опыт других стран и народов в XX веке.

С другой стороны, понимаемый как принцип разделения властей в качестве управленческих функций, он воспроизводит либеральный подход к содержанию и основам функционирования государства, к функциям управления делами общества, не содействуя при этом развитию нового содержания категории «государственное управление» при социалистическом преобразовании как коллективной деятельности государственных и общественных организаций, а также индивидов, а лишь выделяя такую категорию как отражение узко административной функции, которую будет осуществлять Совет Министров как правительство Республики, возглавляемое премьер-министром.

Отрицательное значение в этом смысле усиливается ликвидацией провинциальных ассамблей как представительных органов и установления на их месте должностей Губернатора и Вице-губернатора, а также нового органа управления провинциального Совета, в состав которого также входят Губернаторы и Вице-губернаторы, Председатели и Вице-председатели муниципальных ассамблей и их интенданты – главы администрации каждого муниципалитета, не являющиеся избранными чиновниками. При этом Губернатор и Вице-губернатор избираются делегатами муниципалитетов конкретной провинции на основании решения Президента Республики.

Необходимо считать положительным фактором ограничение возможности замещения должностей Президента и Вице-президента Республики до двух сроков, что было введено в текст Конституции по рекомендации Коммунистической партии Кубы. В этом же смысле стоит положительно оценить запрет на вхождение в состав Государственного Совета членам Совета Министров, а также другим должностным лицам судебных органов и органов государственного контроля. Однако в соответствии с вышесказанным стоит рассматривать в качестве *диалектического противоречия* статус министров одновременно как депутатов Национальной Ассамблеи, равно как и руководителей высших органов Коммунистической партии и крупных общественных организаций.

Тут дело не в нужности разделения статуса таких политических субъектов друга от друга, не

в их принципиальном отчуждении. Очень важно, чтобы массовые общественные организации могли непосредственно выполнять государственные функции в системе Народной власти для развития нового типа государства и общественного устройства. В то же время, помимо неточностей и заблуждений, которые часто возникают на основании неверных представлений о наших общественных организациях как о «неправительственных организациях», важным является правильно встроить эти разнообразные субъекты политики в систему, соответствующую новой, многообразной природе социалистического общества, и на основании этого производить необходимую синергию в рамках нового содержания политики социалистического общества, в рамках управления делами общества и продвижения к естественному отмиранию государства.

При характеристике строения органов местной власти может ошибочно применяться либеральный подход, узко определяющий правительство как администрацию (орган исполнительной власти), и устанавливаться централизующая тенденция, связанная с ликвидацией провинциальных ассамблей и созданием провинциальных администраций в узком смысле этого слова. Подобные обстоятельства указывают на необходимость возобновления дискуссии по поводу соотношения государства в целом, правительства и администраций в ходе современного социалистического преобразования с особым учетом расширения спектра реальных форм собственности.

Важным сущностным моментом в ходе установления и развития новой природы общественных отношений в кубинском обществе, новой природы самого социалистического государства, который еще не утвержден в Конституции, является присутствие и роль трудовых коллективов в представительных органах власти.

Как известно, трудовые коллективы не были представлены в местных органах власти и очень слабо присутствовали в Национальной Ассамблее и провинциальных ассамблеях. По новой Конституции они по-прежнему не представлены в муниципалитетах, не улучшается их роль и в Национальной Ассамблее и полностью исчезает их присутствие в провинциях после ликвидации ассамблей данного уровня. Недостатки такого отсутствия трудовых коллективов в органах власти усиливаются, поскольку ко всему вышесказанному добавляется ликвидация их потенциального участия в работе Народных советов, органов управления, созданных при муниципалитетах с целью расширения возможностей участия граждан в делах управления страной. В состав Народных советов ранее могли входить члены массовых общественных организаций, включая профсоюзы и крестьянские организации, а также представители важнейших экономических учреждений; с 2019 года новая Конституция Кубы напрямую устраняет возможность их присутствия в составе

⁴ «el Consejo de Estado viene a ser, en cierto modo, el órgano equivalente al Presidente de la República en los países que mantienen este alto cargo en sus constituciones. La diferencia está en que, en nuestra Constitución se destaca como principio fundamental la dirección colectiva, como uno de los rasgos característicos de nuestro sistema estatal» [4, p. 293].

данных советов, ограничивая таким образом участие многих граждан в процессе принятия решений для регулирования экономической и трудовой жизни кубинского общества.

В Конституции Кубы 2019 г. присутствует важный раздел, посвященный избирательному процессу. В то же время остается в качестве важного неурегулированного недостатка отсутствие установленных предложений для совершенствования обработки предложений кандидатов на различные должности в рамках избирательного процесса, что является важным сущностным моментом в избирательном процессе, требующим глубоких изменений, а также уточнений на основе совершенствования понятийного аппарата в соответствии с достигнутым уровнем развития процесса социалистического преобразования на Кубе.

Научный анализ и основанные на его достижениях дискуссии с целью непрерывного обновления процесса социалистического преобразования не должны заканчиваться с утверждением и вступлением в силу новой Конституции Кубы в 2019 году: необходимо развивать те аспекты научного анализа, которые позволят еще дальше обновить и способствовать систематическому совершенствованию Конституции Кубы и системы законов кубинского государства при коммунистическом преобразовании общества.

С учетом отрицательного влияния ликвидации провинциальных ассамблей на этот процесс становится срочной и решающей необходимостью обратиться к незамедлительному совершенствованию муниципальных ассамблей с момента избрания представителей в эти органы власти. Делегаты ассамблей, их функции, их способы взаимосвязи с гражданами должны совершенствоваться для расширения участия граждан в делах государства, для укрепления самой власти народа как единого политического субъекта в духе вышеуказанного определения Фиделя Кастро. Необходимо усовершенствовать процесс взаимосвязи всех представителей власти с конкретными избирателями, с народом в целом, чему могут, в частности, способствовать периодические встречи делегатов со своими избирателями («отчетные собрания»), поскольку только на таких встречах граждане имеют возможность осуществить свое право и одновременно выполнить долг регулярно и непосредственно участвовать в процессе государственного управления делами общества, о чем Рауль Кастро указывал с самого начала формирования опыта новой системы государственного управления в 1974 году в Матанзасе [5].

При этом важно, чтобы государственный аппарат работал на основе нового понятийного аппарата, по-новому трактующего, в частности, политическую роль народных представителей. Законы и многие партийные документы не в полной мере

отвечают в этом смысле требованиям современности.

Также необходимо избежать таких ошибок, как, например, стремление сделать из народных представителей «политических профессионалов», фактически приближаясь к буржуазным принципам управления, или уменьшить количество депутатов в составе Национальной Ассамблеи под предлогом того, что на Кубе больше пропорциональное соотношение депутаты / население, чем в других странах; кроме того, важно уточнить статус и роль депутатов как представителей населения, не просто действующих «на уровне всей страны», а также статус и роль делегатов, которые функционируют на уровне «локальной территории»: в рамках такого подхода можно совершить логическую ошибку и сделать соответствующий вывод, что в конечном итоге приведет к принципиальному разрыву между двумя типами представителей кубинского общества, не понимая того, что посредством делегатов и депутатов граждане будут участвовать в управлении всеми делами государства.

Завершая разговор об особенностях современных социалистических преобразований на Кубе, следует заметить принципиальный момент: нельзя терять революционные ориентиры! Любой момент решающих изменений в обществе, т. н. «точка перегиба», всегда требует четкого и динамического видения желаемого будущего, которое позволяет обосновывать политические меры и действия для изменения старой и установления новой общественной природы. Такое видение будущего не должно представлять движение в сторону некоей «модели», которую нужно установить, а само по себе должно быть новой «Утопией», которая, по образному выражению уругвайского писателя Галеано, «заставит нас двигаться, строить дороги для этого прогрессивного движения в будущее», дороги, направление и ширина которых с каждым днем будут уточняться совместными усилиями всех субъектов, заинтересованных в существовании независимой кубинской нации и неразрывно связанных с пониманием смысла Революции в соответствии со словами лидера нации Фиделя Кастро:

«Революция – это смысл исторического момента, это насущно необходимые изменения, это всеобъемлющее равенство и свобода, это человеческое отношение к самому себе и к другим людям, это освобождение себя своими собственными силами, это вызов господствующим силам внутри и вовне социальных и национальных пределов; это защита ценностей, в которые мы верим, ценой любых жертв; это скромность, бескорыстие, альтруизм, солидарность и героизм; это смелая, дальновидная и реалистичная борьба; это неизменное неприятие лжи и верность этическим принципам; это глубокая

убежденность в том, что нет такой силы в мире, способной преодолеть силу истины и идеалов. Революция – это единство, независимость, борьба за наши идеалы справедливости для Кубы и для остальных стран мира, это основа нашего патриотизма, нашего социализма и нашего интернационализма».

Библиографический список

1. Маркс К. Критические заметки к статье «Король прусский и социальная реформа». 31 июля 1844 г. URL: <https://fil.wikireading.ru/17996>.

2. Современная русская политика / под ред. В. И. Коваленко. Москва: Изд-во МГУ, 2013. 83 с. URL: https://urss.ru/PDF/add_ru/194924-1.pdf.

3. Mosca G. Historia de las doctrinas políticas / Editorial Revista de Derecho Privado. Madrid, 1942. 165 p. URL: <https://archive.org/details/HistoriaDeLasDoctrinasPoliticGaetanoMosca/mode/2up>.

4. Tabio A. F. Comentarios a la Constitución Socialista / Ediciones Jurídicas. La Habana: Editorial Ciencias Sociales, 1985. 293 p.

5. Castro Ruz, Raúl. Intervención en la clausura del seminario de preparación a los Delegados en la experiencia de Matanzas, Agosto 22 de 1974.

References

1. Marx K. *Kriticheskie zametki k stat'e «Korol' prusskii i sotsial'naya reforma»* [Critical notes to the article «The King of Prussia and social reform»]. July 31, 1844. Available at: <https://fil.wikireading.ru/17996> [in Russian].

2. *Sovremennaya russkaya politika. Pod red. V. I. Kovalenko* [Modern Russian politics. V. I. Kovalenko (Ed.)]. Moscow: Izd-vo MGU, 2013, 83 p. Available at: https://urss.ru/PDF/add_ru/194924-1.pdf [in Russian].

3. Mosca G. Historia de las doctrinas políticas. Editorial Revista de Derecho Privado. Madrid, 1942, 165 p. Available at: <https://archive.org/details/HistoriaDeLasDoctrinasPoliticGaetanoMosca/mode/2up> [in Spanish].

4. Tabio A. F. Comentarios a la Constitución Socialista. Ediciones Jurídicas. La Habana: Editorial Ciencias Sociales, 1985, p. 293 [in Spanish].

5. Castro Ruz, Raul. Intervención en la clausura del seminario de preparación a los Delegados en la experiencia de Matanzas, Agosto 22 de 1974 [in Spanish].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-116-122
УДК 342.511

Дата: поступления статьи / Submitted: 18.01.2020
после рецензирования / Revised: 23.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

Н. М. Колосова

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: Kolosova-law@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗВИТИЕ

Аннотация: Статья посвящена исследованию конституционной модели института Президента Российской Федерации. Рассмотрена доктрина сильной президентской власти, проанализированы научные споры о месте Президента Российской Федерации в системе федеральных органов государственной власти. Обращено внимание на то, что эффективность функционирования государства во многом зависит от Президента Российской Федерации, что повышает значимость преемственности его власти в силу особого места Президента Российской Федерации в системе разделения властей. Для этого предлагается разработать теоретические положения в обоснование необходимости введения новой формы государственного устройства – дуалистической президентской республики, при которой применительно к России вновь избранный Президент Российской Федерации будет функционировать в сотрудничестве с Президентом Российской Федерации, срок пребывания которого в должности истек. Рассматриваются варианты распределения полномочий между двумя Президентами Российской Федерации, входящими в единый институт Президента Российской Федерации. При этом главным критерием разграничения их полномочий можно считать основное предназначение каждого из Президентов Российской Федерации: Президент Российской Федерации после прекращения исполнения им полномочий в связи с истечением срока пребывания в должности призван обеспечивать преемственность конституционного развития, сохранения основных ценностей. Вновь избранный Президент Российской Федерации мог бы нести ответственность за поступательное развитие законодательства, общества, государства с учетом новых общественных закономерностей.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации, преемственность власти, развитие власти, государственное устройство, конституционные ценности, разделение властей, единство власти, полномочия Президента Российской Федерации, Конституция Российской Федерации.

Цитирование. Колосова Н. М. Современная модель института Президента Российской Федерации: преемственность и развитие // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 116–122. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-116-122>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

N. M. Kolosova

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
E-mail: Kolosova-law@mail.ru

MODERN INSTITUTE MODEL OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONTINUITY AND DEVELOPMENT

Abstract: The article is devoted to the study of the constitutional model of the Institute of the President of the Russian Federation. The constitutional doctrine of a strong presidential power is examined, scientific disputes about the place of the President of the Russian Federation in the system of federal government bodies are analyzed. The effectiveness of the functioning of the state largely depends on the President of the Russian Federation, which increases the significance of the continuity of power of the President of the Russian Federation due to his special place in the system of separation of powers. The need arises to establish additional guarantees for the stability of functioning of the state, to preserve the main strategic directions of its development, and basic constitutional values. One of such guarantees aimed at optimizing the functioning of a balanced system of public authorities and ensuring its continuity, according to the author, it is proposed to recognize the possibility in the future of establishing in the Constitution of the Russian Federation a new form of government in Russia – a dualistic presidential republic in which the newly elected President of the Russian Federation will function in cooperation with the President of the Russian Federation, whose term of office has expired. Accordingly, options for the distribution of powers between the two Presidents of the Russian Federation, which are part of a single institution of the President of the Russian Federation, are considered. Moreover, the main purpose of each of the Presidents of the Russian Federation is the President of the Russian Federation. After the termination of the exercise of his authority in connection with the expiration of his tenure, he is called upon to ensure the continuity of constitutional development and the maintenance of basic values. The newly elected President of the Russian Federation could be responsible for the development of society, the state, while excluding stagnation.

Key words: President of the Russian Federation, continuity of power, development of power, state structure, constitutional values, separation of powers, unity of power, powers of the President of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation.

Citation. Kolosova N. M. *Sovremennaya model' instituta Prezidenta Rossiyskoy Federatsii: preyemstvennost' i razvitiye* [Modern institute model of the President of the Russian Federation: continuity and development]. *Juridicheskii vestnik*

Samarskogo universiteta [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 116–122. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-116-122> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Нина Михайловна Колосова** – доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела конституционного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34.

Тема докторской диссертации: «Теория конституционной ответственности: природа, особенности, структура». Автор более 100 научных работ, в том числе монография: «Конституционная ответственность в Российской Федерации» (2005).

Область научных интересов: конституционный строй, конституционная ответственность.

© **Nina M. Kolosova** – Doctor of Laws, Chief Researcher of the Department of Constitutional Law, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34, B. Cheremushkinskaya Street, Moscow, 117218, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Theory of constitutional responsibility: nature, peculiarities, structure». Author of more than 100 scientific works, including monograph «Constitutional responsibility in the Russian Federation» (2005).

Research interests: constitutional order, constitutional responsibility.

Для выполнения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и других программных документов необходим эффективно действующий и стабильный механизм государственной власти. Достижение названной цели во многом обусловлено оптимальным взаимодействием норм, развитие которых должно содержать преемственность конституционного регулирования. В этом контексте ведущую роль призван выполнять Президент Российской Федерации в силу его особого места в системе органов государственной власти, на чем следует остановиться более обстоятельно.

Как правило, под институтом Президента Российской Федерации понимают совокупность конституционно-правовых норм, регулирующих вопросы выборов Президента Российской Федерации, полномочий, порядок их прекращения, ответственности Президента Российской Федерации и основные направления деятельности Президента Российской Федерации. Полагаю, что такой подход отражает лишь формальный аспект института Президента Российской Федерации, но важна и содержательная его характеристика как представителя власти народа. Как правило, представительный характер признается за Федеральным Собранием Российской Федерации. С этим нельзя не согласиться, так как, согласно ст. 94 Конституции России, парламент Российской Федерации является представительным органом Российской Федерации. Вместе с тем системное осмысление конституционных норм позволяет сделать вывод о представительном характере всех органов государственной власти, так как, согласно ч. 2 ст. 3 Конституции России, народ осуществляет власть через органы государственной власти. Под представительным характером предлагаем понимать не столько порядок формирования государственного органа, сколько его содержательную деятельность в интересах народа, общества.

Вывод о представительной природе Президента России обусловлен не только всенародным его избранием, но и признанием за Президентом Российской Федерации функции гаранта Конституции России. Аналогичную задачу решает и Конституционный Суд Российской Федерации, который осуществляет контроль за соблюдением

конституционности законов, нормативных актов Президента Российской Федерации. Очевидно, что не только Президент Российской Федерации обязан охранять права и свободы человека и гражданина, защищать Конституцию России, суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, но его роль в этом процессе более значима. Президент Российской Федерации имеет больше возможностей для выполнения названных задач. При этом методы их решения у Президента Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации разные. Президент России в случае выявления нарушений, а также при неэффективности принимаемых мер по защите конституционного строя обязан обратить внимание на эти государственные органы и потребовать устранения такого рода нарушений [1].

Президент Российской Федерации в силу своего конституционного статуса обладает таким политическим авторитетом и конституционно-правовыми инструментами, которые позволяют ему функционировать порой вопреки воле Парламента. Именно это определяет возможность полагать, что Президент Российской Федерации обладает максимальной степенью народного представительства, что, в свою очередь, позволяет говорить о важности обеспечения преемственности власти Президента Российской Федерации после истечения срока его пребывания в должности, о чем будет сказано далее. Данное требование также обусловлено необходимостью предусмотреть дополнительные конституционно-правовые механизмы защиты государственного суверенитета.

Очевидно, что полномочия федеральных органов государственной власти взаимосвязаны и порой пересекаются. Однако только конституционные нормы, входящие в институт Президента Российской Федерации, позволяют ему осуществлять полномочия иных органов государственной власти в случае отсутствия соответствующих норм. Дело в том, что некоторые конституционные полномочия Президента Российской Федерации, не закрепленные в Конституции Российской Федерации прямо, можно сформулировать путем системного осмысления совокупности конституционных норм. Речь идет о так называемых «скрытых» полномочиях Президента Российской Федерации.

Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации уже не раз признавал наличие тех или иных конституционных полномочий Президента Российской Федерации, причем как предусмотренных в Конституции России (обязанность обеспечивать права и свободы граждан), так и не закрепленных в Конституции Российской Федерации прямо. Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 1999 года отмечено, что Президент Российской Федерации не только вправе, но и обязан издать акт о временном отстранении генерального прокурора Российской Федерации на период расследования возбужденного в отношении него уголовного дела от должности. Названное полномочие Президента Российской Федерации в Конституции России не предусмотрено.

Анализ конституционных норм, включенных в институт Президента Российской Федерации, свидетельствуют о достаточно широком объеме полномочий Президента Российской Федерации, что обосновывается порой объективной необходимостью эффективной системы государственной власти и сильной власти Президента Российской Федерации. Установление современного института Президента Российской Федерации послужило возникновению соответствующей дискуссии. С одной стороны, признается необходимость этого в условиях формирования правового государства и гражданского общества, т.к. Президент Российской Федерации гарантирует обеспечение единства государственной власти [2].

С другой стороны, многие правоведы с конституционной доктриной [3] сильной президентской власти не согласны, т.к., по их мнению, это открывает перспективу для бесконтрольной власти, способной приостановить развитие демократических процессов [4, с. 1–10].

Представляется, что важен не столько объем полномочий, сколько природа власти Президента Российской Федерации, эффективность его функционирования в системе органов государственной власти с учетом необходимости предотвращения современных угроз российской идентификации. В условиях цифровой экономики, новых технологий следует переосмысливать некоторые устоявшиеся теории, вырабатывать новые, так как в настоящий период развития научных знаний возникают качественно иные виды внутренних и внешних угроз как для частных, так и для публичных интересов. Одна из таких внешних опасностей состоит в ущемлении порой государственно-суверенитета, возможности манипулирования и воздействия на государственную власть, используя, в частности, новейшие избирательные технологии. Отсюда возрастает значимость защиты конституционной идентификации, преемственности власти, что в некоторой степени связано с человеческим фактором, персональными особенностями лиц, обладающих властными полномочиями.

В рамках научных дискуссий необходим поиск современных моделей функционирования Россий-

ского государства. В России особенно важен институт Президента Российской Федерации, обладающий достаточным количеством эффективных правовых и политических инструментов защиты публичных и частных интересов.

Повторим, что наряду с достаточно широким объемом полномочий Президент Российской Федерации обладает так называемыми «скрытыми» полномочиями, что значительно укрепляет его власть. Соответственно возрастает роль личностных качеств Президента Российской Федерации, что еще раз доказывает актуальность решения задачи обеспечения преемственности политики Президента Российской Федерации после истечения срока его пребывания в должности. Исходя из этого, можно предложить в качестве научной идеи разработать новую модель государственного устройства – дуалистическую президентскую республику, при которой властью будут обладать два Президента Российской Федерации, срок пребывания одного из которых в должности Президента РФ истек. Мировая практика не содержит такого рода примеров, хотя существуют дуалистические монархии, которые успешно функционируют в современных условиях. Введение нового вида государственного устройства в качестве современной концепции обостряет актуальность решения ряда научных и практических проблем, включая необходимость достижения оптимального баланса между единством власти и принципом разделения властей, определения критериев разграничения полномочий Президентов Российской Федерации.

В юридической литературе неоднозначно оценивается единство системы государственной власти, закрепленной в ч. 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации в аспекте его соотношения с конституционным принципом разделения властей. Еще в XIX веке отмечали, что государственная власть должна быть одна, т.к. несколько властей, одинаково самостоятельных и равных друг другу, ведут к уничтожению государства [5, с. 428]. К. А. Будаев полагает, что «при разделении властей государственная власть понимается не как единое целое, а как совокупность различных властных органов, имеющих каждый свои функции» [6, с. 264]. При этом автор признает необходимость четкого взаимодействия властей, единство системы государственной власти. Не совсем ясно, каким образом согласуются положения о единстве системы государственной власти и об отрицании понимания государственной власти как единого целого. Более последовательна позиция Б. С. Эбзеева, который однозначно признает единство государственной власти, но ее функции (законодательство, управление, правосудие) при этом осуществляются различными органами, каждый из которых может выполнять отдельные полномочия [7, с. 401–402]. Применительно к предложенной конструкции власти двух Президентов Российской Федерации также необходимо сочетать принцип единства власти и одновременного разделения их функций.

Следует отметить, что в случае установления дуалистической президентской республики речь пойдет о едином институте Президента Российской Федерации, нормы которого будут регулировать деятельность двух граждан Российской Федерации. Отсюда важно разграничить полномочия, которые могут осуществляться каждым из Президентов Российской Федерации самостоятельно, а также разделить между ними индивидуальные полномочия и ответственность.

Каждый Президент Российской Федерации будет реализовывать исключительно присущие ему полномочия или те, которые осуществляются в процессе конструктивного сотрудничества двух Президентов Российской Федерации. Соответственно Указы и распоряжения будут подписываться или одним, или двумя Президентами Российской Федерации. Это зависит от того, осуществляется конкретное полномочие совместно или индивидуально каждым из Президентов Российской Федерации.

Таким образом, можно выделить три вида полномочий: те, которые будут осуществляться Президентами Российской Федерации совместно, те, которые будут реализовываться исключительно одним из двух Президентов Российской Федерации, и те, которые каждый из Президентов Российской Федерации может осуществлять индивидуально без согласования с другим Президентом Российской Федерации. Другими словами, речь могла бы идти о совместных, исключительно индивидуальных и обычных индивидуальных полномочиях Президентов Российской Федерации.

Примером последнего вида полномочий является предусмотренное Конституцией Российской Федерации право Президента председательствовать на заседаниях Правительства Российской Федерации (п. «б» ст. 83), то есть оно может быть признано индивидуальным полномочием каждого из Президентов России. К полномочиям Президента Российской Федерации, которые могут осуществляться каждым из Президентов Российской Федерации: можно также отнести право законодательной инициативы, право «вето».

Кроме того, целесообразно назвать полномочия, установленные для совместного осуществления полномочий двумя Президентами РФ в процессе их конструктивного сотрудничества: право (полномочие) распустить Государственную думу), право (полномочие) принять решение об отставке Правительства России и другие.

Полагаю, что в случае установления дуалистической президентской республики только один из Президентов Российской Федерации приобретет право (полномочие) определять основные направления внутренней и внешней политики государства; вводить военное или чрезвычайное положение. Выбор самостоятельных полномочий для каждого из двух Президентов Российской Федерации мог бы осуществляться с учетом критерия необходимости установления персональной ответственности за их надлежащее исполнение,

но это проблема не входит в предмет настоящего исследования.

Самой существенной проблемой следует признать критерии разграничения полномочий Президентов Российской Федерации. Можно разделить их по основным направлениям деятельности Президента Российской Федерации: кадровые полномочия, законодательные полномочия и т. д. Однако такого рода критерий может привести к ситуации, при которой возникнут сложности решения задачи, требующей комплексного использования, к примеру, кадровых и законодательных полномочий. Поэтому целесообразно использовать иные способы. Главным критерием разграничения их полномочий можно предложить признать основное предназначение каждого из Президентов Российской Федерации – Президент Российской Федерации после прекращения исполнения им полномочий в связи с истечением срока пребывания его в должности призван обеспечивать преемственность конституционного развития, сохранения основных ценностей. Вновь избранный Президент Российской Федерации мог бы нести ответственность за развитие общества, государства, исключая стагнацию и застой.

В случае установления дуалистической президентской республики можно предложить, чтобы один из Президентов Российской Федерации стал главой государства, а другой – гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. Каждый из Президентов Российской Федерации не должен быть представителем той или иной политической силы или конкретной ветви власти, а лишь представлять Российское государство в целом.

Президенты Российской Федерации призваны обеспечивать гарантированность Конституции Российской Федерации на федеральном уровне как самостоятельно, так и совместно, но лишь один Президент Российской Федерации – на региональном уровне в контексте полномочия приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов РФ, о чем более обстоятельно будет сказано немного ниже.

Каждый из Президентов Российской Федерации, наряду с широким кругом полномочий во всех областях стал бы обладать инструментами для применения мер политической и конституционной ответственности к федеральным органам государственной власти: роспуск Государственной думы, отставка Правительства Российской Федерации. При этом в данном случае речь должна идти о согласованном включении двух Президентов Российской Федерации в некоторые механизмы привлечения органов государственной власти к конституционной ответственности. К примеру, отставка Правительства Российской Федерации в силу ее значимости должна осуществляться в процессе согласования этого вопроса двумя Президентами Российской Федерации, хотя за эффективное осуществление его деятельности целесообразно

нести ответственность одному из Президентов Российской Федерации.

Как уже было отмечено ранее, в случае установления дуалистической президентской республики один из Президентов Российской Федерации будет нести ответственность за обеспечение конституционности функционирования региональных органов государственной власти. Речь идет лишь о полномочии приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов РФ в случае противоречия этих актов Конституции Российской Федерации до решения этого вопроса соответствующим судом. Существует соответствующая практика. Так, в Указе Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 607 «О приостановлении действия некоторых постановлений, принятых администрацией Воронежской области» [8] приостановил действие постановления администрации Воронежской области от 18 апреля 1994 г. № 511 «О введении местного налога на совокупные доходы физических лиц». Было предложено главе администрации Воронежской области названное постановление отменить. Аналогичные действия были предприняты Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным в отношении некоторых актов Кабинета министров Республики Башкортостан, Республики Адыгея и т. д. В современной практике названное полномочие также используется Президентом Российской Федерации. Например, Президент Российской Федерации своим указом приостановил действие постановления губернатора Тульской области от 12 апреля 2000 г. «Об упорядочении лицензирования деятельности по заготовке, переработке и реализации лома цветных металлов». Иные полномочия могут осуществляться Президентами Российской Федерации совместно. В рамках принципа разделения властей вполне закономерна согласованная деятельность двух Президентов Российской Федерации, обладающих достаточными полномочиями и возможностями для предотвращения коллизий и конфликтов между государственными органами.

Внесенный и принятый в первом чтении Государственной думой Федерального Собрания Российской Федерации проект закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» (далее – проект закона о поправках в Конституцию Российской Федерации) предусматривает дополнительные возможности Президента Российской Федерации защищать конституционные ценности. Так, согласно пункту 18 статьи 1 проекта закона о поправках в Конституцию Российской Федерации, статья 125 Конституции России дополняется частью 5¹ следующего содержания: «5¹. Конституционный Суд Российской Федерации: а) по запросу Президента Российской Федерации проверяет конституционность законов, принятых в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 107 и частью 2 статьи 108 Конституции Российской Федерации, до их подписания

Президентом Российской Федерации». Таким образом, проверяя конституционность федерального конституционного закона, не вступившего в силу, т. е. не подписанного и не обнародованного Президентом Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации может признать его неконституционным, т. е. определить ту нормативную модель, которая является недопустимой с точки зрения Конституции Российской Федерации. Соответственно, введение предварительного конституционного нормоконтроля означает установление дополнительной гарантии в процессе защиты граждан от нарушения их прав и свобод, превентивно исключив возможность неконституционности. Данная поправка в ст. 125 Конституции Российской Федерации направлена на дальнейшее обеспечение конституционной законности и стабильности. Полагаю, что в случае установления дуалистической президентской республики только один из Президентов Российской Федерации может приобрести возможность контролировать и обеспечивать конституционность закона, не вступившего в силу. Также к полномочиям только одного из двух Президентов Российской Федерации следует отнести возможность назначения референдума в порядке, установленном федеральным конституционным законом.

Кроме того, согласно проекту закона о поправках в Конституцию Российской Федерации, «по запросу Президента Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, Конституционный Суд Российской Федерации проверяет конституционность законов субъектов Российской Федерации до их подписания высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации)». Представляется целесообразным в случае установления дуалистической президентской республики данное полномочие предусмотреть только для одного из Президентов Российской Федерации.

В случае установления дуалистической президентской республики в первую очередь представляется необходимым определить место Президентов Российской Федерации в системе разделения властей. Полагаю, что каждый из Президентов Российской Федерации, выполняя особую роль координатора в системе разделения властей, будет конституционно обязан функционировать в тех пределах, которые позволяют эффективно функционировать государственному механизму.

В юридической литературе высказано мнение, что Президент Российской Федерации не входит в систему разделения властей [9, с. 151]. Существует и противоположная точка зрения, в том числе и признающая специфическую роль Президента в системе разделения властей. Представляется, что в системе органов государственной власти главное место занимает Президент Российской Федерации, обязанный защищать высшие конституционные ценности, включая человека, его права

и свободы, осуществлять координирующую роль в системе органов государственной власти. Более того, в настоящее время без такого рода деятельности Президента Российской Федерации принцип разделения властей не может эффективно реализовываться в полной мере.

Полагаю, что в случае установления дуалистической президентской республики каждый из Президентов Российской Федерации будет занимать особое место в системе разделения властей, которая объективно обуславливает наличие гаранта от противостояния властей и распада государства. Можно предложить, чтобы один из Президентов Российской Федерации сосредоточит свои усилия на обеспечении эффективного функционирования Правительства Российской Федерации. Кроме того, только один из Президентов Российской Федерации в соответствии с ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации станет обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие всех ветвей власти.

В случае установления дуалистической президентской республики каждый из Президентов Российской Федерации будет взаимодействовать с Федеральным Собранием Российской Федерации. Современный законодательный процесс в Российской Федерации, повышение его эффективности во многом зависят от Президента Российской Федерации и исполнительной власти. Это находит выражение в активном использовании Президентом Российской Федерации права законодательной инициативы, которым должен обладать каждый из Президентов Российской Федерации. Однако предложение о поправках и пересмотре Конституции России целесообразно предусмотреть лишь за Президентом Российской Федерации, прекратившим полномочия в связи с истечением срока пребывания его в должности, так как именно он призван обеспечивать преемственность конституционного развития, сохранения основных ценностей. Однако Президенты Российской Федерации в рамках конструктивного сотрудничества могли бы в ежегодных посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации совместно определять стратегию развития законодательства, при этом обосновывая первоочередные проблемы, нуждающиеся в правовом регулировании.

В случае установления дуалистической президентской республики Президенты Российской Федерации будут продолжать выполнять кадровые полномочия в отношении судей. Следует признать продолжение развития тенденции усиления роли Президента РФ в этом процессе. Ранее в соответствии со ст. 23 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в пленарном заседании Конституционного Суда Российской Федерации судьбы тайным голосованием избирали из своего состава в индивидуальном порядке сроком на три года председателя, заместителя председателя и судью-секретаря Конституционного Суда Российской Федерации. В настоящее время кадровые полномочия возлага-

ются на Президента Российской Федерации. Так, в соответствии со ст. 83 Конституции России Президент Российской Федерации представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должности судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, назначает судей других федеральных судов. Полагаю, что кадровые полномочия судей следует разделить между двумя Президентами Российской Федерации. Один из Президентов Российской Федерации, кто не будет представлять кандидатуру председателя Конституционного Суда Российской Федерации в Совет Федерации, мог бы осуществлять полномочия по инициированию процедуры импичмента для судей Конституционного Суда Российской Федерации в случае вступления в силу проекта закона о поправках в Конституцию Российской Федерации. Другой Президент Российской Федерации мог бы осуществлять кадровые полномочия в отношении импичмента судей Верховного Суда Российской Федерации и представлять кандидатуру Председателя Конституционного Суда Российской Федерации в Совет Федерации.

В соответствии с ч. 1 ст. 85 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В случае недостижения согласованного решения Президент Российской Федерации передает разрешение спора на рассмотрение соответствующего суда. Данное полномочие в случае установления дуалистической президентской республики может осуществлять как каждый из Президентов Российской Федерации, так и совместно.

Очевидно, что в случае введения новой формы государственного устройства в перспективе потребуются внесение соответствующих изменений в Конституцию России, но они не затронут главы 1 и 2 Конституции Российской Федерации. Тем самым можно будет обеспечить стабильность и преемственность конституционных ценностей одновременно с изменением президентской республики на дуалистическую президентскую республику.

Концепция новой формы государственного устройства – дуалистической президентской республики – направлена на обеспечение, с одной стороны, стабильности и преемственности политики Президента Российской Федерации, а с другой – развитие государства и законодательства. В случае установления дуалистической президентской республики единый институт Президента Российской Федерации будет включать нормы, регулирующие деятельность двух Президентов. Один из них мог бы быть главой государства, а другой – гарантом Конституции России, прав и свобод человека и гражданина. При этом представляется важным выделить три вида полномочий: совместные, исключительно индивидуальные и обычные индивидуальных полномочиях Президентов Российской Федерации.

Полагаю, что многие полномочия могли бы осуществляться совместно двумя Президентами Российской Федерации – принятие решения об отставке Правительства Российской Федерации, роспуске Государственной думы.

Некоторые полномочия целесообразно осуществлять исключительно одним из двух Президентов Российской Федерации самостоятельно. Например, инициирование процедуры импичмента для судей Конституционного Суда Российской Федерации, приостановление действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае противоречия этих актов Конституции России до решения этого вопроса соответствующим судом

Важны и обычные индивидуальные полномочия, которые каждый из Президентов Российской Федерации мог бы осуществлять самостоятельно. Например, право законодательной инициативы.

Также следует разработать механизм ответственности каждого из Президентов Российской Федерации. Его эффективность достигается путем повышения роли институтов гражданского общества, корректировки механизма отрешения от должности каждого из Президентов Российской Федерации, включая возможность каждого из них инициировать процедуру отрешения от должности другого Президента Российской Федерации. Однако это – тема для самостоятельного исследования.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по обеспечению взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации при проведении конституционно-правовой реформы в субъектах РФ» от 5 октября 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. № 41. Ст. 3875. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7961.

2. Елисеев Б. П. Институт Президента Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1992. 18 с.

3. Ципко А. С. Президентские выборы в России надо отменить // Независимая газета. 1996. 20 февраля.

4. Окуньков Л. А. Президент Российской Федерации. Москва: Норма; Инфра-М, 1996. 240 с.

5. Ворошилов Н. Н. Критический обзор учения о разделении властей. Ярославль: Тип. Губ. Зем. управы, 1871. 461 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/61405-voroshilov-n-n-kriticheskii-obzor-ucheniya-o-razdelenii-vlastey-yaroslavl-1871#mode/inspect/page/1/zoom/4>.

6. Будаев К. А. Реализация принципа разделения властей в Конституции РФ, в Конституциях и уставах субъектов Федерации // Конституция как символ эпохи: в 2 т. / под ред. С. А. Авакьяна. Т. 1. Москва: МГУ, 2004. 376 с.

7. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. Москва: Юрид. лит., 2005. 656 с. URL: <https://pt.b-ok.cc/book/2898823/dd61ee>.

8. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 18. Ст. 2116.

9. Шевцов В. С. Разделение властей в Российской Федерации. Часть первая. Москва: ПолиграфОпт, 2004. 399 с.

References

1. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii «O merakh po obespecheniyu vzaimodeistviya federal'nykh organov gosudarstvennoi vlasti i organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii pri provedenii konstitutsionno-pravovoi reformy v sub"ektakh RF» ot 5 oktyabrya 1995 g.* [Decree of the President of the Russian Federation «On measures to ensure the interaction of the federal bodies of state power and bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation during constitutional reform in the constituent entities of the Russian Federation» dated October 5, 1995 g. № 1007]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1995, no. 41, Article 3875. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7961 [in Russian].

2. Eliseev B. P. *Institut Prezidenta Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Institute of the President of the Russian Federation: author's abstract of the Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 1992, 18 p. [in Russian].

3. Cipko A. S. *Prezidentskie vybory v Rossii nado otmennit'* [Presidential elections in Russia must be canceled]. *Nezavisimaya gazeta*, 1996, February 20 [in Russian].

4. Okunkov L. A. *Prezident Rossiiskoi Federatsii* [President of the Russian Federation]. Moscow: Norma; Infra-M, 1996, 240 p. [in Russian].

5. Voroshilov N. N. *Kriticheskii obzor ucheniya o razdelenii vlastei* [Critical review of the doctrine of separation of powers]. Yaroslavl: Tip. Gub. Zem. upravly, 1871, 461 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/61405-voroshilov-n-n-kriticheskii-obzor-ucheniya-o-razdelenii-vlastey-yaroslavl-1871#mode/inspect/page/1/zoom/4> [in Russian].

6. Budaev K. A. *Realizatsiya printsipa razdeleniya vlastei v Konstitutsii RF, v Konstitutsiyakh i ustavakh sub"ektov Federatsii* [Implementation of the principle of separation of powers in the Constitution of the Russian Federation, in Constitutions and Charters of the constituent entities of the Russian Federation]. In: *Konstitutsiya kak simvol epokhi: v 2 t. Pod red. S. A. Avak'jana. T. 1.* [Constitution as a symbol of the era: in 2 vols. S. A. Avak'yan (Ed.). Vol. 1]. Moscow: MGU, 2004, 376 p. [in Russian].

7. Ebzeev B. S. *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiiskoi Federatsii* [Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation]. Moscow: Yurid. lit., 2005, 656 p. Available at: <https://pt.b-ok.cc/book/2898823/dd61ee> [in Russian].

8. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 18, Article 2116 [in Russian].

9. Shevcov V. S. *Razdelenie vlastei v Rossiiskoi Federatsii. Chast' pervaya* [Separation of powers in the Russian Federation. Part one]. Moscow: PoligrafOpt, 2004, 399 p. [in Russian].

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО CIVIL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-123-129
УДК: 347.15/18

Дата: поступления статьи / Submitted: 11.12.2019
после рецензирования / Revised: 18.01.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

И. А. Михайлова

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: irina_milhaylova@list.ru

ПРАВО НА ДОСТОЙНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В СИСТЕМЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Аннотация: В статье рассматриваются истоки появления в российской юридической науке понятия «право на достойное существование» и положения о праве на достойное существование, предусмотренные в ряде международных документов. Автор подробно анализирует теоретические вопросы, связанные с определением правовой сущности данного права и правомочий, составляющих его содержание, а также его соотношение с другими субъективными правами физических лиц. Много внимания уделяется проблемам, имеющимся в реализации права на достойное существование в современных условиях, характеризующихся снижением уровня жизни многих российских граждан, на основе чего выдвигается вывод, что отмеченные факторы неблагоприятно влияют на возможность полноценной реализации их гражданских прав и всестороннего развития личностного потенциала. Автор рассматривает основные направления развития и обеспечения данного субъективного права, первым шагом которого должно стать его легальное закрепление среди других субъективных прав российских граждан.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, гражданские права, право на жизнь и здоровье, право на жилище, уровень жизни, право на достойное существование, проблемы в реализации, конституционные положения.

Цитирование. Михайлова И. А. Право на достойное существование в системе субъективных прав российских граждан // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 123–129. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-123-129>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

I. A. Mikhaylova

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation
E-mail: irina_milhaylova@list.ru

RIGHT TO A DIGNIFIED EXISTENCE IN THE SYSTEM OF SUBJECTIVE RIGHTS OF RUSSIAN CITIZENS

Abstract: This article considers the origins of the concept of a «right to a dignified existence» and the provisions on the right to a dignified existence provided for in a number of international instruments in Russian legal science. The author reviews theoretical issues related to the determination of the legal nature of this right and the powers constituting its content in more detail, together with its relationship with other subjective rights that comprise the content of the civil legal capacity of individuals. Much attention has been devoted to the problems, existing in the realization of the right to a dignified existence in modern conditions, characterized by a decline in living standards of many Russian citizens, it must therefore be concluded, that the noted factors adversely affect the possibility of full realization of civil rights and the full development of personal potential. The author examines the main directions of development and enforcement of this subjective law, the first step of which should be its legal consolidation among other subjective rights of Russian citizens.

Key words: Constitution of the Russian Federation, civil rights, right to life and health, right to housing, standard of living, right to a dignified existence, challenges in the realization, constitutional provisions.

Citation. Mikhaylova I. A. *Pravo na dostoynoye sushchestvovaniye v sisteme sub'yektivnykh prav rossiyskikh grazhdan* [Right to a dignified existence in the system of subjective rights of Russian citizens]. *Iuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 123–129. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-123-129> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Ирина Александровна Михайлова** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), 117279, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55 а.

Тема докторской диссертации: «Гражданская правосубъектность физических лиц: проблемы законодательства, теории и практики». Автор более 90 научных работ, в том числе

Irina A. Mikhaylova – Doctor of Law, professor, professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Russian State Academy of Intellectual Property, 55 a, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117279, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Civil personality of individuals: problems of legislation, theory and practice». Author of more than 90 scientific works, including monographs: «Civil personality

монографий: «Гражданская правосубъектность физических лиц: проблемы законодательства, теории и практики» (2006), «Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы» (2018), «Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании» (2018).

Область научных интересов: признание, осуществление, охрана и защита гражданских и семейных прав физических лиц.

В Конституции Российской Федерации впервые в отечественной истории было закреплено положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью и что их признание, соблюдение и защита – обязанность государства (статья 2). Приведенные положения нашли свое отражение в Гражданском кодексе Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), установившем обширный круг имущественных и личных неимущественных прав граждан (ст. 18 ГК РФ) и принадлежащих им нематериальных благ (п. 1 ст. 150 ГК РФ), в результате чего содержание правоспособности физических лиц в настоящее время включает в себя практически все права, закрепленные в Европейской конвенции от 4 ноября 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» [2, с. 539–570].

Наиболее революционный характер имело закрепление в ГК РФ права граждан иметь имущество на праве частной собственности, заниматься предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельностью, а также создавать юридические лица. Легальная регламентация названных правомочий, не признававшихся в советский период, в условиях становления, развития и совершенствования рыночного типа экономики кардинально изменила все параметры жизни миллионов граждан и послужила мощным импульсом для развития постсоветской цивилистической доктрины.

Законодатель не остановился на отмеченных преобразованиях, и спустя непродолжительное время после принятия ГК РФ начался процесс его масштабного реформирования, в рамках которого в нормы, регулирующие отношения, возникающие в связи с реализацией, охраной и защитой субъективных гражданских прав, был внесен целый ряд изменений и дополнений [3], еще более расширивших правовые возможности российских граждан, что следует расценивать как новую ступень развития и совершенствования данного правового института.

Так, существенно изменились правила, определяющие гражданско-правовой статус граждан, страдающих психическим расстройством: в соответствии с Федеральным законом от № 302-ФЗ [4] в составе таких лиц были выделены граждане, состояние которых позволяет им понимать значение своих действий или руководить ими, но только при помощи других лиц (п. 2 ст. 30 ГК РФ). Введенная законодателем дифференциация объема дееспособности лиц, страдающих психическим расстройством, в зависимости от тяжести и особенностей проявления данного расстройства и новые требования, возлагаемые на их опекунов и попечителей (ст. 29–37 ГК РФ), значительно

повысили возможности осуществления, охраны и защиты прав и интересов таких граждан, количество которых за последние десятилетия существенно возросло.

Research interests: recognition, implementation and protection of civil and family rights of individuals.

повысили возможности осуществления, охраны и защиты прав и интересов таких граждан, количество которых за последние десятилетия существенно возросло.

Характер и последствия названных преобразований активно обсуждаются и положительно оцениваются в современной литературе [5, с. 26–34; 6, с. 77–85]. Представляется бесспорным, что к настоящему времени законодательная регламентация субъективных прав российских граждан достигла уровня, который значительно превосходит прежние подходы к рассматриваемому институту. Однако в нем нашли отражение еще не все права, признаваемые за гражданами в международных актах и законодательных системах зарубежных государств. Речь идет о праве на достойное существование, значение которого, по словам П. И. Новгородцева, «столь высоко, что оно должно было бы найти место в Символе веры современного правосознания» [7, с. 185].

Данная категория была введена в отечественную юриспруденцию великим философом В. С. Соловьевым, который еще в XIX в. рассматривал содержание права на достойное существование сквозь призму наличия у граждан жилища, одежды, пищи, а также отдыха и досуга, необходимых и достаточных для восполнения сил и духовного совершенствования [8, с. 423]. В дальнейшем к анализу рассматриваемого права обращались и другие авторы, но обосновать целесообразность его легального закрепления и разработать его общепризнанную концепцию до настоящего времени так и не удалось, как не удалось и обеспечить его практическую реализацию ни в современный, ни в предшествующий периоды.

В советской доктрине понятие «право на достойное существование» не применялось, что, однако, отнюдь не означало, что в советском государстве не провозглашались цели и задачи, направленные на достижение такого уровня существования для всех граждан СССР. Так, в первой статье Гражданского кодекса РСФСР [9] было закреплено: «Гражданский кодекс РСФСР регулирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения в целях создания материально-технической базы коммунизма и *все более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан*» (курсив мой. – И. М.).

Необходимость «неуклонного повышения уровня удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан» и меры, направленные на повышение их «благополучия», обсуждались практически на всех съездах и пленумах КПСС и предусматривались во многих постанов-

лениях советского правительства, т. к., по мнению В. И. Ленина, это является целевой функцией социалистического производства: «Только социализм даст возможность... сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность наибольшего благосостояния» [10, с. 331].

Более того, построение коммунистического общества, основанного на принципе «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям», провозглашенное программной целью КПСС, означало достижение такого общественно-экономического устройства, в котором существование всех и каждого является не просто «достойным», а максимально благополучным.

Однако, как известно, декларировавшие на протяжении всего советского периода высокие цели «неустанного повышения благосостояния трудящихся» остались недостижимыми, и последние годы перед началом кардинальных перемен в общественно-государственном устройстве повсеместное падение удовлетворения «имущественных запросов» привело к тому, что все основные продовольственные и промышленные товары стали подлежать строгому нормированию и распространялись среди населения по карточкам (талонам).

Задачу по насыщению отечественного рынка продуктами, обувью, одеждой, автомобилями, строительными материалами и многими другими товарами, остававшуюся невыполнимой на протяжении долгих десятилетий, смогли в кратчайшие сроки решить те российские граждане, которые первыми реализовали предоставленное им право на осуществление предпринимательской деятельности [11], направленной на систематическое получение прибыли (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ), категорически отрицавшееся в советский период.

Закрепление в постсоветском гражданском законодательстве принципиально новых возможностей свободного самостоятельного труда, направленного на извлечение доходов от обладания имуществом, от продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, кардинально расширило параметры личностной реализации. Положительные изменения произошли во всех сферах жизни, но они коснулись далеко не всех, и уровень жизни многих граждан в условиях рыночных преобразований стал значительно ниже, чем в предшествующие годы.

Названная трансформация имеет столь сложный характер, что она нуждается в отдельном глубоком анализе не только в социально-экономическом, но и в юридическом плане. С позиций гражданского права вопрос о том, признается ли за гражданами России право на достойное существование, достойную человека жизнь, в условиях рыночной экономики приобрел новую актуальность и остроту. Именно высокий уровень жизни, достойное существование всех и каждого предопределяет наличие или отсутствие возможности надлежащей реализации комплекса субъективных прав, составляющих содержание гражданской правоспособности

(ст. 18 ГК РФ). С одной стороны, право на достойное существование выступает наряду с другими правами как самостоятельное субъективное право, но, с другой стороны, оно является элементом характеристики осуществления всех иных прав, так как их реализация характеризует достойное существование с юридической точки зрения [12, с. 6].

При этом определение сущности и содержания рассматриваемого права является гораздо более сложным, чем соответствующие характеристики иных субъективных гражданских прав. Понятие «достойное существование» представляет собой оценочную категорию, в которую представители различных социальных групп вкладывают принципиально разное содержание, что обусловлено колоссальным разрывом между доходами и уровнем жизни наиболее и наименее обеспеченных граждан России. Любой элемент, относящийся к понятию «достойное существование», будь то жилище, питание, отдых, образование, медицинское обслуживание, одежда, бытовые условия, оцениваются ими с принципиально различных позиций. В таких условиях разработка неких усредненных экономических показателей, характеризующих «достойное существование», является крайне затруднительной.

Однако такая попытка была предпринята в 1997 г. в проекте федерального закона «Об обеспечении согласованного уровня жизни граждан Российской Федерации» [13] (далее – Законопроект). В этом Законопроекте содержалось определение «достойной человека жизни как комплекса социально-экономических, правовых, экологических и иных условий, обеспечивающих соблюдение конституционного права граждан России на жизнь, соответствующих общепринятым мировым стандартам и сложившимся в обществе представлениям на основе социально-экономических возможностей общества и государства» (ч. 1 ст. 2).

В Законопроекте устанавливалось, что «обеспечение достойного человека уровня жизни граждан Российской Федерации является одной из приоритетных государственных задач, на решение которой направлены проведение единой государственной политики, система социальных, экономических, политических и иных мер» (ст. 4), а также был представлен перечень основных показателей «согласованного уровня жизни» («достойного существования») российских граждан (ст. 3).

Данный Законопроект не был принят, но сохранившиеся в нем формулировки вполне можно взять за основу для разработки определения рассматриваемого права и характеристики его содержания, как и положения, закрепленные во многих международных документах, в которых право на достойное существование давно имеет конкретное юридическое значение.

Это право было провозглашено еще 70 лет назад, во Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. [14, с. 39–44] (ст. 25). Соответствующие положения были предусмотрены также в Хартии основных прав Европейского союза [15], в Евро-

пейской Социальной Хартии [16] (ст. 4 Части I), в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (п. 1 ст. 11) [17] и некоторых других международных документах, в которых рассматриваемое понятие определяется как «достойное человека существование»; как «достаточный жизненный уровень» или как «удовлетворительный жизненный уровень», причем с неперенным добавлением, что получаемых гражданином средств должно быть достаточно для удовлетворения основных потребностей не только его, но и членов его семьи.

В качестве элементов, составляющих содержание рассматриваемого права, международные акты называют здоровье, благополучие, достаточное питание, одежду, жилище и «непрерывное улучшение условий жизни», а в качестве источников их финансирования – вознаграждение, причитающееся трудящимся гражданам, и получение социальной помощи и жилищных субсидий. При этом особо подчеркивается, что граждане имеют право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности или иной утраты средств к существованию.

Право на достойное существование, которое нашло свое закрепление и практическое воплощение во многих современных государствах, признается и за гражданами России, так как в соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции РФ в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

Однако в настоящее время названное право не находит должного обеспечения в социально-экономической сфере, которая характеризуется ростом цен на услуги ЖКХ, на продовольственные и потребительские товары; низким пенсионным обеспечением; высокой стоимостью высшего образования; наличием множества проблем в сфере здравоохранения и др., что приводит к глубокому разрыву между современными стандартами качества жизни и реальным положением многих российских граждан.

Отмеченные проблемы наиболее ощутимы гражданами, потерявшими работу. Рост безработицы стал отмечаться еще в декабре 2015 г., а в последние годы количество безработных еще более возросло и к концу 2018 г. составило 3,9 миллиона [18].

К важнейшим элементам права на достойное существование относится наличие достойных жилищных условий, которыми в настоящее время обладают далеко не все: только четверть российских граждан проживает в отдельной квартире или доме, где на одного человека приходится не менее 18 кв. метров [19].

Неблагоприятная ситуация в экономике привела к тому, что в 2018 г. разорилось множество предприятий, относящихся к различным сегментам рынка [20], что, в свою очередь, повлекло негативные последствия как для граждан, занятых на этих предприятиях, и членов их семей, так и для социально-экономической ситуации в целом.

Отмеченные и другие негативные факторы непосредственно влияют на реализацию гражданами всех субъективных прав, в том числе права на жизнь и здоровье. На совещании по вопросам здравоохранения 20 августа 2019 г. Президент России В. В. Путин назвал провальным состояние первичного звена здравоохранения и добавил, что если оно будет оставаться в том состоянии, в котором оно находится до сих пор, то количество инфарктов и инсультов не уменьшится [21].

Между тем масштаб распространенности и качество лечения названных Президентом РФ заболеваний непосредственно влияют на продолжительность жизни, которая в России значительно ниже, чем в подавляющем большинстве развитых государств [22]. Как было отмечено в итоговом докладе Росстата за 2018 год, в этом году население России сократилось на 1817 тыс. человек [23].

В последние годы понимание явного несоответствия уровня жизни миллионов граждан России современным мировым стандартам, пронизывающее общественное сознание, находит свое отражение во многих выступлениях Президента России В. В. Путина, который поручил Правительству РФ в два раза понизить уровень бедности. Ранее глава РФ дал поручение взять под контроль проблему задержек по выплатам зарплат и обеспечить устойчивый рост реальных доходов и пенсий не ниже инфляции [18].

Связанные с этим предложением многочисленные вопросы активно обсуждаются в современной литературе [24, с. 7; 25, с. 11], причем много внимания уделяется именно полемике о юридической сущности права на достойное существование [26, с. 38]. Так, представляется бесспорным положение о том, что «право как универсальный регулятор социальных отношений должно гарантировать какое-то минимально возможное для данного общества содержание достойной человека жизни для тех его членов, которые не в состоянии воспользоваться достижениями рыночных отношений» [27, с. 45].

Несмотря на имеющиеся различия в теоретических подходах к определению права на достойное существование, практически общепризнанным является положение о том, что взаимосвязь и взаимообусловленность названного права и всех иных субъективных прав носит неразрывный характер, чем и определяется его специфический характер.

Бесспорно, что при обсуждении возможности легального закрепления права на достойное существование следует правильно оценивать реалии, которые главным образом зависят от состояния государственной экономики [28, с. 5–13]. Вероятно, соответствующие возможности имеются: в мае 2018 г. Президент РФ В. В. Путин подписал указ [29], который определяет основные направления развития экономики и социальной сферы России до 2024 года. Помимо ранее названных задач в нем предполагается каждый год улучшать жилищные

условия не менее чем для пяти миллионов семей и повысить продолжительность жизни до 78 лет, а к 2030 году – до 80 лет. На указанные цели потребуется дополнительно выделить 8 триллионов рублей из бюджета.

Данный указ имеет высокую социально-экономическую направленность и ставит в качестве одной из приоритетных целей государственного развития повышение уровня жизни российских граждан, создание комфортных условий для их проживания, а также для «самореализации и раскрытия таланта каждого человека». Достижение высоких целей, предусмотренных в названном указе, реализация конкретных мер, направленных на обеспечение достойного существования для всех граждан Российской Федерации, должно стать важнейшим направлением внутренней государственной политики, основанной на конституционном положении о высшей ценности человека, его прав и свобод.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 03.08.2018 с изм. и доп., вступившими в силу с 01.06.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. URL: <https://fzrf.su/kodeks/gk-1>.
2. Международные акты о правах человека: сб. док. Москва: Норма; Инфра-М, 1999. 784 с.
3. Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 27. Ст. 3434. URL: <http://adept-inform.ru/client/document/view/databaseRevisionToDocumentsId/13758>.
4. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (в ред. Федерального закона от 04.03.2013 № 21-ФЗ) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53. Ст. 7627. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188.
5. Михайлова И. А. Осуществление субъективных прав гражданами, страдающими психическими расстройствами: новый подход и новые проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 26–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25001375>.
6. Шерстобитов А. Е. О дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами, в связи с модернизацией правил о правовом положении граждан в ГК РФ // Вестник гражданского права. 2015. № 2. Т. 15. С. 77–85. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F84621-deеспособности-stradayushhikh-psikhicheskimi-rasstrojstvami-svyazi-modernizaciej-pravil>.
7. Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Русская философия собственности XVII–XX вв.: [сборник] / авт.-сост. К. Исулов, И. Савкин. Санкт-Петербург: Изд-во СП «Ганза», 1993. 510 с. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/324/680/1231/014_Novgorodtsev.pdf.
8. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Москва: Мысль, 1988. Т. 1. 892 с. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_russkaja/solovev_sochinenija_v_2_tomakh/15-1-0-992.
9. Закон Советской Федеративной Социалистической Республики «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6095.htm.
10. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. 354 с. URL: <http://bolshievick.org/teoriya-i-praktika-bolshevizma/lenin/12.pdf>.
11. Закон РСФСР от 25.12.90 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (утратил силу с 1 июня 2002 г. – см.: ФЗ от 21.03.2002 № 31-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40.
12. Бакланова Е. В. Сущность и критерии достойной жизни человека и общества как цели социального государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 25 с.
13. Законопроект «Об обеспечении согласованного уровня жизни граждан Российской Федерации». Законопроект был обсужден и одобрен 15 марта 1997 г. на заседании Общественного комитета в поддержку и защиту общенародного референдума по уровню жизни. URL: <http://www.ural-region.net/bchel/positld/watchpkham9.htm>.
14. Всеобщая Декларация прав человека: Принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Международные акты о правах человека. Сборник документов. Москва: Норма; Инфра-М, 1999. 784 с. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
15. Хартия основных прав Европейского Союза. Принята в Ницце 7 декабря 2000 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/8026>.
16. Европейская Социальная Хартия. Турин, 18 октября 1961 г. (в редакции от 3 мая 1996 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120807.
17. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.66. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429.
18. Минтруд ожидает сокращения числа безработных россиян в 2018 году. URL: <https://politexpert.net/88975-mintrud-ozhidaet-sokrasheniya-chisla-bezrabotnykh-rossiyan-v-2018-godu>.
19. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420217344>.
20. Статистика банкротств. URL: <http://likvidaciya.ru/likvidaciya-i-bankrotstvo/statistika-bankrotstv.html>.
21. Выступление Президента РФ В. В. Путина на совещании по вопросам здравоохранения 20 августа 2018 г. URL: <https://news.mail.ru/society/38400792/?frommail=1>.
22. Продолжительность жизни 2013. URL: <http://bs-life.ru/makroekonomika/prodolzitelnost-zizni2013.html>.

23. Бизнес. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/01/23/12140701.shtml>.

24. Арбузов С. Ю. Конституционное право человека на достойную жизнь и место в системе прав человека. URL: <http://gramota.net/materials/3/2011/8-4/4.html> (дата обращения: 03.08.2019).

25. Герасимова О. Содержание конституционного права на достойную жизнь. URL: <http://www.law-n-life.ru/arch/n41.aspx> (дата обращения: 24.08.2019).

26. Родионова О. В. Юридическая сущность «права на достойное существование» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 2. С. 31–38. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23064397>.

27. Беребина О. П. Право на достойный уровень жизни – одно из основных прав граждан // Юрист. 1998. № 11/12. С. 41–45.

28. Чиркин В. Е. Россия, Конституция, достойная жизнь: анализ взаимосвязей // Государство и право. 2006. № 5. С. 5–13. URL: <http://igpran.ru/journal/public/2006-5.pdf>.

29. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.garant.ru/news/1195465/#ixzz5YEKvaOgF>.

References

1. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (v red. ot 03.08.2018 s izm. i dop., vstupivshimi v silu s 01.06.2019)* [Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 № 51-FZ (revised on August 3, 2018 as amended and supplemented, entered into force on June 1, 2019)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, Article 3301. Available at: <https://fzrf.su/kodeks/gk-1> [in Russian].

2. *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka: sb. dok.* [International instruments on human rights: Collection of Documents]. Moscow: Norma; Infra-M, 1999, 784 p. [in Russian].

3. *Federal'nyi zakon ot 02.07.2013 № 142-FZ «O vnesenii izmenenii v podrazdel 3 razдела 1 chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law dated 02.07.2013 № 142-FA «On amendments being made to subsection 3 of section 1 of part one of the Civil Code of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2013, no. 27, Article 3434. Available at: <http://adept-inform.ru/client/document/view/databaseRevisionToDocumentsId/13758> [in Russian].

4. *Federal'nyi zakon ot 30 dekabrya 2012 g. № 302-FZ (v red. Federal'nogo zakona ot 04.03.2013 № 21-FZ) «O vnesenii izmenenii v glavy 1, 2, 3 i 4 chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law dated December 30, 2012 № 302-ФЗ (as revised by the Federal Law dated March 4, 2013 № 21-FZ) «On amendments being made to Chapters 1, 2, 3 and 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2012, no. 53, Article 7627. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188 [in Russian].

5. Mikhailova I. A. *Osushchestvlenie sub"ektivnykh prav grazhdanami, stradayushchimi psikhicheskimi*

rasstroistvami: novyi podkhod i novye problemy [Realization of Personal Rights of Citizens Suffering from Mental Disorder: New Approach and New Problems]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2015, no. 11, pp. 26–34. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25001375> [in Russian].

6. Sherstobitov A. E. *O deesposobnosti lits, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroistvami, v svyazi s modernizatsiei pravil o pravovom polozhenii grazhdan v GK RF* [On the legal capacity of the mentally handicapped persons in light of the Russian Civil code development regarding the legal status of natural persons]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2015, no. 2, vol. 15, pp. 77–85. Available at: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F84621-deesposobnosti-stradayushchikh-psikhicheskimi-rasstroistvami-svyazi-modernizacii-pravil> [in Russian].

7. Novgorodtsev P. I. *Pravo na dostoinoe chelovecheskoe sushchestvovanie* [The right to a dignified human existence]. In: *Russkaya filozofiya sobstvennosti VII–XX vv.: [sbornik]. Avt.-sost. K. Isupov, I. Savkin* [Russian property philosophy of the XVII–XX centuries: [collection]. Author-complier K. Isupov, I. Savkin. Saint Petersburg: Izdvo SP «Ganza», 1993, 510 pp. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/324/680/1231/014_Novgorodtsev.pdf [in Russian].

8. Soloviev V. S. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow: Mysl', 1988, Vol. 1, 892 p. Available at: https://platonu.net/load/knigi_po_filosofii/istoriya_russkaja/solovev_sochineniya_v_2_tomakh/15-1-0-992 [in Russian].

9. *Zakon Sovetskoi Federativnoi Sotsialisticheskoi Respubliki «Ob utverzhdenii Grazhdanskogo kodeksa RSFSR»* [Law of the Soviet Federative Socialist Republic «On the approval of the Civil Code of the RSFSR»]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [Gazette of the Supreme Soviet of the RSFSR], 1964, no. 24, Article 406. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6095.htm [in Russian].

10. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. T. 12* [Complete works. Vol. 12], 354 p. Available at: <http://bolshevick.org/teoriya-i-praktika-bolshevizma/lenin/12.pdf> [in Russian].

11. *Zakon RSFSR ot 25.12.90 № 445-1 «O predpriyatiyakh i predprinimatel'skoi deyatel'nosti» (utratil silu s 1 iyunya 2002 g. – sm.: FZ ot 21.03.2002 № 31-FZ)* [RSFSR Law dated 25.12.90 № 445-1 «Concerning Enterprises and Entrepreneurial Activity» (expired on June 1, 2002 – see: Federal Act dated March 21, 2002 № 31-FZ). Retrieved from legal reference system «Consultant Plus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40 [in Russian].

12. Baklanova E.V. *Sushchnost' i kriterii dostoinoi zhizni cheloveka i obshchestva kak tseli sotsial'nogo gosudarstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Essence and criteria of a dignified life for man and society as the goals of social state: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2007, 25 p. [in Russian].

13. *Zakonoproekt «Ob obespechenii soglasovannogo urovnya zhizni grazhdan Rossiiskoi Federatsii»*. *Zakonoproekt byl obsuzhden i odobren 15 marta 1997 g. na zasedanii Obshchestvennogo komiteta v podderzhku i zashchitu obshchenarodnogo referenduma po urovnyu zhizni* [The bill «On ensuring an agreed standard of living for citizens of the Russian Federation». The bill was discussed and approved on March 15, 1997 at a meeting of the Public Committee in support and defense

of the nationwide referendum on living standards]. Available at: <http://www.ural-region.net/bchel/positld/watchpkham9.htm> [in Russian].

14. *Vseobshchaya Deklaratsiya prav cheloveka: Prinyata i provozglashena General'noi Assambleei OON 10 dekabrya 1948 g.* [Universal Declaration of Human Rights: adopted and proclaimed by the United Nations General Assembly on December 10, 1948]. In: *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka: sbornik dokumentov* [International human rights instruments: collection of documents]. Moscow: Norma; Infra-M, 1999, 784 p. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml [in Russian].

15. *Khartiya osnovnykh prav Evropeiskogo Soyuz. Prinyata v Nitstse 7 dekabrya 2000 g.* [Charter of Fundamental Rights of the European Union. Adopted in Nice on December 7, 2000]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/8026> [in Russian].

16. *Evropeiskaya Sotsial'naya Khartiya. Turin, 18 oktyabrya 1961 g. (v redaktsii ot 3 maya 1996 g.)* [European Social Charter. Turin, October 18, 1961 (revised on May 3, 1996)]. Retrieved from legal reference system «Consultant Plus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120807 [in Russian].

17. *Mezhdunarodnyi pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh. Prinyat rezolyutsiei 2200 A (XXI) General'noi Assamblei ot 16.12.66* [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Adopted by the Resolution 2200 A (XXI) of the General Assembly dated 16.12.66]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429 [in Russian].

18. *Mintrud ozhidaet sokrasheniya chisla bezrabotnykh rossiyan v 2018 godu* [Ministry of Labor expects reduction in the number of unemployed russians in 2018]. Available at: <https://politexpert.net/88975-intrud-ozhidaet-sokrasheniya-chisla-bezrabotnykh-rossiyan-v-2018-godu> [in Russian].

19. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.08.2014 № 1618-r «Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoi semeinoi politiki v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda»* [Order of the Government of the Russian Federation dated 25.08.2014 № 1618-o «On ratifying the Outline of state family policy in the Russian Federation for the period until 2025»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://docs.cntd.ru/document/420217344> [in Russian].

20. *Statistika bankrotstv* [Bankruptcy Statistics]. Available at: <http://likvidaciya.ru/likvidaciya-i-bankrotstvo/statistika-bankrotstv.html> [in Russian].

21. *Vystuplenie Prezidenta RF V. V. Putina na soveshchanii po voprosam zdavookhraneniya 20 avgusta 2018 g.* [Speech by the President of the Russian Federation V. V. Putin at a meeting on health issues on August 20, 2018]. Available at: <https://news.mail.ru/society/38400792/?frommail=1> [in Russian].

22. *Prodolzitel'nost zizni 2013* [Life span 2013]. Available at: <http://bs-life.ru/makroekonomika/prodolzitel'nost-zizni2013.html> [in Russian].

23. *Biznes* [Business]. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2019/01/23/12140701.shtml> [in Russian].

24. *Arbuzov S. Yu. Konstitutsionnoe pravo cheloveka na dostoinuyu zhizn' i mesto v sisteme prav cheloveka* [Constitutional right of a person to a dignified life and its place in the human rights system]. Available at: <http://gramota.net/materials/3/2011/8-4/4.html> (accessed 03.08.2018) [in Russian].

26. *Gerasimova O. Soderzhanie konstitutsionnogo prava na dostoinuyu zhizn'* [Content of the constitutional right to a dignified life]. Available at: <http://www.law-n-life.ru/arch/n41.aspx> (accessed: 24.08.2019) [in Russian].

27. *Rodionova O. V. Yuridicheskaya sushchnost' «prava na dostoinoe sushchestvovanie»* [Legal Essence of «the Right to Worthy Life»]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie], 2004, no. 2, pp. 31–38. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23064397> [in Russian].

28. *Berebina O. P. Pravo na dostoinyi uroven' zhizni – odno iz osnovnykh prav grazhdan* [The right to a dignified standard of living – one of the fundamental rights of citizens]. *Yurist* [Jurist], 1998, no. 11/12, pp. 41–45 [in Russian].

29. *Chirkin V. E. Rossiya, Konstitutsiya, dostoinaya zhizn': analiz vzaimosvyazei* [Russian Constitution, worthy life: the analysis of interactions]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2006, no. 5, pp. 5–13. Available at: <http://igpran.ru/journal/public/2006-5.pdf> [in Russian].

30. *Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. № 204 «O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda»* [Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018 № 204 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024»]. Available at: <http://www.garant.ru/news/1195465/#ixzz5YEkvaOgF> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-130-135
УДК 347.44

Дата: поступления статьи / Submitted: 21.12.2019
после рецензирования / Revised: 24.01.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

Е. М. Тужилова-Орданская

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: ordanskayelena@list.ru

Е. В. Федулina

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: katty45@yandex.ru

НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ ДОГОВОРНЫЕ УСЛОВИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация: Статья посвящена некоторым проблемным вопросам исследования несправедливых договорных условий в гражданском праве России и зарубежных стран. Автором предпринята попытка сформировать представление о таком правовом явлении, как несправедливые условия договора. На основе анализа зарубежного законодательства и доктринальных позиций российских цивилистов выработано определение этого понятия и выявлены его правовые признаки, такие как: содержательный признак, предполагающий, что условия договора являются обременительными для одной из сторон, хотя и не противоречащими закону, что существенно нарушает баланс интересов; процедурный признак, подразумевающий, что несправедливое условие является результатом недобросовестного поведения одной из сторон, разработавшей и включившей в договор эти условия, навязавшей свою волю контрагенту – слабой стороне.

Ключевые слова: гражданское право, договорное право, условия договора, несправедливые условия договора, добросовестность.

Цитирование. Тужилова-Орданская Е. М., Федулina Е. В. Несправедливые договорные условия в гражданском праве России и зарубежных стран // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 130–135. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-130-135>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Е. М. Tuzhilova-Ordanskaya

Bashkir State University, Ufa, Russian Federation
E-mail: ordanskayelena@list.ru

Е. V. Fedulina

Bashkir State University, Ufa, Russian Federation
E-mail: katty45@yandex.ru

UNFAIR CONTRACT TERMS IN THE CIVIL LAW OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Abstract: The article is devoted to some problematic issues of research of unfair contract terms in the civil law of Russia and foreign countries. The author attempts to form an idea of such a legal phenomenon as unfair conditions of the contract of the foreign legislation analysis basis and doctrinal positions of the Russian civilists. The definition of this concept is developed and its legal signs are identified, such as the substantial sign which assumes that the contract condition does not illegal, but are burdensome for one party of the contract and essentially violates balance interests of the parties agreement; a procedural feature that implies that an unfair condition was included in the contract as a result of unconscientious conduct of the party that developed these conditions, imposing its will on the weak party of the contract.

Key words: civil law, contract law, contract terms, unfair conditions of the contract, good faith.

Citation. Tuzhilova-Ordanskaya E. M., Fedulova E. V. *Nespravedlivye dogovornye usloviya v grazhdanskom prave Rossii i zarubezhnykh stran* [Unfair contract terms in the civil law of Russia and foreign countries]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 130–135. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-130-135> [in Russian].

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© Елена Марковна Тужилова-Орданская – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, 450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тема докторской диссертации: «Теоретические проблемы защиты прав на недвижимость в гражданском праве России». Автор более 200 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «Интересы в праве» (2019), «Конвалидация недействительных сделок в предпринимательской деятельности: анализ зарубежного законодательства // Актуальные проблемы

© Elena M. Tuzhilova-Ordanskaya – Doctor of Law, professor, head of the Department of Civil Law, Institute of Law, Bashkir State University, 32, Zaki Validy Street, Ufa, 450076, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Theoretical problems of protection of rights to real estate in civil law of Russia». Author of more than 200 scientific works, including monographs: «Interests in law: monograph» (2019), «Validation of invalid transactions in entrepreneurial activity: analysis of foreign legislation // Actual problems of entrepreneurial, corporate, environmental and labor law» (2019), «Historical and

предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права» (2019), «Историко-правовой комментарий к Конституции Республики Башкортостан» (2018).

Область научных интересов: проблемы правового регулирования отношений собственности, вопросы внешне-экономических сделок, а также защита прав потребителей.

© **Екатерина Валерьевна Федулина** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, 450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тема кандидатской диссертации: «Гражданско-правовая защита прав заемщика по договору потребительского кредита (займа)». Автор более 20 научных работ.

Область научных интересов: гражданское право; предпринимательское право; корпоративное право; внешне-экономическая деятельность.

Для нужд товарооборота в целях защиты интересов слабой стороны, вынужденной принять заведомо несправедливые договорные условия, необходимо ограничивать свободу договора. Механизмом такого ограничения является судебный ex post контроль справедливости условий договора. Однако ни ГК РФ, ни любой иной нормативный правовой акт России не содержит понятия несправедливых договорных условий. Все разработки отечественных ученых по указанной проблематике основаны на зарубежном опыте регулирования несправедливых условий в гражданско-правовых договорах.

Поскольку для российского права институт несправедливых договорных условий является новым, считаем необходимым обратиться к нормам иностранного законодательства.

Так, Директивой № 93/13/ЕЭС Совета Европы к несправедливым (unfair terms) отнесены условия договора, которые стороны не обсуждали индивидуально и которые приводят к дисбалансу их прав и обязанностей.

Статья 1171 Гражданского кодекса Франции к несправедливым относит условия, создающие «значительную диспропорцию» в правах и обязанностях контрагентов.

Таким образом, в качестве признака несправедливости условий договора зарубежный законодатель выделяет существенный дисбаланс прав и обязанностей сторон. Решение вопроса о толковании указанного понятия передается на усмотрение судов.

Однако в комментариях к европейскому частному праву (Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference) указывается на то, что данный признак несправедливости условий неудачен, поскольку его применение «предполагает сравнение судом прав и обязанностей одной стороны с правами и обязанностями контрагента, что зачастую невозможно либо недостаточно для установления недобросовестности условия». Поэтому Модельные правила несправедливыми предлагают считать условия, «применение которых вопреки требованиям добросовестности и честной деловой практики ставит другую сторону в существенно невыгодное положение» [1, с. 589–592].

Невыгодность или обременительность в качестве квалифицирующих признаков несправед-

legal commentary on the Constitution of the Republic of Bashkortostan» (2018).

Research interests: problems of legal regulation of property relations, issues of foreign economic transactions, as well as consumer protection.

© **Ekaterina V. Fedulina** – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Civil Law, Institute of Law, Bashkir State University, 32, Zaki Validy Street, Ufa, 450076, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Civil protection of the rights of a borrower under a consumer credit (loan) agreement». Author of 20 scientific works.

Research interests: civil law; business law; corporate law; foreign economic activity.

ливых условий договора используется и в актах внутреннего законодательства ряда европейских стран. Например, немецкий правоприменитель считает несправедливым такое условие договора, которое чрезвычайно невыгодно для одной из сторон, несовместимо с принципиальными основами законодательного регулирования или настолько ограничивает существенные права и обязанности, вытекающие из договора, что это ставит под угрозу достижение цели договора [2, с. 79].

Всеобщий гражданский кодекс Австрии к несправедливым относит стандартные условия договора, невыгодные для контрагента, которые он, согласно обстоятельствам (прежде всего внешнему виду документа), не должен был принимать в расчет без особого указания на них [3, с. 189].

Гражданский кодекс Нидерландов несправедливым признает условие, которое «чрезвычайно обременительно для другой стороны» договора [4, с. 235].

Можно выделить и иные признаки несправедливости договоров, которые закреплены в законодательстве различных государств: вредно для другой стороны (Туркменистан) [5], нарушает принцип добросовестности, ущемляя интересы стороны (Польша); противоречит принципам справедливости и добросовестности (Словения) [6, с. 387–393], по форме или содержанию нарушает равновесие прав и обязанностей сторон и ставит слабую сторону в невыгодное положение, а также нарушает обязанность более сильной стороны действовать добросовестно (Уругвай) [7, с. 56–72].

В большинстве стран Латинской Америки общее понятие несправедливых условий не закреплено, законодатели регламентируют такие договорные условия путем их перечисления. Например, согласно п. 1 ст. 4 Гражданского кодекса Бразилии, несправедливыми считаются условия, ограничивающие ответственность поставщика перед потребителем; запрещающие потребителю возвращать дефектный товар поставщику; устанавливающие обязанности для лиц, не являющихся поставщиками и потребителями в данном договоре; ставящие потребителя в чрезвычайно невыгодное положение; обязывающие потребителя предоставлять доказательства вины противоположной стороны; запрещающие потребителю

осуществлять свое право на обращение в административный или судебный орган с целью разрешения конфликта; позволяющие поставщику произвольно менять цену или иным образом изменять условия договора без согласия потребителя; навязывающие заключение договора или совершение другой (помимо указанной в договоре) торговой операции; могущие привести к нарушению норм о защите окружающей среды; не соответствующие системе норм о защите прав потребителей, и т. д.

Законодательство Парагвая несправедливыми признает условия, которые лишают обязательство смысла, извращают его содержание, исключают или ограничивают ответственность за причиненный вред; влекут ограничение или отказ потребителя от своих прав или наделяют противоположную сторону неограниченными правами; распределяют бремя доказывания образом, способным причинить вред потребителю; навязывают обязательное использование арбитража; позволяют стороне в одностороннем порядке менять цену и другие условия договора, а также любые другие условия, которые являются несправедливыми, чрезвычайно обременительными или ставящими слабую сторону в невыгодное положение [7, с. 56–72].

В США и ряде европейских стран проводят различия между «материальной (содержательной)» и «процедурной (процессуальной)» несправедливостью условий договора. Под материальной несправедливостью договорного условия в большинстве норм иностранного права понимается существенный дисбаланс прав и обязанностей сторон договора, который выражается в ограничении существенных прав и обязанностей, вытекающих из договора, или обременительности (невыгодности) условия для одной из сторон соглашения, под процедурной – использование сильной стороной неравных возможностей по согласованию условий договора. При этом анализируются как предшествующие заключению договора отношения сторон (в частности, добросовестность стороны, предложившей оспариваемое условие), так и характеризующие стороны договора особые признаки.

Требование об установлении и материального, и процедурного критерия для признания условия несправедливым включено в законодательство Болгарии, Венгрии, Италии и др. В ряде государств для признания условия договора несправедливым достаточно, чтобы был установлен существенный дисбаланс прав и обязанностей сторон договора.

Особое внимание заслуживает американская модель судебного *ex post* контроля справедливости договорных условий. В соответствии с положениями Единообразного торгового кодекса США, если суд сочтет условия договора недобросовестными (неоправданными), то он имеет право отказать в принудительном исполнении договора в целом или его части [8, с. 65].

Американская доктрина выделяет два типа недобросовестности: недобросовестность содержания условия (*substantive unconscion ability*)

и недобросовестность переговорного процесса (*procedural unconscion ability*) [9, с. 458]. При этом не дается четкого толкования понятия «недобросовестность» содержания договорного условия [10, с. 32]. Это дает почву для широкого судебного усмотрения [11, с. 89]. Американская судебная практика недобросовестными считает условия, «благоприятствующие интересам одной стороны», «возлагающие жестокие и обременительные условия на контрагента», «перекладывающие риски на слабую сторону» и др. Критерий недобросовестности переговорного процесса характеризует поведение сторон на стадии согласования условий договора, учитываются, в частности, следующие факторы: эксплуатация сильной стороной явного неравенства переговорных возможностей, использование недобросовестных приемов юридической техники составления договора, стандартизированный характер договора, который лишает контрагента возможности вести переговоры по его условиям и т. д. [4, с. 309]. При этом содержательная несправедливость обуславливает нивелирование дефектов переговорного процесса, а переговорная – его содержания, что в результате может привести к тому, что суд не признает такой договор недействительным [9, с. 367].

Автором выделения содержательного и процедурного критерия недобросовестности в американском праве был профессор А. Лефф – один из ярых критиков *ex post* контроля справедливости договорных условий в Единообразном торговом кодексе США [12].

Кодекс европейского частного права, в отличие от остальных актов частноправовой унификации, предполагает разное правовое регулирование включения в договор несправедливых условий в зависимости от участия или неучастия потребителя [13, с. 109–112]. Тем не менее независимо от субъектного состава правоотношений при признании условия договора оценке поддаются два фактора. Во-первых, оценивается добросовестность стороны договора (процедурный критерий), предложившей спорное условие, под которой понимается стандарт поведения, характеризующийся честностью, открытостью и уважением интересов другой стороны сделки или соответствующего правоотношения. Недобросовестным будет являться, в частности, поведение, не соответствующее предшествующим заявлениям или поведению стороны, при условии, что другая сторона, действуя себе в ущерб, разумно положила на них. Во-вторых, такое условие должно быть невыгодным (материальный критерий).

Анализ отечественной литературы позволяет констатировать факт отсутствия в России единого подхода к определению категории «несправедливые договорные условия» и единого наименования указанного понятия, для которого используются следующие термины: «явно обременительные условия договора» (А. В. Цыпленкова) [14, с. 167] «несправедливые условия» (А. Г. Карапетов, А. И. Савельев)

[4, с. 309], «недобросовестные условия (А. Г. Корецкий) [15, с. 35], «нечестные условия» (А. М. Ширвиндт) [16], «несправедливые (недобросовестные) условия» (Ю. Б. Фогельсон) [17, с. 29–55].

Не выработано и единое толкование данного правового понятия.

А. Д. Корецкий считает недобросовестными любые условия договора, которые объективно противоречат интересам одной стороны и не компенсируются предоставлением дополнительных благ со стороны другой [15, с. 53].

А. В. Цыпленкова считает, что для отнесения условий договора к обременительным следует определить, учтены ли в нем права и интересы стороны, не имевшей возможности повлиять на содержание соглашения [14, с. 134].

По мнению М. В. Кратенко, особенность недобросовестных условий договора состоит в непротиворечии их закону в явной форме (его императивным нормам), с одной стороны. С другой стороны, при определенных обстоятельствах такие условия могут лишить одного из контрагентов прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, и исключить или ограничить ответственность другой стороны за нарушение обязательств [18, с. 55].

А. И. Савельев выделяет следующие признаки, свидетельствующие о несправедливости: степень отклонения условий договора от диспозитивных норм; возможность достижения целей законодательного регулирования (в том числе обычной цели соответствующего договора); соотношение преддоговорных возможностей сторон [19]. Данный перечень дополнен М. В. Мотехиной включением в него признаков отклонения от принципа свободы договора, противоречия условий договора требованиям добросовестности, невозможности достижения обычной цели договора, невыгодности условий договора для присоединившейся стороны, причинения вреда присоединившейся стороне в результате исполнения договора и др. [20].

С. А. Морозов полагает, что условие должно быть признано судом несправедливым, если этим условием нарушается баланс интересов сторон и если слабая сторона не может отказаться от заключения договора в такой редакции [21, с. 45–53].

Под недобросовестным (несправедливым) условием потребительского договора Н. А. Внуков понимает условие, не согласованное в индивидуальном порядке и включенное в договор с целью приобретения явных или скрытых преимуществ, приводящее к значительному дисбалансу субъективных прав и обязанностей, вытекающих из потребительского договора, в ущерб гражданину-потребителю [22, с. 46], а Ю. Б. Фогельсон – условие, результатом которого становится значительное несоответствие в правах и обязанностях сторон, явно обременительное для одной из сторон, недобросовестно включенное в договор другой его стороной, имевшей такую возможность [17, с. 29–55].

Ю. В. Никонорова рассматривает феномен несправедливости в рамках анализа положений Закона «О защите прав потребителей». Под несправедливым она понимает условие, ущемляющее интересы потребителя, приводящее к неравенству прав и обязанностей сторон, носящее кабальный характер, которое индивидуально при заключении соглашения не обсуждалось. В случае включения такого условия в договор оно считается ничтожным [23, с. 127–128].

Таким образом, во всех предложенных определениях несправедливости договора прямо или косвенно выделяется признак чрезмерного дисбаланса прав и обязанностей сторон.

Библиографический список

1. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. Москва: Статут, 2013. 989 с. URL: <https://ru.b-ok2.org/book/3067679/c86bf7>.
2. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к гражданскому уложению: пер. с нем. / науч. ред. Т. Ф. Яковлева. 4-е изд., перераб. Москва: Инфотропик Медиа, 2015. 888 с. URL: <https://b-ok.xyz/book/2903372/b26be8>.
3. Всеобщий гражданский кодекс Австрии = Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch / пер. с нем. [С. С. Маслов]. Москва: Инфотропик Медиа, 2011. 272 с. URL: <https://www.jusline.at/gesetz/abgb>.
4. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Москва: Статут, 2012. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. 453 с. URL: <https://m-lawbooks.ru/index.php/product/karapetov-a-g-savelev-a-i-svobodadogovora-i-eyo-predelyi-v-2-h-t>.
5. Гражданский кодекс Туркменистана от 17 июля 1998 г. // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 1998. № 2. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31295232.
6. Schulte-Nolke H., Twigg-Flesner C., Ebers M. EC Consumer Law Compendium. Comparative Analysis. P. 387–393. URL: http://ec.europa.eu/consumers/archive/cons_int/safe_shop/acquis/comp_analysis_en.pdf (дата обращения: 18.12.2019).
7. Безбах В. В., Беликова К. М. Заключение, исполнение и прекращение договора в странах Латинской Америки // Адвокат. 2012. № 6. С. 56–72. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17791750>.
8. Единообразный торговый кодекс США: пер. с англ. Москва: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. 427 с. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/0201>.
9. Савельев А. И. Направление эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // Свобода договора: сборник статей / А. А. Амангельды, В. А. Белов, А. А. Богустов [и др.]; отв. ред. М. А. Рожкова. Москва: Статут, 2016. С. 481–542. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28403793>.
10. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. Москва: Междунар. отношения, 1998. 512 с. URL: <https://ru.b-ok2.org/book/3076197/181d6d>.

11. Клочков А. А. Стандартные (общие) условия договоров в коммерческом обороте: правовое регулирование в России и зарубежных странах. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. 210 с.

12. Leff A. Unconscionability and the Code: The Emperor's New Clause. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/0e86/bcae05287ca157f9f570e08aebc3e6c0cf55.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

13. Белов В. А. Кодекс европейского договорного права – European Contract Code: общий и сравнительно-правовой комментарий: в 2 кн. Москва: Юрайт, 2015. Кн. 1. 308 с. URL: http://static.ozone.ru/multimedia/book_file/1012203048.pdf.

14. Цыпленкова А. В. Договор присоединения как особая категория гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. 202 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/dogovor-prisoedineniya-kak-osobaya-kategoriya-grazhdanskogo-prava>.

15. Корецкий А. Д. Теория договорного регулирования гражданско-правовых отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 58 с.

16. Ширвиндт А. М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве // Вестник гражданского права. 2013. № 1. URL: <http://www.center-bereg.ru/o989.html> (дата обращения: 18.12.2019).

17. Фогельсон Ю. Б. Несправедливые (недобросовестные) условия договора // Хозяйство и право. 2010. № 10. С. 29–55. URL: <https://publications.hse.ru/articles/63264377>.

18. Кратенко М. В. Защита прав потребителей услуг: справочник. Москва: Проспект, 2013. 224 с.

19. Савельев А. И. Договор присоединения в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2010. № 5. URL: <http://www.center-bereg.ru/b6560.html> (дата обращения 18.12.2019).

20. Мотехина М. В. Условия договора возмездного оказания образовательных услуг высшего учебного заведения, ущемляющие права потребителя // Современное право. 2015. № 11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24881079> (дата обращения: 20.11.2019).

21. Морозов С. А. Новая редакция ст. 428 ГК РФ: новые возможности для оспаривания несправедливых договорных условий в предпринимательских договорах // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 3. С. 45–53. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F86863-novaya-redakciya-novye-vozmozhnosti-dlya-osparivaniya-nespravedlivykh>.

22. Внуков Н. А. Недобросовестные (несправедливые) условия потребительских договоров // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 1. С. 42–46. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F49228-nedobrosovestnye-nespravedlivye-usloviya-potrebitelskikh-dogovorov>.

23. Никонорова Ю. В. Законность как гарантия осуществления гражданских прав и исполнения гражданско-правовых обязанностей: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 199 с.

References

1. *Model'nye pravila evropeiskogo chastnogo prava / per. s angl.; nauch. red. N.Yu. Rasskazova* [Principles, Definitions, and Model Rules of European Private Law. Translation from English; scientific editor N. Yu. Rasskazov]. Moscow: Statut, 2013, 989 p. Available at: <https://ru.b-ok2.org/book/3067679/c86bf7> [in Russian].

2. *Grazhdanskoe ulozhenie Germanii: Vvodnyi zakon k grazhdanskomu ulozheniyu: per. s nem. Nauch. red. T. F. Yakovleva. 4-e izd., pererab.* [German Civil Code: Introductory Law to the Civil Code: translated from German. T. F. Yakovleva (Ed.). 4th edition, revised]. Moscow: Infotropik Media, 2015, 888 p. Available at: <https://b-ok.xyz/book/2903372/b26be8> [in Russian].

3. *Maslov S. S. Vseobshchii grazhdanskii kodeks Avstrii = Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch. Per. s nem.* [Universal Civil Code of Austria = Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch: translation from German]. Moscow: Infotropik Media, 2011, 272 p. Available at: <https://www.jusline.at/gesetz/abgb> [in Russian].

4. Karapetov A. G., Savelyev A. I. *Svoboda dogovora i ee predely: v 2 t.* [Freedom of contract and its limits: in 2 vols.]. Moscow: Statut, 2012. Vol. 2: The limits of freedom to determine the terms of the contract in foreign and Russian law. 453 p. Available at: <https://m-lawbooks.ru/index.php/product/karapetov-a-g-savelev-a-i-svoboda-dogovora-i-eyo-predelyi-v-2-h-t> [in Russian].

5. *Grazhdanskii kodeks Turkmenistana ot 17 iyulya 1998 g.* [Civil Code of Turkmenistan July 17, 1998]. *Vedomosti Medzhliisa Turkmenistana*, 1998, no. 2. Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31295232.

6. Schulte-Nolke H., Twigg-Flesner C., Ebers M. EC Consumer Law Compendium. Comparative Analysis, pp. 387–393. Available at: http://ec.europa.eu/consumers/archive/cons_int/safe_shop/acquis/comp_analysis_en.pdf (accessed 18.12.2019) [in English].

7. Bezbakh V. V., Belikova K. M. *Zaklyuchenie, ispolnenie i prekrashchenie dogovora v stranakh Latinskoj Ameriki* [Conclusion, execution and the termination of the contract in Latin-American countries]. *Advokat*, 2012, no. 6, pp. 56–72. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17791750> [in Russian].

8. *Edinoobraznyi torgovyi kodeks SShA: Per. s angl.* [United States Trade Code: translated from English]. Moscow: Mezhdunarodnyi tsentr finansovoeconomicheskogo razvitiya, 1996, 427 p. Available at: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/O201> [in Russian].

9. Savelyev A.I. *Napravlenie evolyutsii svobody dogovora pod vliyaniem sovremennykh informatsionnykh tekhnologii* [Direction of evolution of contract freedom under the influence of modern information technologies]. In: *Svoboda dogovora: sbornik statei. A. A. Amangel'dy, V. A. Belov, A. A. Bogustov i dr.; otv. red. M. A. Rozhkova* [Freedom of contract: collection of articles. A. A. Amangeldy, V. A. Belov, A. A. Bogustov et al.; M. A. Rozhkova (Ed.)]. Moscow: Statut, 2016, pp. 481–542. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28403793>.

10. Zweigert K., Kötz H. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2 t. T. 2. Per. s nem.* [Introduction to comparative law in the field of private law: in 2 vols. Vol. 2. Translated from German]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 1998, 512 p. Available at: <https://ru.b-ok2.org/book/3076197/181d6d> [in Russian].

11. Klochkov A. A. *Standartnye (obshchie) usloviya dogovorov v kommercheskom oborote: pravovoe*

- regulirovanie v Rossii i zarubezhnykh stranakh. dis. ... kand. yurid. nauk* [Standard (general) terms and conditions of contracts in commercial circulation: legal regulation in Russia and foreign countries: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2000, 210 p. [in Russian].
12. Leff A. Unconscionability and the Code: The Emperor's New Clause. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/0e86/bcae05287ca157f9f570e08aebc3e6c0cf55.pdf> (accessed 20.11.2019) [in English].
13. Belov V. A. *Kodeks evropeiskogo dogovornogo prava - European Contract Code: obshchii i sravnitel'no-pravovoi kommentarii: v 2 kn.* [Code of European Contract Law – European Contract Code: general and comparative legal commentary: in 2 books]. Moscow: Yurait, 2015, Book 1, 308 p. Available at: http://static.ozone.ru/multimedia/book_file/1012203048.pdf [in Russian].
14. Tsyplenkova A. V. *Dogovor prisoedineniya kak osobaya kategoriya grazhdanskogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk* [Treaty of Accession as a Special Category of Civil Law: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2002, 202 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/dogovor-prisoedineniya-kak-osobaya-kategoriya-grazhdanskogo-prava> [in Russian].
15. Koretskiy A. D. *Teoriya dogovornogo regulirovaniya grazhdansko-pravovykh otnoshenii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theory of contract regulation of civil law relations: author's abstract of Doctoral of Law thesis]. Rostov-on-Don, 2007, 58 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/teoriya-dogovornogo-regulirovaniya-grazhdansko-pravovykh-otnoshenii/read> [in Russian].
16. Shirvindt A. M. *Ogranichenie svobody dogovora v tselyakh zashchity prav potrebitel'ei v rossiiskom i evropeiskom chastnom prave* [Restriction of freedom of contract to protect consumer rights in Russian and European private law]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2013, no. 1. Available at: <http://www.center-bereg.ru/o989.html> (accessed 18.12.2019) [in Russian].
17. Fogel'son Yu. B. *Nespravedlivye (nedobrosovestnye) usloviya dogovora* [Unfair terms of the contract]. *Khozyaistvo i pravo* [Business and Law], 2010, no. 10, pp. 29–55. Available at: <https://publications.hse.ru/articles/63264377>.
18. Kratenko M. V. *Zashchita prav potrebitel'ei uslug: spravochnik* [Consumer protection: guide]. Moscow: Prospekt, 2013, 224 p. [in Russian].
19. Savel'yev A.I. *Dogovor prisoedineniya v rossiiskom grazhdanskom prave* [The contact of adhesion in Russian civil law]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2010, no. 5. Available at: <http://www.center-bereg.ru/b6560.html> (accessed 18.12.2019) [in Russian].
20. Motekhina M.V. *Usloviya dogovora vozmeznogo okazaniya obrazovatel'nykh uslug vysshego uchebnogo zavedeniya, ushchemlyayushchie prava potrebitelya* [Terms of Paid Higher Educational Service Contract Infringing Consumer Rights]. *Sovremennoe pravo*, 2015, no. 11, pp. 73–77. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24881079> [in Russian].
21. Morozov S. A. *Novaya redaktsiya st. 428 GK RF: novye vozmozhnosti dlya osparivaniya nespravedlivykh dogovornykh uslovii v predprinimatel'skikh dogovorakh* [New edition of Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation: new opportunities for contesting unfair contractual conditions in business contracts]. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga* [Moscow District Commercial Court Bulletin], 2016, no. 3, pp. 45–53. Available at: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F86863-novaya-redaktsiya-novye-vozmozhnosti-dlya-osparivaniya-nespravedlivykh> [in Russian].
22. Vnukov N. A. *Nedobrosovestnye (nespravedlivye) usloviya potrebitel'skikh dogovorov* [Unfair conditions of consumer contracts]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitrazh and Civil Procedure], 2012, no. 1, pp. 42–46. Available at: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F49228-nedobrosovestnye-nespravedlivye-usloviya-potrebitel'skikh-dogovorov> [in Russian].
23. Nikonorova Yu. V. *Zakonnost' kak garantiya osushchestvleniya grazhdanskikh prav i ispolneniya grazhdansko-pravovykh obyazannostei: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legality as a guarantee of the exercise of civil rights and fulfillment of civil obligations: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2014, 199 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-136-144
УДК 347.27

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 18.12.2019
после рецензирования / Revised: 20.01.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

В. В. Зайцев

Высшая школа правопедения ИГСУ,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: v.v.zaitsev@igsu.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЛОГЕ

Аннотация: В статье исследуются дополнения и изменения, внесенные в законодательство о залоге в процессе модернизации Гражданского кодекса РФ, которые сопоставляются как с нормами, действовавшими в советский период, так и с первоначальной редакцией гл. 23 ГК РФ. Автор анализирует наиболее существенные новеллы, закрепленные в §3 гл. 23, относящиеся к наиболее важным аспектам залоговых отношений, в том числе: к правовому положению их субъектов; к определению предмета залога; к основаниям возникновения и прекращения залога; к правам и обязанностям лиц, обладающих правами залогодержателя в отношении одного и того же предмета залога; к особенностям обращения залога на недвижимое имущество и вещам, не относящимся к нему; к государственной регистрации залога; к очередности удовлетворения требования кредиторов и др. Исследование и характеристика новых законодательных положений сопровождаются анализом руководящих разъяснений, сформулированным по рассматриваемым вопросам Верховным Судом РФ, а также положений, представленных в современной доктрине залогового права.

Ключевые слова: залог; законодательство о залоге; залог недвижимого имущества; залог вещей, не относящихся к недвижимому имуществу; основания возникновения залога; обстоятельства, влекущие прекращение залога; залогодержатели; добросовестные залогодержатели; обращение взыскания; очередность взыскания, старшинство залогов; регистрация залога; договор об управлении залогом.

Цитирование. Зайцев В. В. Основные направления совершенствования законодательства о залоге // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 136–144. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-136-144>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. V. Zaitsev

Institute of Public Administration and Civil Service, The School of Law,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

E-mail: v.v.zaitsev@igsu.ru

MAIN AREAS OF IMPROVEMENT LEGISLATION CONCERNING PLEDGES

Abstract: The article examines the additions and amendments which were introduced to the legislation on collateral in the process of modernization of the Civil Code of the Russian Federation, which are compared both with the norms which were in force in the Soviet period and with the original version of Ch. 23 of the Civil Code of the Russian Federation. The author analyzes the most significant novelties enshrined in §3 Ch. 23, relating to the most important aspects of collateral relations, including: the legal status of their entities; to determine the subject of pledge; to the grounds for the occurrence and termination of the pledge; to the rights and obligations of persons having the rights of a pledge holder in relation to the same subject of pledge; to the peculiarities of the circulation of pledges on real estate and things not related to it; to state registration of pledge; to the priority of satisfying the creditors' demand, etc. The study and characterization of the new legislative provisions is accompanied by an analysis of the clarified guidelines on the issues addressed by the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the provisions presented in the modern doctrine of collateral law.

Key words: pledge; collateral legislation; pledge of real estate; pledge of things not related to real estate; grounds for pledge; circumstances leading to termination of pledge; co-holders; bona fide pledge holders; foreclosure; priority of collection; seniority of pledges; registration of collateral; collateral management agreement.

Citation. Zaitsev V. V. *Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o zaloge* [Main areas of improvement legislation concerning pledges]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 136–144. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-136-144> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Владимир Васильевич Зайцев – доктор юридических наук, профессор, директор Центра экономического правосудия Высшей школы правопедения ИГСУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), 119606, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82–84.

Тема докторской диссертации: «Актуальные проблемы повышения эффективности гражданско-правового регулирования отношений по обеспечению договорных обязательств». Автор более 50 научных работ, в том числе научных статей: «Некоторые теоретические вопросы развития гражданского законодательства», «Актуальные проблемы повышения эффективности гражданско-правового регулирования отношений по обеспечению договорных обязательств».

Область научных интересов: гражданское право, семейное право, международное частное право, гражданский и арбитражный процесс.

© Vladimir V. Zaitsev – Doctor of Laws, professor, Director of the Center for Economic Justice of the Higher School of Law, Institute of Public Administration and Civil Service, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119606, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Effective increasing of civil law's regulation of relations in ensuring of contractual obligations: actual aspects». Author of more than 50 scientific works, including research articles: «Some aspects of developing of civil legislation», «Effective increasing of civil law's regulation of relations in ensuring of contractual obligations: actual aspects».

Research interests: civil law, family law, international private law, civil procedure.

Кардинальные изменения, произошедшие в последнее десятилетие прошлого века в общественно-политическом устройстве страны, в ее экономической и правовой системах, в том числе переход от командно-административного типа управления к рыночной экономике, провозглашение права частной собственности и права на осуществление предпринимательской деятельности, становление и развитие рынка недвижимости, расширение системы гражданских обязательств, стремительное усложнение гражданского оборота и многие другие факторы обусловили настоятельную необходимость совершенствования и развития всех разделов и институтов гражданского законодательства, в том числе системы способов обеспечения исполнения обязательств.

В первые постсоветские годы, в условиях формирующейся рыночной экономики, возрождения российского бизнеса, появления первых коммерческих структур, отчетливо обнаружилась низкая эффективность использования закрепленных в советском законодательстве обеспечительных способов. Потребность в действенных и эффективных обеспечительных способах значительно возросла. Новые субъекты, пришедшие во все сферы гражданского оборота, – граждане, осуществляющие индивидуальную предпринимательскую деятельность, а также стремительно создававшиеся коммерческие организации, деятельность многих из которых изначально была направлена на получение прибыли любой ценой, – нередко проявляли крайне низкий уровень исполнительской дисциплины, вследствие чего нарушения договоров, в том числе заключенных с привлечением денежных средств российских граждан, приобрели весьма широкое распространение.

Невозможность во многих случаях принудить должника к надлежащему исполнению принятой на себя обязанности в общественном сознании стала восприниматься как серьезная социально-правовая проблема, нуждающаяся в оперативном и эффективном разрешении. Учитывая отмеченную общественную потребность, законодатель уже в первые постсоветские годы предпринял активные усилия по обновлению и развитию способов обеспечения исполнения обязательств, система которых соответствовала бы реалиям рыночной экономики и эффективно выполняла бы поставленные цели: во-первых, побуждения должника к надлежащему исполнению обязательства и, во-вторых, максимально возможному сокращению убытков, причиненных кредитором нарушениями должника.

Одно из важнейших мест в системе обеспечительных способов принадлежит залого, поэтому история развития советского и постсоветского залогового права вызывает в науке и практике особый интерес [1, с. 23]. Новый этап развития российского залогового права во всем его многообразии и значимости наступил непосредственно с началом коренных преобразований общественно-политического устройства, с принятием в 1990 г. Закона РСФСР

«О собственности в РСФСР» [2], заложившего основы развития вещных прав в постсоветском гражданском законодательстве, и последовавшего в 1992 г. принятия Закона РСФСР «О залоге» [3], который явился отражением кардинальных изменений, произошедших в общественно-экономическом устройстве и в правовой системе нашего государства.

Далее новое законодательство о залоге развивалось стремительными темпами: в 1998 г. был принят Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [4], создавший условия для решения проблемы, на протяжении десятилетий оставшейся для граждан одной из наиболее важных и наиболее сложных: приобретения жилого помещения, которое в советский период было доступно весьма незначительному кругу физических лиц. Значение этого закона для судеб миллионов российских граждан и общества в целом невозможно переоценить.

На рубеже двух эпох создавался новый для отечественного правопорядка правовой механизм, и законодатель неустанно работал над его совершенствованием. Об этом свидетельствует тот факт, что с момента принятия рассматриваемого закона в него было внесено около 40 поправок и изменений. В течение этого же периода миллионы граждан, успешно применившие ипотечный механизм, стали собственниками квартир и иных объектов недвижимости, что качественно преобразило их жизнь, создав новые условия для осуществления субъективных прав, для реализации личностного потенциала, для рождения и воспитания детей.

Законодатель не оставил без внимания еще одну сферу применения залога, которая, в отличие от залога недвижимости, легально закрепленного только после начала рыночных реформ, достаточно широко применялась в советский период. Речь идет о залоге гражданами потребительских товаров в ломбардах с целью получения денежных ссуд. Эти отношения долгое время регулировались Типовым уставом ломбардов [5], а в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. [6] предусматривались только единичные положения относительно прав и обязанностей граждан, обращающихся в ломбарды (залогодателей), и залогодержателей (ч. 2 ст. 198).

30 декабря 1993 г. Типовой устав ломбардов утратил силу, и соответствующие отношения стали регулироваться правилами, закрепленным в Законе РСФСР «О залоге», а после принятия части первой ГК РФ – положениями, закрепленными в §3 гл. 23, в первую очередь – ст. 358 «Залог вещей в ломбарде». Вскоре был принят Федеральный закон «О ломбардах» [7], ставший еще одним ценным вкладом в развитие и совершенствование соответствующего раздела российского законодательства.

В настоящее время основным источником залогового права является Гражданский кодекс Российской Федерации [8] (далее – ГК РФ), в котором соответствующие положения впервые были объе-

динены в отдельном разделе – §3 главы 23 ГК РФ. В него было включено 25 статей (вдвое больше, чем в ГК РСФСР 1964 г.), ставших весьма значимыми новеллами залогового права. Обновленная система обеспечительных способов в целом и залога в частности получила глубокий и всесторонний анализ в многочисленных научных работах, многие из которых по праву считаются классическими [9, с. 719–733; 10, с. 492–551; 11, с. 48–67]. Большое внимание в доктрине того периода уделялось также исследованию возможных направлений дальнейшего развития залогового права [12, с. 16–20], но предвосхитить и достаточно точно предсказать их содержание не удалось.

О том значении, которое законодатель придавал залому и его правовому регулированию, свидетельствует тот факт, что всесторонняя модернизация рассматриваемого раздела ГК РФ была осуществлена за два года до общей реформы обязательственного права, предусмотренной Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ [13]. Многочисленные дополнения и изменения в нормы залогового права были внесены Федеральным законом от 21.12.2013 № 367-ФЗ [14], вступившим в силу с 01.07.2014. Именно с этой даты утратил силу Закон РСФСР «О залоге», а залоговое право России поднялось на качественно новый уровень своего развития.

Реформирование залогового права прежде всего отразилось в системе расположения соответствующих норм: §3 гл. 23 ГК РФ был разделен на 2 подпараграфа, первый из которых объединил нормы, устанавливающие общие положения о залоге, а второй – нормы, регламентирующие отдельные его виды, что отражало существенное повышение значимости залоговых отношений в современных условиях и стремление законодателя максимально усовершенствовать их правовое регулирование.

Об этом же свидетельствует и значительное увеличение числа норм залогового права: в новой редакции §3 появились 24 новые статьи, устанавливающие правила, относящиеся ко всем наиболее важным аспектам залоговых правоотношений и отражающие потребности в совершенствовании их правового регулирования, сформировавшиеся в гражданском обороте за время, прошедшее с принятия ГК РФ, и выявленные в процессе его применения.

Так, важным направлением реформирования залогового права стало существенное **расширение правомочий залогодержателя**. В новой (Федерального закона от 21.12.2013 № 367-ФЗ) редакции §3 гл. 23 ГК РФ были предусмотрены ранее не применявшиеся источники удовлетворения требований залогодержателя в случае неисполнения должником своего обязательства, в том числе возмещение, причитающееся залогодателю за утрату или повреждение заложенного имущества или предоставленное ему в случае изъятия (выкупа) этого имущества для государственных или муниципальных нужд, его реквизиции или национализации, которые ранее не рассматривались

в качестве обстоятельств, от которых зависит уровень обеспечения исполнения залогового обязательства.

Законодатель также предусмотрел возможность обращения взыскания на доходы от использования заложенного имущества третьими лицами (п. 2 ст. 334 ГК РФ), что существенно повышает эффективность применения залога в современном гражданском обороте.

На расширение возможностей залогодержателя было направлено введение в п. 3 ст. 334 ГК РФ положения о том, что при недостаточности суммы, вырученной в результате обращения взыскания на заложенное имущество, залогодержатель вправе удовлетворить свое требование за счет иного имущества должника, но уже не пользуясь преимуществом, основанным на залоге. Приведенная норма отражает ситуации, получившие на практике весьма широкое распространение, когда вследствие недостаточности денежных средств, вырученных от реализации заложенного имущества, требования залогодержателя удовлетворялись лишь частично, при полном отсутствии иных объектов обращения взыскания, поэтому закрепление в ГК РФ рассматриваемого правомочия залогодержателя существенно повышает гарантии обеспечения его прав и интересов.

Не менее важное практическое значение имеет новая легальная регламентация **оснований возникновения залога**. В статье 334.1 было закреплено: «Залог между залогодателем и залогодержателем возникает на основании договора. В случаях, установленных законом, залог возникает при наступлении указанных в законе обстоятельств (залог на основании закона)». Закрепляя в §3 гл. 23 ГК РФ приведенную норму, законодатель обобщил порядок применения соответствующих положений, закрепленных в ряде федеральных законов [15], по поводу которых в судебной практике возникало немало споров.

К новеллам рассматриваемого института относится также закрепление в §3 гл. 23 ГК РФ понятия **«созалогодержатели»**. Названные субъекты признаны самостоятельными кредиторами в обязательстве, обеспеченном залогом, и, если иное не установлено законом или договором, каждый из них самостоятельно осуществляет права и обязанности залогодержателя (п. 1 ст. 335.1). Такая множественность субъектов на активной стороне залоговых обязательств довольно широко распространена на практике, но в первоначальной редакции §3 гл. 23 ГК РФ не содержалось указаний, определяющих их правовое положение, что приводило к многочисленным судебным спорам. В целях минимизации подобных конфликтов законодатель ввел императивное правило о распределении между такими лицами денежных сумм, полученных от продажи заложенного имущества, установив, что они распределяются пропорционально размерам их требований, если иное не предусмотрено заключенным ими соглашением (п. 1 ст. 335.1 ГК РФ).

В рассматриваемом разделе появилась также категория «**добросовестных залогодержателей**». В соответствии с абз. 2–3 п. 2 ст. 335 ГК РФ, если вещь передана в залог залогодержателю лицом, которое не являлось ее собственником или иным образом не было надлежаще управомочено распоряжаться имуществом, о чем залогодержатель не знал и не должен был знать (добросовестный залогодержатель), собственник заложенного имущества имеет права и несет обязанности залогодателя, предусмотренные ГК РФ, другими законами и договором о залоге.

Подобные ситуации достаточно широко распространены на практике, поэтому выделение законодателем лиц, не обладавших информацией о неправомерных действиях залогодателя, в группу «добросовестных» субъектов залоговых правоотношений (подобно категории «добросовестных приобретателей», закрепленной в ст. 302 ГК РФ), вполне соответствует принципу добросовестности участников гражданских правоотношений, введенному в п. 5 ст. 10 ГК РФ Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ [16].

Названный принцип активно обсуждается современными учеными, которые, безоговорочно поддерживая и одобряя его закрепление среди других принципов гражданско-правового регулирования, тем не менее обращают внимание на проблемы, возникающие в процессе его применения [17, с. 13; 18, с. 10]. О наличии ряда вопросов, связанных с определением критериев судебного установления добросовестности залогодержателей, свидетельствуют и материалы судебной практики [19], поэтому особенности определения общегражданской категории «добросовестность» применительно к правовому положению залогодержателей нуждаются в дальнейшем анализе и обсуждении.

Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ ввел в §3 гл. 23 ГК РФ нормы, относящиеся к правовому положению не только залогодержателя, но и залогодателя. Так, важное практическое значение имеет положение о том, что «в случае, если имущество залогодателя, являющееся предметом залога, перешло к нескольким лицам, каждый из правопреемников несет вытекающие из залога последствия неисполнения обеспеченного залогом обязательства соразмерно перешедшей к нему части указанного имущества» (п. 4).

Ситуации, относительно которых было сформулировано приведенное правило, наиболее часто возникают при разделе супружеского имущества и при наследовании движимого или недвижимого имущества, переданного наследодателем в залог. Многочисленные вопросы, связанные с таким переходом, ранее решались на практике неоднозначно, а иногда и противоречиво, поэтому императивное определение правового положения каждого из правопреемников залогодателя является еще одной важной гарантией надлежащей реализации и эффективной охраны прав и интересов названных субъектов.

Реформирование залогового права затронуло регламентацию и **предмета залога**. Общие положения о предмете залога, закрепленные в п. 1 ст. 336 ГК РФ, и об имуществе, которое не может быть передано в залог, остались неизменными, но к ним были добавлены нормы, дающие возможность установления залога на имущество, которое залогодатель приобретет в будущем, а также на плоды, продукцию и доходы, полученные от заложенного имущества (п. 1–2). Целесообразность введения названных правомочий не вызывает сомнений, так как они в полной мере соответствуют беспрецедентному расширению системы гражданских обязательств и соответствующему ему усложнению современного гражданского оборота.

Действительно, потребность в получении доступа к финансированию может возникнуть и тех случаях, когда лицо не располагает движимым или недвижимым имуществом, которое можно было бы предоставить в залог, но ожидает поступления такого имущества в силу ранее возникших обязательств либо рассчитывает на получение тех или иных плодов, продукции и доходов, относительно которых в настоящее время также может быть заключено соглашение о залоге.

Рассматривая новеллы, внесенные законодателем в общие положения о залоге, нельзя не остановиться на ст. 339.1, детально регламентирующей **государственную регистрацию и учет залога**. Законодатель установил требования о государственной регистрации залога имущества, принадлежность которого конкретным лицам подлежит государственной регистрации (ст. 8.1 ГК РФ), прав участника (учредителя) общества с ограниченной ответственностью (ст. 358.15 ГК РФ), а также **учет залога имущества, не относящегося к недвижимым вещам**. Кстати, избранное законодателем собирательное название сложно признать удачным, поскольку двойное употребление частицы «не» препятствует четкому пониманию особенностей тех вещей, о которых идет речь в данном случае.

На протяжении длительного времени социально-экономическая значимость залога недвижимого имущества как для субъектов залоговых отношений, так и для российской экономики в целом была намного выше, чем под залог движимых вещей, но в последние годы, характеризующиеся снижением доходов населения и расширением масштабов банкротства, эта разновидность залога приобретает все более важное значение, поэтому введение новой для отечественного законодательства процедуры учета залога «имущества, не относящегося к недвижимым вещам», стало весьма своевременным.

Такой учет, начавшийся с 1 июля 2014 г., осуществляется путем регистрации уведомлений о залоге движимого имущества в специальном реестре уведомлений о залоге, ведение которого было предусмотрено п. 3 ч. 1 ст. 34.2 Основ законодательства о нотариате Российской Федерации [20]. Уведомления о залоге движимого имущества

могут поступать от залогодателя, залогодержателя или от другого лица. Очевидно, что для потенциальных покупателей заложенного имущества особую практическую ценность будет иметь представленная законом возможность поиска информации о предметах залога, которые разделены на три вида: транспортные средства, облигации с залоговым обеспечением и прочее движимое имущество.

Ведение учета имущества, не относящегося к недвижимым вещам, существенно расширило правовые возможности субъектов гражданского оборота; в частности, оно позволяет гражданам, намеревающимся приобрести автомобиль, удостовериться в отсутствии залога, установленного в отношении данного транспортного средства. Повышаются также гарантии охраны прав и залогодержателей, поскольку они приобретают возможность контролировать операции, осуществляемые залогодателем с предметом залога.

К числу значимых новелл залогового права следует также отнести закрепление в новой редакции ст. 342 ГК РФ категории «старшинства залогов». Законодатель установил, что «в случаях, если имущество, находящееся в залоге, становится предметом еще одного залога в обеспечение других требований (последующий залог), требования последующего залогодержателя удовлетворяются из стоимости этого имущества после требований предшествующих залогодержателей». Такое соотношение, названное «старшинством залогов», может, однако, быть изменено соглашением между залогодержателями либо соглашением между одним, несколькими или всеми залогодержателями и залогодателем. Во всяком случае указанные соглашения не затрагивают права третьих лиц, не являющихся сторонами указанных соглашений (п. 1 ст. 432 ГК РФ).

Ранее такой залог допускался, если он не был запрещен последующими договорами о залоге, а в настоящее время последующий залог может быть запрещен только законом (абз.1 п. 2 ст. 342). По поводу данной новеллы в литературе отмечалось, что «при таком регулировании исключается возможность злоупотребления со стороны залогодателя» [21, с. 220], но этот вывод, на наш взгляд, излишне оптимистичен, поскольку возможности недобросовестных залогодателей для различных злоупотреблений по-прежнему остаются достаточно широкими.

Важное практическое значение имеет также новелла, предусматривающая **очередность удовлетворения требований залогодержателей** в зависимости от момента возникновения каждого залога. Законодатель установил, что, если будет доказано, что залогодержатель на момент заключения договора или на момент возникновения обязательств, с которыми закон связывает возникновение залога, знал или должен был знать о наличии предшествующего залогодержателя, требования такого предшествующего залогодержателя удовлетворяются преимущественно (п. 1 ст. 342.1).

В новой редакции §3 гл. 23 было весьма существенно расширено и законодательное регулирование порядка **обращения взыскания на заложенное имущество**. В настоящее время содержание данного института составляют весьма обширные по объему нормы, закрепленные в четырех пунктах ст. 348 и восьми пунктах ст. 349, совокупность которых регламентирует практически все аспекты гражданских правоотношений, возникающих в рассматриваемой ситуации.

В новой редакции статьи 349 ГК РФ законодатель устанавливает особенности обращения взыскания на различные виды заложенного имущества, в зависимости от чего предусматривается либо судебный, либо внесудебный порядок такого обращения. Относительно последнего в рассматриваемый параграф была внесена новая статья 350.1, устанавливающая правила **реализации заложенного имущества при обращении на него взыскания во внесудебном порядке**.

В свою очередь, в ст. 350.2 были закреплены целый ряд норм, устанавливающих основания, условия и порядок проведения торгов при реализации имущества, не относящегося к недвижимым вещам, что имеет весьма существенное практическое значение, поскольку с высокой степенью вероятности можно предположить, что в современных экономических условиях масштабы залога такого рода имущества будут еще более возрастать, как и потребность в его реализации для удовлетворения требований залогодержателей.

Вопросы, связанные с процедурой и условиями обращения взыскания, весьма активно исследуются в современной доктрине, но, как правило, применительно к недвижимости. Так, ряд интересных выводов относительно порядка обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество сформулировала В. А. Молчанова, которая, в частности, справедливо отмечает, что «гарантированные залогом недвижимости кредитные ресурсы обеспечивают приток инвестиций в производственную сферу, повышают платежный спрос на рынке недвижимости, способствуют решению проблемы обеспеченности граждан жильем» [22, с. 3].

В процессе модернизации залогового права весьма существенные изменения претерпели и правила, регламентирующие **прекращение залога**. Так, если в прежней редакции ст. 350 ГК РФ было указано всего 4 основания прекращения залога, то в новой редакции данной статьи число оснований прекращения залога достигло 10, причем закрепленный в ней перечень не является исчерпывающим. К прежним основаниям был добавлен целый ряд обстоятельств, в результате чего в настоящее время предусмотрены практически все ситуации, складывающиеся в сфере залоговых отношений, которые рассматриваются в качестве обстоятельств, влекущих прекращение залога на заложенное имущество.

Такое значительное расширение оснований прекращения залога положительно оценивается в

современной доктрине. Как отмечает О. С. Гринь, «одним из наиболее ожидаемых изменений в нормах о залоге стало введение специального основания прекращения залога в том случае, если заложенное имущество возмездно приобретено лицом, которое не знало и не должно было знать, что это имущество является предметом залога» [21, с. 249], и с приведенной оценкой следует полностью согласиться.

Рассматриваемая ситуация нашла свое отражение в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2015), утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ 04.03.2015 [23, с. 12–14].

Весьма важное практическое значение имеет также введение так называемого **«договора управления залогом»**, сконструированного применительно к обязательствам, исполнение которых связано с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности. В пункте 1 ст. 356 закреплено, что кредиторы по обеспечиваемому залогом обязательству вправе заключить договор управления залогом с одним из таких кредиторов или третьим лицом (управляющим залогом). По договору управления залогом управляющий залогом, действуя от имени и в интересах всех кредиторов, заключивших договор, обязуется заключить договор залога с залогодателем и (или) осуществлять все права и обязанности залогодержателя по договору залога, а кредитор (кредиторы) – компенсировать управляющему залогом понесенные им расходы и уплатить ему вознаграждение, если иное не предусмотрено договором.

Приведенным определением легальная регламентация новой договорной конструкции не исчерпывается, и далее законодатель устанавливает практически все параметры введенного договора (пп. 2–6 ст. 356). Договор управления залогом является настолько сложной конструкцией и имеет настолько важное значение, что заслуживает отдельного анализа, но можно с уверенностью утверждать, что его введение в современный гражданский оборот, в активно развивающиеся и постоянно усложняющиеся залоговые отношения значительно совершенствует их правовое регулирование и заслуживает безоговорочной поддержки.

Таким образом, главным итогом реформирования гл. 23 ГК РФ явилось беспрецедентное расширение и усложнение содержания норм, регулирующих правоотношения, возникающие в связи с залогом движимых и недвижимых вещей. Достаточно отметить, что суммарный объем статей, относящихся к залогом (48 статей), в полтора раза превышает количество норм, относящихся ко всем другим способам обеспечения исполнения обязательств (28 статей). При этом, как известно, система источников современного залогового права отнюдь не исчерпывается §3 гл. 23 и названными ранее многочисленными федеральными законами; она включает в себя и многие другие законодательные акты, и другие разделы ГК РФ.

Закрепление рассмотренных и иных правил, внесенных в общие положения о залоге, существенно обогатило и качественно преобразовало российское залоговое право, расширило субъективные права всех участников залоговых правоотношений и повысило гарантии полноценной реализации и эффективной защиты прав и интересов залогодателей, залогодержателей и связанных с ними третьих лиц, что, несомненно, способствует дальнейшему поступательному развитию российской экономики.

Однако дополнения, внесенные в законодательство о залоге, далеко не исчерпываются рассмотренными новеллами. В нем появились новые виды залога, которые не предусматривались ни в советский период, ни в первоначальной редакции гл. 23 ГК РФ: залог обязательственных прав (ст. 358.1–358.8), возможность которого активно обсуждалась в доктрине [24, с. 15–18]; залог прав по договору банковского счета (ст. 358.9–358.14) [25, с. 18]; залог прав участников юридических лиц (ст. 358.15); залог ценных бумаг (ст. 368.16–358.17) и залог исключительных прав [26, с. 6–7] (ст. 368.18). Названные виды залога уже стали предметом активного научного исследования [27, с. 55–68], что свидетельствует о настоящем расцвете доктрины залогового права, вполне соответствующей беспрецедентно высокому уровню модернизированного законодательства о залоге. Значение рассмотренного раздела российского законодательства невозможно переоценить, так как надлежащее исполнение договорных обязательств представляет собой основу функционирования любой экономической системы, создавая условия, необходимые для осуществления прав субъектов гражданского оборота, стабилизации и развития экономических процессов, улучшения инвестиционного климата, расширения всех сфер предпринимательской деятельности и повышения благосостояния российских граждан.

Библиографический список

1. Долгополова Н. О. История развития института залога // Молодой ученый. 2017. № 21(1551). Дата размещения статьи: 28.05.2017. URL: <https://moluch.ru/archive/155/43769> (дата обращения: 12.11.2019).
2. Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР» (ред. от 24.06.1992, с изм. от 01.07.1994) (утратил силу – см. ФЗ от 30.11.1994 № 52-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=4704&fld=134&dst=1000000001,0&nd=0.33155519220919016#05187181497970015>.
3. Закон РФ от 29.05.1992 № 2872-1 «О залоге» (ред. от 06.12.2011 с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2013) (утратил силу с 1 июля 2013 г. – см.: ФЗ от 21.12.2013 № 367-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522.
4. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (в ред. от 02.08.2019 № 261-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396.

5. Постановление Совета министров СССР от 7 июня 1968 г. № 358 «Об утверждении Типового устава ломбардов» (в ред. от 31.08.1972 г. № 54) (утратило силу с 30.12.1993 г. – см.: постановление Правительства РФ от 10 декабря 1994 г. № 1354). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337/d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33.

6. Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 11.06.1964 «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6095.htm.

7. Федеральный закон «О ломбардах» от 19.07.2007 № 196-ФЗ (в ред. от 23.04.2018 № 90-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70009.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 03.08.2018 с изм. и доп., вступившими в силу с 01.06.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7279>.

9. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. Москва: Юрайт-Издат, 2008. 993 с. (автор раздела – Р. С. Бевзенко, с. 719–733).

10. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: общие положения. Изд. 2-е, испр. Москва: Статут, 2000. 848 с. URL: http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/KNIGI/DOGOVOR_KN_1.htm.

11. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. Москва: Статут, 2003. 265 с. URL: https://www.studmed.ru/view/gongalo-bm-uchenie-ob-obespechenii-obyazatelstv-voprosy-teorii-i-praktiki_f43806e1bd5.html.

12. Шичанин А. В., Гривков О. Д. Тенденции развития залоговых отношений в России // Законодательство и экономика. 2001. № 5. С. 16–20. (Предпринимательская деятельность: опыт и перспективы).

13. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176165.

14. Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации» (в ред. от 26.07.2017 № 212-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://kcs56.ru/documents/2095>.

15. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (ред. от 29.06.2018 № 171-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155.

16. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188.

17. Богданов Е. Категория добросовестности в гражданском праве. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/7407> (дата обращения: 13.11.2019).

18. Михайлова И. А. Категория «добросовестность» в гражданском праве // Цивилист. 2013. № 2. С. 7–10. URL: <http://www.jurpro.ru/wp-content/uploads/2013/05/CT-02-13.html#z15>.

19. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 29.04.2016 по делу № А46-12910/2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

20. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581.

21. Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы: монография / отв. ред. Е. Е. Богданова. Москва: Проспект, 2018. 416 с. (автор раздела «Обеспечение исполнения обязательств: новое в законодательстве и развитие судебной практики» – О. С. Гринь, с. 219–252). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37043018>.

22. Молчанова В. А. Гражданско-правовые вопросы обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 28 с. URL: <https://www.disscat.com/content/grazhdansko-pravovye-voprosy-obrashcheniya-vzyskaniya-na-zalozhennoe-nedvizhimoe-imushchestvo/read>.

23. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ №1 (2015), утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ 04.03.2015 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 5. С. 12–14. URL: https://www.vsrp.ru/Show_pdf.php?Id=9865.

24. Богатырев Ф. О. Проблемы залога прав // Хозяйство и право. 2000. № 7. С. 13–16.

25. Богданов Е. В. Договор совместного банковского счета // Предпринимательство и право: информационно-аналитический портал (дата размещения статьи: 09.01.2019). URL: lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8919 (дата обращения: 13.11.2019).

26. Медведев С. В. Правовое регулирование отношений, связанных с залогом исключительных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 25 с. URL: <http://lawtheses.com/pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-svyazannyh-s-zalogram-isklyuchitelnyh-prav>.

27. Новиков К. А. Правила о залоге отдельных видов имущества в новой редакции Гражданского кодекса // Вестник экономического правосудия. 2016. № 10. С. 55–68. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26716494>.

28. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 29.07.2018 № 272-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Dolgopolova N. O. *Istoriya razvitiya instituta zaloga* [The history of the development of the pledge institute]. *Molodoi uchenyi*, 2017, no. 21 (1551). Date of publishing of an article: 28.05.2017. Available at: <https://moluch.ru/archive/155/43769> (accessed 12.11.2019) [in Russian].

2. *Zakon RSFSR ot 24.12.1990 № 443-1 «O sobstvennosti v RSFSR»* (red. ot 24.06.1992, s izm. ot 01.07.1994) (utratil silu – sm. FZ ot 30.11.1994 № 52-FZ) [Law of the RSFSR dated 24.12.1990 № 443-1 «Concerning Property in the RSFSR» (revised on 24.06.1992, as amended on 01.07.1994) (repealed – see FZ dated 30.11.1994 № 52-FZ). Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=4704&fld=134&dst=100000001.0&rnd=0.33155519220919016#05187181497970015> [in Russian].
3. *Zakon RF ot 29.05.1992 № 2872-1 «O zaloge»* (red. ot 06.12.2001 s izm. i dop., vstupayushchimi v silu s 01.01.2013) (utratil silu c 1 iyulya 2013 g. – sm.: FZ ot 21.12.2013 № 367-FZ) [Law of the Russian Federation dated May 29, 1992 № 2872-1 «Concerning Pledges» (revised on December 6, 2001, as amended and supplemented, to enter into force on January 1, 2013) (repealed since July 1, 2013 – see: FZ dated December 21, 2013 № 367-FZ)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522 [in Russian].
4. *Federal'nyi zakon ot 16.07.1998 № 102-FZ «Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti)»* (v red. ot 02.08.2019 № 261-FZ) [Federal law dated 16.07.1998 № 102-FZ «Concerning Mortgages (Pledges of Immovable Property)» (revised on 02.08.2019 № 261-FA)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396 [in Russian].
5. *Postanovlenie Soveta ministrov SSSR ot 7 iyunya 1968 g. № 358 «Ob utverzhdenii Tipovogo ustava lombardov»* (v red. ot 31.08.1972 № 547) (utratilo silu s 30.12.1993 – sm.: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27 dekabrya 1994 g. № 1354) [Decree of the Council of Ministers of the USSR dated June 7, 1968 № 358 «On approval of the Model charter of pawnshops» (revised on August 31, 1972, № 547) (repealed on December 30, 1993 – see: Resolution of the Government of the Russian Federation dated December 27, 1994 № 1354)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33 [in Russian].
6. *Zakon Rossiiskoi Sovetskoj Federativnoj Sotsialisticheskoi Respubliki ot 11.06.1964 «Ob utverzhdenii Grazhdanskogo kodeksa RSFSR»* [Law of the Russian Soviet Federative Socialist Republic dated 11.06.1964 «On the approval of the Civil Code of the RSFSR»]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*, 1964, no. 24, Article 406. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6095.htm [in Russian].
7. *Federal'nyi zakon «O lombardakh» ot 19.07.2007 № 196-FZ* (v red. ot 23.04.2018 № 90-FZ) [Federal Law «On pawnshops» dated July 19, 2007 № 196-FZ (revised on April 23, 2018 № 90-FZ)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70009 [in Russian].
8. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ* (v red. ot 03.08.2018 s izm. i dop., vstupivshimi v silu s 01.06.2019) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FA (rev. on August 3, 2018 as amended and supplemented, entered into force on June 1, 2019)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, Article 3301. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7279> [in Russian].
9. *Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Pod obshch. red. V. A. Belova* [Civil law: actual problems of theory and practice. V. A. Belov (Ed.)]. Moscow: Yurait-Izdat, 2008, 993 p. (section author – R. S. Bevzenko, pp. 719–733) [in Russian].
10. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. *Dogovornoe pravo. Kniga pervaya: obshchie polozheniya. Izd. 2-e, ispr.* [Contract law. Book One: general provisions. Second edition, revised]. Moscow: Statute, 2000, 848 p. Available at: http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/KNIGI/DOGOVOR_KN_1.htm [in Russian].
11. Gongalo B. M. *Uchenie ob obespechenii obyazatel'stv. Voprosy teorii i praktiki* [Doctrine on securing obligations. Issues of theory and practice]. Moscow: Statut, 2003, 265 p. Available at: https://www.studmed.ru/view/gongalo-bm-uchenie-ob-obespechenii-obyazatelstv-voprosy-teorii-i-praktiki_f43806e1bd5.html [in Russian].
12. Shichanin A. V., Grivkov O. D. *Tendentsii razvitiya zalogovykh otnoshenii v Rossii* [Trends in the development of collateral relations in Russia]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 2001, no. 5, pp. 16–20. Available at: <https://www.lawmix.ru/comm/6040> [in Russian].
13. *Federal'nyi zakon ot 08.03.2015 № 42-FZ «O vnesenii izmenenii v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii»* [Federal law dated 08.03.2015 № 42-FZ «On amendments being made to Part One of the Civil Code of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176165.
14. *Federal'nyi zakon ot 21.12.2013 № 367-FZ «O vnesenii izmenenii v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i priznanii utrativshimi silu otdel'nykh zakonodatel'nykh aktov Rossiiskoi Federatsii»* (v red. ot 26.07.2017 № 212-FZ) [Federal law dated December 21, 2013 № 367-FZ «On amendments being made to Part One of the Civil Code of the Russian Federation and invalidation of certain legislative acts of the Russian Federation» (revised on July 26, 2017 № 212-FZ)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://rkc56.ru/documents/2095>.
15. *Federal'nyi zakon ot 21.12.2001 № 178-FZ «O privatizatsii gosudarstvennogo i munitsipalnogo imushchestva»* (red. ot 29.06.2018 № 171-FZ) [Federal Law dated December 21, 2001 № 178-FZ «Concerning the Privatization of State and Municipal Property» (revised on June 29, 2018 № 171-FZ)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155 [in Russian].
16. *Federal'nyi zakon ot 30 dekabrya 2012 g. № 302-FZ «O vnesenii izmenenii v glavy 1, 2, 3 i 4 chast' pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law dated December 30, 2012 № 302-FZ «On amendments being made to Chapters 1, 2, 3 and 4 of Part one of the Civil Code of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188 [in Russian].
17. Bogdanov E. *Kategoriya dobrosovestnosti v grazhdanskom prave* [The category of good faith in civil law]. Available at: <http://www.lawmix.ru/comm/7407> (accessed 13.11.2019) [in Russian].
18. Mikhaylova I. A. *Kategoriya «dobrosovestnost'» v grazhdanskom prave* [The Category of «Good Faith» in Civil Law]. *Tsivilist*, 2013, no. 2, pp. 7–10. Available at:

<http://www.jurpro.ru/wp-content/uploads/2013/05/CT-02-13.html#z15> [in Russian].

19. *Opređenje Sudebnoi kollegii Verkhovnogo Suda RF ot 29.04.2016 po delu № A46-12910/2013* [Decision of the Judicial Board of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 29, 2016 with regard to case № A46-12910/2013]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

20. *Osnovy zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o notariate» (utv. Verkhovnym Sovetom RF 11.02.1993 № 4462-1) (red. ot 03.08.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2018)* [«Fundamental Principles of Legislation of the Russian Federation on the Notariat» (approved by the Supreme Council of the Russian Federation dated 11.02.1993 № 4462-1) (revised on 03.08.2018) (as amended and supplemented, entered into force on 01.10.2018)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581 [in Russian].

21. *Reforma obyazatel'stvennogo prava Rossii: problemy i perspektivy: monografiya. Otv. red. E. E. Bogdanova* [Reform of the law of obligations of Russia: problems and prospects: monograph. E. E. Bogdanova (Ed.)]. Moscow: Prospekt, 2018, 416 p. (author of the section «Ensuring the fulfillment of obligations: new in the law and the development of judicial practice» – O. S. Grin, pp. 219–252). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37043018> [in Russian].

22. Molchanova V.A. *Grazhdansko-pravovye voprosy obrashcheniya vzyaskaniya na zalozhennoe nedvizhimoe imushchestvo: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Civil law issues of foreclosure on mortgaged real estate: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2012, 28 p. Available at: <https://www.dissertat.com/content/grazhdansko-pravovye-voprosy-obrashcheniya-vzyskaniya-na-zalozhennoe-nedvizhimoe-imushchestv/read> [in Russian].

23. *Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda RF № 1 (2015), utverzhdennoi Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 04.03.2015* [Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 (2015), approved

by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 04.03.2015]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2015, no. 5, pp. 12–14. Available at: https://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=9865 [in Russian].

24. Bogatyrev F. O. *Problemy zaloga prav* [Problems of the pledge of rights]. *Khozyaistvo i pravo* [Business and Law], 2000, no. 7, pp. 13–16 [in Russian].

25. Bogdanov E. V. *Dogovor sovmestnogo bankovskogo scheta* [Contract of Joint Deposit Account]. *Predprinimatel'stvo i pravo. Informatsionno-analiticheskii portal* [Entrepreneurship and Law. Information and analytical portal] (publishing date of the article is January 9, 2019). Available at: lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8919 (accessed 13.11.2019) [in Russian].

26. Medvedev S. V. *Pravovoe regulirovanie otnoshenii, svyazannykh s zalogom isklyuchitel'nykh prav: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of relations related to the pledge of exclusive rights: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2013, 25 p. Available at: <http://lawtheses.com/pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-svyazannyh-s-zalogom-isklyuchitelnyh-prav> [in Russian].

27. Novikov K. A. *Pravila o zaloge otdel'nykh vidov imushchestva v novoi redaktsii Grazhdanskogo kodeksa* [The Rules on the Pledge of Specific Types of Property in the Renewed Text of the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosuđiya* [The Herald of Commercial Justice of Russia], 2016, no. 10, pp. 55–68. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26716494>.

28. *Federal'nyi zakon ot 30.12.2004 № 214-FZ «Ob uchastii v dolevom stroitel'stve mnogokvartirnykh domov i inykh ob"ektov nedvizhimosti i vnesenii izmenenii v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» (v red. ot 29.07.2018 № 272-FZ)* [Federal law dated 30.12.2004 № 214-FZ «On apartment block construction co-funding or otherwise real estate units and introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» (revised on July 29, 2018 № 272-FZ)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-145-151
УДК 347.5Дата: поступления статьи / Submitted: 23.12.2019
после рецензирования / Revised: 25.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

С. Р. Дерюгина

Волгоградский гуманитарный институт, г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: sofia.deryugina3764@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Аннотация: В данной статье рассматриваются существенные проблемы гражданско-правовой ответственности, возникающей при причинении вреда источником повышенной опасности. Проанализированы концепции, определяющие источник повышенной опасности как объект и как деятельность, создающую повышенную опасность для окружающего мира. Анализ действующего законодательства и существующей цивилистической доктрины позволил сделать вывод о зависимости признания той или иной деятельности / объекта в качестве источника повышенной опасности от условий осуществления такой деятельности / условий существования объекта. Автор дает обобщенную характеристику условиям и основанию рассматриваемой гражданско-правовой ответственности. Обосновывается мысль о причине отказа законодателя от необходимости рассмотрения вины как условия наступления гражданско-правовой ответственности при причинении вреда источником повышенной опасности. Аргументировано, что закрепление данного вида правонарушения имеет превентивную направленность. Обосновываются специфические особенности ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности, при которой безразлична противоправность или правомерность поведения субъекта в момент причинения вреда при наступлении гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: деликтная ответственность, гражданско-правовая ответственность, источник повышенной опасности, материальный объект, деятельность, риск, основание ответственности.

Цитирование. Дерюгина С. Р. Правовые особенности деликтных обязательств, возникающих при причинении вреда источником повышенной опасности // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 145–151. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-145-151>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

S. R. Deryugina

Volgograd Institute for the Humanities, Volgograd, Russian Federation
E-mail: sofia.deryugina3764@mail.ru

LEGAL FEATURES OF THE TORT OBLIGATIONS ARISING AT CAUSING OF HARM BY THE SOURCE OF THE INCREASED DANGER

Abstract: This article deals with the problems of understanding the essence of civil liability arising from the infliction of harm by a source of the increased danger. The concepts that define the source of the increased danger as an object and as an activity that creates an increased danger to the world are analyzed. The analysis of the current legislation and the existing civil doctrine allowed to draw a conclusion about dependence of recognition of this or that activity/object as a source of the increased danger on conditions of implementation of such activity/conditions of existence of object. The author gives a generalized description of the conditions and grounds of the civil liability under consideration. The idea is substantiated because of the refusal of the legislator from considering guilt of the owner a source of increased danger in which responsibility mediated event not occurred, and with a specific probability of occurrence. The specificity of liability for causing harm by a source of the increased danger, in which the illegality or legality of the behavior of the subject at the time of causing harm in the appointment of civil liability is indifferent, is indicated.

Key words: tort liability, civil liability, source of the increased danger, material object, activity, risk, basis of responsibility.

Citation. Deryugina S. R. *Pravovye osobennosti deliktnykh obyazatel'stv, vznikayushchikh pri prichinenii vreda istochnikom povyshennoi opasnosti* [Legal features of the tort obligations arising at causing of harm by the source of the increased danger]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 145–151. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-145-151> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Софья Романовна Дерюгина – юрисконсульт правового управления, Волгоградский гуманитарный институт, 400119, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. 25-летия Октября, 1, стр. 2.

Автор 6 научных статей, в том числе: «Райдшеринг: проблемы правового регулирования и гражданско-правовой ответственности»; «Трансформация института источника повышенной опасности как следствие развития информационно-телекоммуникационных технологий».

Область научных интересов: гражданское право.

© Sophia R. Deryugina – legal adviser of the Legal Department, Volgograd Institute for the Humanities, bldg. 2, 1, 25-letiya Oktyabrya Street, Volgograd, 400119, Russian Federation.

Author of 6 research articles, including: «Carsharing and Ridesharing: on the Legal Nature of Agreements»; «Transformation of the institute of a source of increased danger as a consequence of the development of information and telecommunication technologies».

Research interests: civil law.

Обязательства из причинения вреда в гражданском праве (деликтные обязательства) напрямую

связаны с восстановлением нарушенных прав субъектов гражданских правоотношений. Являясь

самостоятельным институтом гражданского права, они характеризуются отсутствием соглашения между субъектами правоотношения и, соответственно, взаимного волеизъявления, последствия которого нежелательны и нарушают права и законные интересы субъектов внедоговорных правоотношений.

Институт деликтных обязательств имеет многовековую историю. В основополагающем правовом документе Руси, «Русской Правде» [1, с. 56], рассматриваемое понятие приравнивалось к преступлениям. С развитием института деликты были выделены из уголовных преступлений в отдельную категорию. Тем не менее это обстоятельство оказало прямое влияние на формирование условий привлечения к гражданской ответственности за причинение вреда и необходимости установления состава гражданского правонарушения.

Однако восстановительная направленность гражданской ответственности, опосредованная противоправным характером деяния причинителя вреда, явилась предпосылкой для существования презумпции вины причинителя вреда, в отличие от уголовной ответственности, имеющей в основе презумпцию невиновности. Соответственно, лицо, выступающее в роли должника, считается виновным в совершении правонарушения и обязанным возместить причиненный ущерб в полном объеме, пока не докажет обратное.

Гражданско-правовая наука предусматривает специальный деликт, который отличается от генерального наличием дополнительных условий ответственности или исключением таковых. В частности, причинение вреда источником повышенной опасности относится к специальным деликтам. Это обусловлено отличием правового регулирования исследуемого деликта от иных обязательств из причинения вреда. Так, общими условиями ответственности за причиненный вред в гражданско-правовом отношении являются: противоправное поведение правонарушителя, наличие причиненного вреда, причинная связь между поведением правонарушителя и причинением вреда, вина правонарушителя. Исключая ряд условий, гражданское законодательство предусматривает повышенную ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности, наступающую при наличии всего трех условий: вред как основание возникновения обязательств; действия, обусловленные эксплуатацией источника повышенной опасности; причинно-следственной связью. Однако и эти условия имеют специфику, отличающую данное правонарушение от других видов деликтов.

Полемика вокруг сущности понятия «источник повышенной опасности» ведется в русле определения его либо как объекта [2, с. 53], либо как деятельности, создающей повышенную опасность [3, с. 34]. Понятие источника повышенной опасности и его основные характеристики содержатся в постановлении Пленума ВС РФ от 26.01.2010 № 1, оперирующем понятием «деятельности», созда-

ющей повышенную опасность. Конституирующими особенностями источника повышенной опасности называются: наличие вероятности причинения вреда и невозможность полного контроля за этой деятельностью. Также Пленум приводит перечень видов деятельности, которые можно квалифицировать как источником повышенной опасности: «деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами» [4, с. 12].

Двойственность в определении исследуемого понятия обусловлена преобразованием правовой системы, существовавшей с момента зарождения СССР. Так, в гражданских кодификациях 1922, 1961, 1964, 1991 годов под источником повышенной опасности подразумевался «объект» [5, с. 63], тогда как в настоящее время гражданское законодательство оперирует понятием «деятельность». В связи с этим в научной цивилистической литературе сложились две основные теории: «теория объекта» и «теория деятельности».

Представители первой научной концепции обосновывают свою позицию тем, что законодатель, описывая источник повышенной опасности, указывает на возможность существования в отношении него вещных и обязательственных прав (абз. 2 п. 1 ст. 1079 ГК РФ) [6, с. 57]. Исходя из того что объектом права собственности выступает определенное имущество, соответственно, и источником повышенной опасности, следуя формулировке закона, должны являться предметы материального мира.

Представители второго направления ссылаются на законодательные формулировки в которых фигурирует деятельность, создающая повышенную опасность, а не объект [7, с. 32].

Существование обеих концепций обусловлено неоднозначностью положений ст. 1079 ГК РФ. В указанной статье содержится отсылка к норме, определяющей источник повышенной опасности как деятельность. Однако при анализе положений ст. 1079 ГК РФ можно прийти к выводу об источнике повышенной опасности и как о материальном объекте. Это доказывается указанием на возможность обладания данным объектом на вещном праве. Владение деятельностью не представляется возможным.

В абзаце 2 п. 19 указанного постановления ВС РФ № 1 используется термин «управление» в контексте возможности управления объектом права (например, автомобилем), что исключает возможность считать источником повышенной опасности деятельность. Далее в абз. 1 и 2 п. 19 постановления ВС № 1 при рассмотрении источника повышенной опасности как деятельности возникает казус в виде несовместимости понятий, а именно – Верховный Суд РФ использует следующую формулировку: «...если владельцем источника повышенной опасности будет доказано, что этот источник выбыл из его обладания в

результате противоправных действий других лиц (например, при угоне транспортного средства)...; при наличии вины владельца источника повышенной опасности в противоправном изъятии этого источника из его обладания». Логично заключить, что выбывание и изъятие деятельности, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека считается бессмысленным.

Таким образом, считаем, что, определяя сущность термина «источник повышенной опасности», законодатель подразумевает наиболее обобщенное понятие, включающее в себя как деятельность, так и материальный объект.

Однако, возвращаясь к исследованию доктрины, следует отметить, что в научной литературе преимущественно распространен взгляд на источник повышенной опасности как на создающую возможность возникновения вреда деятельность. Одно из наиболее обстоятельных исследований в данной области было проведено Б. С. Антимоновым и В. Г. Вердниковым. Отражение концепций ученых, зародившееся в советский период, сохранилось по сей день. Согласно указанной позиции под источником повышенной опасности понимается деятельность, связанная с возможностью использования определенного рода вещей, которая не может в полной мере контролироваться человеком, результатом чего является большая вероятность причинения вреда [8, с. 650]. Аналогичная точка зрения высказывалась М. М. Агарковым [9, с. 450].

Необходимо отметить, что при рассмотрении деятельности как источника повышенной опасности цивилисты вкладывают особый смысл в это понятие. Ученые практически заменяют сущность понятия «деятельность» материальными объектами, используя определенные орудия и средства производства как материальный объект, относящийся непосредственно к источнику повышенной опасности.

Согласно теории «объекта», под источником повышенной опасности понимаются свойства объектов материального мира, которые не могут быть полностью подконтрольны человеку, имеющие высокую степень вероятности нанесения ущерба окружающей среде и причинения вреда человеку [10, с. 88].

Данная концепция имеет определенную двойственность. Так, в качестве источника повышенной опасности, основываясь на мнении О. А. Красавчикова, подлежит рассматривать исключительно предметы материального мира, обладающие такими свойствами, которые создают повышенную опасность для окружающих [11, с. 103]. Данными объектами материального мира могут выступать непосредственно вещи, находящиеся в процессе эксплуатации, при котором создается повышенная угроза причинения вреда [12, с. 48].

Деятельность как таковая не обладает характеристиками повышенной опасности, то есть сама по

себе не является источником возникновения вреда. Поэтому сама деятельность, отдельно от объектов, которые имеют опасные свойства, не может вызывать те или иные реальные изменения в явлениях и предметах материального мира. Однако, принимая во внимание разностороннюю судебную практику, определение источника повышенной опасности исключительно как материального объекта может повлечь к необъективному и нецелостному правосудию.

Безусловно, что обе существующие концепции имеют право на существование. К сожалению действующее законодательство, а также сложившаяся судебная практика не дает однозначного ответа на правовую сущность источника повышенной опасности, так как в ряде случаев источник понимается сугубо как объект материального мира, тогда как в других рассматривается как определенная деятельность.

Исключая категоричность в обосновании каждой из теорий, можно отметить, что указанные позиции не исключают друг друга. Группа цивилистов, гармонично объединяя две концепции, указывает, что источником повышенной опасности выступает вредоносность объектов материального мира, в должной степени неподконтрольная человеку, возникающая при их технической эксплуатации [13, с. 188]. Такая позиция опосредована тем, что сами объекты вне деятельности не могут причинить вред, который подразумевается при причинении источником повышенной опасности, и, наоборот, сама деятельность, без объектов материального мира, имеющих повышенную опасность, также неспособна причинить вред. Из этого следует вывод, что причинение вреда статичным объектом, при котором отсутствует какая-либо деятельность, не будет квалифицироваться как причинение вреда источником повышенной опасности.

Таким образом, сложность толкования понятия источника повышенной опасности обоснована как неоднородностью его конституирующих признаков, так и многообразием объектов, способных в тех или иных условиях являться либо не являться источником повышенной опасности. Указанным источником может выступать как деятельность, имеющая специфический опасный характер, тогда как иная деятельность с тем же материальным объектом является безопасной, так и материальный объект, использование которого в любом виде деятельности без исключений несет в себе повышенную вероятность причинения вреда окружающему миру. Таким образом, признание или непризнание объекта либо деятельности источником повышенной опасности напрямую зависит от условий, в которых существует объект или осуществляется деятельность.

Именуемая дискуссия вызывает необходимость установления на законодательном уровне сущностных характеристик свойств источника повышенной опасности. Полагаем, что под источником повышенной опасности, наряду с объек-

том и деятельностью, следует понимать условия и способ появления возможности причинения вреда личности, обществу, государству. Из этого следует, что оба подхода являются верными, но истинная сущность данного понятия будет достигнута только при использовании предлагаемых понятий в совокупности. Различия концепций заключаются в одностороннем взгляде на исследуемую проблему: каждая из них берет в качестве определяющего один из характерных признаков источника повышенной опасности. К такому выводу приводит смысл понятия «причина» как предпосылка возникновения общественно опасных условий. Это выступает обобщающим понятием и служит подтверждением как «теории деятельности», так и «теории объекта».

Деликтная ответственность в рассматриваемых случаях возникает при условии, что эксплуатация объекта материального мира не могла быть в должной степени проконтролирована человеком и вред был причинен теми опасными свойствами источника повышенной опасности, которые позволяют его признать таковым. Данный факт имеет важное значение для квалификации содеянного и, соответственно, определению общей или повышенной ответственности. Гражданско-правовая ответственность возникает при наличии неблагоприятных последствий использования материального объекта, который не поддается полному контролю со стороны человека и обладает общественно опасными свойствами и выражается в обязанности субъектов потерпеть имущественные лишения в целях восстановления положения потерпевшего.

Рассматривая специфику состава гражданского правонарушения, связанного с причинением вреда источником повышенной опасности, следует отметить отсутствие среди обязательных элементов состава, вины причинителя вреда. Этот факт нельзя считать казусом нашего законодательства, как и нельзя утверждать, что в этом случае нивелируются принципы гражданского права. По справедливому замечанию О. А. Красавчикова, при причинении вреда рассматриваемым источником вина существует априори, формируясь фактическим или юридическим обладанием вещью. Таким образом, вина владельца источника повышенной опасности и, соответственно, вероятность возмещения общественно вредных последствий возникают с момента возникновения права собственности или иного вещного права на данный источник [14, с. 116–151].

Фактически ответственность за причиненный вред владельцем источника повышенной опасности состоит из риска наступления общественно опасных последствий. Субъективным основанием возложения ответственности без вины является возможность возникновения вреда. Риск охватывает любой возможный вариант потери должного контроля за источником повышенной опасности владельцем.

Данными обстоятельствами обусловлена презумпция вины владельца источника повышенной

опасности. Презумпция вины – исключительно гражданско-правовое явление. Как известно, в других отраслях права главенствует положение о невиновности субъекта права, пока обратное не будет доказано. Следовательно, вина является необходимой частью состава правонарушения, установление которой необходимо для привлечения лица, виновного в возникновении общественно опасных последствий. Однако в регулировании гражданско-правовых отношений, в частности исследуемого деликта, вина правонарушителя не является решающим фактором наступления ответственности. Поэтому установление факта гражданско-правового деликта уже является основанием для возникновения у лица негативной обязанности.

Основанием возникновения деликтной ответственности при причинении вреда данным источником является непосредственно нарушенное обязательство либо причиненный вред [15, с. 35]. Следовательно, остальные обстоятельства, указывающие на отсутствие вины владельца, потерпевшего или оснований освобождения от негативной обязанности, выступают условиями ответственности. К ним относятся обстоятельства, опосредующие наличие повышенной угрозы причинения вреда рассматриваемым источником, эксплуатация которого сопряжена причинной связью с возникшими общественно вредными последствиями. Вред должен быть причинен непосредственно общественно опасными свойствами данного источника, неподконтрольного в должной степени владельцу [16, с. 9–15]. Таким образом, законодатель устанавливает особую защиту потерпевших от действия источников повышенной опасности посредством закрепления такого гражданского правопорядка, при котором отсутствие вины не освобождает владельца источника повышенной опасности от деликтной ответственности.

Отсутствие значения при привлечении к ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, факта о соответствии деятельности субъекта правовым предписаниям или противоправности его поведения выступает спецификой рассматриваемого деликта. Однако законодатель ставит в зависимость размер рассматриваемой ответственности от правомерности/неправомерности поведения владельца данного источника. При наличии противоправности суд учитывает ее степень и характер при определении санкций.

Законодатель допускает отступления от правила привлечения к ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, независимо от правомерности / неправомерности поведения. Такой вывод можно сделать, анализируя положения законодательства и практики его применения в отношении привлечения к гражданско-правовой ответственности воинских частей, других силовых структур.

Общественные отношения, связанные с осуществлением военной деятельности, иной право-

охранительной деятельности, характеризуются повышенным риском наступления неблагоприятных последствий. Исходя из общих положений действующего законодательства, субъектом ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, будет являться воинская часть, иная подобная структура как владелец источника повышенной опасности.

Однако в доктрине вопрос об ответственности указанных субъектов является спорным. Дискуссия ведется по поводу признания правомерности / неправомерности деятельности, к примеру, военных сил. Так, Е. В. Соколова считает, что любая деятельность военных сил РФ является правомерной и, соответственно, обоснованной, поэтому привлечение к ответственности таких частей является недопустимым. Таким образом, Е. В. Соколова оправдывает особый статус военных организаций при ведении боевых действий. Автор считает, что вред, причиненный в результате боевых действий, не подлежит возмещению по требованиям третьих лиц [17, с. 112–117].

Доводы автора подтверждаются судебной практикой, когда отсутствие ответственности оправдывается целями действий силовых структур, а именно предотвращением опасности в отношении государства и его граждан с учетом пределов крайней необходимости. Деятельность таких субъектов права не имеет аналогов в РФ и является единственным средством защиты населения и обеспечения безопасности государства [18, с. 3–11].

Исходя из того что деятельность силовых структур осуществляется в соответствии с целями и задачами, поставленными государством, в силу Конституции РФ и ГК РФ установлено ограничение гражданских прав, связанных с правом на возмещение вреда, возникшего в результате эксплуатации источника повышенной опасности. При этом следует отметить, что при причинении вреда третьим лицам при проведении учений и иных действий, не связанных с оборонной сферой, ответственность наступает на общих основаниях в рамках специального деликта. Полагаем, что такая ситуация еще раз подтверждает наш вывод о зависимости признания той или иной деятельности, объекта в качестве источника повышенной опасности от условий осуществления такой деятельности / условий существования объекта.

Особенности деликтных правоотношений, возникающих вследствие причинения вреда источником повышенной опасности, опосредованы специфическим объектом причинения вреда, субъектом ответственности и юридическим составом. Особенность рассматриваемой ответственности состоит в отказе от учета вины причинителя вреда. Основанием возложения ответственности без вины является риск наступления общественно опасных последствий. Специфика субъекта обусловлена наличием вещных либо обязательственных оснований обладания источником повышенной опасности.

Сложность квалификации гражданского правонарушения, связанного с использованием источника повышенной опасности и причинения им вреда, определена и неоднозначным понятием источника повышенной опасности. Противоречия гражданского законодательства, послужили причиной возникновения теорий о двойственной сущности источника (теории объекта и теории деятельности). Проведенное исследование позволило нам сделать вывод о взаимосвязанности объекта и деятельности в понятии источника повышенной опасности. Деятельность как таковая не обладает характеристиками повышенной опасности, то есть сама по себе не является источником возникновения вреда. Поэтому сама деятельность, отдельно от объектов, которые имеют опасные свойства, не может вызывать те или иные реальные изменения в явлениях и предметах материального мира.

Анализ действующего законодательства и существующей цивилистической доктрины позволил сделать вывод о зависимости признания той или иной деятельности / объекта в качестве источника повышенной опасности от условий осуществления такой деятельности / условий существования объекта.

Основываясь на предыдущем выводе, предлагается под источником повышенной опасности, наряду с объектом и деятельностью, понимать условия и способ появления возможности причинения вреда личности, обществу, государству.

Исключая ряд условий, гражданское законодательство предусматривает повышенную ответственность, наступающую при наличии всего нескольких обстоятельств: причиненного вреда, который возник вследствие эксплуатации источника, и причинной связи между наступившим ущербом и последствиями. В регулировании гражданско-правовых отношений, в частности исследуемого деликта, вина правонарушителя не является решающим фактором наступления ответственности. Поэтому установление факта гражданско-правового деликта уже является основанием для возникновения у лица негативной обязанности. Ответственность будет иметь место при отсутствии непосредственной вины владельца, при этом важным фактором является обладание специфическим объектом. При этом ответственность обусловлена событием не произошедшим, а имеющим определенную долю вероятности наступления. Следовательно, субъективным основанием возложения ответственности без вины является возможность возникновения вреда, а именно – риск.

Спецификой ответственности за причиненный вред источником повышенной опасности является безразличность к противоправности или правомерности поведения субъекта в момент причинения вреда при назначении гражданско-правовой ответственности. Однако законодатель ставит в зависимость размер рассматриваемой ответственности от правомерности/неправомерности поведения владельца данного источника.

Таким образом, обязательства из причинения вреда составляют многосторонний и актуальный институт гражданского права, характеризующийся отсутствием в гражданско-правовых отношениях между сторонами соглашения и, соответственно, взаимного волеизъявления, последствия которого нежелательные и нарушают права и законные интересы субъектов внедоговорных правоотношений.

Библиографический список

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Москва: Юрид. лит., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. 1256 с.
2. Соломин С. К. Институт возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности: некоторые аспекты правотворческого и правоприменительного характера // *Власть Закона*. 2015. № 2. С. 51–60. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24038612>.
3. Антимонов Б. С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Москва: Госюриздат, 1952. 201 с. URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=23>.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // *Российская газета*. 2010. № 24. С. 3–8. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790.
5. *Гражданское право*. Т. 3 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Москва: Статут, 1999. 453 с. URL: https://www.studmed.ru/sergeev-ap-tolstoy-yuk-grazhdanskoe-pravo-tom-3_b7d605ac420.html.
6. Соломин С. К. Институт возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности: некоторые аспекты правотворческого и правоприменительного характера // *Власть Закона*. 2015. № 2. С. 51–60. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24038612>.
7. Антимонов Б. С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Москва: Госюриздат, 1952. 201 с. URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=23>.
8. *Российское гражданское право*. Т. 2 / под ред. Е. А. Суханова. Москва: Статут, 2011. 1208 с.
9. Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2 / М. М. Агарков; МГУ, каф. гражданского права юридического факультета. Москва: Статут, 2012. 533 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19857553>.
10. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. Москва: Госюриздат, 1951. 301 с. URL: <https://b-ok2.org/book/3042510/aa263f>.
11. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. Москва: Юрид. лит., 1966. 289 с. URL: <https://booksee.org/book/526603>.
12. Майданник Л. А., Сергеева Н. Ю. Материальная ответственность за повреждение здоровья. Москва: Госюриздат, 1953. 213 с. URL: <https://naukaprava.ru/catalog/297/560946/37437>.
13. *Советское гражданское право*. Т. 2 / под ред. В. П. Грибанова, С. М. Корнеева. Москва, 1980. 306 с. URL: <https://b-ok.xyz/book/3091686/a8a12d>.
14. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. Москва: Юрид. лит., 1966. 289 с. URL: <https://booksee.org/book/526603>.
15. Казаченок О. П. Цифровые права в современном гражданском обороте: тенденции и перспективы развития // *Хозяйство и право*. 2019. № 11 (514). С. 39–44. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41238823>.
16. Дерюгина Т. В. Теоретические и практически проблемы толкования и применения категорий «убытки», «вред» и «ущерб» // *Legal Concept. Правовая парадигма*. 2018. Том 17. № 1. С. 9–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.1.2>.
17. Соколова Е. В. О некоторых вопросах ответственности воинской части за имущественный вред, причиненный в результате использования источников повышенной опасности военного назначения // *Право в Вооруженных Силах*. 2013. № 5. С. 112–117. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/69713-nekotorykh-voprosakh-otvetstvennosti-voinskoj-chastimushhestvennyj-vred>.
18. Постановление Арбитражного суда кассационной инстанции Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17 марта 2003 г. по делу № Ф08-427/2003. Доступ из СПС «Гарант».

References

1. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t.* [Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vols.]. Moscow: Yurid. lit., 1984. Vol. 1. Legislation of Ancient Russia, 1256 pp. [in Russian].
2. Solomin S. K. *Institut vozmeshcheniya vreda, prichinennogo istochnikom povyshennoi opasnosti: nekotorye aspekty pravotvorcheskogo i pravoprimeritel'nogo kharaktera* [Institute of the indemnification caused by the source of the increased danger: some aspects of law-making and law-enforcement character]. *Vlast' Zakona*, 2015, no. 2, pp. 51–60. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24038612> [in Russian].
3. Antimonov B. S. *Grazhdanskaya otvetstvennost' za vred, prichinennyi istochnikom povyshennoi opasnosti* [Civil liability for damage caused by a source of the increased danger]. Moscow: Gosyurizdat, 1952, 201 p. Available at: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=23> [in Russian].
4. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 26 yanvarya 2010 № 1 «O primeneni sudami grazhdanskogo zakonodatel'stva, reguliruyushchego otnosheniya po obyazatel'stvam vsledstvie prichineniya vreda zhizni ili zdorov'yu grazhdanina»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 26, 2010 № 1 «About application by the courts of the civil legislation regulating the relations on obligations owing to causing harm to life or health of the citizen»]. *Rossiiskaya gazeta*, 2010, no. 24, pp. 3–8. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790 [in Russian].
5. *Grazhdanskoe pravo*. T. 3. Pod red. A. P. Sergeeva, Yu. K. Tolstogo [Civil right. Volume 3. A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy (Eds.)]. Moscow: Statut, 1999, 453 p. Available at: <https://www.studmed.ru/sergeev-ap-tolstoy->

yuk-grazhdanskoe-pravo-tom-3_b7d605ac420.html [in Russian].

6. Solomin S. K. *Institut vozmeshcheniya vreda, prichinennogo istochnikom povyshennoi opasnosti: nekotorye aspekty pravotvorcheskogo i pravoprimenitel'nogo kharaktera* [Institute of the indemnification caused by the source of the increased danger: some aspects of law-making and law-enforcement character]. *Vlast' Zakona*, 2015, no. 2, pp. 51–60. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24038612> [in Russian].

7. Antimonov B. S. *Grazhdanskaya otvetstvennost' za vred, prichinennyi istochnikom povyshennoi opasnosti* [Civil liability for damage caused by a source of the increased danger]. Moscow: Gosyurizdat, 1952, 201 p. Available at: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=23> [in Russian].

8. *Rossiiskoe grazhdanskoe pravo. T. 2. Pod red. E. A. Sukhanova* [Russian civil law. Vol. 2. E. A. Sukhanov (Ed.)]. Moscow: Statut, 2011, 1208 p. [in Russian].

9. Agarkov M. M. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. Tom 2* [Selected works on civil law. Vol. 2]. Moscow: Statut, 2012, 533 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19857553> [in Russian].

10. Fleishits E. A. *Obyazatel'stva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashcheniya* [Obligation from causing of harm and unjust enrichment]. Moscow: Gosyurizdat, 1951, 301 p. Available at: <https://b-ok2.org/book/3042510/aa263f> [in Russian].

11. Krasavchikov O. A. *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo istochnikom povyshennoi opasnosti* [Compensation of harm caused by a source of the increased danger]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1966, 289 p. Available at: <https://booksee.org/book/526603> [in Russian].

12. Maidannik L. A., Sergeeva N. Yu. *Material'naya otvetstvennost' za povrezhdenie zdorov'ya* [Material responsibility for damage to health]. Moscow: Gosyurizdat, 1953, 213 p. Available at: <https://naukaprava.ru/catalog/297/560946/37437> [in Russian].

13. *Sovetskoe grazhdanskoe pravo. T. 2. Pod red. V. P. Gribanova, S. M. Korneeva* [Soviet civil law. Vol. 2. Gribanov V. P., Korneev S. M. (Eds.)]. Moscow, 1980, 306 p. Available at: <https://b-ok.xyz/book/3091686/a8a12d> [in Russian].

14. Krasavchikov O. A. *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo istochnikom povyshennoi opasnosti* [Compensation of harm caused by a source of the increased danger]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1966, 289 p. Available at: <https://booksee.org/book/526603> [in Russian].

15. Kazachenok O. P. *Tsifrovye prava v sovremennom grazhdanskom oborote: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Digital rights in modern civil turnover: trends and prospects of development]. *Khozyaistvo i pravo* [Business and Law], 2019, no. 11 (514), pp. 39–44. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41238823> [in Russian].

16. Deryugina T.V. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy tolkovaniya i primeneniya kategorii «vred» i «ushcherb»* [The Theoretical and Practical Problems of Interpreting and Applying the Categories of «Loss», «Harm», «Damage»]. *Legal Concept. Pravovaya paradigma* [Legal Concept = Pravovaya paradigma], 2018, Vol. 17, no. 1, pp. 9–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.1.2> [in Russian].

17. Sokolova E. V. *O nekotorykh voprosakh otvetstvennosti voinskoj chasti za imushchestvennyi vred, prichinennyi v rezul'tate ispol'zovaniya istochnikov povyshennoi opasnosti voennogo naznacheniya* [On some questions liability of the military unit for property damage caused by ultra-hazardous military sources]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh*, 2013, no. 5, pp. 112–117. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/69713-nekotorykh-voprosakh-otvetstvennosti-voinskoj-chasti-imushchestvennyj-vred> [in Russian].

18. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda kassatsionnoi instantsii Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 17 marta 2003 g. po delu № F08-427/2003* [Resolution of the Commercial court of cassation instance of the Federal Arbitration Court of the North Caucasus district dated March 17, 2003 with regard to case № F08-427/2003]. Retrieved from legal reference system «Garant» [in Russian].

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ADVOCACY AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-152-158
УДК 343.163

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 18.11.2019
после рецензирования / Revised: 14.01.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Д. А. Лобачев

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: lobachev01@mail.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ ПРИВАТИЗАЦИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация: В марте 2015 г. были внесены существенные изменения в земельное законодательство, в том числе в части приобретения права частной собственности на земельные участки сельскохозяйственного использования. Так, за арендаторами земельных участков было закреплено право по истечении трехлетнего срока аренды приобретать в собственность земельные участки, предназначенные для ведения сельскохозяйственного производства, причем без проведения торгов (п. 9 ч. 2 ст. 39.3 Земельный кодекс РФ), то есть в льготном режиме. Основная задача государства в данном случае состояла в том, чтобы поддержать добросовестного арендатора земельного участка и сельскохозяйственное производство одновременно. Однако, как показывает практика, уполномоченные органы власти допускают нарушения при отчуждении из публичной собственности земельных участков по указанному основанию, тем самым нарушая интересы государства. В статье рассмотрена оценка прокуратурой законности действий уполномоченных органов власти при приватизации земельного участка (по указанному выше основанию), при условии, если разрешенное использование участка, содержащееся в публичном реестре недвижимости, не соответствует видам использования, предусмотренным генеральным планом населенного пункта и правилами землепользования и застройки; определен предмет прокурорского реагирования; обоснована необходимость применения средств прокурорского надзора в случае заключения уполномоченными органами власти договоров купли-продажи земельных участков сельскохозяйственного использования, когда данное использование не допускается градостроительным регламентом территориальной зоны, в которой находится земельный участок. В работе автор приходит к выводу, что Земельный кодекс РФ допускает случаи изменения вида разрешенного использования земельных участков без заявления правообладателя данного участка, что следует учитывать органам прокуратуры, требуя от поднадзорных субъектов надлежащего исполнения требований закона.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор за исполнением законов при приватизации земельных участков; право арендатора приобрести земельный участок в собственность без торгов; законность отчуждения земельного участка; несоответствие вида разрешенного использования земельного участка градостроительному регламенту территориальной зоны.

Цитирование. Лобачев Д. А. Прокурорский надзор за исполнением законов приватизации земельных участков сельскохозяйственного использования // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 152–158. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-152-158>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

D. A. Lobachev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: lobachev01@mail.ru

PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF LAWS DURING PRIVATIZATION OF LAND FOR AGRICULTURAL USE

Abstract: In March 2015, significant amendments were made to the land legislation, including the acquisition of private property rights to agricultural land plots. So, tenants of land plots had the right, after a three-year lease term, to acquire ownership of land plots intended for agricultural production, and without bidding (paragraph 9 of part 2 of Article 39.3 of the Land Code of the Russian Federation), that is, in preferential treatment. The main task of the state in this case was to support a conscientious tenant of the land and agricultural production at the same time. However, as practice shows, the authorized authorities commit violations when alienating land plots from public ownership on the indicated basis, thereby violating the interests of the state. The article considers the prosecutor's assessment of the legality of the actions of authorized authorities during the privatization of a land plot (on the basis indicated above), provided that the permitted use of the plot contained in the public register of real estate does not correspond to the types of use provided for by the general plan of the settlement and land use and development rules; the subject of prosecutorial response has been identified; the necessity of using the means of prosecutorial supervision is justified in the event that the authorized authorities conclude contracts for the sale of agricultural land, when this use is not allowed by the town-planning regulations of the territorial

zone in which the land is located. In the work, the author comes to the conclusion that the Land Code of the Russian Federation allows cases of changing the type of permitted use of land without a statement from the copyright holder of this plot, which should be taken into account by prosecutors, requiring the supervised entities to properly comply with the requirements of the law.

Key words: prosecutor's office, prosecutor's supervision over the implementation of laws during the privatization of land; tenant's right to acquire a land plot in property without bidding (clause 9, part 2, Article 39.3 of the Land Code of the Russian Federation); legality of alienation of a land plot; inconsistency of the type of permitted use of the land plot with the urban planning regulations of the territorial zone.

Citation. Lobachev D. A. *Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonov pri privatizatsii zemel'nykh uchastkov sel'skokhozyaistvennogo ispol'zovaniya* [Prosecutorial supervision over the implementation of laws during privatization of land for agricultural use]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 152–158. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-152-158> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Денис Александрович Лобачев – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Организация правоохранительной деятельности органов внутренних дел в условиях межэтнических конфликтов». Автор 22 научной работы, в том числе монографии «Организация правоохранительной деятельности органов внутренних дел в условиях межэтнических конфликтов» (2008), учебного пособия «Прокурорский надзор в Российской Федерации» (2014).

Область научных интересов: правоохранительная деятельность государственных органов, прокурорский надзор.

© Denis A. Lobachev – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Organization of law enforcement activities of internal affairs bodies in the conditions of interethnic conflicts». Author of 21 works, including monograph: «Organization of law enforcement activities of internal affairs agencies in the context of interethnic conflicts» (2008), textbook: «Prosecutor's supervision in the Russian Federation» (2014).

Research interests: law enforcement activities of state bodies, prosecutorial supervision.

Точное исполнение земельного законодательства органами государственной власти, местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами способствует рациональному использованию земель, сохранению плодородия и качества земельных участков и в целом улучшает экологическое состояние окружающей среды [1, с. 5].

Возмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, в собственность физических и (или) юридических лиц (приватизация) является, с одной стороны, важным средством пополнения бюджетов всех уровней, с другой стороны, непременным условием развития рыночной экономики, расширения частной собственности и соответственно увеличения объема налогооблагаемой базы. То есть сами по себе приватизационные процессы направлены на взаимное обеспечение публичных и частных интересов. Но баланс данных интересов может быть соблюден только в случае, если действия по возмездному отчуждению имущества из публичной собственности в частную носят законный характер.

На текущий момент порядок и основания приватизации земельных участков прямо закреплены в действующем законодательстве. Вместе с этим, как показывает практика, имеют место случаи неверного толкования и применения норм соответствующими уполномоченными органами власти, что влечет за собой принятие незаконных и необоснованных решений либо в виде заключения сделок по отчуждению земельных участков, либо в виде отказа в предоставлении земельного участка в частную собственность физических и юридических лиц. В частности, С. Г. Хусьянова,

М. Ю. Кагамлык отмечают повсеместное распространение фактов незаконного распоряжения земельными участками, находящимися в государственной или муниципальной собственности [2]. При этом в регионах России имеют место формирование собственных подходов к исполнению единых федеральных норм земельного и градостроительного законодательства в области приватизации земельных участков, в том числе сельскохозяйственного использования.

Отсутствие единообразия в применении закона уполномоченными госорганами всех уровней негативным образом отражается в целом на состоянии законности в данной области, что требует должной реакции со стороны органов прокуратуры. В этом смысле справедливо отмечает Ю. Е. Винокуров, говоря о том, что направления прокурорского надзора определяются тем, как исполняются данные законы в той или иной сфере. В зависимости от задач, решаемых государством на каждом этапе его развития, законодательство подвергается кардинальным изменениям. Появляется необходимость в правовом регулировании вновь возникающих общественных отношений. В связи с этим принимаются новые законы, надзор за исполнением которых возлагается на прокуроров [3, с. 131].

Неблагоприятным тенденциям в состоянии законности в сфере земельных отношений способствуют пробелы законодательства и недостатки прокурорского надзора. Иной раз, отмечает О. И. Жукова, прокуроры с трудом ориентируются в предмете надзора и его пределах и искусственно ограничивают рамки надзора поступающими обращениями [4, с. 65]. При этом рассматриваемая сфера правоотношений широка и многоаспект-

на и требует от прокуроров глубоких познаний как в области земельного законодательства, так и в области гражданского, градостроительного законодательства и в иных смежных сферах правоотношений [5, с. 12]. При этом качественная организация прокурорского надзора за исполнением законов о распоряжении землей невозможна без надлежащей информационно-аналитической работы, которая включает в себя сбор, учет, накопление и анализ информации о состоянии законности в данной сфере [6, с. 182].

Прокуратура как специально созданный надзорный орган государства призвана обеспечить законность и правовое единство правоприменительной практики при исполнении в том числе «приватизационного» земельного законодательства и, соответственно, соблюдение публичных интересов. В данном аспекте предметом прокурорского надзора должны выступать не только случаи принятия органом власти незаконных решений о распоряжении земельными участками, но и ситуации незаконного воздержания (бездействия) от совершения данных действий. В результате незаконного бездействия страдают не только частные интересы физических (или) юридических лиц (особенно тех, которые имеют исключительное или преимущественное право на получение в собственность публичного имущества), но и публичные интересы, так как не выполняются приватизационные задачи государства, в частности по привлечению в бюджет дополнительных средств в виде дохода от продажи земельных участков, налоговых поступлений в последующем. В свою очередь публичный интерес, как справедливо отмечает С. В. Дорохин, является признаваемый государством и обеспечиваемый законом интерес отдельной социальной общности (группы), удовлетворение которого служит условием (гарантией) ее существования и развития [7, с. 65]. Указанные обстоятельства подчеркивают особую значимость принятия оперативных мер для правовой стабилизации, возникающих спорных правовых отношений. При этом именно органы прокуратуры относятся к числу субъектов, способных наиболее быстро отреагировать на нарушения закона, допускаемые уполномоченными органами при исполнении законов, регулирующих приватизацию земельных участков, в том числе сельскохозяйственного использования.

Настоящая статья посвящена одной из проблемных приватизационных ситуаций, которая приобрела актуальность во многих регионах страны, и роли органов прокуратуры в ее разрешении. Эта ситуация связана с приватизацией земельных участков арендаторами, которым законом предоставлено преимущественное право (без проведения торгов) приобрести в частную собственность земельные участки, предназначенные для сельскохозяйственных целей, по истечении установленно-го законом срока аренды этих земельных участков.

Проблема заключается в оценке законности приватизации земельного участка, если его вид разрешенного использования не соответствует

документам территориального планирования и градостроительного зонирования, утвержденным в отношении той территории, где располагается земельный участок. Другими словами, земельный участок в соответствии со сведениями Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) может иметь вид разрешенного использования – сельскохозяйственное использование, а согласно генеральному плану и правилам землепользования и застройки населенного пункта быть отнесенным, например, к территории, подлежащей жилой застройке и не предполагающей возможности использования земельного участка для сельскохозяйственных нужд. Данная ситуация, как правило, складывается в результате изменения (расширения) границ населенных пунктов за счет земельных участков категории «земли сельскохозяйственного назначения», которые после внесения изменений в генеральный план (в части границ населенного пункта) меняют свою категорию на «земли населенных пунктов», но при этом сохраняя в ЕГРН вид разрешенного использования, предполагающий использование земельного участка для сельскохозяйственных целей. Следовательно, возникает вопрос о законности отчуждения земельного участка из публичной собственности до приведения его вида разрешенного использования в соответствие с функциональным и территориальным зонированием, предусмотренным документами территориального планирования и градостроительного зонирования (т. е. законно ли отчуждать из публичной собственности земельный участок, который, согласно сведениям ЕГРН, возможно использовать для сельскохозяйственных целей, а согласно генеральному плану и правилам застройки и землепользования – нет). Сложность оценки законности принятых решений органами власти по предоставлению в собственность земельных участков или об отказе в их предоставлении в указанной ситуации, а следовательно, выбора обоснованного средства прокурорского реагирования объясняется, во-первых, отсутствием в земельном и градостроительном законодательстве четкого механизма разрешения данных ситуаций, во-вторых, противоречивостью правовых норм друг другу.

При анализе указанной ситуации органам прокуратуры необходимо учесть следующее. Согласно п. 9 ч. 2 ст. 39.3 Земельного кодекса РФ, без проведения торгов осуществляется продажа земельных участков, предназначенных для ведения сельскохозяйственного производства и переданных в аренду гражданину или юридическому лицу, этому гражданину или этому юридическому лицу по истечении трех лет с момента заключения договора аренды с этим гражданином или этим юридическим лицом либо передачи прав и обязанностей по договору аренды земельного участка этому гражданину или этому юридическому лицу при условии отсутствия у уполномоченного органа информации о выявленных в рамках государственного земельного надзора и неустраненных нарушениях законодательства Российской Федера-

ции при использовании такого земельного участка в случае, если этим гражданином или этим юридическим лицом заявление о заключении договора купли-продажи такого земельного участка без проведения торгов подано до дня истечения срока указанного договора аренды земельного участка.

По смыслу приведенной нормы арендатор имеет право на приобретение в собственность земельного участка, предназначенного для ведения сельскохозяйственного производства, без торгов при наличии следующих условий: арендатор пользуется участком на основании договора аренды, с момента заключения которого прошло не менее трех лет; заявление о заключении договора купли-продажи земельного участка без проведения торгов подано до дня истечения срока договора аренды; у уполномоченного органа отсутствует информация о выявленных в рамках государственного земельного надзора и неустраненных нарушениях законодательства Российской Федерации при использовании участка [8]. При этом возможность приобретения в собственность распространяется не только на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, но и на все земельные участки, предназначенные для ведения сельскохозяйственного производства (независимо от категории земель). Различное правовое регулирование в отношении земельных участков одного вида разрешенного использования только на основании отнесения их к разным категориям представляется недостаточно обоснованным, тем более учитывая, что законодатель предусмотрел возможность установления разных видов разрешенного использования в рамках одной категории земель и возможность уполномоченных органов изменить категорию земель без согласования с правообладателем земельного участка [9].

Следует заметить, что, согласно п. 14. ст. 39.16 Земельного кодекса РФ, уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов, если разрешенное использование земельного участка не соответствует целям использования такого земельного участка, указанным в заявлении о предоставлении земельного участка. Осуществляя надзорные полномочия по оценке законности заключенных договоров уполномоченными органами о предоставлении земельных участков в частную собственность, органам прокуратуры следует выполнить комплекс проверочных действий, направленных на установление указанного основания для отказа в предоставлении земельного участка. При этом на первый взгляд может показаться, что указанное правовое основание для отказа в предоставлении земельного участка относится исключительно только к случаям, когда испрашиваемая цель использования земельного участка не соответствует разрешенному использованию, закрепленному в ЕГРН, то есть, если в заявлении о предоставлении земельного участка указана цель, соответствующая виду разрешенного использования, содержащемуся в ЕГРН, гово-

рять о наличии основания, предусмотренного п. 14 ст. 39.16 Земельного кодекса РФ, нет причин. Однако данное «узкое» толкование закона не может обеспечить законность и обоснованность результатов прокурорской проверки. В данном случае следует отметить тот факт, что в п. 14 ст. 39.16 Земельного кодекса РФ нет указания о том, что разрешенное использование земельного участка определяется сугубо сведениями ЕГРН. Прокурор при определении разрешенного использования земельного участка должен учитывать не только сведения, содержащиеся в публичном реестре информации о недвижимости, но и функциональное и территориальное зонирование земельного участка, отраженное в документах территориального планирования и градостроительного зонирования. Данную информацию прокурор может получить путем направления требования в уполномоченные органы архитектуры о предоставлении соответствующей выписки из информационных систем обеспечения градостроительной деятельности.

В случае совпадения разрешенного использования земельного участка, содержащегося в ЕГРН с функциональным и территориальным зонированием, а также с испрашиваемой целью использования земельного участка, можно сделать однозначный вывод об отсутствии основания для отказа в предоставлении земельного участка, предусмотренного п. 14 ст. 39.16 ЗК РФ, и, соответственно, законности действий уполномоченного органа по отчуждению земельного участка сельскохозяйственного использования в частную собственность.

Сложнее обстоит дело с оценкой законности приватизации земельного участка в ситуации, когда испрашиваемая арендатором цель использования земельного участка (при подаче заявления о его выкупе) соответствует разрешенному использованию земельного участка, указанному в ЕГРН, но не соответствует разрешенному использованию, которое предполагает зонирование, закрепленное в генеральном плане или в правилах застройки и землепользования. Другими словами, прокурору необходимо дать оценку законности предоставления арендатору без торгов земельного участка, который имеет разрешенное использование для сельскохозяйственных целей в соответствии со сведениями ЕГРН, в ситуации, когда территориальное зонирование не предполагает данного вида использования, а предполагает, например, жилищное или коммерческое использование земельного участка, а следовательно, и иную процедуру предоставления земельного участка в частную собственность, т. е. конкурсную (путем проведения торгов). Например, Земельный кодекс РФ по общему правилу не предполагает возможности отчуждения из публичной в частную собственность незастроенного земельного участка, предназначенного для жилищного строительства (только в аренду). В данной ситуации прокурор должен учитывать очевидное нарушение баланса публичных и частных интересов [10, с. 43–46] при приватизации земельного участка, так как,

приобретя вне торгов право собственности на земельный участок с разрешенным использованием для сельскохозяйственных целей, «завтра» собственник земельного участка может изменить вид разрешенного использования, например, на строительство многоквартирных домов, тем самым обходя требования Земельного кодекса РФ о том, что земельные участки с подобным видом разрешенного использования могут предоставляться исключительно только в аренду и в ходе проведения торгов. В литературе передача прав на государственное (муниципальное) имущество вне процедуры торгов выделяется как одно из типичных нарушений законов при распоряжении публичным имуществом [11; 14]. В этом контексте справедливо выглядит вывод суда (в деле А74-6616/2016 по иску прокурора о признании недействительной сделки по отчуждению в частную собственность без торгов земельного участка администрацией населенного пункта), что выкуп земельных участков, отнесенных градостроительным регламентом к зоне, не предполагающей сельскохозяйственное использование (общественно-деловой, жилой зонам), под видом разрешенного использования для сельскохозяйственных нужд направлен на обход процедур, установленных земельным законодательством для предоставления земельных участков, в том числе процедуры аукциона [12; 15].

При проведении прокурорской проверки важно обратить внимание также на следующие обстоятельства. Как было отмечено выше, помимо сведений публичного реестра о недвижимости информация о зонировании (предназначении) земельного участка содержится в документах территориального планирования (в частности, в генеральном плане поселения, города), а также в документах градостроительного зонирования (в частности, в правилах землепользования и застройки). Заметим, что устанавливать разрешенное использование земельного участка в соответствии с генеральным планом недопустимо, поскольку в соответствии с ч. 12 ст. 9 Градостроительного кодекса РФ утверждение в документах территориального планирования границ функциональных зон не влечет за собой изменения правового режима земель, находящихся в границах указанных зон. Согласно ч. 2 ст. 37 Градостроительного кодекса РФ, вид разрешенного использования земельных участков устанавливается применительно к каждой территориальной зоне. Виды территориальных зон и их градостроительный регламент устанавливается правилами землепользования и застройки. Следовательно, у прокурора нет оснований делать вывод о незаконности приватизации земельного участка, если цель использования земельного участка соответствует разрешенному использованию, которое предполагает градостроительный регламент территориальной зоны, где находится земельный участок, и не соответствует функциональному зонированию, закрепленному в генеральном плане поселения, города.

Другое обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание, связано с определенной про-

тиворечивостью правовых норм земельного и градостроительного законодательства, которые «осложняют» прокурору работу по оценке законности решений, принятых в ходе процедуры приватизации земельных участков. Вопрос заключается в следующем: может ли принятый градостроительный регламент территориальной зоны в автоматическом режиме менять вид разрешенного использования, указанный в ЕГРН?

В качестве аргументов против этой возможности следует привести следующие нормы. В соответствии с ч. 8 ст. 36 Градостроительного кодекса РФ земельные участки, виды разрешенного использования которых не соответствуют градостроительному регламенту, могут использоваться без установления срока приведения их в соответствие с градостроительным регламентом, за исключением случаев, если использование таких земельных участков и объектов капитального строительства опасно для жизни или здоровья человека, для окружающей среды, объектов культурного наследия. Аналогичная норма также содержится в ч. 4 ст. 85 Земельного кодекса РФ. В силу ч. 3, 4 ст. 37 Градостроительного кодекса РФ изменение одного вида разрешенного использования земельных участков на другой вид такого использования осуществляется в соответствии с градостроительным регламентом; виды разрешенного использования земельных участков правообладателями выбираются самостоятельно без дополнительных разрешений и согласования.

Из указанных норм следует, что даже в случае, если разрешенное использование земельного участка (в частности сельскохозяйственное использование) перестало соответствовать разрешенному использованию, предусмотренному градостроительным регламентом, во-первых, земельный участок может использоваться с имеющимся видом использования без каких-либо сроков; во-вторых, для смены вида использования необходимо волеизъявление правообладателя. Учитывая данные нормы, прокурор может прийти к предварительному выводу о законности приватизации земельного участка, если испрашиваемая цель его использования (указанная в соответствующем заявлении о предоставлении земельного участка) соответствует виду разрешенного использования, указанному в ЕГРН, независимо от соответствия или несоответствия виду использования, предусмотренному градостроительным регламентом территориальной зоны. Но данный вывод нельзя признать правильным и законным к ситуации приватизации земельного участка по основанию, предусмотренному п. 9 ч. 2 ст. 39.3 Земельного кодекса РФ. Дело в том, что, согласно п. 11 ст. 85 Земельного кодекса РФ, земельные участки в составе зон сельскохозяйственного использования в населенных пунктах – земельные участки, занятые пашнями, многолетними насаждениями, а также зданиями, сооружениями сельскохозяйственного назначения, – используются в целях ведения сельскохозяйственного производства до момента изменения вида их использова-

ния в соответствии с генеральными планами населенных пунктов и правилами землепользования и застройки. Анализ данного пункта позволяет сделать вывод, что в отношении земельных участков в составе зон сельскохозяйственного использования предусмотрено особое правило, согласно которому вид их использования может быть изменен «автоматически» в силу закона с момента внесения изменений в генеральные планы населенных пунктов и правила землепользования и застройки. Данный вывод согласуется с позицией, отраженной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15.12.2011 № 12651/11 [13], согласно которой п. 11 ст. 85 Земельного кодекса РФ рассматривается как исключение из общего правила о том, что земельные участки, разрешенное использование которых не соответствует градостроительному регламенту, могут использоваться без установления срока их приведения в соответствие с данным регламентом.

По мнению автора, на позицию прокуратуры о незаконности акта приватизации земельного участка сельскохозяйственного использования не должно влиять то обстоятельство, что изменение вида использования земельного участка в соответствии с генеральными планами населенных пунктов и правилами землепользования и застройки произошло уже в период действия договора аренды, вследствие чего вины арендатора в этом нет. Дело в том, что вероятность внесения изменений в документы территориального планирования и градостроительного зонирования до момента реализации арендатором преимущественного права на выкуп земельного участка есть всегда и объективно может быть осознана арендатором в момент приобретения права аренды на земельный участок, даже с учетом того, что арендатор в последующем рассчитывал реализовать свое льготное право на его выкуп. Поэтому данный риск следует относить к группе предпринимательских рисков.

Подводя итог, отметим, что, проверяя законность исполнения уполномоченными органами власти Земельного кодекса РФ при приватизации земельных участков, предполагающей отчуждение в частную собственность добросовестным арендаторам без проведения торгов земельных участков сельскохозяйственного использования, органы прокуратуры не должны ограничиваться лишь изучением сведений о разрешенном использовании, содержащихся в ЕГРН. В обязательном порядке следует выяснять функциональную и территориальную зону, в которой расположен конкретный земельный участок, а также содержание градостроительного регламента территориальной зоны на предмет наличия / отсутствия в нем вида разрешенного использования земельного участка, зафиксированного в ЕГРН. В случае если в градостроительном регламенте территориальной зоны отсутствует соответствующий вид использования, связанный с сельскохозяйственными целями, необходимо в кратчайшие сроки принимать меры прокурорского реагирования, в том числе путем своевременного направления предостережения о

недопустимости нарушения закона, а также обращаться в суд в защиту публичных интересов с заявлением о признании недействительными сделок по распоряжению уполномоченными органами власти земельными участками сельскохозяйственного использования, находящимися в публичной собственности.

Библиографический список

1. Калугина О. В. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением земельного законодательства в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 17–26. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19010187>.
2. Хусьяйнова С. Г., Кагамлык М. Ю. О состоянии законности в сфере земельных отношений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 2. С. 90–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-zakonnosti-v-sfere-zemelnyh-otnosheniy>.
3. Прокурорский надзор / под общ. ред. Ю. Е. Винокурова. 6-е изд. Москва: Высшее образование, 2005. С. 131. URL: http://www.hay-book.ru/_ld/4/480_____2005_6_.pdf.
4. Жукова О. И. Предмет, пределы и задачи прокурорского надзора за исполнением законов в сфере землепользования // Адвокат. 2011. № 11. С. 64–70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17048280>.
5. Кучин А. А. Надзор за исполнением законов в сфере землепользования // Законность. 2015. № 1. С. 12. URL: <http://pressa-lex.ru/wp-content/uploads/2015/01/01-2015.html#z6>.
6. Патлаев Д. Е. Информационно-аналитическая работа прокурора при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов о распоряжении землей // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12. С. 179–186. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.85.12.179-186.
7. Дорохин С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. Москва: Волтерс Клувер, 2006. 136 с. URL: <https://b-ok2.org/book/3222341/ef55d4>.
8. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 9 июня 2018 г. по делу № А14-3684/2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=110939#017717144541232788>.
9. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / С. А. Боголюбов, А. И. Бутовецкий, Е. Л. Ковалева и др.; под ред. С. А. Боголюбова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2017 (комментарий к ст. 39.3).
10. Бут Н. Д., Бажанов С. В. Обеспечение прокурором баланса частного и публичного интересов при осуществлении надзора за исполнением законов в сфере экономики // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 43–46. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22629501>.
11. Тухватуллин Т. А. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при управлении и распоряжении государственным и муниципальным имуществом: научно-практический аспект // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 10. С. 59–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prokurorskogo-nadzora-zaispolneniem-zakonov-pri-upravlenii-i-rasporyazhenii-gosudarstvennym-i-munitsipalnym-imuschestvom>.

12. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.02.2017 № Ф02-8175/2016 по делу № А74-6616/2016. URL: <https://base.garant.ru/37672781>.

13. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15.12.2011 по делу № 12651/11. URL: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_940cc857-61fa-4b2c-97fa-75e49ea49420.

14. Кагамлык М. Ю. Надзор за исполнением законов в сфере использования государственного имущества // Законность. 2015. № 11. С. 37–39. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24881349>.

15. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.06.2019 № Ф08-4259/2019 по делу № А53-29021/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=145209#06115316913382338>.

References

1. Kalugina O. V. *Predmet i predely prokurorskogo nadzora za ispolneniem zemel'nogo zakonodatel'stva v Rossiiskoi Federatsii* [Subject and scope of prosecutor's supervision of the implementation of land legislation in the Russian Federation]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and Municipal Law], 2012, no. 12, pp. 17–26. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19010187> [in Russian].

2. Khusyainova S. G., Kagamlyk M. Yu. *O sostoyanii zakonnosti v sfere zemel'nykh otnoshenii* [About the state of the law in the sphere of land relations]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii* [Property Relations in the Russian Federation], 2016, no. 2, pp. 90–95. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-zakonnosti-v-sfere-zemelnyh-otnosheniy> [in Russian].

3. *Prokurorskii nadzor. Pod obshch. red. Yu. E. Vinokurova. 6-e izd.* [Prosecutor's supervision. Yu. E. Vinokurov (Ed.). 6th edition]. Moscow: Vysshee obrazovanie, 2005, p. 131. Available at: http://www.hay-book.ru/_ld/4/480_____2005_6-.pdf [in Russian].

4. Zhukova O. I. *Predmet, predely i zadachi prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov v sfere zemlepol'zovaniya* [Subject, limits and problems of the public prosecutor's in land tenure sphere]. *Advokat*, 2011, no. 11, pp. 64–70. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17048280> [in Russian].

5. Kuchin A.A. *Nadzor za ispolneniem zakonov v sfere zemlepol'zovaniya* [Supervision over the implementation of laws in the field of land use]. *Zakonnost'*, 2015, no. 1, p. 12. Available at: <http://pressa-lex.ru/wp-content/uploads/2015/01/01-2015.html#z6> [in Russian].

6. Patlaev D. E. *Informatsionno-analiticheskaya rabota prokurora pri osushchestvlenii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov o rasporyazhenii zemlei* [Information and Analytical Work of the Prosecutor in the Exercise of Public Prosecutor's Supervision over Compliance with the Law on Disposal of Land]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2017, no. 12, pp. 179–186. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.85.12.179-186 [in Russian].

7. Dorokhin S. V. *Delenie prava na publichnoe i chastnoe: konstitutsionno-pravovoi aspekt* [Division of the right into public and private: constitutional and legal

aspect in Russian]. Moscow: Volters Kluver, 2006, 136 p. Available at: <https://b-ok2.org/book/3222341/ef55d4>.

8. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Tsentral'nogo okruga ot 9 iyunya 2018 g. po delu № A14-3684/2017* [Solution of the Arbitration Court of the Central District dated June 9, 2018 with regard to case № A14-3684/2017]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=110939#017717144541232788> [in Russian].

9. Bogolyubov S. A., Butovetskii A. I., Kovaleva E. L. et al. *Kommentarii k Zemel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi). S. A. Bogolyubov, A. I. Butovetskii, E. L. Kovaleva i dr.; pod red. S. A. Bogolyubova. 2-e izd., pererab. i dop.* [Commentary on the Land Code of the Russian Federation (itemized); S. A. Bogolyubov (Ed.). 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Prospekt, 2017 (commentary on Article 39.3) [in Russian].

10. Booth N. D., Bazhanov S. V. *Obespechenie prokurorom balansa chastnogo i publichnogo interesov pri osushchestvlenii nadzora za ispolneniem zakonov v sfere ekonomiki* [Providing prosecutor balance public and private interests in supervising the implementation of laws in the sphere of economic]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 2014, no. 12, pp. 43–46. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22629501> [in Russian].

11. Tukhvatullin T.A. *Osobennosti prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov pri upravlenii i rasporyazhenii gosudarstvennyim i munitsipal'nym imushchestvom: nauchno-prakticheskii aspekt* [Features of prosecutorial supervision over the implementation of the law in the management and disposal of state and municipal property: scientific and practical aspect]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii* [Property Relations in the Russian Federation], 2015, no. 10, pp. 59–70. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prokurorskogo-nadzora-za-ispolneniem-zakonov-pri-upravlenii-i-rasporyazhenii-gosudarstvennym-i-munitsipalnym-imushchestvom> [in Russian].

12. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 14.02.2017 № F02-8175/2016 po delu № A74-6616/2016* [Solution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated February 14, 2017 № Ф02-8175/2016 with regard to case № А74-6616/2016]. Available at: <https://base.garant.ru/37672781> [in Russian].

13. *Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 15.12.2011 po delu № 12651/11* [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 15, 2011 with regard to case № 12651/11]. Available at: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_940cc857-61fa-4b2c-97fa-75e49ea49420 [in Russian].

14. Kagamlyk M. Yu. *Nadzor za ispolneniem zakonov v sfere ispol'zovaniya gosudarstvennogo imushchestva* [Supervision over implementation of laws in the sphere of disposal of state-owned property]. *Zakonnost'*, 2015, no. 11, pp. 37–39. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24881349> [in Russian].

15. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 14.06.2019 № F08-4259/2019 po delu № A53-29021/2018* [Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 14.06.2019 № Ф08-4259/2019 with regard to case № А53-29021/2018]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=145209#06115316913382338> [in Russian].

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-159-167

УДК 349.6

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 20.01.2020
после рецензирования / Revised: 24.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020**А. П. Абелян**

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: angie.abelyan@gmail.com

АРЕНДА ЧАСТИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА С ЦЕЛЬЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНЫХ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

Аннотация: Статья посвящена исследованию договорной конструкции аренды части земельного участка с целью использования иных природных объектов, в частности лесных участков, водных объектов, участков недр. Также проводится анализ практики правоприменения, связанной с возможностью передачи в субаренду земельных участков и иных природных объектов, а также их частей, анализируются необходимые условия для осуществления такой передачи. В статье представлен также анализ изменений законодательства, связанных с осуществлением кадастрового учета части земельного участка.

Ключевые слова: аренда части земельного участка, лесные участки, водные объекты, участок недр, субаренда части земельного участка, передача прав и обязанностей по договору водопользования, кадастровый учет части земельного участка.

Цитирование. Абелян А. П. Аренда части земельного участка с целью использования иных природных объектов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 159–167. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-159-167>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. P. Abelyan

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: angie.abelyan@gmail.com

LEASE OF THE LAND PLOT PART FOR THE PURPOSE OF USING OTHER NATURAL OBJECTS

Abstract: The article is devoted to the study of the contractual construction of the lease of the land plot part for the purpose of using other natural objects, in particular, forest areas, water objects, and subsoil sites. It also analyzes the practice of law enforcement related to the possibility of transferring sublease land plots and other natural objects, as well as their parts, and analyzes the necessary conditions for making such a transfer. The article also presents an analysis of changes in legislation related to the implementation of cadastral registration of the land plot part.

Key words: lease of the land plot part, forest areas, water objects, subsoil site, sublease of a land plot, transfer of rights and obligations under a water use agreement, cadastral registration of the land plot part.

Citation. Abelyan A. P. *Arenda chasti zemel'nogo uchastka s tsel'yu ispol'zovaniya inykh prirodnykh ob'ektov* [Lease of the land plot part for the purpose of using other natural objects]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 159–167. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-159-167> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Анжела Павловна Абелян** – аспирант 2-го года обучения кафедры правовой охраны окружающей среды, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Автор нескольких научных работ, в том числе научной статьи: «Развитие договорных отношений недропользования: сравнительный анализ законодательства России и Армении».

Область научных интересов: правовая охрана окружающей среды, природоресурсное право.

© **Anzhela P. Abelyan** – second-year PhD student, Department of Legal Environmental Protection, Saint Petersburg University, 7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

Author of few scientific works, including research articles: «The development of contractual relations of subsoil use: a comparative analysis of the legislation of Russia and Armenia».

Research interests: legal environmental protection, natural resources law.

Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (далее – ЗК РФ) с самого начала своего действия закрепил в качестве объектов земельных отношений части земельных участков (ст. 6 ЗК РФ), несмотря на то что Гражданский ко-

декс Российской Федерации (далее – ГК РФ) части земельных участков объектами недвижимости не называет (ст. 130 ГК РФ).

На сегодняшний день часть земельного участка рассматривается в качестве объекта правоотноше-

ний, с которым можно совершать только определенные законодательством сделки.

На практике нередко возникают ситуации, когда аренда всего земельного участка с целью использования иного природного объекта является нецелесообразной или невозможной. Так, например, может оказаться, что горный отвод, участок недр, предоставленный недропользователю, находится на границе земельного участка или нескольких земельных участков. Или же на земельном участке может находиться водный объект, переданный водопользователю, которому для осуществления своей деятельности необходима лишь часть земельного участка. Практически такая же ситуация может возникнуть и касательно лесных участков, в пределах которых может осуществляться деятельность в сфере охотничьего хозяйства.

Несмотря на то что Лесной кодекс Российской Федерации (далее – ЛК РФ) прямо не выделяет часть лесного участка в качестве объекта арендных правоотношений, тем не менее, исходя из определения лесного участка, закрепленного в ст. 7 ЛК РФ, заключение договора аренды части лесного участка возможно. Данный вывод закрепляется и в судебной практике¹.

Заметим, что в силу статьи 72 ЛК РФ объектом аренды могут быть только лесные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и прошедшие государственный кадастровый учет. Нередко регистрирующий орган отказывал в регистрации договора аренды лесного участка из-за отсутствия его кадастрового учета. Однако еще Федеральным законом «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» (далее – ФЗ 201) до 1 января 2015 года допускалось предоставление лесных участков в составе земель лесного фонда без проведения кадастрового учета². Достаточно было внесения сведений в государственный лесной реестр, когда лесные участки в составе земель лесного фонда, сведения о которых внесены в государственный лесной реестр до 1 января 2017 года, признавались ранее учтенными объектами недвижимости. Кроме того, необходимо было определить и предмет договора³.

¹ Суд посчитал неверным довод общества о том, что часть лесного участка не может быть самостоятельным объектом оборота. См.: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 8 декабря 2017 г. по делу № А33-18808/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 04.12.2006 № 201-ФЗ №201-ФЗ «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5279.

³ Следовало приложить к договору схему расположения с границами лесного участка, планы лесного участка с точным указанием координат, характеристику насаждений, цель использования, то есть лесной участок (часть лесного участка) должен быть полностью индивидуализирован. См.: Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 сентября 2013 г. по делу № А65-7821/2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

С внесением изменений в статью 70 Федерального закона от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – ФЗ 218) часть лесного участка рассматривается в качестве самостоятельного объекта государственного кадастрового учета. Так, согласно ч. 9 ст. 70 вышеупомянутого закона, допускается осуществление государственного кадастрового учета части лесного участка в составе земель лесного фонда в целях предоставления ее в аренду для выполнения работ по геологическому изучению недр, разработки месторождений полезных ископаемых, размещения линейных объектов и сооружений, являющихся их составной частью, без одновременной государственной регистрации обременения лесного участка⁴. Однако осуществление государственного кадастрового учета части лесного участка в составе земель лесного фонда не требуется, если договор аренды заключен в вышеупомянутых целях сроком до одного года.

В соответствии с ч. 2 ст. 8 ЛК РФ, лесные участки могут находиться и в частной собственности. Такие лесные участки и их части также могут быть предметом договора аренды.

Как мы знаем, водные объекты находятся в федеральной собственности, за исключением прудов и обводненных карьеров. Статья 7 Федерального закона от 03.06.2006 № 73-ФЗ «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации» (далее – ФЗ 73) предусматривает некоторые особенности определения права собственности: земельные участки, в границах которых расположены пруд, обводненный карьер, являются собственностью Российской Федерации, если указанные водные объекты находятся на территориях двух и более субъектов Российской Федерации. Земельные участки, которые не находятся в собственности Российской Федерации и в границах, которых расположены пруд, обводненный карьер, являются собственностью субъектов Российской Федерации, если указанные водные объекты находятся на территориях двух и более муниципальных районов⁵.

Если пруд находится на земельном участке частного собственника, то последний может передать его в аренду иному лицу, предоставив лишь часть земельного участка, занятого прудом.

Несмотря на то что Водный кодекс РФ (далее – ВК РФ) прямо не предусматривает возможность применения договорной конструкции аренды при предоставлении водного объекта, договор аренды заключается, предметом же аренды в этом случае является земельный участок (часть земельного участка), на котором расположен водный объект.

⁴ Федеральный закон от 13.07.2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 20.07.2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

⁵ Федеральный закон от 03.06.2006 № 73-ФЗ «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.06.2006. № 23. Ст. 2380.

Так, исходя из смысла статьи 11 ВК РФ, договор водопользования и решение на предоставление водного объекта имеют место лишь при оформлении прав пользования поверхностными водными объектами, находящимися в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, собственности муниципальных образований. Право пользования водными объектами, находящимися на земельных участках частных лиц, оформляется заключением договора аренды земельного участка (части земельного участка).

Следует отметить, что с 4 декабря 2006 г., с принятием изменений в ст. 130 ГК РФ, лесные и водные объекты не относятся к объектам недвижимости. Более того, ч. 2 ст. 261 ГК РФ устанавливает, что право собственности на земельный участок распространяется на находящиеся в границах этого участка поверхностный (почвенный) слой и водные объекты, находящиеся на нем растения. Тем не менее иногда пруды продолжают рассматриваться как недвижимые вещи, которые могут быть самостоятельными предметами аренды, более того, договоры аренды пруда отождествляются с договором аренды земельного участка. В иных случаях наряду с заключением договора аренды пруда заключается и договор аренды земельного участка⁶.

Нахождение же на земельном участке водного объекта не свидетельствует о том, что этот земельный участок автоматически переходит в категорию земель водного фонда, распоряжение которыми регулируется положениями Водного кодекса Российской Федерации, равно как и само по себе нахождение в границах земельного участка водного объекта (его части) не свидетельствует о невозможности предоставления такого земельного участка в аренду [1]. При этом отсутствие договора водопользования в отношении пруда, находящегося в государственной или муниципальной собственности, не влечет недействительности договора аренды земельного участка (части земельного участка), но исключает возможности арендатора использовать расположенный на данном участке пруд [2].

Пруд и обводненный карьер являются принадлежностями земельного участка. Водный объект следует судьбе земельного участка, на котором он расположен, и возможность передачи в аренду земельного участка под водным объектом отдельно от самого водного объекта действующим законодательством не предусмотрена [3]. Пока пруд, расположенный в границах земельного участка, не определен как самостоятельный объект права, не определены его границы, не проведен государственный реестровый учет и не осуществлена государственная регистрация права на пруд, данное имущество признается составной частью другого объекта недвижимости – земельного участка [4].

⁶ См.: Определение Верховного Суда РФ от 14 ноября 2011 г. № ВАС-13988/11; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 октября 2015 г. № 15АП-11871/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 9 марта 2016 г. по делу № А32-43909/2014; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 марта 2014 г. по делу № А35-2070/2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019).

Конституционным Судом РФ в определении от 24.06.2014 № 1314-О разъяснено, что недра как часть земной коры не являются частью земельного участка, находятся в государственной собственности и выступают в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Пользование недрами оформляется лицензией, в соответствии с которой участок недр предоставляется недропользователю в виде горного отвода – геометризованного блока недр [5]. Недропользователь, получивший горный отвод, может пользоваться недрами в его границах, но не земельным участком, под которым они находятся. Для беспрепятственного осуществления своего права недропользования недропользователю следует оформить права также и на земельный участок или же на его часть, в границах которого располагается участок недр.

Оформление горноотводного акта не исключает необходимость оформления прав на земельный участок, находящийся над слоем залегания природных ископаемых. В случае залегания природных ископаемых в границах нескольких земельных участков возможно заключение договоров аренды с их правообладателями в отношении тех частей участков, которые входят в горный отвод.

Следует помнить о том, что целевое назначение и категория земельного участка определяют разрешенное использование части земельного участка, в частности при заключении договора аренды. Несмотря на то что статья 607 ГК РФ в качестве объекта аренды отдельно не указывает «часть земельного участка», данная статья не ограничивает право сторон заключить такой договор аренды, по которому в пользование арендатору предоставляется не вся вещь в целом, а только его отдельная часть. Когда договор заключен на срок год и более, он подлежит государственной регистрации, при этом обременение устанавливается на всю недвижимую вещь в целом. Данная позиция была отражена в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 года (далее – постановление Пленума ВАС № 73).

Часть 3 статьи 607 ГК РФ закрепляет, что в договоре аренды должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить имущество, подлежащее передаче арендатору в качестве объекта аренды. При отсутствии этих данных в договоре условие об объекте, подлежащем передаче в аренду, считается не согласованным сторонами, а соответствующий договор не считается заключенным, то есть в любом случае предмет договора аренды должен быть индивидуализирован.

Суды нередко приходили к выводу о том, что если не осуществлен кадастровый учет части земельного участка, то предмет договора аренды не определен⁷. Однако данная позиция поддерживалась не всеми⁸.

⁷ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 1 апреля 2015 г. по делу № А53-5706/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019).

⁸ См.: Постановление Восемнадцатого апелляционного суда от 18 февраля 2016 года по делу № А47-5825/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019).

По другому делу было отказано в признании недействительным договора аренды части земельного участка, несмотря на то что эта часть не сформирована как самостоятельный объект права, не поставлена на государственный кадастровый учет. Суд указал, что договор аренды считается заключенным, так как условия об объекте аренды согласованы (договор аренды содержит сведения, позволяющие определенно установить часть земельного участка, переданного в аренду: местоположение, размер, границы, описанные в плане земельного участка, являющемся неотъемлемой частью договора), договор исполнялся сторонами без каких-либо возражений [6]. Следует учитывать, что даже если арендуемая вещь в договоре аренды не индивидуализирована должным образом, но договор фактически исполнялся сторонами (например, вещь была передана арендатору, и при этом спор о ненадлежащем исполнении обязанности арендодателя по передаче объекта аренды между сторонами отсутствовал), стороны не вправе оспаривать этот договор по основанию, связанному с ненадлежащим описанием объекта аренды, в том числе ссылаться на его незаключенность или недействительность⁹.

Верховный Суд Российской Федерации поддержал данную позицию, указав, что отсутствие в государственном кадастре недвижимости сведений о части передаваемого в аренду объекта недвижимости не является препятствием для осуществления государственной регистрации договора аренды части вещи, если имеется подписанный сторонами документ, содержащий графическое и/или текстовое описание той части, пользование которой будет осуществляться арендатором (в том числе с учетом данных, содержащихся в кадастровом паспорте соответствующей недвижимости), и из этого описания следует, что предмет договора аренды согласован сторонами [7].

Таким образом, неосуществление кадастрового учета части земельного участка не являлось основанием для признания договора аренды части земельного участка незаключенным, если объект арендных правоотношений согласован и определен иным способом.

Что же касается возможности осуществления кадастрового учета в отношении части земельного участка, отметим следующее.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 30 ноября 2016 года утвердил Обзор по делам, связанным с оспариванием отказа в

осуществлении кадастрового учета. В частности, Верховный Суд закрепил, что законодательство допускает кадастровый учет части объекта недвижимости только в случае государственной

регистрации ограничения (обременения) вещного права, в связи с установлением которого данная часть образована [8].

Следовательно, часть земельного участка, обремененная договором аренды, может быть объектом кадастрового учета в случае регистрации в государственном реестре прав обременения на данную часть объекта недвижимости. Данная позиция нашла свое отражение также в постановлениях других судебных инстанций [9]. При этом осуществление кадастрового учета части земельного участка не приводит к появлению нового объекта недвижимости, то есть предусматривается возможность осуществления кадастрового учета части земельного участка без возникновения нового земельного участка.

Следует отметить, что с принятием Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – ФЗ 218) было предусмотрено объединение сведений государственного кадастра недвижимости и Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним в Единый государственный реестр недвижимости, и вышеуказанные позиции судебных инстанций были высказаны до вступления в силу ФЗ 218. В соответствии с п. 11 ч. 5 ст. 14, п. 2 ч. 4 ст. 34, ст. 44 вышеуказанного закона часть земельного участка упоминается лишь при установлении обременений на земельный участок, например: аренды, сервитута, зон с особым режимом использования. Но при этом ст. 6 Земельного кодекса РФ и сегодня выделяет в качестве самостоятельного объекта земельных правоотношений и часть земельного участка. На сегодняшний день только ч. 3 ст. 44 ФЗ 218 содержит прямое указание на договор аренды части земельного участка. Так, в частности, данная норма устанавливает, что государственная регистрация договора аренды части земельного участка осуществляется в отношении части земельного участка, учтенной в Едином государственном реестре недвижимости, или одновременно с государственным кадастровым учетом такой части.

Итак, при анализе данной нормы возникает несколько вопросов, в частности, что делать в случае, если договор аренды в силу ч. 2 ст. 26 ЗК РФ не подлежит государственной регистрации? То есть если договор аренды части земельного участка заключен на срок менее года, он не представляется на государственную регистрацию, и, следовательно, данная часть земельного участка не подлежит кадастровому учету. А если договор аренды все же заключается на срок более года, то государственная регистрация и кадастровый учет ранее не учтенной части земельного участка являются обязательными. ФЗ 218 закрепляет возможность кадастрового учета части земельного участка без одновременной государственной регистрации прав лишь в отношении части земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, которая образуется в целях установления применительно к ней сервитута, а не при заключении договора

⁹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса РФ о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1, январь, Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019).

аренды части земельного участка (п. 11 ч. 5 ст. 14 ФЗ 218). Более того, п. 3 ч. 5 ст. 14 ФЗ 218 устанавливает, что государственный кадастровый учет без одновременной государственной регистрации прав может быть осуществлен в связи с образованием, прекращением существования части объекта недвижимости, на которую распространяются ограничения прав и обременения соответствующего объекта недвижимости.

Получается ситуация, когда создается разный правовой режим для сторон договора в зависимости от того, на какой срок заключен договор аренды части земельного участка. Исходя из вышеупомянутого регулирования, если договор аренды части земельного участка заключен на срок менее года, то осуществление кадастрового учета части земельного участка является правом, а не обязанностью собственника или иного лица, в пользу которых устанавливались обременения вещных прав.

Так, в своем Постановлении от 15 мая 2018 года № 08АП-3241/2018 Восьмой арбитражный апелляционный суд постановил, что по смыслу части 3 статьи 44 Федерального закона № 218-ФЗ государственный кадастровый учет части земельного участка осуществляется только в случае государственной регистрации договора аренды части земельного участка. Поскольку заявитель не обращался в регистрирующий орган с заявлением о государственной регистрации вышеуказанных договоров субаренды (в данном случае высказанная Судом правовая позиция подходит как для субаренды, так и для аренды) в связи с тем, что они государственной регистрации не подлежат (заключены на срок 3 месяца), у Управления Росреестра по Тюменской области не имелось законных оснований требовать постановки частей земельного участка на кадастровый учет¹⁰.

Договор аренды части земельного (лесного) участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, может быть заключен и в целях осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства в рамках охотхозяйственных соглашений, которые заключаются с юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями.

Следует отметить, что ст. 25 Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов» прямо не закрепляет ни виды прав на земельные участки, ни процессуальный порядок их предоставления [10]. Данная норма скорее носит бланкетный характер, так как ее применение требует обращения к лесному и земельному законодательству.

Как уже отмечалось ранее, водные объекты, за исключением определенных случаев, находятся в федеральной собственности. Земельные участки (части земельных участков), в пределах которых

расположены водные объекты, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, ограничиваются в обороте, что не исключает их предоставление по договору аренды.

Использование водного объекта, к примеру пруда, разрешенным ему способом не создает правовых оснований для обязательной передачи водопользователю в аренду земельного участка под прудом и в пределах береговой полосы. Также само по себе наличие пруда на земельном участке (части земельного участка), переданного арендатору, не влечет отмены положений об общедоступности к объектам общего пользования¹¹.

Более того, ЗК РФ в статье 39.8 закрепляет особенность договора аренды земельного участка (части земельного участка), находящего в государственной или муниципальной собственности, расположенного в границах береговой полосы водного объекта общего пользования. Так, такой договор заключается при условии обеспечения свободного доступа граждан к водному объекту общего пользования и его береговой полосе (ч. 4 ст. 39.8 ЗК РФ). Однако до 11 октября 2012 г. в пункте 7 Правил подготовки и заключения договора водопользования, утвержденных постановлением Правительства РФ от 12.03.2008 № 165, действовал подпункт «г», который предусматривал в числе документов, прилагаемых к заявлению о предоставлении водного объекта в пользование, документ о предоставлении в пользование земельного участка, необходимого для осуществления водопользования¹².

В соответствии со ст. 25.1 Закона РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» земельный участок (данная норма применима и в отношении частей земельных участков), находящийся в государственной или муниципальной собственности и необходимый для ведения работ, связанных с использованием недр, предоставляется пользователю недр после получения лицензии на пользование недрами и оформления геологического отвода и (или) горного отвода, а также после утверждения проектной документации для проведения указанных работ¹³. Данные участки предоставляются недропользователям в аренду без проведения торгов.

В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда № 73 указано, что судам необходимо учитывать, что глава V ЗК РФ содержит специальные правила, устанавливающие условия и порядок заключения договоров аренды земельных участков, которые находятся в государственной или муниципальной собственности. В связи

¹⁰ См.: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 года № 08АП-3241/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019).

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 26 октября 2018 г. № 301-ЭС18-10194. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019).

¹² Постановление Правительства РФ от 12.03.2008 № 165 «О подготовке и заключении договора водопользования» // Собрание законодательства РФ. 17.03.2008. « 11 (1 ч.). Ст. 1033.

¹³ Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // Собрание законодательства РФ. 06.03.1995. № 10. Ст. 823.

с изложенным заключение договора аренды находящегося в государственной или муниципальной собственности земельного участка, предусматривающего, что арендатору будет предоставлена в пользование только часть земельного участка, без предварительного проведения кадастрового учета названной части участка не допускается.

Отдельное внимание следует уделить вопросу передачи части земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности в субаренду. Действующее законодательство не содержит запрета на передачу в субаренду части земельного участка.

Так, еще в своем постановлении № 73 Пленум ВАС указал: судам надлежит принять во внимание, что арендаторы земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, вправе передавать их в субаренду с условием о том, что субарендатор будет пользоваться только согласованной сторонами частью арендованного земельного участка. Арендатор же земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, мог передавать его часть в субаренду и без постановки его на кадастровый учет.

Так, суд не признал договор субаренды части земельного участка, находящегося в муниципальной собственности, незаключенным (несмотря на то, что эта часть не прошла государственной кадастровый учет), поскольку стороны согласовали условия о площади части земельного участка, место расположения и границы части земельного участка, передаваемого в субаренду [11].

Однако с принятием ФЗ 218 ситуация изменилась, и, хотя ч. 3 ст. 44 указывает на договор аренды части земельного участка, правовое регулирование данной нормы распространяется и на случаи заключения договора субаренды.

Что же касается субаренды части земельного участка, находящегося в частной собственности, то действуют положения, предусмотренные для договора аренды. И здесь судебная практика исходит из того, что главным критерием для признания договора субаренды части земельного участка заключенным является индивидуализация объекта, между сторонами должны отсутствовать разногласия по поводу объекта аренды, его местоположения, площади, определения границ [12].

Следует отметить, что ЗК РФ допускает возможность передачи арендованного земельного участка в субаренду в пределах срока договора аренды земельного участка без согласия арендодателя при условии его уведомления, если договором аренды земельного участка не предусмотрено иное (данное правило, конечно, распространяется и на часть земельного участка). Несмотря на это, на практике возникают случаи, когда регистрирующий орган, ссылаясь на статью 615 ГК РФ (арендатор вправе сдавать арендованное имущество в субаренду с согласия арендодателя), отказывает в государственной регистрации такого договора [13].

Договором аренды, конечно же, может быть предусмотрено, что согласие арендодателя является обязательным условием. Однако следует учесть, что, если согласие арендодателя на субаренду включено в договор в качестве условия, отозвать его в одностороннем порядке арендодатель не может без внесения изменений в договор по правилам гражданского законодательства (п. 26 Обзора судебной практики Верховного суда РФ № 2 (2018), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018).

Немаловажным является и вопрос применения ч. 9 ст. 22 ЗК РФ, которая предусматривает право арендатора земельного участка, при аренде земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок более чем пять лет, в пределах срока договора аренды земельного участка передавать свои права и обязанности по этому договору третьему лицу, в том числе заключать договор субаренды, без согласия арендодателя при условии его уведомления. И, как мы знаем, договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается на торгах, проводимых в форме аукциона, за исключением определенных случаев, то есть предоставление таких земельных участков в аренду осуществляется на конкурсной основе, что предполагает соответствие арендатора установленным законодательством требованиям для заключения с ним договора аренды земельного участка.

Возникает вопрос, насколько приемлемо и целесообразно предоставлять арендатору право передачи своих прав и обязанностей по такому договору иному лицу, который при равных условиях мог бы и не стать победителем аукциона и с которым уполномоченное лицо не заключило бы договор аренды земельного участка. Следует учесть, что земельный участок – это не только объект гражданского оборота, но и природный ресурс, публичное благо, владение и пользование которым должно соответствовать публичным интересам. И в данном случае выбор арендатора такого земельного участка должен оставаться за уполномоченным органом.

Что же касается возможности передачи в субаренду иных природных объектов, то отметим следующее. Для того чтобы понять, нужно ли согласие арендодателя или достаточно лишь его уведомления в случае заключения договора субаренды лесного участка (части лесного участка), необходимо, во-первых, определить, каким законодательством регулируются данные правоотношения. Так, с 29.06.2015 ч. 4 ст. 71 ЛК РФ закрепляет, что к договору аренды лесного участка применяются положения об аренде, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации и Земельным кодексом Российской Федерации, если иное не установлено Лесным кодексом.

При такой формулировке не вполне понятно, какое законодательство применяется: гражданское или земельное. Суды придерживаются разных позиций. Так, приводятся положения п. 4 ст. 71

ЛК РФ, и резюмируется, что к договорам субаренды лесного участка применяются правила о договорах аренды, предусмотренные в ГК РФ [14]. Указывается, что иные, чем приведены в ст. 615 ГК РФ, условия передачи арендатором лесного участка своих прав и обязанностей по договору аренды законодательством не предусмотрены [15].

Однако следует помнить, что правовая сущность лесных и земельных участков неодинакова. Лесной участок – это самостоятельный природный объект, имеющий свой специфичный правовой режим, который закреплен в лесном законодательстве, учитывая важную многофункциональную роль лесов и их значимость для общества в целом.

Некоторые суды придерживаются той позиции, что ст. 22 ЗК РФ регулирует вопросы аренды земельных участков и не распространяется на случаи аренды других природных объектов [16]. Тем не менее, чтобы найти ответ на поставленный вопрос, необходимо обратиться к Приказу Минприроды России от 20.12.2017 № 693 «Об утверждении типовых договоров аренды лесных участков», в пп. «т» п. 3.4 которого установлена обязанность арендатора согласовать с арендодателем в письменной форме совершение действий, предусмотренных ст. 5 ФЗ 201, в том числе сдавать арендованный лесной участок в субаренду¹⁴.

Заметим, что арендатор по договору аренды участка лесного фонда до приведения его в соответствие с Лесным кодексом Российской Федерации, а также арендатор по договору аренды участка лесного фонда или по договору аренды лесного участка не вправе сдавать арендованный участок лесного фонда, лесной участок в субаренду, если не осуществлялся государственный кадастровый учет таких участков¹⁵. Более того, 29 декабря 2017 г. ст. 71 ЛК РФ была дополнена запретом для победителя конкурса или единственного участника конкурса, с которыми заключен договор аренды лесного участка (части лесного участка), находящегося в государственной или муниципальной собственности в соответствии с частью 10 статьи 80.2 ЛК РФ, на передачу лесного участка (части лесного участка) в субаренду. Отметим, что аналогичный запрет в отношении договоров, заключенных по результатам проведения аукциона, не установлен. Вышеупомянутое регулирование предусмотрено для субаренды лесного участка (части лесного участка), находящегося в государственной и муниципальной собственности.

Как уже ранее отмечалось, исходя из смысла ч. 2 ст. 8 ЛК РФ, лесные участки могут находиться и в частной собственности. Часть 2 ст. 3 ЛК РФ прямо закрепляет, что имущественные

отношения, связанные с оборотом лесных участков, регулируются гражданским законодательством, а также Земельным кодексом Российской Федерации, если иное не установлено Лесным кодексом, другими федеральными законами. Следовательно, в качестве субсидиарного законодательства в первую очередь применяется гражданское, которое, как уже было отмечено, допускает применение положений, установленных иными законами и нормативно-правовыми актами, в том числе и Земельным кодексом. Тем не менее считаем, что в данном случае должна применяться ч. 2 ст. 615 ГК РФ, а не ч. 6 ст. 22 ЗК РФ, в силу того что данное регулирование позволяет наиболее эффективно распоряжаться лесными участками, поскольку целью заключения договоров аренды лесных участков (части лесных участков) является не только частный интерес арендаторов, но и обеспечение многоцелевого, рационального, непрерывного, неистощительного лесопользования для удовлетворения потребностей общества в лесных ресурсах.

Как уже было отмечено ранее, ВК РФ прямо не предусматривает возможность применения договорной конструкции аренды в случае предоставления водного объекта, следовательно, не содержит норм касательно субаренды. Лишь статья 19 ВК РФ предусматривает возможность, за исключением некоторых случаев, с согласия исполнительного органа передачи прав и обязанностей по договору водопользования другому лицу. И данные правоотношения регулируются в соответствии с гражданским законодательством.

Однако проблема может возникнуть при заключении договора водопользования по результатам аукциона. Так, согласно ч. 7 ст. 448 ГК РФ, если в соответствии с законом заключение договора возможно только путем проведения торгов, победитель торгов не вправе уступать права и осуществлять перевод долга по обязательствам, возникшим из заключенного на торгах договора. Обязательства по такому договору должны быть исполнены победителем торгов лично, если иное не установлено законом.

Суды отмечают, что действующее законодательство не предусматривает иных вариантов, допускающих заключение договора водопользования с иным лицом, не участвующим в аукционе (кроме тех, которые предусмотрены статьей 16 ВК РФ). Это свидетельствует о том, что права и обязанности по договору водопользования неразрывно связаны с личностью, участвующей в аукционе [17].

В силу ч. 6 ст. 16 ВК РФ не допускается изменение условий аукциона на основании соглашения сторон или в одностороннем порядке при заключении договора водопользования по результатам аукциона. Так как право пользования водными объектами, находящимися на земельных участках частных лиц, оформляется заключением договора аренды земельного участка (части земельного участка), то в таких случаях, при передаче в субаренду арендованного земельного участка

¹⁴ Приказ Минприроды России от 20.12.2017 № 693 «Об утверждении типовых договоров аренды лесных участков». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.03.2018).

¹⁵ Федеральный закон от 4 декабря 2006 года № 201-ФЗ «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 11.12.2006. № 50. Ст. 5279.

или же его части, на котором находится поверхностный водный объект, применяются положения ч. 6 ст. 22 ЗК РФ.

Итак, резюмируя, можно сделать несколько выводов.

1. Аренда и субаренда частей земельных участков с целью использования иных природных объектов являются надлежащими правовыми инструментами обеспечения интересов природопользователей.

2. Кадастровый учет части земельного участка с целью использования иных природных объектов – один из способов индивидуализации предмета договора. Его отсутствие не является основанием для признания договора аренды части земельного участка незаключенным, если договор не подлежит государственной регистрации и если объект арендных правоотношений согласован и определен иным способом.

3. Осуществление кадастрового учета части земельного участка является правом, а не обязанностью собственника или иного лица, в пользу которых устанавливаются обременения, если договор аренды части земельного участка заключен на срок менее года.

4. Арендатор земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, может передать часть арендованного участка в субаренду без осуществления кадастрового учета данной части, если договор заключен на срок менее года и основной земельный участок был поставлен на кадастровый учет в качестве самостоятельного объекта права.

5. Передача в субаренду лесного участка или его части должна осуществляться с согласия арендодателя.

6. Действующее законодательство допускает заключение договора аренды части земельного участка, на которой располагается пруд.

7. Передача прав и обязанностей по договору водопользования является возможной при заключении договора без проведения аукциона.

Библиографический список

1. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20 апреля 2018 г. № Ф09-1314/18. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=190566#05027580184268794>.

2. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 января 2016 г. № 15АП-12018/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019). URL: <https://base.garant.ru/61111613/>

3. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 февраля 2019 г. по делу № А55-2911/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS011&n=148545#027497550623627287>.

4. Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 6 сентября 2016 г. № 44г-252/16.

Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019).

5. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1314-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019). URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnog-suda-rf-ot-24062014-n-1314-o-ob>.

6. Определение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 3 сентября 2014 г. по делу № А71-7123/2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5qw23WU2h25T>.

7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019). URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/26987>.

8. Обзор судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019). URL: https://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=11147.

9. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 8 декабря 2017 года по делу № А33-18808/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019).

10. Гаевская Е. Ю. Особенности и порядок предоставления земельных участков для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства // Бизнес, Менеджмент и Право. 2018. № 5. С. 56–61. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35431577>.

11. Жевняк О. В. Договор аренды части вещи: теория и арбитражная практика // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. №. 4 (187). С. 20–36. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28990572>.

12. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28 июля 2014 года по делу № А41-5450/14. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Vmi2MPAhjCVW>.

13. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 года № 08АП-3241/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS008&n=98263#019992118993693775>.

14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 мая 2016 г. по делу № А41-70799/15. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=244744#05039192977563882>.

15. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27 апреля 2018 г. № Ф09-1071/18. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019). URL: <https://base.garant.ru/38774918/>.

16. Постановление Президиума Московского областного суда от 07.06.2017 № 283. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019).

17. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-сибирского округа от 25 апреля 2012 г. № А33-6755/2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019).

References

1. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 20 aprelya 2018 g. № F09-1314/18* [Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 20.04.2018 № F09-1314/18]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019). Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=190566#05027580184268794> [in Russian].
2. *Postanovlenie Pyatnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 13 yanvarya 2016 g. № 15AP-12018/2015* [Resolution of the Fifteenth Arbitration Appeal Court dated 13.01.2016 №15AP-12018/2015]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019). Available at: <https://base.garant.ru/61111613> [in Russian].
3. *Postanovlenie Odinnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 14 fevralya 2019 g. po delu № A55-2911/2018* [Resolution of the Eleventh Arbitration Appeal Court dated 14.02.2019 with regard to case № A55-2911/2018]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019). Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS011&n=148545#027497550623627287> [in Russian].
4. *Postanovlenie Prezidiuma Stavropol'skogo kraevogo suda ot 6 sentyabrya 2016 g. № 44g-252/16* [Resolution of the Presidium of the Stavropol Regional Court dated 06.09.2016 № 44g-252/16]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019) [in Russian].
5. *Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.06.2014 № 1314-O* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 24.06.2014 № 1314-O]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019). Available at: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24062014-n-1314-o-ob> [in Russian].
6. *Opreделение Arbitrazhnogo suda Udmurtskoi Respubliki ot 3 sentyabrya 2014 g. po delu № A71-7123/2012* [Determination of the Arbitration Court of the Udmurt Republic dated 03.09.2014 with regard to case №A71-7123/2012]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019). Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5qw23WU2h25T> [in Russian].
7. *Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii № 2 (2018) (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 04.07.2018)* [Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 2 (2018) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 04.07.2018)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019). Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/26987> [in Russian].
8. *Obzor sudebnoi praktiki po delam, svyazannym s osparivaniem otkaza v osushchestvlenii kadaastrovogo ucheta (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 30.11.2016)* [Review of judicial practice in cases related to contesting the denial of cadastral registration (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.11.2016)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019). Available at: https://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=11147 [in Russian].
9. *Postanovlenie Tret'ego arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 8 dekabrya 2017 goda po delu № A33-18808/2016* [Resolution of the Third Arbitration Appeal Court dated 08.12.2017 with regard to case № A33-18808/2016]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019) [in Russian].
10. Gaeuskaya E. Ju. *Osobennosti i poryadok predostavleniya zemel'nykh uchastkov dlya osushchestvleniya vidov deyatel'nosti v sfere okhotnich'ego khozyaistva* [Specific features and the order of granting land plots for activities in the sphere of hunting]. *Biznes, Menedzhment i Pravo* [Business, Management and Law], 2018, no. 5, pp. 56–61. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35431577> [in Russian].
11. Zhevnyak O. V. *Dogovor arendy chasti veshchi: teoriya i arbitrazhnaya praktika* [Lease agreement of the part of a thing: theory and court practice]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii* [Property Relations in the Russian Federation], 2017, no. 4 (187), pp. 20–36. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28990572> [in Russian].
12. *Postanovlenie Desyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 28 iyulya 2014 goda po delu № A41-5450/14* [Resolution of the Tenth Arbitration Appeal Court dated 28.07.2014 with regard to case №A41-5450/14]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019). Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Vmi2MPAhjCVW> [in Russian].
13. *Postanovlenie Vos'mogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 15 maya 2018 goda № 08AP-3241/2018* [Resolution of the Eighth Arbitration Appeal Court dated 15.05.2018 № 08AP-3241/2018]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019). Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS008&n=98263#019992118993693775> [in Russian].
14. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 16 maya 2016 g. po delu № A41-70799/15* [Resolution of the Moscow Region Arbitration Court dated 16.05.2016 with regard to case № A41-70799/15]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019). Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=244744#05039192977563882> [in Russian].
15. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 27 aprelya 2018 g. № F09-1071/18* [Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 27.04.2018 № F09-1071/18]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019). Available at: <https://base.garant.ru/38774918> [in Russian].
16. *Postanovlenie Prezidiuma Moskovskogo oblastnogo suda ot 07.06.2017 № 283* [Resolution of the Presidium of the Moscow Regional Court dated 07.06.2017 № 283]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019) [in Russian].
17. *Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Vostochno-sibirskogo okruga ot 25 aprelya 2012 g. № A33-6755/2011* [Resolution of the Federal Arbitration Court of the East Siberian District dated 25.04.2012 № A33-6755/2011]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 22.06.2019) [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-168-172
УДК 336.1

Дата: поступления статьи / Submitted: 18.11.2019
после рецензирования / Revised: 14.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Научная статья / Scientific article

А. А. Трофимов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: albert.trofimov@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЮДЖЕТОВ ПО ОПЕРАЦИЯМ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ КАПИТАЛОМ В КИТАЕ

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос о правовой природе современных бюджетов по операциям с государственным капиталом, существующих в Китайской Народной Республике. Рассмотрение эволюции китайского бюджетного законодательства по теме исследования позволяет утверждать, что, будучи по своей сущности инвестиционным бюджетом, направленным на увеличение стоимости государственного имущества, такой бюджет обладает рядом юридически значимых особенностей, среди которых обособленность от основного государственного бюджета, наличие собственных доходных источников и направлений расходов. В то же время бюджет по операциям с государственным капиталом на центральном уровне в КНР представляет собой один из видов внебюджетных фондов, включенных в состав современной бюджетной системы КНР, что предопределяет наличие определенных связей с другими элементами этой системы, в частности межбюджетных отношений. Обращается внимание на сходства и отличия между бюджетом по операциям с государственным капиталом в Китае и инвестиционными фондами в России.

Ключевые слова: КНР, бюджетная система Китая, бюджет, инвестиционный бюджет, бюджет по операциям с государственным капиталом, инвестиционный фонд, инвестиции, государственные предприятия, Закон КНР о бюджете.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90054.

Цитирование. Трофимов А. А. Правовое регулирование бюджетов по операциям с государственным капиталом в Китае // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 168–172. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-168-172>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. A. Trofimov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: albert.trofimov@gmail.com

LEGAL REGULATION OF THE BUDGETS FOR STATE CAPITAL OPERATIONS IN CHINA

Abstract: This article examines the legal nature of modern budgets for state capital operations that exist in the People's Republic of China. Consideration of the evolution of Chinese budget legislation on the subject of the study suggests that budgets for state capital operations are essentially an investment budgets aimed at increasing the value of state property. Such budget has a number of legally significant features, including separation from the state budget, the presence of its own revenue sources and spending directions. At the same time, the budget for capital operations at the Central level in the PRC is one of the types of extra-budgetary funds included in the modern budget system of the PRC, which determines the presence of certain links with other elements of this system, in particular inter-budgetary relations. In addition, attention is drawn to the similarities and differences between the budgets for state capital operations in China and investment funds in Russia.

Key words: China, Chinese budget system, budget, investment budget, budget for state capital operations, investment fund, investments, state-owned enterprises, Budget Law of the People's Republic of China.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the research project № 19-311-90054.

Citation. Trofimov A. A. *Pravovoe regulirovanie byudzhetrov po operatsiyam s gosudarstvennym kapitalom v Kitae* [Legal regulation of the budgets for state capital operations in China]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 168–172. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-168-172> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Альберт Алексеевич Трофимов – младший научный сотрудник, юридический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Автор 6 научных статей, в том числе «Эволюция бюджетного законодательства Китая»; «О принципах бюджетных систем Китайской Народной Республики и Российской Федерации».

Область научных интересов: финансовое право, налоговое право, бюджетное право, административное право, право зарубежных стран.

© Albert A. Trofimov – junior research scientist of the Law Faculty, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

Author of 6 research papers, including «Evolution of China's budget legislation»; «On Principles of Budget Systems of the People's Republic of China and the Russian Federation».

Research interests: financial law, tax law, budget law, administrative law, foreign law.

Современная бюджетная система Китайской Народной Республики на центральном уровне наряду с основным государственным бюджетом включает в себя несколько видов внебюджетных фондов, одним из которых является бюджет по операциям с государственным капиталом (инвестиционный бюджет).

Согласно официальным данным, в 2018 г. совокупный доход всех бюджетов по операциям с государственным капиталом в КНР составил 289,9 млрд юаней, а объем расходов достиг 215,9 млрд юаней¹.

Развитие правового регулирования бюджетов по операциям с государственным капиталом в КНР, как и бюджетной системы страны [2, с. 12–14] имеет довольно длинную историю. Формально после принятия Закона КНР от 22.03.1994 «О бюджете» (далее – Закон о бюджете) [4, с. 551–568] с 1995 г. государственный бюджет КНР подлежал утверждению в двух частях: по текущим расходам (регулярный государственный бюджет) и капитальным (инвестиционный бюджет). Соответствующее разделение было предусмотрено в ст. 20 Правил Государственного совета КНР (далее – Госсовет КНР) от 22.11.1995 «Об исполнении Закона КНР о бюджете».

Как утверждает А. В. Островский, «основной целью «двойного бюджета» было выведение всех расходов по капитальному строительству за рамки регулярного госбюджета, весь излишек поступал в бюджет капитального строительства» [1, с. 557–558, 560–561]. По оценкам китайских ученых, данное законодательное изменение не привело к фактическому изменению бюджетного планирования, а также «не имело прогресса» [9, с. 31].

Следующим шагом на пути развития бюджетного устройства Китая стало начало эксперимента по внедрению механизма обособленного бюджета по операциям с государственным капиталом (国有资本经营预算), который был начат в Китае в 2007 г. с изданием Мнений Госсовета КНР от 08.09.2007 № 26 «О пилотном внедрении бюджетов по операциям с государственным капиталом» (далее – Мнения № 26).

Позднее с принятием Постоянным Комитетом Всекитайского собрания Народных Представителей (далее – ВСНП) Закона КНР от 28.10.2008 «О государственных активах предприятий» (вступил в силу с 01.05.2009) [3, с. 146] правовая основа для формирования бюджета по операциям с государственным капиталом была заложена в главе VI этого закона (статьи 58–62). В статье 58 Закона КНР «О государственных активах предприятий» установлено, что китайское государство создает полноценную систему функционирования

государственного капитала через механизмы бюджетного управления. Такой «операционный» бюджет подлежал утверждению Собранием Народных Представителей соответствующего уровня в составе основного государственного бюджета на ежегодной основе (ст. 60 Закона КНР «О государственных активах предприятий»).

Под бюджетом хозяйствования государственным капиталом первоначально предлагалось понимать часть государственного бюджета, образуемую за счет доходов, полученных государством как собственником определенного вида публичного имущества. Создание такой системы преследовало ряд макроэкономических задач: усиление контроля со стороны государства за использованием государственного имущества, совершенствование системы распределения доходов государственных предприятий, перестройку структуры государственного сектора экономики.

Об этом свидетельствовало указание на конкретные виды доходов и расходов такого бюджета. Доходами инвестиционного бюджета (раздел 3 Мнений № 26) являлись поступления от государственных предприятий в виде установленного объема прибыли, перечисляемой в соответствии с государственными положениями, дивидендов от участия в акционерном капитале государственных акционерных предприятий, доходов от передачи права государственной собственности (на акции и т. п.), остаток стоимости имущества при ликвидации предприятия пропорционально доле участия государства в капитале такой организации.

Направления расходов же были сформулированы максимально широко, поскольку имелось лишь указание на необходимость осуществления расходов, связанных с реформой государственных предприятий, а также капитальных расходов для изменения структуры государственного сектора экономики. Государственные предприятия получали возможность осуществлять расходные операции за счет такого бюджета на цели, предусмотренные бюджетом и планом, утвержденным Комитетом по контролю и использованию государственного имущества Китая². При этом при необходимости допускалось использование средств такого бюджета на покрытие расходов на социальное обеспечение.

Аналогичное реформирование бюджетной системы наблюдалось не только на центральном уровне, но также и на нижестоящих уровнях.

По мере достижения задач, первоначально поставленных китайским правительством перед первой реформой бюджетной системы, сфера использования бюджета по операциям с государственным

¹ В 2018 г. доходы центрального бюджета по операциям с государственным капиталом составили 132,5 млрд юаней, а расходы – 111,1 млрд юаней, в т. ч. финансовые трансферты в основной государственный бюджет – 32,1 млрд юаней, финансовые трансферты бюджетам местных уровней – 8,6 млрд юаней. 1 доллар ≈ 7 юаней.

² Пункт 5 Уведомления Комитета по контролю и использованию государственным имуществом Китая от 12.02.2009 № 22 по вопросам, связанным с исполнением бюджета хозяйствования государственным капиталом центральных предприятий (впоследствии отменены в 2015 г.). URL: <http://en.pkulaw.cn/Display.aspx?lib=law&Cgid=113839&EncodingName=big5> (дата обращения: 22.10.2019).

капиталом постепенно начинала расширяться³. В частности, неоднократно обновлялись ставки изъятия прибыли, оставшейся после уплаты налогов государственными предприятиями, участвующими в исполнении бюджета по операциям с государственным капиталом в зависимости от категории⁴.

С внесением изменений в Закон о бюджете в 2014 г. правовые основания для существования рассматриваемого вида бюджета появились на законодательном уровне. В силу ст. 10 Закона о бюджете бюджеты по операциям с государственным капиталом – это бюджеты, состоящие из доходов и расходов, формируемые исходя из выплат, осуществляемых в отношении прироста государственного капитала. Бюджеты по операциям с государственным капиталом разрабатываются в соответствии с принципом баланса между доходами и расходами, не должны содержать дефицита, а также обеспечивать поступление средств в основной бюджет. Традиционно более подробное регулирование передавалось на уровень подзаконного нормотворчества.

В целях конкретизации законодательной нормы о создании бюджета по операциям с государственным капиталом был принят ряд подзаконных актов:

– Уведомление Минфина КНР от 15.01.2016 № 6 «О Временных мерах по управлению центральным бюджетом по операциям с государственным капиталом» (далее – Временные меры № 6);

– Уведомление Минфина КНР от 15.07.2016 № 32 «О порядке формирования доходов бюджета по операциям с государственным капиталом»;

– Уведомление Минфина КНР от 13.03.2017 № 32 «О Временных мерах по управлению расходами центрального бюджета по операциям с государственным капиталом»;

³ Например, Уведомлением Минфина КНР от 23.12.2010 № 392 «О совершенствовании центрального бюджета по операциям с государственным капиталом» был существенно расширен перечень предприятий (приложение № 1), подведомственных различным государственным структурам, допущенным к исполнению бюджета по операциям с государственным капиталом.

⁴ С 2009 г. – 15 % от прибыли предприятия первой категории, 10 % от прибыли предприятия второй категории, 5% от прибыли предприятия третьей категории, 0 % от прибыли предприятия четвертой категории. С 2014 г. – 25 % для первой категории (Китайская национальная табачная корпорация (中国烟草总公司)), 20 % – для второй (например, Китайская национальная нефтегазовая корпорация (中国石油天然气集团公司), Китайская нефтехимическая корпорация (中国石油化工集团公司), China Telecom Group Corporation), 15 % – для третьей (например, Китайская алюминиевая корпорация (中国铝业公司)), 10 % – для четвертой (например, Китайская национальная судостроительная корпорация (中国船舶工业集团公司)); пятая категория освобождена от уплаты прибыли за год (см.: Уведомление Минфина КНР от 17.04.2014 № 59 «О дальнейшем увеличении процента перечисляемого государственным предприятиями дохода». URL: http://www.mof.gov.cn/zhenqwxinxisaisizhengwengao/wg2014/201408wg/201503/t20150327_1208378.html (дата обращения: 22.10.2019).

– Уведомление Минфина КНР от 26.09.2017 № 133 «О порядке составления центрального бюджета по операциям с государственным капиталом» (далее – Уведомление № 133), заменившее собой Уведомление Минфина КНР от 13.10.2011 № 318 «О составлении центрального бюджета по операциям с государственным капиталом»;

– Уведомление Комитета по контролю и использованию государственного имущества Китая от 15.09.2019 № 92 «О временных мерах по осуществлению надзора и расходных операций бюджета по операциям с государственным капиталом».

Анализ законодательного определения, а также подзаконного правового регулирования становятся основой для выведения следующих ключевых признаков бюджетов по операциям с государственным капиталом.

Во-первых, бюджеты по операциям с государственным капиталом представляют собой *самостоятельный публичный фонд денежных средств*. Бюджет хозяйствования государственным капиталом изначально разрабатывался отдельно, однако не подлежал обязательному утверждению Собранием Народных Представителей соответствующего уровня. Полномочиями по управлению такими бюджетами наделялись финансовые ведомства на разных уровнях, которые координировали свои действия с органами управления и контроля за использованием государственного имущества и иными ведомствами, осуществлявшими контроль и надзор за государственными предприятиями.

С изменением бюджетного законодательства требование о разработке и утверждении проектов бюджетов в соответствии с законом было распространено и на бюджеты по операциям с государственным капиталом. После утверждения ВСНП центрального бюджета по операциям с государственным капиталом Минфин КНР утверждает бюджеты конкретных ведомств и государственных предприятий, участвующих в исполнении рассматриваемого вида бюджета (ст. 14 Временных мер № 6). Также предусматривается, что центральный бюджет по операциям с государственным капиталом исполняется в соответствии с требованиями макроэкономической политики и среднесрочного бюджетного планирования (ст. 5 Временных мер № 6).

Рассматриваемый вид бюджета представляет собой самостоятельный публичный фонд, обладающий собственными источниками доходов и направлениями расходов, который должен функционировать на основе принципа сбалансированности, но в то же время составлять часть единой бюджетной системы КНР. Нормативно связь с другими элементами бюджетной системы КНР закреплена в дополнительных источниках обеспечения сбалансированности иных бюджетов бюджетной системы КНР. Средства такого бюджета могут быть использованы для обеспечения сбалансированности бюджета фонда социального страхования, но не наоборот. Кроме того, установлено, что из бюджета по операциям с государственным

капиталом в обязательном порядке должны предусматриваться перечисления (финансовые (межбюджетные) трансферты) в основной государственный бюджет.

Во-вторых, создание бюджета по операциям с государственным капиталом преследует *особую публичную задачу* – увеличение стоимости государственного имущества (т. е. инвестиционную).

Краткосрочная цель бюджета по операциям государственного капитала заключается в повышении стоимости государственных активов, а долгосрочной перспективе – в максимизации национального благосостояния [10, с. 11].

В попытках обосновать сущность рассматриваемого бюджета некоторые исследователи обращаются скорее к экономическим понятиям: «так называемый операционный бюджет государственного капитала – это специальный бюджет, в котором инвестор получает операционные доходы и организует операционные расходы в соответствии с законом. Под бюджетной системой государственного управления капиталом понимается специальная бюджетная система, в соответствии с которой уполномоченный правительством орган по контролю и управлению государственным имуществом в соответствии с законом получает доходы от государственного управления капиталом, организует расходы на государственное управление капиталом» [8, с. 121]. Следует отметить, что избрание китайским законодателем такого механизма, как создание самостоятельного инвестиционного бюджета в структуре бюджетной системы КНР для решения рассматриваемой публично значимой цели свидетельствует об определенной степени оригинальности подхода, нехарактерного для ряда других стран.

В-третьих, бюджет по операциям с государственным капиталом обладает собственными особыми видами *доходов и расходов*. Доходные источники бюджета по операциям с государственным капиталом не претерпели изменений с момента введения их в экспериментальном порядке (ст. 8 Временных мер № 6). Однако были уточнены возможные направления расходования таких бюджетов (ст. 9 Временных мер № 6, ст. 5 Уведомления № 133): расходы на реформу государственных предприятий, инвестирование государственного капитала в ключевые отрасли национальной безопасности, обеспечение предоставления государственных услуг, защиту окружающей среды, развитие научно-технического прогресса, поддержание контроля над финансовым сектором, а также финансирование государственной политики. По общему правилу расходы бюджета по операциям с государственным капиталом должны служить общегосударственным стратегическим целям (за исключением трансфертов в основной государственный бюджет и Национальный фонд социального страхования).

Следует отметить отсутствие единства мнений представителей китайской научной общественности относительно обоснованности выбора тех или иных направлений расходования средств дан-

ного бюджета [7, с. 57–60]. Неопределенность в вопросе о возможных направлениях расходования средств бюджетов по операциям с государственным капиталом приводит к рассуждениям о том, что расходы такого бюджета должны быть направлены на решение институциональных проблем развития государственных предприятий, на решение проблем, связанных с жизненными интересами работников предприятий, на содействие реструктуризации экономики и трансформации путей экономического развития [6, с. 15].

Предприятия, на которые непосредственно распространялось действие Временных мер № 5 и Уведомления № 133, указаны в их статьях 6 и 2 соответственно, согласно которым в перечень таких предприятий входят центральные предприятия, подведомственные или отчитывающиеся за использование средств рассматриваемого бюджета перед Минфином КНР⁵, а также предприятия, чьи расходы включены в бюджет.

В соответствии с Уведомлением Минфина КНР от 23.07.2012 № 9 «Об управлении расходами бюджета хозяйствования государственным капиталом центральных предприятий культуры» управление расходами бюджета осуществляется на основе следующих принципов: поддержка выдающихся и конкурентоспособных предприятий, поддержка ключевых проектов, приоритет обеспечения социальных благ при их единстве с экономической выгодой. Основные направления расходов конкретизировались следующим образом: поддержание центральных предприятий культуры в приобретении акций объединяемых государственных предприятий в целях оптимизации, поддержка конкурентоспособных предприятий культуры, способных обеспечить глобализацию культуры и сотрудничать с иностранными юридическими лицами путем возмещения расходов на капитальное строительство, и т. п.

Помимо указанного, в рамках темы настоящего исследования невозможно не обратить внимания на некоторое сходство бюджета по операциям с государственным капиталом в КНР с инвестиционными фондами в России (ст. 179.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации) [5, с. 110–111]. Основное совпадение заключается в том, что средства, наполняющие данные фонды, подлежат использованию на инвестиционные цели. Однако в то же время важнейшим отличием следует признать то, что инвестиционные фонды в России в настоящее время формируются только на уровне субъектов Российской Федерации и представляют собой бюджетный фонд в составе соответствующего бюджета субъекта Российской Федерации, в то время как бюджеты по

⁵ К центральным предприятиям, непосредственно отчитывающимся перед Минфином КНР, отнесены Китайская национальная табачная корпорация, Китайская железнодорожная корпорация (中国铁路总公司), Китайская почтовая корпорация (中国邮政集团公司), Госсовет КНР и уполномоченные им организации, выполняющие функции инвестора, в т. ч. Китайская инвестиционная компания (中国投资有限责任公司).

операциям с государственным капиталом в Китае формируются как на центральном, так и на местных уровнях, представляя собой самостоятельный внебюджетный фонд в составе бюджетной системы КНР.

Библиографический список

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А. В. Виноградов; гл. ред. акад. РАН. С. Л. Тихвинский. Москва: Наука, 2016. 996 с. URL: https://vk.com/doc35528094_497623560?hash=c49f5be18771850b13&dl=b9e0aabe45a0132cfa.

2. Савинский С. П. Реформа бюджетной системы КНР: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва, 1996. 20 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000088725.

3. Современное право Китайской Народной Республики (обзор законодательства 1978–2010 гг.): в 2 ч. Ч. 2. Москва, 2012. 192 с.

4. Трофимов А. А. Эволюция бюджетного законодательства Китая // Правоведение. 2018. Т. 62. № 3. С. 540–568. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2018.308>.

5. Финансовое право: учебное пособие / под ред. М. В. Кустовой, Н. А. Шевелевой. Санкт-Петербург: Питер, 2014. 320 с.

6. 沈献忠. 认真执行国有资本经营预算促进国企改革——浅析对国有资本经营预算工作的认识和总结 // 安徽水利财会 [Шэньсян Чжун. Добросовестное исполнение бюджета по управлению государственным капиталом в целях содействия реформированию и развитию государственных предприятий — анализ знаний и резюме работы бюджета по управлению государственным капиталом // Департамент водного хозяйства Аньхой. 2018. № 3. С. 14–17].

7. 王捷. 国有资本经营预算支出结构研究综述 // 石家庄铁道大学学报(社会科学版) [Ван Цзе. Обзор исследований структуры расходов бюджета по управлению государственным капиталом // Вестник Шичзячжуанского железнодорожного университета. 2018. № 12 (02). С. 57–62].

8. 许金柜. 我国政府预算制度的历史演进与改革模式研究(1949–2013). 福建师范大学 [Сюйцзинь Гуй. Историческая эволюция и модель реформирования бюджетной системы нашего государства (1949–2013). Диссертация. Фуцзянь педагогический университет, 2014].

9. 高培勇. 完善预算体系加快建立现代预算制度 // 中国财政 [Гаопэй Юн. Совершенствование бюджетной системы. Ускорение создания современной бюджетной системы // Финансы Китая. 2015. № 1. С. 28–33].

10. 鲁睿. 国有资本经营预算实践问题及对策探析 // 广西质量监督导报 [Лу Жуй. Анализ проблем и ответных мер бюджетной практики управления государственным капиталом // Вестник Гуанси по надзору за качеством. 2019. № 3. С. 11].

References

1. *Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. T. IX: Reformy i modernizatsiya (1976–2009)*. Otv. red. A. V. Vinogradov; gl. red. akad. RAN. S. L. Tikhvinskii [History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 vols. Vol. IX: Reforms and modernization (1976–2009). A. V. Vinogradov; S. L. Tikhvinskii (Eds.)]. Moscow: Nauka, 2016, 996 p. Available at: https://vk.com/doc35528094_497623560?hash=c49f5be18771850b13&dl=b9e0aabe45a0132cfa [in Russian].

2. Savinskii S. P. *Reforma byudzhetoj sistemy KNR: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Reform of the budget system of the People's Republic of China: author's abstract of Candidate's of Economic sciences thesis]. Moscow, 1996, 20 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000088725 [in Russian].

3. *Sovremennoe pravo Kitaiskoj Narodnoj Respubliki (obzor zakonodatel'stva 1978–2010 gg.): v 2 ch. Ch. 2* [Modern law of the People's Republic of China (review of legislation from 1978 to 2010): in 2 parts. Part 2]. Moscow, 2012, 192 p. [in Russian].

4. Trofimov A. A. *Evolutsiya byudzhnogo zakonodatel'stva Kitaya* [Evolution of budget legislation in China]. *Pravovedenie*, 2018, Vol. 62, no. 3, pp. 540–568. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2018.308> [in Russian].

5. *Finansovoe pravo: uchebnoe posobie. Pod red. M. V. Kustovoi, N. A. Shevelevoi* [Financial law: textbook. M. V. Kustova, N. A. Sheveleva (Eds.)]. Saint Petersburg: Piter, 2014, 320 p. [in Russian].

6. Shenxian Zhong. *Implementation of State-Owned Capital Management Budget to promote the reform and development of state – owned enterprises—a brief analysis of the state – owned Capital Management Budget work understanding and summary*. Anhui Water Department, 2018, no. 3, pp. 14–17 [in Chinese].

7. Wang Jie. Review on the structure of expenditure of State-Owned Capital Operation budget. *Journal of Shijiazhuang Tiedao University (Social Science Edition)*, 2018, no. 12 (02), pp. 57–62 [in Chinese].

8. Xu Jinju. *Research on the historical evolution and reform mode of our government's budget system (1949–2013)*. Thesis. Fujian Normal University, 2014 [in Chinese].

9. Gao Pei Yong. Improvement of the budget system. Speed up the establishment of a modern budget system. *Chinese finance*, 2015, no. 1, pp. 28–33 [In Chinese].

10. Liu Rui. Practice problems and countermeasures of State-Owned Capital Operation budget. *Guangxi Quality Supervision Report*, 2019, no. 3, p. 11 [in Chinese].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-173-178

УДК 340

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 15.12.2019
после рецензирования / Revised: 26.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020**Р. В. Силантьев**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: silantyev@bk.ru

ГУБНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ МЕР АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: В статье ставится проблема места губной реформы в системе мер антикоррупционной политики Московского государства XVI в. На основе анализа Судебника 1550 года, уставных и губных грамот показано, что губные органы играли значимую роль в двух связанных направлениях государственной политики – в борьбе с разбоями и в противодействии коррупции. В исследовательской литературе сформулирована точка зрения, что одной из важнейших проблем Московского государства в XVI в. являлась проблема распространения организованной преступности и неэффективности существующих методов борьбы с ней. В статье раскрывается место губных органов самоуправления в системе мер антикоррупционной политики. Важнейшее значение при этом имеет материал губных грамот, которые содержат многочисленные прямые и косвенные отсылки к конкретно-историческим формам коррупции. Введение губных органов самоуправления приводило к установлению общих правил осуществления административных и судебных функций, контроль над которыми передавался в руки представителей местных общин. Наличие таких правил создавало общие условия для борьбы с коррупцией, а также для противодействия конкретным формам коррупции. Губные грамоты составляли правовую базу для противодействия таким разновидностям коррупционных правонарушений, как превышение установленных норм поборов с населения, волокита, осуществление суда без уставной грамоты, ложные обвинения с целью завладения имуществом.

Ключевые слова: московское право, губные органы, губные грамоты, формы коррупции, антикоррупционная политика.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Силантьев Р. В. Губное самоуправление в системе мер коррупционной политики Московского государства // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 173–178. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-173-178>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

R. V. SilantyevSamara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: silantyev@bk.ru

REGIONAL SELF-GOVERNMENT IN THE SYSTEM OF MEASURES OF ANTI-CORRUPTION POLICY OF THE MOSCOW STATE

Abstract: In the article the problem of the place of regional reform in the system of measures of anti-corruption policy of the Moscow state of the 16th century is put. On the basis of the analysis of the Code of Laws of 1550, authorized and regional diplomas it is shown that regional bodies played a significant role in two connected directions of state policy – in fight against robberies and in anti-corruption. In research literature the point of view is formulated that one of the most important problems of the Moscow state in the 16th century was the problem of distribution of organized crime and inefficiency of the existing methods of fight against it. In article the place of regional self-government institutions in the system of measures of anti-corruption policy reveals. At the same time material of regional diplomas which contain numerous straight lines and indirect references to concrete historical forms of corruption is essential. Introduction of regional self-government institutions led to establishment of the general rules of implementation of administrative and judicial functions, control over which was ceded in hands of representatives of local communities. Existence of such rules created the general conditions for fight against corruption and also for counteraction to specific forms of corruption. Regional diplomas red tape, implementation of court without authorized diploma, false charges for the purpose of taking by property were legal base for counteraction to such kinds of corruption offenses as excess of the established norms of requisitions from the population.

Key words: Moscow law, local bodies, local diplomas, corruption forms, anti-corruption policy.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)»

Citation. Silantyev R. V. *Gubnoe samoupravlenie v sisteme mer korruptsionnoi politiki Moskovskogo gosudarstva* [Regional self-government in the system of measures of anti-corruption policy of the Moscow state]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 173–178. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-173-178> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Роман Владимирович Силантьев – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Автор двух научных статей: «Влияние первой мировой войны и революционных событий 1917 года в России на практику Верховного Суда США в области защиты свободы слова» (2018), «Система земского самоуправления как мера противодействия коррупции» (2019).

Область научных интересов: всеобщая история права и государства, компаративистика, судебная защита фундаментальных прав и свобод личности.

Тематика, связанная с историей становления и эволюции права Московского государства XVI–XVII вв., является актуальной и для историко-юридической науки, и для современной общественно-политической ситуации. С одной стороны, Московское государство предоставляет уникальный опыт решения сложных проблем, связанных с организацией эффективного управления, преодолением конфликтности в отношениях между населением и администрацией на местах, созданием соответствующей правовой базы для проводимых в сфере управления реформ. С другой стороны, современное Российское государство столкнулось с проблемой противодействия коррупции как одной из серьезнейших угроз национальной безопасности. Найти наиболее эффективные способы борьбы с коррупцией позволит более полное представление о возможных конкретно-исторических формах коррупции и мерах по противодействию им, и в этом отношении опыт Московского государства представляется чрезвычайно ценным.

В исследовательской литературе подчеркивается, что одной из важнейших проблем, с которыми столкнулось Московское государство в XVI в., являлась проблема распространения организованной преступности и неэффективности существующих методов борьбы с нею [1, с. 77]. Именно противодействие организованной преступности являлось важнейшей функцией системы губных органов, которые получают распространение в Московском государстве в XVI в. Правовую базу для их функционирования составили губные грамоты, которым посвящен целый ряд исследований, носящих преимущественно историко-правовой и историко-юридический характер [2; 3; 4, с. 210–219; 5, с. 212–217; 6, с. 9–12]. Терминологически организованная преступность в соответствующих актах и документах передается чаще всего через понятие «разбой». При этом, несмотря на то что в губных грамотах общим местом является определение функций губных органов в борьбе с разбоями, значительную роль эти органы сыграли и в организации системы мер антикоррупционной политики. Как оба указанных направления государственной политики, так и обе функции губных органов оказались взаимосвязанными элементами единого системного организма. В рамках данной статьи ставится задача показать антикоррупционную направленность губных органов через рас-

© Roman V. Silant'ev – senior lecturer, Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Author of 2 research papers: «The impact of World War I and the revolutionary events of 1917 in Russia on the practice of the US Supreme Court in protecting freedom of speech» (2018), «System of territorial self-government as anti-corruption measure» (2019).

Research interests: General history of law and state, comparative law, judicial protection of fundamental rights and freedoms.

смотрение и систематизацию их общего функционального предназначения.

При решении поставленной задачи одним из центральных понятий является так называемое «губное право», под которым традиционно понимается право губных органов предупреждать преступления, судить и наказывать преступников за совершенные преступления [3, с. 14]. Конкретными актами, в которых это право отражено, являются губные грамоты.

Анализ текста сохранившихся губных грамот показывает неэффективность существующей системы государственного управления как на одну из важнейших причин выдачи губных грамот и введения губного самоуправления, при этом особо указывается на неспособность представителей администрации справиться с произволом организованной преступности («многие села и деревни розбойники розбивают, и животы ваши грабят, и села и деревни жгут, и на дорогах многих людей грабят и розбивают, и убивают многих людей до смерти») [7, с. 164]. Более того, губные грамоты изобилуют жалобами на то, что должностные лица, присылаемые правительством, дополнительно обременяют население поборами. Сообщения эти весьма кратки, и информация, извлекаемая из них, носит скудный и ограниченный характер, однако некоторые обобщения напрямую касаются темы статьи. В жалобах можно увидеть прямые или косвенные отсылки к отдельным разновидностям конкретно-исторических форм коррупции. В частности, упоминается «волокита», которую составители грамот указывают в качестве основной причины неэффективной борьбы с разбоями: «...а вы деи... лихих людей розбойников не имаете, для того что вам волокита велика...» [8, с. 32].

Волокиту применительно к реалиям московского права XVI в. определяют редко, в широком и общем смысле под ней имеется в виду умышленное затягивание сроков рассмотрения дела представителями административно-судебного аппарата [9, с. 13]. В губных грамотах волокита упоминается очень часто среди других пороков государственного управления, исправить которые призваны губные органы [7, с. 164; 8, с. 33; 10, с. 170–174]. Именно выборность состава губных органов должна была препятствовать и волоките, и взиманию «посулов» (в данном контексте – особых подарков с истцов), и другим формам коррупционных правонарушений.

И посул, и волокита отражены в центральном для XVI века памятнике права – Судебнике 1550 года. При этом в статьях 4 и 5 Судебника посул увязывается с подделкой протокола судебного заседания: «А которой дьяк список нарядит или дело запишет не по суду... а обыщется то в правду, что он от того посул взял, на том дьяке взяти перед боярином вполы да кинути его в тюрьму» [11, с. 97], и далее в ст. 5: «Подъачей, которой запишет не по суду для посула... казнити торговою казнию, бити кнутьем» [11, с. 97]. Ю. В. Оспенников достаточно подробно обосновал, что в этих статьях речь идет о фальсификации протокола дьяком или подъачим без ведома самого должностного лица, осуществлявшего судебные полномочия [12, с. 93]. Напротив, в 3-й статье Судебника речь идет о посуле, получателем которого является непосредственно судья – боярин, или дворецкий, или казначей: «А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и обвинит не по суду...» [11, с. 97], причем цель взимания посула прямо указана в самой статье – неправосудное решение в пользу взяткодателя.

Что касается волокиты, то этот состав преступного деяния, видимо, можно усмотреть в ст. 7 Судебника, где подробно расписывают действия должностного лица (боярина, дворецкого, казначея, дьяка), сводящиеся к отказу от рассмотрения дела «жалобника» или затягиванию его рассмотрения [11, с. 98].

В рамках проведения губной реформы и, соответственно, в случае выдачи губной грамоты на местах формировался целый штат местных выборных, во главе которых стояли губные старосты, а в помощь им избирались целовальники, дьяки и другие должностные лица. Содействие губным органам должны были оказывать выборные должностные лица земского самоуправления – десятские, пятидесятские и сотские. То есть, с одной стороны, налицо весьма демократический характер губных органов и, соответственно, широкие возможности по противодействию коррупции. С другой стороны, нельзя игнорировать тот факт, что формирование штата губных служащих осуществлялось из числа так называемых «лучших людей», то есть из числа зажиточной верхушки местных общин, что неизбежно приводило к внутриобщинным конфликтам. Тем не менее в сравнении с бытовавшей до тех пор системой государственного управления новые губные органы следует рассматривать как значимый шаг вперед по пути ограничения властного произвола и противодействия коррупции. Но в этом отношении для губных органов были установлены и достаточно жесткие рамки, запрещавшие вмешиваться в юрисдикцию судов наместника, волостелей и их тиунов [13, с. 216].

Рассматривая формирование системы губных органов и штата их должностных лиц, нельзя не отметить очевидное несоответствие с современным подходом к разграничению органов государственной власти и органов местного самоуправ-

ления. Несмотря на то что губные органы чаще всего – и вполне основательно – рассматриваются в исследовательской литературе как органы местного самоуправления (и в этом смысле отличаются от системы органов государственной власти), с самого начала они выстраивались в строгой иерархической подчиненности по отношению к формирующемуся Разбойному приказу, органу центрального государственного управления. Об этом прямо говорится, например, в Губной Каргопольской грамоте 1539 г.: «А которых разбойников ведомых поимаете и обыскав их казните... да о том бы естя отписывали на Москву к нашим бояром, которым розбойные дела приказаны» [8, с. 33]. Более того, в определенных случаях предусматривалось обращение к великокняжеской власти, как к высшей властной иерархической структуре, чем еще раз подчеркивается включение губных органов в иерархическую систему органов государственной власти: «А которому будет делу их старосте и целовальником управы учинить не мощно, и они о том доложат меня царя и великого князя» [3, с. 109].

Эти оговорки, предполагающие отличия правосознания современного и присущего жителям Московского государства XVI в., необходимо иметь в виду, рассуждая о губных органах как об органах местного самоуправления.

Еще чаще в губных грамотах жалуются на действия должностных лиц, которые заключаются во взимании «лишка». Именно этот состав, надо полагать, в скрытом виде содержится под жалобой о «великих убытках» населения, которые являются следствием действий администрации («от наших деи обыщиков и от недильщиков чинятся великие убытки...») [8, с. 32]. В некоторых грамотах завышенные сборы чиновниками с населения упоминаются напрямую: «...что наместники наши и волостели и их пошлинные люди, сверх нашего жалованья указу, чинят им продажи и убытки великие» [14, с. 262]. Надо специально обратить внимание, что здесь взимание сборов сверх положенных норм и «великие убытки» напрямую связываются друг с другом, что усиливает выдвинутое выше предположение о том, что жалобы о «великих убытках» являются скрытой жалобой на коррупционные правонарушения администрации. О повсеместной распространенности этой формы коррупции свидетельствует ее фиксация в качестве состава преступного деяния в Судебнике 1550 г. В 8-й статье упомянутого памятника права устанавливались фиксированные размеры сборов и пошлин, после чего устанавливалось понятие «лишек», за взятие которого должностное лицо наказывалось штрафом в виде тройной суммы взятого сверх положенного: «А возмет боарин, или дворецкой, или казначей, или дьяк, или подъачей, или недельщик на ком что лишек, и на том взяти втрое» [11, с. 98]. Здесь же следует заметить, что упомянутую норму вряд ли можно рассматривать в качестве решительного шага в борьбе с коррупцией – в той же статье предусматривалось наказа-

ние за ложное сообщение о взятии «лишка», и это наказание по своей суровости значительно превосходило штраф, взимаемый с чиновника: «А хто учнет бити челом на боярина, или на дьяка, или на подьячего, или на неделщика, что взяли на нем сверх пошлин лишек, и обыщется то, что тот солгал, и того жалобника казнити торговою казною да вкинути в тюрьму» [11, с. 98]. Некоторые авторы, например Н. П. Загоскин, уверенно выделяли такую особенность Судебника, как «особую строгость» по отношению к судебно-административным чиновникам, уличенным в злоупотреблениях [15, с. 66]. Однако это утверждение должно быть признано по меньшей мере спорным, сравнение двух санкций, установленных ст. 8 Судебника, убедительно показывает, что текст Судебника создавался все же представителями административного аппарата, отражая интересы прежде всего формирующегося слоя профессиональных чиновников. В еще более широком масштабе рассмотренные нормы, отраженные в статьях Судебника, создавались в интересах господствующего класса, для которого сложившаяся система поборов при осуществлении правосудия являлась вполне приемлемой, поскольку позволяла эффективнее защищать интересы имущих слоев населения и игнорировать защиту интересов неимущих. На эту направленность губной реформы указывал крупнейший отечественный исследователь губной реформы Н. Е. Носов: «...первая общегосударственная реформа местного управления, осуществленная московским правительством в интересах широких слоев уездного дворянства и направленная на укрепление аппарата управления Русского централизованного государства» [16, с. 201]. В этом смысле устаревшим является взгляд, характерный для дореволюционной историографии и выраженный одним из лучших ее представителей – С. Шумаковым, который настаивал на всесловном характере губных учреждений, отмечая, впрочем, что это противоречит всей остальной направленности московской государственной политики [3, с. 41]. При этом общее усложнение общественной жизни приводило ко все большему усилению тенденции формализации права, следствием чего являлось все более четкое разграничение узаконенных поборов и тех сборов должностными лицами, которые остались незаконными и в силу этого превращались в правонарушения. В этом смысле понятны и выводы некоторых советских исследователей, которые полагали, что во время введения губных учреждений наместники-кормленщики были более заинтересованы в получении судебных доходов, чем в прекращении преступлений [16, с. 204–205].

Как указывает Ю. В. Оспенников, одной из основных форм коррупционных правонарушений в московском праве XVI в. являлось осуществление суда без уставной грамоты, которая определяла бы порядок осуществления суда и размер судебных пошлин [9, с. 12]. С этим подходом можно согласиться, поскольку он, с одной стороны, отсылает

нас к самым основам антикоррупционной политики, а с другой стороны, указывает на актуальность отмеченного выше процесса разграничения узаконенных и «незаконных» поборов. Выдача губных грамот, наравне с выдачей уставных грамот, создавала определенные правовые основания для противодействия коррупции, но самое главное – она давала возможность отличить дозволенные поборы при осуществлении судебно-административных полномочий от недозволенных. В целом же в конкретно-исторических условиях Московского государства XVI века система губных учреждений на базовом уровне уже являлась значимым элементом антикоррупционной государственной политики, как создавая общие условия для борьбы с коррупцией, так и противодействуя конкретной форме коррупционных правонарушений.

Важной функцией в противодействии разбоям, которую получили новые губные органы, являлась возможность конфисковывать имущество преступников, распределяя его в пользу пострадавших и в пользу местной общины. Формально эта функция губных органов подвергалась строгому контролю (конфискованное и распределенное имущество должно было переписываться, а список потом отправлялся в Разбойный приказ). Однако можно предположить, что именно в рамках реализации этой функции создавались условия для осуществления еще одной формы коррупционных правонарушений – ложных обвинений с целью завладения имуществом. К числу коррупционных правонарушений это деяние может быть отнесено по тому основанию, что предполагает использование властных полномочий для собственного обогащения, для достижения личных интересов, а не общественных. О том, насколько широко эта форма коррупционных правонарушений была распространена, свидетельствуют не только многочисленные грамоты, но и свидетельства иностранцев. В частности, при всем критическом отношении к сочинению Генриха Штадена можно полагать, что он отразил вполне реальную схему преступных действий: «Если где-либо в стране... словят убийцу, а тот откупится, так его подстрекали, чтобы он оговаривал торговых людей и богатых крестьян, будто и они ему помогали» [17, с. 383].

Тем не менее в целом можно сделать вывод, что система губного самоуправления, введившаяся в Московском государстве XVI в. как средство более эффективной борьбы с организованной преступностью (разбоями), в то же время являлась элементом государственной антикоррупционной политики. Введение губных органов самоуправления приводило к установлению общих правил осуществления административных и судебных функций, контроль над которыми передавался в руки представителей местных общин. Наличие таких правил создавало общие условия для борьбы с коррупцией, а также для противодействия конкретным формам коррупции. Говоря о конкретно-исторических формах коррупции, можно отметить, что губные грамоты составляли правовую базу для

противодействия таким разновидностям коррупционных правонарушений как превышение установленных норм поборов с населения, волокита, осуществление суда без уставной грамоты, ложные обвинения с целью завладения имуществом.

Библиографический список

1. Памятники права Московского государства. Т. III. Памятники права Московского государства. Кн. 1 / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2013. 344 с.

2. Загоскин Н. П. Уставные грамоты XIV–XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления. Вып. 1. Казань, 1875. 226 с.

3. Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. Москва, 1895. 256 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book4503/53891>.

4. Зимин А. А. Губные грамоты XVI века из Музейного собрания // Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 18. Москва, 1956. С. 210–219. URL: http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1540-1560/Gubn_gram_muz_sobr/text.php.

5. Носов Н. Е. Губной наказ Новгородской земле 1559 года // Исторический архив. 1959. № 4. С. 212–217. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1540-1560/Gubnoj_nakaz_novgorod1559/text.htm.

6. Оспенников Ю. В. Губные грамоты XVI в. как источник пенитенциарного права // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 6. С. 9–12. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F57048-gubnye-gramoty-istochnik-penitentsiarnogo-prava>.

7. Губная Белозерская грамота 1539 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. I. Санкт-Петербург, 1836. № 187. С. 163–165. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/47541.php>.

8. Губная Каргопольская грамота 1539 г. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. Санкт-Петербург, 1846. №31. С. 32–33.

9. Оспенников Ю. В. О разнообразии форм коррупционных правонарушений в Московском государстве XVI в. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252.

10. Губная грамота селам и деревням Троицкого Сергиева монастыря 1541 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской академии наук. Т. I. Санкт-Петербург, 1836. № 194. С. 170–174.

11. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Москва: Юрид. лит., 1985. С. 97–129. URL: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf.

12. Оспенников Ю. В. Московская судебная система по «Запискам» Генриха Штадена // Право и государство: теория и практика. 2010. № 11 (71). С. 92–96. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16399644>.

13. Губной наказ селам Кириллова монастыря 1549 г. // ААЭ. Т. I. Санкт-Петербург, 1836. № 224. С. 213–216.

14. Уставная грамота переяславским рыболовам 1555 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской академии наук. Т. I. Санкт-Петербург, 1836. № 242. С. 261–264. URL: <http://histfishing.ru/biblio/istochniki-i-dokumenty/1555-g-ustavnaya-gramota-pereslavskim-rybolovam.html?galItem=69&galAlbum=2&galTag=>.

15. Загоскин Н. П. История права Московского государства. Т. I. Казань, 1877. 519 с.

16. Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1957. 408 с. URL: <http://moscowstate.ru/nosov-n-e-ocherki-po-istorii-mestnogo-upravleniya-russkogo-gosudarstva-v-pervoj-polovine-xvi-veka>.

17. Генрих Штаден. Страна и правление москвитов (записки немца-опричника) // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 380–430. URL: <http://wordweb.ru/2008/03/20/strana-i-pravlenie-moskovitov.-zapiski.html>.

References

1. *Pamyatniki prava Moskovskogo gosudarstva. T. III. Pamyatniki prava Moskovskogo gosudarstva. Kn. 1. Pod obshch. red. dokt. yurid. nauk, prof. R.L. Khachaturova* [Monuments of the law of the Moscow state. Vol. III. Monuments of law of the Moscow State. Book 1. R. L. Khachaturov (Ed.)]. Moscow: YurLitinform, 2013, 344 p. [in Russian].

2. Zagoskin N.P. *Ustavnye gramoty XIV–XVI vv., opredelyayushchie poryadok mestnogo pravitel'stvennogo upravleniya. Vyp. 1* [Charters of the XIV–XVI centuries defining an order of local government management. Issue 1]. Kazan, 1875, 226 p. [in Russian].

3. Shumakov S. *Gubnye i zemskie gramoty Moskovskogo gosudarstva* [Local and zemstvo diplomas of the Moscow state]. Moscow, 1895, 256 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book4503/53891> [in Russian].

4. Zimin A.A. *Gubnye gramoty XVI veka iz Muzeinogo sobraniya* [XVI century Labels from the Museum Collection]. In: *Zapiski Otdela rukopisei Gos. biblioteki SSSR im. V. I. Lenina* [Notes of the Department of Manuscripts of the State Library of the USSR named after V. I. Lenin], Issue 18. Moscow, 1956, pp. 210–219. Available at: http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1540-1560/Gubn_gram_muz_sobr/text.php [in Russian].

5. Nosov N. E. *Gubnoi nakaz Novgorodskoi zemle 1559 goda* [Gubnoi order to the Novgorod land dated 1559]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], 1959, no. 4, pp. 212–217. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1540-1560/Gubnoj_nakaz_novgorod1559/text.htm [in Russian].

6. Oспенников Ю. В. *Gubnye gramoty XVI v. kak istochnik penitentsiarnogo prava* [Gubnye gramoty (charters) of the XVI century as the source of penitentiary law]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* [Criminal-Executory System: law, economy, management], 2012, no. 6, pp. 9–12. Available at: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F57048-gubnye-gramoty-istochnik-penitentsiarnogo-prava> [in Russian].

7. *Gubnaya Belozerskaya gramota 1539 g.* [Gubnaya gramota to Belozersk dated 1539]. In: *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii*

Arkheograficheskoi ekspeditsiei Imperatorskoi akademii nauk. T. I [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. I]. Saint Petersburg, 1836, no. 187, pp. 163–165. Available at: <https://www.portal-slovo.ru/history/47541.php> [in Russian].

8. *Gubnaya Kargopol'skaya gramota 1539 g.* [Gubnaya gramota to Kargopol dated 1539]. In: *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei. T. I* [Additions to historical acts collected and published by the Archaeographic Commission. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1846, no. 31, pp. 32–33 [in Russian].

9. Ospennikov Yu. V. *O raznoobrazii form korruptsionnykh pravonarushenii v Moskovskom gosudarstve XVI v.* [On a variety of forms of corruption offenses in Moscow state of the 16th century]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia], 2017, no. 2 (28), pp. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252 [in Russian].

10. *Gubnaya gramota selam i derevnyam Troitskogo Sergieva monastyrya 1541 g.* [Gubnaya gramota to villages of the Trinity Lavra of St. Sergius dated 1541]. In: *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiei imperatorskoi akademii nauk. T. I* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. I]. Saint Petersburg, 1836, no. 194, pp. 170–174 [in Russian].

11. *Sudebnik 1550 g.* [Code of Laws of 1550]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2* [Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 2]. Moscow: Yurid. lit., 1985, pp. 97–129. Available at: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf [in Russian].

12. Ospennikov Yu.V. *Moskovskaya sudebnaya sistema po «Zapiskam» Genrikha Shtadena* [The Moscow judicial system according to Henry Shtaden's «Notes»].

Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: The Theory and Practice], 2010, no. 11 (71), pp. 92–96. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16399644> [in Russian].

13. *Gubnoi nakaz selam Kirillova monastyrya 1549 g.* [Gubnoi nakaz to the villages of the Kirillov Monastery in 1549]. In: *AAE* [Artesian archaeological expedition], Vol. I. Saint Petersburg, 1836, no. 224, pp. 213–216. [in Russian].

14. *Ustavnaya gramota pereyaslavskim rybolovam 1555 g.* [Charter given to Pereyaslav fishermen in 1555]. In: *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiei imperatorskoi akademii nauk. T. I* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. I]. Saint Petersburg, 1836, no. 242, pp. 261–264. Available at: <http://histfishing.ru/biblio/istochniki-i-dokumenty/1555-g-ustavnaya-gramota-pereslavskim-rybolovam.html?galItem=69&galAlbum=2&galTag=> [in Russian].

15. Zagoskin N. P. *Istoriya prava Moskovskogo gosudarstva. T. I* [History of the law of the Moscow state. Vol. I]. Kazan, 1877, 519 p. [in Russian].

16. Nosov N. E. *Ocherki po istorii mestnogo upravleniya Russkogo gosudarstva pervoi poloviny XVI veka* [Essays on the history of local government of the Russian state of the first half of the XVI century]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957, 408 p. Available at: <http://moscowstate.ru/nosov-n-e-ocherki-po-istorii-mestnogo-upravleniya-russkogo-gosudarstva-v-pervoj-polovine-xvi-veka> [in Russian].

17. Heinrich von Staden. *Strana i pravlenie moskovitov (zapiski nemtsa-oprichnika)* [The Land and Government of Muscovy]. In: *Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrantsev* [Russia of the XVI century. The memories of foreigners]. Smolensk: Rusich, 2003, pp. 380–430. Available at: <http://wordweb.ru/2008/03/20/strana-i-pravlenie-moskovitov.-zapiski.html> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-179-185
УДК 343.13

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 28.01.2019
после рецензирования / Revised: 24.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

Р. Н. Кремнев

Академия Управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация;
правовой отдел ГУ МВД РФ по Самарской области,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: poguud63@mvd.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО КОНТРОЛЯ МВД РОССИИ

Аннотация: В статье подвергаются анализу основные исторические этапы развития правотворческой и правоэкспертной деятельности в органах внутренних дел России. Исследуемый период охватывает годы от зарождения полиции принятием Указа Петром I до анализа состояния современного законодательства относительно заявленной темы. Отмечается значительное влияние принятия Конституции Российской Федерации 1993 года на формирование современного состояния правовой работы в органах внутренних дел. В результате применения ретроспективного метода исследования автором формулируется ряд выводов. Отмечается историческая обусловленность существования качественного правового контроля в органах внутренних дел России в различные социально-экономические и политические периоды. Автором был выявлен потенциал к дальнейшему совершенствованию правотворческой деятельности, которое должно учитывать исторические основы осуществления правового контроля в правоприменительной деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: Договорно-правовой департамент МВД России, исторический анализ, органы внутренних дел, полицейское право, правовой контроль, правовая экспертиза, правотворческая деятельность.

Цитирование. Кремнев Р. Н. К вопросу об истории становления правового контроля МВД России // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 179–185. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-179-185>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

R. N. Kremnev

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation;
Legal Department of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Samara Region,
Samara, Russian Federation
E-mail: poguud63@mvd.ru

ON THE ISSUE OF THE HISTORY OF FORMING LEGAL CONTROL OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: The article analyzes the main historical stages of the development of law-making and legal expert activity in the internal affairs bodies of Russia. The study period covers the years from the inception of the police by the adoption of the Decree by Peter I to the analysis of the state of modern legislation regarding the stated topic. The significant influence of the adoption of the Constitution of the Russian Federation of 1993 on the formation of the current state of legal work in the internal affairs bodies is noted. As a result of applying the retrospective research method, the author formulates a number of conclusions. The historical conditionality of the existence of high-quality legal control in the internal affairs bodies of Russia in various socio-economic and political periods is noted. The author identified the potential for further improvement of lawmaking, which should take into account the historical foundations of the implementation of legal control in the enforcement of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Key words: Treaty and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, historical analysis, internal affairs bodies, police law, legal control, legal expertise, law-making activity.

Citation. Kremnev R. N. *K voprosu ob istorii stanovleniya pravovogo kontrolya MVD Rossii* [On the issue of the history of forming legal control of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 179–185. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-179-185> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Роман Николаевич Кремнев – слушатель II курса группы 2ГЗ-2807 Академии Управления МВД России, 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, Российская Федерация; начальник правового отдела ГУ МВД РФ по Самарской области, подполковник внутренней службы, 443068, Российская Федерация, г. Самара, ул. Соколова, 34.

Область научных интересов: административное право, административный процесс.

© Roman N. Kremnev – 2nd year student of group 2GZ-2807 of the Academy of Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Street, 125993, Russian Federation; head of the Legal Department of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Samara Region, lieutenant colonel of internal service, 34, Sokolova Street, Samara, 443068, Russian Federation.

Research interests: administrative law, administrative process.

Изучение прошлого, безусловно, способствует лучшему пониманию и уяснению современных процессов и явлений. Исследование трансформации такого института, как правовой контроль МВД России, позволит установить причинно-следственные связи в процессе исторического изменения и преобразования рассматриваемого явления.

Ретроспективный анализ возникновения, становления и развития правового регулирования деятельности органов внутренних дел (полиции), осуществляемого ими правового контроля и правовой экспертизы проектируемых и разрабатываемых правовых актов и актов управления, безусловно, обуславливает преимущество опыта и практики правовой деятельности в системе МВД России, в том числе по реализации правового контроля [1, с. 279], а также создает условия для изучения перспектив и векторов развития ведомственной юридической службы.

Необходимо отметить, что деятельное и поступательное развитие правовой работы в органах внутренних дел началось только в девяностых годах прошлого века, а точнее, с принятия российского закона о милиции и положения о службе в органах внутренних дел. Не вызывает сомнений, что самым главным импульсом для развития всей системы права в стране и его обеспечения механизма явилось провозглашение 12 декабря 1993 года Конституцией Российской Федерации в России правового демократического государства, высшей ценностью которого являются человек, его права и свободы. Специфика деятельности правоохраны, оберегающей все области функционирования государства, предопределила последующее издание в относительно короткий исторический период колоссального количества федеральных законов и подзаконных актов во всех областях жизнедеятельности, в том числе и в сфере внутренних дел.

История юридической службы навсегда запечатлела начавшиеся тогда глобальные перемены правового регулирования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Было принято около 10 тысяч нормативных правовых актов, сформировавших вместе с международными актами и правовыми актами субъектов Российской Федерации современное законодательство в сфере внутренних дел [2, с. 5]. Правовое обеспечение, включающее ведомственный правовой контроль, было интегрировано в районный уровень МВД России.

Вместе с тем посредством общедоступных и широко известных фактов об основных этапах и вехах работы органов внутренних дел возможно выявить и проанализировать прообраз тех полномочий и компетенций по правовому контролю, которые реализуют правовые подразделения МВД России на современном этапе.

История создания полиции начинает свое летоисчисление с подписания императором Петром I соответствующего Указа от 25 мая 1718 года. Тогда же положено начало правовой работы в органах

полиции. Упомянутым указом предписано проводить правовое информирование среди населения Санкт-Петербурга путем доведения до их сведения норм, установленных самолично Петром I, разъяснять положения, касающиеся функционирования нового специализированного органа – полиции, а также требования по охране общественного порядка, борьбе с преступностью, санитарной и пожарной безопасности. Глава X Регламента дает все основания сделать вывод о начале нормотворческого процесса в органах полиции, регламентации процедуры принятия и вступления в силу нормативных правовых актов полиции.

Исторической и эпохальной вехой в развитии правовой работы в системе полиции в конце XVIII века стало утверждение 8 апреля 1782 года Екатериной II Устава благочиния или Полицейского, который регламентировал структуру полицейских органов, систему и основные направления деятельности полиции. Особая важность и ценность данного документа обусловлена тем фактом, что он положил начало новой отрасли права – полицейскому праву. При этом одним из направлений деятельности являлось обнародование законов, по сути, являющееся правовым информированием и разъяснением норм действующего законодательства. Заслуживает внимания тот факт, что данным Указом исключительное право разъяснения положений законодательства предоставлялось только специально уполномоченному органу, которым на тот момент являлась полиция. Отдельным предметом правового регулирования Полицейского устава стала правовая экспертиза нормативных актов.

8 сентября 1802 года на основании Манифеста Александра I «Об учреждении министерств» вместо существовавших ранее коллегий в России было учреждено 8 министерств, в том числе Министерство внутренних дел.

В 1832 году был систематизирован 15-томный Свод законов Российской империи, объединенный в восемь книг и состоящий из действующих на период его издания законодательных актов, размещенных в тематическом порядке. Принятый в результате длительных попыток по систематизации законодательства Свод законов знаменовал собой новый этап в истории развития отечественного права, обновив множество разбросанных в различных источниках нормативных актов, которые зачастую даже не были известны правоприменителю. В результате было кодифицировано собрание законов, ставшее доступным всем подданным империи и государственным органам. Свод законов впервые систематизировал и сформулировал многие юридические понятия, способствовал формированию и становлению правовой системы России и оказал значительное влияние на формирование и развитие юридической науки и правоведения.

2 января 1868 года Указом Александра II «Об устройстве в некоторых Министерствах юрисконсультской части» в структуре Министерства внутренних дел была создана юрисконсультская часть, предназначением которой стали регулиро-

вание и правовой контроль происходящих в государстве и обществе процессов и событий.

27 ноября 1880 года Указом Александра II «Об учреждении Судебного отдела в составе Министерства внутренних дел» были упразднены юрисконсультские части, и в структуре Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи образовано самостоятельное юридическое подразделение, в полномочия которого входило составление юридических заключений и обеспечение правового консультирования министра, а также разработка ведомственных циркуляров и инструкций.

Дальнейшие структурные преобразования юрисконсультской части, связанные с переподчинением, изменением штатного построения, изменениями компетенции и другие, привели к размытию реализуемых функций – от составления и распространения инструкций и правил для чинов полиции и наблюдения за точным исполнением законов и уставов, а также всех вопросов, касающихся соблюдения порядка в полицейских управлениях, до охраны и возобновления государственных границ и рубежных знаков, предупреждения и пресечения преступлений против веры, наблюдения за питейными и трактирными заведениями.

В 1890-е годы положение правовой службы в МВД продолжало оставаться неопределенным, но расширение сферы правового регулирования в российском обществе и необходимость юридического обеспечения деятельности подведомственных учреждений, организации правового контроля вынуждало руководство ведомства принимать меры к укреплению правовой службы, результатом чего стало создание юрисконсультских частей в отдельных департаментах.

20 июля 1918 года НКВД РСФСР утверждено Положение о Юрисконсультской части Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР, в соответствии с которым образована Юрисконсультская часть НКВД РСФСР. Полномочия данной части заключались в осуществлении юридического контроля за подготовкой документов НКВД РСФСР на предмет их соответствия действующему законодательству и распоряжениям высших органов государственной власти, а также урегулирование межведомственных разногласий. В дальнейшем, в 1919 году, юрисконсультская часть трансформируется в юридический отдел Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР, при этом функционал преобразованного подразделения остается практически идентичным упраздненному.

В 1922 году было образовано консультативное бюро при Коллегии НКВД РСФСР. Данное бюро занималось юридическим контролем за нормативно-правовой деятельностью всех подразделений аппарата НКВД РСФСР, а также консультированием его сотрудников по вопросам законодательства.

19 июля 1946 года приказом № 706 «О создании Юридической части МВД СССР» было утверждено Положение о Юридической части МВД СССР, вследствие чего в составе центрального аппарата

МВД СССР была образована подчинявшаяся непосредственно министру юридическая часть. Также закреплен порядок обязательного согласования с юридической частью проектов основных руководящих документов МВД СССР, представляемых министру или его заместителям, утвержден штат Юридической части.

19 февраля 1957 года приказом министра внутренних дел СССР № 120 утверждено Положение о Юридическом отделе в системе МВД СССР, в соответствии с которым как самостоятельное подразделение создан Юридический отдел МВД СССР. Целью деятельности данного подразделения являлось укрепление социалистической законности и ее строгое соблюдение при выполнении аппаратами МВД СССР своих функций. Для достижения данной цели на Юридический отдел возлагались задачи по правовому контролю, даче правовых заключений по представляемым министру нормативным документам, проектам руководящих документов, составлению заключений по проектам законов, проверке соответствия действующему законодательству проектов приказов и директивных указаний, наблюдение за законностью и другие.

22 июня 1972 года Постановлением Совета Министров СССР № 467 утверждено Общее положение о юридическом отделе (бюро), главном (старшем) юрисконсульте, юрисконсульте министерства, ведомства, исполнительного комитета совета депутатов трудящихся, предприятия, организации, учреждения. Специфичность задач юридического отдела была обусловлена действующим политическим режимом и заключалась в укреплении социалистической законности в деятельности Министерства, активном использовании правовых средств для укрепления хозяйственного расчета и другие. Анализ предусмотренной рассматриваемым Положением сферы деятельности и компетенции юридического отдела позволяет сделать однозначный вывод о большой роли, отводимой для реализации задач такому направлению правовой работы, как правовой контроль [3, с. 56]. Часть седьмая Положения для реализации функции правового контроля предусматривает право разрабатывать и осуществлять мероприятия, направленные на обеспечение неуклонного соблюдения социалистической законности в системе Министерства, обобщать практику применения законодательства в отрасли, по результатам чего разрабатывать предложения по его совершенствованию, проверять соответствие требованиям законодательства представляемых на подпись приказов, инструкций, постановлений, распоряжений, а также участвовать в подготовке проектов законов и подзаконных актов. Частью девятой Положения был предусмотрен функционал юрисконсульта предприятия, организации, учреждения, касающийся правового контроля, который по объему и содержанию не имел принципиальных отличий от полномочий юридического отдела Министерства, но учитывал объем прав юрисконсульта как структурной единицы в иерархии организационного постро-

ения Министерства. Также данным Положением регламентировался алгоритм действий и механизм реализации правового контроля (части 12–16), который предполагал обязательность доклада руководителю соответствующего министерства, ведомства о выявляемых юридическим отделом, юрисконсульту нарушениях законности для принятия необходимых мер к их устранению. Был регламентирован порядок проведения правовой экспертизы, который предполагал в случае несоответствия действующему законодательству представляемых на подпись руководству министерства, ведомства приказов, инструкций и других правовых документов право невизирования проектов данных документов, подготовки соответствующего заключения с предложениями о законном порядке разрешения рассматриваемых вопросов. Важно отметить, что в случае подписания указанных документов руководителем предприятия, организации, учреждения вопреки заключению начальника юридического отдела, юрисконсульта последний сообщал об этом факте вышестоящей организации, что, безусловно, может свидетельствовать о значимости и эффективности правовой экспертизы как средства обеспечения законности.

10 июля 1989 года Приказом МВД СССР № 129 утверждается Положение об отделе правового обеспечения деятельности МВД СССР, в соответствии с которым данный отдел создается в качестве самостоятельного структурного подразделения центрального аппарата МВД СССР, а также утверждаются его штат и структура. Данное Положение к числу основных задач, возлагаемых на правовое подразделение, относит определение фактического состояния и эффективности правового обеспечения функционирования органов внутренних дел; организационное обеспечение участия МВД СССР в законотворческой деятельности; обеспечение разработки правовых актов по основным направлениям деятельности органов внутренних дел; контроль за организацией и методическое обеспечение нормотворческой деятельности в системе органов внутренних дел. Также в качестве новации необходимо указать на такую задачу, как прогнозирование перспективных и определение текущих потребностей органов внутренних дел в нормативном обеспечении, что требовало от правовых подразделений приложения значительных аналитических, организационных, коммуникативных, методических усилий для ее успешной реализации. Рассматривая функционал отдела правового обеспечения, необходимо констатировать, что он включал в себя следующие основные направления (пункт 3 Положения): изучение практики применения законодательства и ведомственных нормативных актов, разработку на его основе предложений по совершенствованию нормативного обеспечения деятельности органов внутренних дел в виде комплексных программ, перспективных и текущих планов; подготовка проектов законодательных, а также подзаконных актов по наиболее существенным аспектам деятельности органов

внутренних дел; обеспечение соответствия представляемых Министерством в инстанции проектов нормативных актов Конституции СССР законам и подзаконным актам; представление интересов МВД СССР в органах государственной власти и управления при рассмотрении правовых вопросов; участие в проверках соблюдения социалистической законности; осуществление методического обеспечения нормотворческой работы в системе органов внутренних дел, выявление, изучение и распространение передового опыта, подготовку обзоров, рекомендаций; рассмотрение проектов планов научно-исследовательских работ НИИ и вузов МВД СССР, подготовку заключений о необходимости и целесообразности разработки конкретных тем; взаимодействие со средствами массовой информации в целях освещения проблем правовой регламентации деятельности органов внутренних дел, пропаганды и разъяснения законодательства, регулирующего вопросы охраны общественного порядка и борьбы с преступностью [4]. Анализируя перечень возложенных на отдел правового обеспечения функций, приходим к выводу, что вопросы осуществления правового контроля в системе ведомства имели важное и приоритетное значение.

9 декабря 1991 года приказом МВД СССР № 412 отдел правового обеспечения был трансформирован в Бюро правового обеспечения МВД СССР (на правах управления), являвшееся самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата МВД СССР. Структурное укрупнение правового подразделения обусловило возрастание координирующей, организующей и методической роли Бюро в правовой работе органов внутренних дел. Обеспечивая преемственность функционала правовых подразделений в системе МВД, основные задачи Бюро были дополнены следующими не имеющими своего закрепления в предыдущих организационно-штатных построениях юридических подразделений вопросами: координация правовой работы в системе союзных и республиканских органов внутренних дел, обеспечение урегулирования разногласий между МВД СССР и МВД республик, систематический анализ социально-политических и правовых процессов в республиках, принимаемых в них законодательных, иных нормативных актов и прогнозирование правовых последствий их реализации, организационное обеспечение юридической защиты прав, чести и достоинства работников МВД СССР, работы по кодификации ведомственных нормативных актов [5].

Современный этап развития юридической службы в системе МВД России характеризуется продолжающейся тенденцией развития правовой работы в сторону повышения ее эффективности и качества. Свидетельством данного вектора развития служат происходящие организационные преобразования и принимаемые концептуальные документы, задающие горизонты и границы фор-

мирования механизма правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел России.

Структурная реорганизация правового подразделения в МВД России, произошедшая в феврале 1992 года, привела к образованию Управления правового обеспечения МВД России, положение о котором было утверждено Приказом МВД России от 9 февраля 1992 г. На данное Управление была возложена функция головной правовой службы в системе МВД России, а также вопросы организации и непосредственного участия в работе по формированию и совершенствованию правовых основ деятельности органов внутренних дел и внутренних войск системы МВД Российской Федерации. В число основных задач Управления входил, в том числе осуществление правового контроля, выражающееся в контроле за соответствием действующему законодательству Российской Федерации и ведомственным актам проектов нормативных документов, представляемых на подпись руководству Министерства, и за состоянием нормотворческой деятельности в системе Министерства [6].

Приказом МВД России от 9 сентября 1998 года № 556 утверждено Положение о Главном управлении правовой работы и внешних связей Министерства внутренних дел Российской Федерации, в соответствии с которым создается одноименное подразделение центрального аппарата МВД России. Вновь образованное подразделение помимо правовой работы вобрало в себя такие направления служебной деятельности, как международное сотрудничество, а также взаимодействие с федеральными органами государственной власти [7].

Указом Президента РФ от 4 июня 2001 года № 644 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» Главное управление правовой работы и внешних связей МВД России было трансформировано в два самостоятельных и независимых подразделения: Главное правовое управление и Управление международного сотрудничества. Приказом МВД России от 23 июля 2001 года № 686 было утверждено Положение о Главном правовом управлении МВД России, выполнявшем функции головного правового подразделения системы Министерства, согласно пункту 11 которого одной из основных задач являлось обеспечение законности в издаваемых МВД России актах управления, что лишнее раз свидетельствует о роли и месте правового контроля в перечне решаемых задач правовой службы.

9 марта 2004 года Указом Президента РФ № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» была начата масштабная государственная реформа, итогом которой явилось отнесение правотворчества к одной из основных функций деятельности МВД России [8]. На федеральные министерства были возложены исключительно функции по выработке государственной политики и нормативного регулирования в соответствующей сфере деятельности. Для обеспечения этих полномочий в центральном

аппарате МВД России были созданы департаменты и управления, а за его пределами – подчиненные им бюро и центры. 10 ноября 2004 года приказами МВД России № 730 и № 731 созданы Центр правовой информации МВД России и Правовой департамент МВД России. На Правовой департамент МВД России возложены функции Министерства по выработке и реализации государственной политики в вопросах совершенствования нормативно-правового регулирования сферы внутренних дел; на Центр правовой информации – информационно-правовое обеспечение подразделений и учреждений системы МВД России, документационное оснащение деятельности правового департамента. 20 ноября 2004 года Приказом МВД России № 755 утверждены положения указанных подразделений. При этом в числе основных задач правового департамента определены обеспечение законности в издаваемых МВД России актах управления, а также обеспечение совершенствования нормативно-правового регулирования сферы внутренних дел.

5 января 2007 года Приказом МВД России № 6 утверждено Наставление по организации правовой работы в системе МВД России, действующее и по настоящее время. Данным наставлением на юрисконсультов территориальных органов внутренних дел возложены обязанности по осуществлению в том числе правового контроля.

Указом Президента РФ от 1 марта 2011 года № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» был образован Договорно-правовой департамент. Приказом МВД России от 21 июля 2011 года № 865 утверждено Положение о Договорно-правовом департаменте МВД России, согласно которому последний определен головным подразделением в области правовой работы в системе МВД России. Именно данной организационной формой представлена в настоящее время юридическая служба Министерства внутренних дел Российской Федерации. Также данным положением обеспечена преемственность одной из основных задач правовой работы в МВД России, связанной с осуществлением правового контроля за соответствием издаваемых МВД России нормативных правовых актов, ненормативных актов управления законодательству Российской Федерации.

9 января 2017 года Приказом МВД России № 1 утверждена Концепция правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2017 по 2021 год, определившая цели, сущность, задачи и принципы правового регулирования и юридического сопровождения [9]. Данной Концепцией определена стратегия трансформации правовой работы из средства обеспечения целей системы МВД России в регулятора ее деятельности на всех уровнях и во всех ее структурных элементах. При этом правовой контроль определен как один из основных элементов юридического сопровождения. В целях обеспече-

ния реализации концептуальных задач правового регулирования деятельности МВД России задекларирован принцип полноты правового контроля и обязательности его результатов, что в очередной раз свидетельствует о значимости и эффективности правового контроля как средства обеспечения и укрепления законности в деятельности органов внутренних дел [10, с. 48].

Резюмируя рассмотрение исторического анализа становления правового контроля в МВД России, необходимо сформулировать следующие основные выводы.

1. Необходимость и насущность осуществления правового контроля над деятельностью органов внутренних дел (полиции) обусловлена исторически сложившимися и сформировавшимися потребностями в качественном правовом регулировании;

2. Жизнеспособность, устойчивость и эффективность реализации правового контроля в системе органов правопорядка (полиции) прошли испытание временем, различными историческими эпохами, апробированы последовательно меняющимися в России социально-экономическими и политическими режимами;

3. Исторически длинный путь становления и развития феномена правового контроля в деятельности органов внутренних дел (полиции) продемонстрировал глубокий потенциал для саморазвития;

4. Преemptивность правил и традиций осуществления правового контроля в правоприменительной деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации является основой и фундаментом для повышения эффективности обеспечения законности;

5. Исторический опыт осуществления в органах внутренних дел (полиции) правового контроля позволит принять необходимые и достаточные меры превентивного и профилактического характера, направленные на предупреждение нарушений законности в правоприменительной и правотворческой деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Библиографический список

1. Случевская Ю. А. Правовой контроль: сущность и особенности в системе управления органами внутренних дел // Общество и право. 2009. № 5. С. 273–283.

2. История создания и развития юридической службы: от Русской правды до современности. Выпуск за первый квартал 2018 года // ИСОД МВД России / СОДПП / Правовые ресурсы / Бюллетень правового информирования. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.12.2019).

3. Чернова Э. Р. Юридическая деятельность в механизме правового регулирования (на примере деятельности органов внутренних дел МВД РФ). Уфа: БашГУ, 2008. 128 с.

4. Положение об отделе правового обеспечения деятельности органов внутренних дел МВД СССР,

утвержденного приказом МВД СССР № 129 от 10.06.1989 (утратил силу) // ИСОД МВД России / СОДПП / Правовые ресурсы / Бюллетень правового информирования. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.12.2019).

5. Положение о бюро правового обеспечения МВД СССР, утвержденного приказом МВД СССР № 412 от 09.12.1991 (утратил силу) // ИСОД МВД России / СОДПП / Правовые ресурсы / Бюллетень правового информирования. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.12.2019).

6. Положение об Управлении правового обеспечения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 09.02.1992 № 27 (утратил силу) // АИПС СТРАС «Юрист».

7. Об утверждении Положения о Главном управлении правовой работы и внешних связей Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 9 сентября 1998 года № 556 (утратил силу) // АИПС СТРАС «Юрист».

8. Санс Н. 60 лет правовой службе МВД России // Юридический мир. 2006. № 8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2019).

9. Максимов А. А. Значение и роль правотворчества и правоприменения в системе органов внутренних дел // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 51–54. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F98165-znachenie-pravotvorchestva-pravoprimeniya-sisteme-organov-vnutrennikh>.

10. Мельников А. В., Васильев Ф. П. Правовое регулирование и совершенствование деятельности территориальных органов МВД России районного уровня // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 1 (29). С. 46–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26337452>.

References

1. Sluchevskaya Yu. A. *Pravovoi kontrol': sushchnost' i osobennosti v sisteme upravleniya organami vnutrennikh del* [Legal control: essence and features in the system of management of internal affairs bodies]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2009, no. 5, pp. 273–283. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17248643> [in Russian].

2. *Istoriya sozdaniya i razvitiya yuridicheskoi sluzhby: ot Russkoi pravdy do sovremennosti. Vypusk za pervyi kvartal 2018 goda* [The history of creation and development of legal service: from Russkaya Pravda to the present. Issue for the first quarter of 2018]. In: *ISOD MVD Rossii / SODPP / Pravovye resursy / Byulleten' pravovogo informirovaniya* [ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia. SODPP. Legal Resources. Legal Information Bulletin]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 07.12.2019) [in Russian].

3. Chernova E. R. *Yuridicheskaya deyatel'nost' v mekhanizme pravovogo regulirovaniya (na primere deyatel'nosti organov vnutrennikh del MVD RF)* [Legal activity in the mechanism of legal regulation (on the example of the activities of the internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)]. Ufa: BashGU, 2008, 128 p. [in Russian].

4. *Polozhenie ob otdele pravovogo obespecheniya deyatel'nosti organov vnutrennikh del MVD SSSR, utverzhennogo prikazom MVD SSSR № 129 ot 10.06.1989*

(*utratil silu*) [Regulation on the Department of Legal Support for the Activities of the Internal Affairs Bodies of the USSR Ministry of Internal Affairs, approved by the Order of the USSR Ministry of Internal Affairs № 129 dated 10.06.1989 (repealed)]. In: *ISOD MVD Rossii / SODPP / Pravovye resursy / Byulleten' pravovogo informirovaniya* [ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia. SODPP. Legal Resources. Legal Information Bulletin]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 07.12.2019) [in Russian].

5. *Polozhenie o byuro pravovogo obespecheniya MVD SSSR, utverzhdennogo prikazom MVD SSSR № 412 ot 09.12.1991 (utratil silu)* [Regulation on the Bureau of Legal Support of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, approved by the order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR № 412 dated 09.12.1991 (repealed)]. In: *ISOD MVD Rossii / SODPP / Pravovye resursy / Byulleten' pravovogo informirovaniya* [ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia. SODPP. Legal Resources. Legal Information Bulletin]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 07.12.2019) [in Russian].

6. *Polozhenie ob Upravlenii pravovogo obespecheniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, utverzhdennogo prikazom MVD Rossii ot 09.02.1992 № 27 (utratil silu)* [Regulation on the Office of Legal Support of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, approved by the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 09.02.1992 № 27 (repealed)]. Retrieved from AIPS STRAS «Lawyer» [in Russian].

7. *Ob utverzhenii Polozheniya o Glavnom upravlenii pravovoi raboty i vneshnikh svyazei Ministerstva*

vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, utverzhdennogo prikazom MVD Rossii ot 09 sentyabrya 1998 goda № 556 (utratil silu) [On approval of the Regulation on the Main Directorate of Legal Work and External Relations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, approved by the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated September 9, 1998 № 556 (repealed)]. Retrieved from AIPS STRAS «Lawyer» [in Russian].

8. Sans N. *60 let pravovoi sluzhbe MVD Rossii* [60 years of legal service of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. In: *Yuridicheskii mir* [Juridical World], 2006, no. 8. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 08.12.2019). [in Russian].

9. Maksimov A. A. *Znachenie i rol' pravotvorchestva i pravoprimeniya v sisteme organov vnutrennikh del* [Significance and role of lawmaking and law enforcement in the system of internal affairs bodies]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 2018, no. 5, pp. 51–54. Available at: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F98165-znachenie-pravotvorchestva-pravoprimeniya-sisteme-organov-vnutrennikh> [in Russian].

10. Melnikov A. V., Vasiliev F. P. *Pravovoe regulirovanie i sovershenstvovanie deyatel'nosti territorial'nykh organov MVD Rossii raionnogo urovnya* [Modern features of the regulation of the activity of territorial units of the Ministry of internal affairs at the district level]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of Management Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia], 2014, no. 1 (29), pp. 46–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26337452> [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-XX-XX
УДК 340.13

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 13.02.2019
после рецензирования / Revised: 24.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

В. В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество, некоммерческая организация, налоговые льготы, публичные социальные услуги, благотворительный фонд, государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. XX–XX. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. V. Ivanov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

ARTICLE TITLES

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaia institutsionalizatsiia grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. XX–XX. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Иванов Виктор Валерьевич** – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Тема кандидатской диссертации: «Структуры гражданского общества ...», тема докторской диссертации: «Структура права...». Автор более 50 научных работ, в т. ч. монографий: «Название» (год), «Название» (год).

Область научных интересов: история теории гражданского общества, современное состояние данной теории, право некоммерческих организаций.

© **Ivanov Viktor Valer'evich** – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of future Candidate's thesis: «Structures of civil society and their regulation: foreign and Russian experience (comparative legal analysis)». Author more 50 works.

Research interests: history of theory of civil society, current state of this theory, right of non-profit organizations.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)

1. Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003. 784 с.
2. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1995. № 5. С. 16–27. DOI: 12123/56/87/99.
3. Вайнштейн Г. И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна: Феникс+, 2001. С. 136–170.
4. Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты // Политология. Лексикон / под. ред. А. И. Соловьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 123–134.
5. Либоракина М. Некоммерческий сектор: международный опыт. URL: <http://www.SocPolitika.ru>.
6. Фурман Ф. Филантропия в Америке. М.: Издательские решения, 2015. 256 с.
7. Berman Lila Corwin. Donor advised funds in historical perspective. URL: <http://www.bc.edu>.

References

1. Cohen J. L., Arato A. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaiia teoriia* [Civil Society and Political Theory]. M.: Ves' mir, 2003, 784 p. [in Russian].
2. Shmitter F. *Razmyshleniia o grazhdanskom obshchestve i konsolidatsii demokratii* [Reflections about civil society and consolidation of democracy]. *Polis* [Polis. Political Studies], 1995, no 5, pp. 16–27 DOI: 12123/56/87/99 [in Russian].
3. Vainshtein G. I. *Zakonomernosti i problemy postkommunisticheskikh transformatsii* [Conformities and problems of post-communist transformations]. In: *Politicheskie instituty na rubezhe tysiacheletii* [Political institutions on the boundary of millenniums]. Dubna: Feniks+, 2001, pp. 136–170 [in Russian].
4. Melvil A. Yu. *Demokraticheskie tranzity* [Democratic transits]. In: *Politologiya. Leksikon. Pod. red. A. I. Solovieva* [Political science. Vocabulary. A. I. Solovyev (Ed.)]. M.: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2007, pp. 123–134 [in Russian].
5. Liborakina M. *Nekommercheskii sektor: mezhdunarodnyi opyt* [Nonprofit sector: international experience]. Available at: <http://www.SocPolitika.ru> [in Russian].
6. Furman F. *Filantropiia v Amerike* [Philanthropy in America]. M.: Izdatel'skie resheniia, 2015, 256 p. [in Russian].
7. Berman Lila Corwin. Donor advised funds in historical perspective. Available at: <http://www.bc.edu> [in English].